

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

КЕИИ

ВЕТЕР НОЧИ

Карл
Эдвард
Вагнер

ЭТОТ ГЕРОЙ
ВАМ ЗАПОМНИТСЯ
НАВСЕГДА

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ВЕТЕР НОЧИ

Карл Эдвард Вагнер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США

В 12

ОТСРОЧКА

Copyright © «Nightwinds» 1978 by Karl Edward Wagner.

Печатается с любезного разрешения издательства
«Warner Books, Inc.»

Вагнер Карл Эдвард

В 12 Ветер ночи: Повести, рассказы / Пер. с англ. —

СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 448 с.

ISBN 5-7684-0115-6

Один из лучших мастеров фэнтези Карл Эдвард Вагнер в книге «Ветер ночи» рассказывает об удивительныхключениях воина-колдуна Кейна. Коварная женщина-сирена, доисторический саблезубый тигр, безымянное чудовище Ха-оса, безжалостные наемники и не знающие пощады завоеватели — никто не может противостоять Кейну Миротворцу.

© 1996, «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0115-6

Пролог

Со скалистого обрыва взирает на безмолвную, разоренную долину павшая крепость. В мрачном величии возвышается она над проклятой землей. Линортис — цитадель, стен которой не смогла одолеть ни одна армия, несломленная повелительница бескрайних дремучих лесов, распростершихся у ее ног.

Линортис, твои глаза ослепли, а плодородная долина, которой ты владела, превратилась в могилу для двухсот тысяч душ. В выжженном небе твоём не видно даже стервятников; шакалы давно оставили в покое груды белеющих костей. Ты стала обелиском для десятков тысяч своих защитников и для десятков тысяч солдат-завоевателей. Когда убийца проливает кровь убийцы, оба становятся равны перед лицом Смерти...

Армии двух народов погибли здесь. И хотя одна и считалась победительницей, спросите у мертвых, кто выиграл войну...

Глава первая

ОХОТА НА ПОЛЕ БРАНИ

Девушка тяжело дышала и все чаще спотыкалась на бегу. Несколько часов назад она бежала мягче и уверенней — как олень. Но хоть олень и быстرونог,

гончие псы терпеливы. С полудня гнали они свою жертву через безумный кошмар выжженных лесов. Загорелые ноги девушки были в ссадинах и синяках, а босые ступни оставляли кровавые следы на узловатых корнях, когда, выбиваясь из сил, пробегала она под мертвыми колючими ветвями. Листья и мох запутались в длинных каштановых волосах беглянки. Изодранное короткое платье грязными лохмотьями свисало со стройного тела. Девушка слышала лишь собственное прерывистое дыхание — единственный звук, который вырывался из ее груди.

— Тут ее нет! — донесся хриплый крик справа. Девушка прикинула — до преследователей было метров сто.

— Здесь ее тоже нет! — ответный крик слева раздался намного ближе.

Эхо вторило топоту копыт и звону упряжи.

Девушка подбежала к обломкам гигантской катапульты. Куст дикой розы разросся вокруг прогнившей балки противовеса. Не обращая внимания на шипы, беглянка вжалась в обугленный остов огромной машины. Измазанное сажей и плесенью, загорелое тело девушки и ее одежда из плотной коричневой ткани слились с истлевшей древесиной. На исхудалом лице глаза казались огромными. Девушка замерла, лишь вздымалась грудь и беспокойно трепетали веки...

Сначала на нее спустились гончих псов. Они почти настигли ее, но, чуть дыша, девушка скользнула в засыпанный обломками туннель, и, когда лающая свора вбежала туда следом за ней, прогнившие опоры не выдержали. Теперь лишь человеческие глаза искали следы беглянки — это давало ей хоть жалкое, но преимущество...

Неожиданно девушка заметила, что на нее уставился поросший мхом череп; остальные кости бы-

ли придавлены воротом катапульты. Два скелета в истлевших кольчугах торчали из окопа, опутанные побегами дикой розы. У ног ее валялся уже заржавевший кинжал; заплесневелая рукоять меча выглядывала из-под остова машины. Ржавое оружие не радовало ее, как и не пугали истлевшие кости. Ужас вселяли лишь обезумевшие люди, которые гнались за ней.

— Эгей! Тут свежая кровь! — раздалось у нее за спиной, и очень близко. Видно, девушка не сумела скрыть свои следы. Да и укрытие ее было не слишком надежным.

Ни на что не надеясь, она метнулась прочь, продираясь сквозь колючие кусты. Возбужденные крики звучали совсем близко — через несколько секунд преследователи доберутся до катапульты. Буйные заросли и вырванные с корнем деревья казались слабым прикрытием.

— О-о! Вот она!

Несмотря на боль в ногах, ужас заставил ее сделать еще один рывок. Она сломя голову неслась по полю битвы, отшумевшей тридцать лет тому назад. Каждый вдох ее напоминал агонию.

Преследователи наступали ей на пятки, хоть и пробирались через изувеченный войной лес слишком шумно, чтобы услышать ее шаги. Их козырем были кони.

Девушка ударилась о раздавленный арбалет, споткнулась на груде ржавых стрел с железными наконечниками. Рядом, в нескольких шагах от нее, оказался поросший травой окоп. Этого участка поля битвы она совсем не знала и потому не решилась укрыться здесь, опасаясь попасть в ловушку.

С трудом перепрыгнула она через окоп, наполненный пожелтевшими костями. Еще чуть-чуть...

Перетерпеть боль... И она доберется вон до той заросшей ложбины. Быстрее соскользнуть змеей вниз по склону, туда, где кости уложены в распаханной земле, как плиты — в мостовой...

Наверняка преследователи задержатся у окопа, проверяя, не спряталась ли там их жертва.

Чуть поодаль, за каменистой пустошью, застыли нагромождения сломанных деревьев. Можно укрыться там, если успеть туда добежать. Низко нагнувшись, девушка бросилась в сторону пустоши.

— Йо-хо-хо!

Она поскользнулась на скользком гравии. Полдюжины всадников выбрались из-за поваленных деревьев. Ее окружили.

— Ха, вот она!

К девушке скакали со всех сторон. Она мгновенно повернула назад, однако путь к бегству был закрыт — всадники вылетели из окопа, который она только что перепрыгнула. Беззащитная, замерла она на краю пустоши. Девушка оглянулась: да, она попала в ловушку.

Страх исказил ее лицо. Преследователи гоготали, приближаясь. Это была банда лесных головорезов, которые не станут торопиться и не подарят ей скорой смерти. Их экипировка была такой же разношерстной, как и они сами.

Съезжались они не спеша, дразня свою добычу: давай, мол, прорвись, попробуй!

Девушка выкрикнула в адрес бандитов проклятие и, съжившись, стала отступать; несколько громил тут же повернули назад, другие, за ее спиной, подъехали ближе. Они играли в кошки-мышки с добычей, стоившей им таких усилий.

Тучный всадник, выехавший вперед, свернул в сторону. Его звали Понурый. Он был главарем бандитов и хотел, чтобы его люди загнали жертву

прямо ему в руки. На толстых губах разбойника играла торжествующая усмешка.

И тут конь Понурого споткнулся. Копыта его со зловещим треском пробили каменную корку.

Человек душераздирающе закричал. Из открывшейся в земле бреши взрыв выбросил вверх черное клубящееся облако, и оно поплыло над пустошью.

Конь Понурого повалился на землю, сбросив седока и сломав себе шею. Девушка видела, как у разбойника с лица, чернея и пузырясь, стала слезать кожа. Главарь бандитов вопил еще с минуту, а облако уже колыхалось над его товарищами.

Те, кто мог, в панике бросились наутек. Черный газ пронесся над ними, как туча из преисподней. Проплывая над пустошью, он коснулся дыханием смерти всех, кто оказался поблизости.

Девушка заметила, что ветер дует в сторону окопа. Все, кто был с Понурым, уже корчились, дико вопя, на усеянном костями шлаке. А те, что гнались за ней, пытались удрать, обогнав облако, от ужаса забыв о своей добыче.

Каким-то чудом девушка нашла силы для последнего рывка. Невзирая на риск, она побежала вдоль кромки приближающегося облака и вскоре оказалась вдали от постепенно тающих в воздухе черных полос. Двигаясь против ветра, она быстро добралась до леса. Смертоносный газ скоро рассеется, но пока уцелевшие бандиты снова соберутся, уже стемнеет. Если, конечно, они захотят продолжить игру...

Едва переставляя ноги, девушка доковыляла до деревьев, чьи ветви переплелись самым причудливым образом, — и попала прямо в объятия мужчины, который наблюдал за происходящим, спрятавшись в тени.

Девушка хотела закричать, но широкая ладонь зажала ей рот. Другая обхватила запястья. Девуш-

ка отчаянно боролась, но незнакомец держал ее крепко, хоть и без усилий.

— Тихо! — его голос загremел прямо у нее над ухом. — Я не причиню тебе вреда.

Она задрожала и бессильно обвисла в его руках. Сердце бешено колотилось у нее в груди, но все попытки вырваться были безуспешны. Незнакомец снял руку с ее губ, однако запястий не выпустил.

— Не бойся, я не с ними, — сказал он. — Отдохнем немного. Пусть те, кто уцелел, отъедут подальше. Думаю, они слишком напуганы, чтобы что-то предпринять.

И еще он спросил:

— Как тебя зовут?

— Сеси, — помедлив, неохотно отозвалась его пленница.

Она изогнулась, чтобы получше разглядеть мужчину, который ее держал.

Неудивительно, что она не заметила его, когда пробегала мимо: она могла принять его за одно из этих кривых деревьев, только ожившее. Ростом хоть и ненамного выше обычного высокого мужчины, сложением незнакомец напоминал вековой дуб. Грудь и торс, широкие и крепкие, как могучий ствол, ноги, как колонны, массивные руки и плечи с узловатыми мышцами... Все в нем дышало силой, против которой ничто не могло устоять. Рука с длинными пальцами, крепко сжимавшая ее кисти, была крупной, мускулистой и поросла жесткими рыжими волосами. Незнакомец был одет в наполовину зашнурованную суконную куртку, подбитую волчьим мехом, из-под которой выглядывал край легкой кольчуги. Тесные кожаные брюки были заправлены в высокие сапоги. У пояса незнакомца висел тяжелый нож, а из-за правого плеча выглядыва-

ла искусно выкованная рукоять широкого меча. Сеси никогда не видела, чтобы кто-то носил меч за спиной, и поэтому сочла незнакомца чужестранцем.

Короткая рыжая борода окаймляла грубо вытесанное лицо незнакомца. Крутой лоб, длинные, до плеч, рыжие волосы, перехваченные кожаным обручем с блестящими осколками опалов. Глаза... Сеси вздрогнула. Холодные, голубые глаза убийцы... глаза, которые видели смерть многих людей... Сама Госпожа Смерть смотрела из их ледяной глубины.

— Меня зовут Кейн.

Сеси отвела взгляд, на мгновение подумав, а не лучше ли ей было попасть в руки бандитов. Когда Кейн разжал пальцы, она отодвинулась от него. Ее широко раскрытые глаза напряженно следили за ним. Одновременно она попыталась соединить края платья, разорванного вдоль бедра.

— Кто это был? — небрежно поинтересовался Кейн.

— Бандиты. Кладбищенские гиены. Из тех, что нападают на путников в горах. Иногда они пробираются на поле битвы — грабят трупы. Масал распорядился, чтобы все здесь оставалось как есть — превратилось в памятник в честь его победы. Но никто не следит за полем, и кладбищенские гиены приползают сюда тайком, чтобы унести что только можно — железо, золото...

— Я вижу здесь только кости.

— Здесь и есть только кости.

— Зачем они гнались за тобой?

Сеси связала разорванные лоскуты над округлым бедром.

— Не догадываешься?

Кейн оглядел ее и с каменным лицом пожал плечами. Сеси не могла догадаться, о чем он думает.

— Очень уж они старались.

— Ты что, следил? — она причесала пальцами растрепанные волосы.

— Мне было любопытно, с какой целью шайка разбойников так упорно прочесывает лес.

— А ты-то зачем здесь? Никому нельзя находиться на этой земле.

— Ты здесь живешь? — спросил Кейн вместо того, чтобы ответить.

— Нас здесь несколько, — в голосе девушки слышались нотки замешательства.

— Ну, тогда я отведу тебя домой.

— Я могу сама найти дорогу.

Кейн покачал головой.

— Уже темнеет, а эта земля коварна. Здесь полно ям и неразорвавшихся снарядов и бомб, в чем только что убедились твои преследователи. Мой конь здесь рядом.

Она устало пожала плечами и направилась за чужаком. Доверять человеку с такими глазами казалось небезопасно, но выбора у нее не было.

Глава вторая

КЛЮЧ

Почерневшие от огня каменные стены без крыш поднимались к темнеющему небу. Неровные отверстия в них были следами от ядер — огромные метательные машины бросали их сверху из крепости. Одно крыло дома лежало в развалинах, развороченное и поросшее травой. От центральной части дома остались только голые стены. В гаснущем свете дня чудом уцелевший витраж-розетка пылал красным, золотым и синим.

В лесистой долине у подножия Линортиса когда-то было полным-полно процветающих усадеб

вроде этой. Два года неописуемого ада разорили и страну, и ее народ — словно табун взбесившихся коней вихрем промчался, сминая кукольные домики. Удивительно, что стены этого дома еще как-то уцелели...

В дальнем крыле — когда-то здесь располагались кухня и комнаты для прислуги — из разбитой трубы поднимался дым. Желтый свет пробивался сквозь щели в досках, которыми были забиты окна. Потрескавшуюся крышу, видно, не раз уже чинили.

Когда подъехал Кейн, зарычала тощая дворняга.

— Пусти меня. Они захотят узнать...

Сеси соскользнула с седла и побрела к низкому каменному дому.

Кейн, оставшийся в седле, почувствовал на себе чей-то взгляд — за ним наблюдали из дома. Пальцы Кейна незаметно отстегнули пряжку ножен у левого бедра. Теперь достаточно было дернуть за рукоять — и ножны, висящие на плече, моментально освободили бы клинок.

— Граналь! — Девушка толкнула двери. — Все в порядке. Впусти меня.

Пес... он рычал не угрожающе, а испуганно. Кейн понял это в тот миг, когда двери с треском распахнулись.

Крик девушки и звон меча, извлеченного Кейном из ножен, прозвучали одновременно. Наездник прищепил коня, направив его к дверям, но чьи-то сильные руки уже втянули Сеси внутрь.

Двери оказались слишком низкими, иначе Кейн ворвался бы в дом. Имея достаточный простор для маневра, всадник легко разогнал бы всех врагов. Вынужденный спешиться, Кейн вглядывался в полумрак, царящий внутри, не выпуская из рук поводий. В помещении с закопченным потолком копо-

шилось несколько темных фигур. Кейн направился к дверям, но рослый человек преградил ему путь.

— Кейн! Стой! — воскликнул мужчина. — Нам не стоит сражаться!

Кейн замер. Стоявший на пороге человек отступил назад. Это был светловолосый, крепко сложенный мужчина в посеребренной кольчуге.

— Кейн! Клянусь Семью Богами! Я понял, что это ты, когда увидел, как кто-то подъехал.

— Здравствуй, Джересен.

Морщины прорезали высокий лоб, через щеку протянулся длинный шрам, которого не было пятнадцать лет назад, и все же это был тот самый человек, которого когда-то Кейн хорошо знал. Некогда внушительных размеров живот явно опал. Круги под глазами свидетельствовали о том, что капитану наемников неплохо жилось, прежде чем тяжелые времена оставили на нем свой след.

Высокий русобородый мужчина усмехнулся и спрятал меч.

— Немало воды утекло с тех пор, как мы с тобой водворили Родерика на трон его брата.

Кейн кивнул, небрежно опустив меч.

— Это была славная битва, Джересен. Что же произошло с тех пор, как мне пришлось уйти?

Джересен рассмеялся.

— Когда Родерик успокоился после твоего исчезновения, я получил твою должность. Время от времени у кого-то возникали сомнения относительно права Родерика на трон — и тогда он вспоминал, что нуждается во мне и моих людях. Но пару лет назад Родерик отведал папшета из почек с какими-то не предусмотренными рецептом приправами. Что тут началось! Когда мы в конце концов выбрались оттуда, нас осталось совсем немного... С тех пор занимаемся чем придется. Ну а ты?

— Бродяжничаю.

Джересен с подозрением поглядел на него.

— Чем ты занимаешься?

— Разъезжаю туда-сюда. Если не боишься встретить бандитов, то любопытно иногда проехаться через Линортис.

— Что правда, то правда, — засмеялся Джересен. — А как ты нашел девушку?

— Подобрал ее на поле битвы. Она убегала от своры бандитов, пока конь их главаря не налетел на неразорвавшуюся газовую бомбу. Я привез девушку сюда в надежде получить бесплатный ночлег.

Джересен со злостью выругался.

— Это был мерзавец Понурий. Значит, этого гнусного болвана извела старая линортианская газовая бомба? Жаль, что я не видел! Ублюдок пытался увести у меня ключ от сокровищницы.

— Ключ от сокровищницы?

— Да-да... тот, что ты прижимал к себе в седле. Входи же, черт возьми, пропустим по стаканчику, и я тебе все расскажу. У нас будет достаточно золота, чтобы поделиться со старым товарищем.

Кейн спрятал меч в ножны и вошел за Джересеном в неразрушенное крыло. Внутри находилось с десятков вооруженных мужчин — светловолосых вальданских наемников, солдат Джересена. Кейн знал некоторых в лицо. Он догадывался, что поблизости должны прятаться и другие, хотя, может, эта жалкая горстка — все, что осталось от славного некогда отряда... отряда Джересена — наемников, которые когда-то пошли за Кейном на север, зарабатывая мечами себе на жизнь.

Сеси с несчастным видом сжалась в кресле. Руки у нее были связаны за спиной. Ее глаза с отчаянием и надеждой смотрели на Кейна. Каменный пол был забрызган кровью, а двое стариков,

забившихся в угол кухни, не слишком-то торопились помочь девушке. Не мог этого сделать и грузный мужчина, лежавший посреди комнаты в багровой луже. Кейн отвернулся и сел у длинного стола.

— Граналь, вина! — рывкнул Джересен на пожилого мужчину, утирающего разбитые губы. — Принеси вина, а потом прикажи жене пожарить мяса. И сделай все как следует, иначе сам знаешь, что тебя ждет. Ладдос, сходи с ним.

Джересен уселся напротив Кейна.

— Дом разрушен, однако в подвале есть еще бутылки с хорошим вином; они не разбились во время осады, представляешь?.. Так говоришь, просто проезжал мимо? Интересное стечение обстоятельств...

Кейн решил перейти к сути дела.

— Ты что-то говорил о сокровищнице.

Капитан-вальданец хмыкнул.

— Серебро, золото, драгоценности — столько, сколько сумеем унести. Если будем действовать быстро.

— Как быстро?

— Лучше, чтобы до рассвета нас здесь уже не было.

— Но здесь же ничего нет, кроме костей двух армий.

— Есть кое-что — если знаешь, где искать, — заверил его Джересен. — Почти тридцать лет прошло с тех пор, как пала Линортис, но то, что мы ищем, не гниет.

Старик вернулся с запylенными бутылками. Джересен удовлетворенно наблюдал, как тот наполняет кубки. Ему не терпелось все рассказать Кейну.

— Черт возьми, Кейн, ты ведь знаешь эту историю не хуже меня. Как Масал из Весретина со-

брал армию в горах Мицея и отправился с сотней тысяч воинов объединять в империю земли Северной Латроксии. Камнем преткновения стала Линортис — город-цитадель, которую невозможно было покорить — так считалось. Твердыня, воздвигнутая на вершине горы. Ее правители повелевали огромной долиной и веками считали обитателей равнин Латроксии своими вассалами. Масал знал: он должен покорить Линортис. Сначала он опустошил маленькие города и деревни у подножия крепости, потом начал осаду. Сто тысяч человек против одной-единственной крепости... Это была не битва, а нескончаемая бойня! Непроступные стены на вершине скал... О боги! Сколько тысяч воинов сгинуло в бессмысленных атаках! Два года Масал осаждал Линортис. Два года его исполинские метательные машины забрасывали крепость камнями, копьями и горячей смолой. Жители Линортис, не сдаваясь, отвечали огнем. Смерть лилась дождем стеклянных снарядов с горящим фосфором и смертоносными газами, тайну которых маги Линортис добыли из недр земли. Всевозможные бедствия, эпидемии, голод уносили все новые и новые тысячи воинов. Армия завоевателей таяла на глазах, цветущая страна становилась пустыней, а Линортис все сопротивлялась. Масал, который не проиграл ни одного сражения, не смог поставить крепость на колени ни силой оружия, ни голодом: в город каким-то чудом поступало продовольствие... В конце концов Масал все-таки покорил Линортис — благодаря предательству. Внутри скалистого пика существовали тайные ходы, ведущие в долину. Через два года осады кто-то показал Масалу дорогу внутри горы и в безлунную ночь провел захватчиков в город... Заключительная битва была жестокой, хотя крепость оказалась за-

стигнутой врасплох, а два года осады ослабили защитников. К рассвету Масал стал повелителем города мертвых. Равнина у подножия крепости была усыпана разбившимися телами тех, кто избежал клинков его солдат... Масал предал Линортис огню, хвастаясь тем, что никого не пощадил. Но его мечты об империи умерли вместе с городом. Из армии победоносных завоевателей уцелело едва ли тысяч двадцать. Масал вернулся в Весретин; все, что осталось от его замысла, — земля, высохшая добела, выжата во имя войны до последней капли крови.

Джересен сделал паузу, чтобы глотнуть вина. Кейн ждал, надеясь услышать что-нибудь сверх того, что всем известно.

— Среди прочих трофеев Масал захватил оставшуюся в живых Реалис — юную дочь Йосахора, последнего правителя Линортис. Иметь при себе в качестве наложницы дочь врага — это доставляло ему своеобразную горькую радость. Когда его охватывало отчаяние, он нередко жестоко забавлялся с Реалис, пока не оказалось, что та должна родить ему ублюдка. Говорят, Масал хотел ее убить, но девушка исчезла. «Она сбежала!» — орал Масал... Реалис и в самом деле каким-то чудом сбежала. Как? Помогал ли ей кто-то уцелевший из Линортис? Или это был враг Масала, который хотел использовать незаконнорожденного как орудие мести? Кто знает... О Реалис больше никто ничего не слышал... И вот сейчас, через двадцать лет, до Масала донеслась весть о том, что Реалис, сбежав, укрылась среди немногочисленных беженцев, живущих в руинах на поле битвы, и родила дочку. Тайну эту выдал один бродяга. Ему приглянулась девчонка, но он не мог к ней подобраться — она все время находилась возле Реалис, умирающей в

горячке. Как-то ночью он подкрался достаточно близко, чтобы подслушать, как мать на смертном одре рассказывала дочери о таинственной комнате, спрятанной где-то в скале под Линортис, комнате, полной драгоценностей и золота. Бродяга не смог подобраться поближе, чтобы услышать, где спрятаны сокровища, но дочь находилась возле матери до конца и слышала все. На следующий день бродяга попытался выкрасть девушку, но его схватили и избили так, что он едва не умер. Однако он сбежал и, едва держась на ногах, пришел к Масалу — сообщить ему о дочери. Он-то воображал, что ему перепадет какая-нибудь кость, когда тиран завладеет богатствами. Вместо этого Масал вынул из него всю душу, чтобы удостовериться, что это не ловушка. На дыбе паршивец горланил много и громко. На свете мало людей, которых убедить так же трудно, как Масала.

Джересен опорожнил свой кубок одним глотком и закончил.

— Я узнал обо всем этом от Бонаэка. Его нанял Масал, но тот, узнав о сокровищах, прибежал за помощью к своему старому капитану. Мы хотели опередить Масала, а тут одна сволочь из моего отряда за толику золота продалась Понурому. Парни Понурого прибыли сюда раньше нас, а теперь Масал наступает нам на пятки.

Все взгляды обратились к Сеси. Она молчала, без всякой надежды уставившись в пол.

— Осталось только заставить ее заговорить, — засмеялся Джересен. — Загребем золота, сколько сможем унести... и нету нас. Ты получишь равную с нами долю, Кейн. Я делаю это не из-за сентиментальных воспоминаний о прошлом. Может, нам придется сразиться с Масалом, а я-то знаю, чего ты стоишь в бою. Согласен?

— Конечно, — ответил Кейн, осушив свой кубок.

Джересен крикнул и похлопал Кейна по широкому плечу.

— Ну хватит. Пора в путь. — Скорчив волчью гримасу, он повернулся к связанной девушке: — Видишь, Сеси, мы все знаем, так что лучше тебе заговорить сразу, и тогда я заберу тебя туда, где до тебя не дотянутся лапы Масала. Мы осыпем тебя золотом... Собственно говоря, у тебя нет выбора.

Девушка почти неслышно пробормотала:

— Вряд ли есть смысл говорить тебе, что я не знаю, о чем идет речь.

Джересен наградил ее пощечиной. Голова Сеси откинулась назад, из носа потекла кровь. В глазах наемников, уставившихся на нее со всех сторон, не было и тени сочувствия.

— Ладно, — согласилась Сеси дрожащим голосом. — Но я не могу описать это место. Дайте мне коня, и я провожу вас.

— Мудрое решение, — одобрил Джересен. — Бонаэк, затяни петлю ей на шее. Я надеюсь, Сеси, ты не рассчитываешь на то, что тебе удастся удрать в темноте? Нам на самом деле нельзя терять времени.

Джересен смотрел, как Бонаэк ставит девушку на ноги и завязывает веревку вокруг ее шеи. Коренастый наемник отмерил около метра и привязал свободный конец веревки к своему широкому запястью.

— При первом же подозрительном движении я велю Бонаэку отрезать тебе уши. Бонаэк отлично развлечется. Я тоже. Так что постарайся вести себя так, чтобы мы добирались до золота не слишком долго...

Глава третья

КОГДА НАСТУПАЕТ НОЧЬ

Вальданцев оказалось много больше. Три десятка всадников расположились неподалеку от разрушенной усадьбы. Джересен не ожидал сопротивления со стороны немногочисленных беженцев, которые здесь жили, и не захотел брать слишком большой отряд, чтобы не спугнуть Сеси.

Девушку посадили в седло. Наемники приготовились следовать за ней. На мертвый лес быстро надвигались сумерки. «Ночь будет безлунной», — заметил про себя Кейн.

— Не понимаю, как Масал мог пропустить команду, полную золота, — удивился Кейн.

Капитан вальданцев остановился, чтобы отдать приказ. И только после этого, догнав Кейна, ответил:

— Сокровищница спрятана в гrotах под Линортис. Мало кто был посвящен в эту тайну, а Масал не брал пленных. Эти сокровища Йосахора собрал, чтобы набрать армию, которая прорвала бы окружение. Некоторым ведь было безразлично, продолжил бы Масал крестовый поход, пытаясь создать империю, или нет. С помощью золота можно было убедить соседние королевства напасть на Масала. Йосахора собирался отослать часть золота тайными ходами через доверенных людей. Но Линортис пала прежде, чем его планы воплотились в жизнь, и единственной, кто знал о сокровищах, была Реалис. У нас нет желания делиться этой тайной с Масалом...

Кейн кивнул.

— Звучит правдоподобно. А ты уверен, что Сеси знает тайну?

— Для нее лучше, если знает... Мне необходимо заполучить это золото, Кейн. Такое впечатление,

что тебя годы не трогают; а мне уже скоро пятьдесят. При нашем ремесле долгая жизнь — редкость, а я взамен за жизнь на грани смерти не получил ровным счетом ничего. Золота у меня меньше, чем спускает за ночь на уличных девок какой-нибудь жалкий купчишка...

Наемник замолчал, внимательно вглядываясь в темноту.

— Может, лучше зажечь факелы? Смеркается, а на этой проклятой свалке нет ни одной нормальной тропинки.

Густые тени ложились на кошмарный лабиринт из упавших деревьев, гниющих осадных механизмов, заросших травой насыпей. Всадники увидели огромную баллисту — ее гигантские балки обуглились и отвердели, словно фосфорная бомба, которая сожгла машину и обслуживающих ее людей, взорвалась всего несколько часов назад. Обугленные скелеты застыли и так и стояли статуями у ее сломанного остова. «Опали человека достаточно горячим пламенем, — подумал Кейн, — и его кости сохранятся навечно».

Высоко над ними застыла Линортис — развалины крепости на острие скальной иглы высотой в тысячу футов. Кейн с трудом смог различить выбитую в скале узкую тропу, спиралью избегающую на вершину, при одном взгляде на которую кружилась голова. Камни, сброшенные с этой вершины, выдолбили в земле кратеры глубиной в рост человека.

Люди осторожно обогнули яму с остатками баллисты. Окопы и кратеры изрыли все вокруг, а там, где землю не оголил какой-нибудь все еще действующий яд, пройти было невозможно из-за растительности, буйно разросшейся за три десятилетия.

— Ты не знаешь лучшего пути? — спросил Джересен свою пленницу.

Сеси помотала головой.

— Это и есть дорога. Не забывай, сколько лет никто не ходил полем битвы...

— Ну, кое-кто здесь, положим, бродил, — заметил Джересен. — Какие-то тропинки тут все же есть.

Конь Сеси заржал и повалился на бок. Его копыта соскользнули по стенке незаметного окопа. Сеси едва не вывалилась из седла. Ее шею сжал затянувшийся шнур, а конь стал съезжать вниз ко дну окопа.

Меч Кейна разрубил душившую девушку веревку в тот момент, когда та натянулась. Веревка с треском лопнула, прежде чем петля сломала шею пленнице. Сеси покатилась по траве. Сверкнули ее ноги — она скользнула в окоп и исчезла.

— Взять ее! — заорал Джересен.

Бонаэк соскочил с седла и нырнул в окоп следом за девушкой. На дне, перевернувшись на спину, лежал конь. Его копыта слегка подергивались. Коренастый вальдонец обошел его и полез туда, где в сгущающихся сумерках мелькнули длинные ноги девушки. Сзади, не зная, что произошло, в растерянности топтались все остальные.

Джересен закричал, приказывая окружить окоп. Кони то и дело спотыкались и падали. Наемники, ругаясь на чем свет стоит, заставляли их продираться через темные заросли.

— Если девушка ускользнет в потемках... — в ярости заревел Джересен.

— Она не может далеко убежать со связанными руками, — заметил Кейн. — А со сломанной шеей она ничего не смогла бы рассказать.

— Черт возьми, ты сделал единственную вещь... — начал было Джересен.

Эхо принесло ужасный крик со дна окопа. Кричал Бонаэк. И крикнул он всего один раз.

Кто-то наконец зажег факел. Мужчины прыгнули в окоп и начали пробираться в глубь зарослей. Скоро они вернулись, таща Бонаэку за ноги. Головы наемника они не нашли. Не нашли они и Сеси.

— Здесь туннель! — воскликнул кто-то, когда мечи наемников наконец прорубились через стену густой зелени. — Звериная тропа ведет к старому туннелю.

— Ну так идите по следу! — гаркнул Джересен и выругался, видя, как неповоротливо выполняют его приказы.

Нигде возле окопа всадники не нашли следов девушки.

— Она знала, что тут есть туннель, — решил Кейн. — Направила коня к окопу... и рискнула... Армия Масала провела здесь два года, роя туннели и окопы для защиты от ответных бомбардировок. Если Сеси знает поле битвы, возможно, сейчас она ползет к какому-нибудь потайному месту, где мы никогда ее не разыщем.

— И нашла ведь где-то старый клинок, — хмуро произнес Джересен. — Освободила руки и отрезала голову старому Бонаэку, когда он полез за ней.

— Это было очень тупое лезвие, — заметил Кейн. — Судя по культе шеи, я бы сказал, что голову откусили.

Глава четвертая

НА СТОРОНЕ КЕЙНА

— Не хотел бы я сегодня ночью оказаться снаружи даже за гору золота высотой с Линортис, — пробормотал Граналь, протягивая Кейну миску с мясом. — Слишком много людей погибло на поле битвы.

— Да? — произнес Кейн, отводя его руку с аппетитно дымящимся блюдом.

Добрый час наемники обшаривали окрестности там, где исчезла Сеси, и Кейн решил, что девушка ускользнула от них — во всяком случае до рассвета. Оставив Джересена и дальше заниматься бесплодными поисками, он вернулся в разрушенную усадьбу к отложенному ужину. Если Джересен хочет, чтобы его люди рисковали сломать шею во время бессмысленных поисков, — что ж, это дело вальданцев и их командира.

— Да, много людей сгинуло, — повторил Граналь. — Слишком много, чтобы мертвецам оставаться мертвецами в такие ночи, как эта. Раз я видел, как что-то двигалось по полю битвы в лунном свете, и с тех пор сижу при запертых дверях.

— Ты, дед, наложил в штаны со страху, — пробурчал Ладдос, оставленный сторожить усадьбу и ее обитателей. — Мертвые остаются мертвыми, разве что колдовские чары действуют. Ничего здесь нет, кроме костей...

Он засунул грязную руку в миску. Старик беззлобно посмотрел на наемника. И он, и его жена не выказали никаких эмоций и после первоначального испуга с покорным молчанием исполняли все прихоти вальданцев.

— Возможно, ты видел много смертей, — продолжал старик, — но ты никогда не видел подобной битвы. Не было битвы, равной осаде Линортис! Здесь гибли тысячами. Эти самоубийственные атаки! Дорога к воротам была усыпана раздавленными телами. Горы трупов высотой в двадцать рядов. Потом месяцы осады: камни и стрелы, днем и ночью сыпавшиеся вниз, пробитые и раздавленные тела; стеклянные бомбы с фосфором и другими газами, взрывающиеся в окопах... Умирали тогда

сотнями — сожженные до костей, выхаркивающие из себя внутренности от боли. Там, куда попали фосфорные бомбы, и сейчас можно увидеть целые полосы земли, которые светятся, словно призраки...

— Я участвовал в осадах, — буркнул Ладдос.

— Не в таких. Такой осады не бывало никогда. Масал был полон решимости покорить Линортис. Он приводил сюда все новых и новых солдат — быстро приводил, и так же быстро они умирали. Он прибыл сюда с сотней тысяч и, пока шла осада, привел еще столько же, по меньшей мере. Никто точно не знает, сколько именно. Когда горы погибших высотой сравнялись с Линортис, начались эпидемии. Такое количество трупов не могли похоронить здесь, а вывозить не успевали. Два года воздух тут был пропитан смертью, а те, кто еще оставался в живых, продолжали сражаться в редутах из тел погибших... А потом... потом была ночь, когда пала Линортис... Всю ночь были слышны крики, а на рассвете гора оказалась красной от крови, а земля внизу покрыта слоем разможенных трупов — глубиной в сто тел. В ту ночь умирали десятками тысяч, и раскрошенные кости белым снегом падали к подножию горы. Линортис стоила Масалу империи, но он заставил город заплатить за это жизнью... После этого разве можно сказать, кто выиграл войну? Кто может сосчитать мертвых? Масал оставил на этом поле кладбище. Здесь среди развалин белеют непогребенные кости двух армий. И они не почивают в покое, приятель! Поверь человеку, который все это пережил...

Ладдос выругался и впился зубами в жесткое мясо. Потом он перевел взгляд на запертые двери.

— Ты живешь здесь с тех самых пор? — спросил Кейн. — Почему?

Пожилой человек, похожий на пугало, слабо махнул рукой.

— А куда мне идти? Мы с женой служили нашему хозяину, пока Масал не прошел через усадьбу. Прислугу никто не убивает. Одно время сам Масал расположился в этом доме, но когда ядра стали долетать и сюда, перебрался в тыл. Тут квартировали его генералы; хирурги трудились над ранеными, слишком изувеченными, чтобы сражаться... Мы служили им всем. А когда снаряды падали возле дома, прятались в подвалах. Когда мы выползали оттуда, то находили своих хозяев погребенными под обломками, и тогда приходили новые... В ту ночь, когда Линортис пала, мы тоже спрятались, а после того, как Масал увел отсюда остатки армии, больше хозяев не было. Куда нам было идти? Кому еще служить? Мы остались здесь, среди развалин, с несколькими уцелевшими. Жили, собирая отбросы, а ночью дрожали от страха, когда духи и вампиры бродили вокруг дома и колотили в двери...

В подвале яростно залаяла собака. Ладдос и Кейн посмотрели друг на друга.

— Крысы, — пояснил Граналь, когда мужчины одновременно поднялись. — Пес любит за ними охотиться.

Пес заскулил от боли, потом испуганно завыл. Его вой эхом отдавался в руинах.

— Крупная крыса, — заметил Кейн, вытер жирные ладони и направился к подвалу.

— Я с тобой, — заявил Ладдос.

— По-моему, Джересен приказал тебе следить за стариками.

Вальданец со сломанным носом выглядел весьма воинственно.

— К черту! Эти-то никуда не денутся. Пойду посмотрю, что так напугало пса.

В подвале под кухней оказалось чисто и прибрано. Полки с бутылками вина и провизией ровными рядами тянулись вдоль стен. Один угол был отгорожен ширмой, за которой стояла небольшая кровать и простая мебель. Треснутое зеркало и несколько женских одежек лежали на старом сундуке. «Обиталище Сеси, — догадался Кейн. — Остальные спят наверху». Тяжелая дверь, распахнутая настежь, вела в подвалы под центральными строениями.

— Она была раньше открыта? — спросил Кейн.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Ладдос, направляя вперед луч фонаря.

Пол узкого коридора, расположенного над ними, был пробит огромным камнем. Местами же он провалился под тяжестью обломков. Сквозь щели сверкали звезды. Пыль, осколки, осыпающиеся стены...

— Под этим крылом должен быть еще один подвал, — предположил Кейн. — Скорее всего там. Вот, гляди, лестница, ведущая вниз!

— Куда? — Ладдос поднял фонарь, осторожно ступая между невидимыми во тьме грудями обломков. — О боги, если в этом полу дыра...

Кейн тоже подошел к лестнице.

— Кто-то смел тут пыль...

— Джересен тщательно обыскал дом, когда мы сюда прибыли. — Ладдос все время оглядывался через плечо. — Я больше не слышу завываний пса.

— Гм... Вот следы собачьих лап. И еще чьи-то, не разберу чьи... слишком затерты и размазаны.

Кейн стал спускаться.

— Пошли отсюда. Пес, видно, поймал-таки крысу, — сказал Ладдос.

— Отдай фонарь, если решил вернуться.

Ладдос чертыхнулся и вслед за Кейном стал спускаться по узкой лестнице. Кто-то внизу зарычал.

— Осторожно!

В темноте сверкнул меч Кейна. Ладдос с фонарем подбежал поближе. Перемещающийся луч света враждебно бил в глаза. Пес прижался к стене в углу, у подножия лестницы, оцетинившийся, с оскаленными клыками, с поджатым от страха хвостом. Казалось, он их не видит. Когда люди очутились на нижней ступеньке, обезумевший пес бросился вперед, проскользнул между ними и скрылся наверху.

Воины с опаской осмотрели нижний погреб. Его своды выдержали обстрелы, но он был завален разлагающимися остатками. Кейн увидел лежащий на сгнившем тюфяке скелет, у которого ноги ниже бедер были отрезаны. То ли комната пыток, то ли госпиталь — Кейн не смог разобраться. Он разглядывал столы и зловеющие инструменты, покрытые саваном из паутины; высохшие кости, покоящиеся под одеялом из пыли. «Их убила газовая бомба», — догадался он.

— Что это? — вскрикнул Ладдос.

Нечто вроде гигантского краба юркнуло из круга света во тьму. Существо, как заметил Кейн, напоминало неуклюжего паука размером с большого пса. Кейн бросился вслед, однако страшилище ловко заползло под груды перевернутых столов и исчезло, прежде чем воин успел его хорошенько рассмотреть. Тварь была приземистой и волосатой, а движения ее не поддавались описанию.

— Там какая-то нора, — заметил Ладдос.

Кейн кивнул. Он уже видел что-то подобное в окопе, где исчезла Сеси. Тесный лаз, через который мог проскользнуть лишь гибкий подросток, уходил в землю.

— Разве люди Масала рыли ходы в усадьбе? — спросил Ладдос.

— Не знаю.

— Так что же тогда это такое?

— Не знаю.

Стул с поломанными ножками с грохотом свалился с кучи обломков возле ямы. Ладдос обернулся и разразился проклятиями. Он выронил меч и молнией нырнул под перевернутый стол.

— Попалась, сука! — Наемник вытащил вырывающуюся девушку из ее укрытия. Плечо Ладдоса было рассечено острым клинком. Одним ударом он отшвырнул Сеси на пол и пинком выбил кинжал из ее рук.

— Держи ее, Кейн! Джересен сделает из нее...

Ладдос не закончил. Кейн подхватил фонарь, выпавший из его рук в тот самый миг, когда наемник рухнул как подкошенный.

Ничего не понимая, Сеси смотрела, как Кейн вытирает кровь с лезвия меча. Она медленно поднялась и, не сводя глаз с Кейна, натянула разорванные края короткого платья на исцарапанные и грязные бедра.

— Ты уже третий раз помогаешь мне, Кейн. На чьей ты стороне? Ты не за Понурого, не за Джересена... Ты служишь Масалу?..

— Я сам за себя, — ответил он. — Какое это имеет значение?

Сеси скривилась.

— Похоже, что никакого... в конечном счете.

— Не приближайся ни на шаг к этому туннелю, иначе я приколю твою ступню к полу, — предупредил Кейн.

Отступив, Сеси замерла.

— И что теперь? Позовешь Джересена?

Говорила девушка равнодушно, однако взгляд был полон страха.

— Зачем?

Сеси посмотрела на тело Ладдоса.

— Значит, Кейн ни с кем не собирается делиться сокровищами Линортис... Ну а мне-то какая разница?!

— Для тебя лучше я, чем Джересен. Если клад и существует, он бесполезен, пока кто-то не вытащит и тебя, и золото с этого облюбованного дьяволом кладбища.

— Думаешь, я именно поэтому не воспользовалась своим секретом раньше?

— Видимо, была какая-то причина. Может, тебе нужно было время, чтобы все обдумать. Здесь золото совершенно бесполезно. Чтобы вывезти его отсюда, тебе нужен кто-то, кому ты могла бы доверять.

— Ты имеешь в виду себя? — ее голос был полон сарказма.

— Угадала.

— А если бы я тебе сказала, что ничего не знаю ни о каком таинственном кладе?

— Ты никогда не докажешь этого Джересену.

Она опустила голову.

— Знаю. И никому другому не докажу.

Несколько секунд Сеси стояла, погруженная в отчаяние, закусив губу. Кейна удивляло отсутствие слез. Потом руки девушки сжали подол изорванного платья. Быстрым движением она стянула его через голову и бросила на пол. Теперь тело Сеси скрывали только длинные, растрепанные волосы. У девушки была тепло-золотистая кожа и красивая грудь. Измазанные землей тонкие руки и ноги оттеняли изящные линии бедер.

— Это — все, что я могу тебе предложить, Кейн. Верь или нет, но ты — моя последняя надежда. Вытащи меня отсюда, и я отдам тебе то единственное, что у меня есть.

Не слишком оригинально. К тому же Кейн и так мог взять ее силой... И все-таки ему было приятно...

— Ладно, — сказал он. — Мы к этому еще вернемся. Сейчас нужно подумать о Джересене. Как ты сюда пробралась?

Сеси надела свое потрепанное платье.

— Я здесь выросла. Хорошо знаю поле битвы. Когда я повела Джересена к окопам, то подумала: или у меня будет шанс сбежать, или мне конец. Когда ты перерезал веревку, я бросилась в туннель в конце окопа. Если речь идет о жизни и смерти, можно ползти очень быстро, даже со связанными руками. Я вылезла из туннеля в зарослях, в темноте пробежала через пустошь и прокралась сюда через разрушенное крыло. Я думала, Джересену не придет в голову искать меня здесь еще раз...

— У тебя были связаны руки. Так кто же убил Бонаэка?

Сеси вздрогнула.

— А, того, кто кричал?.. Наверное, кто-то из полулюдей. Здесь тоже был один перед вашим приходом. Я боялась даже шевельнуться... Наверху ведь были люди Джересена. К тому же вряд ли бы получеловек меня тронул... И все-таки они меня пугают.

— Полулюди? — Кейн вспомнил убегающее неуклюжее существо, похожее на краба.

— Они живут в развалинах Линортис. Это — уцелевшие в битве. Они не любят, когда их видят посторонние.

Кейн решил, что пора выбираться из подвала. Джересен мог вернуться в усадьбу в любую минуту, и поэтому им не стоило здесь оставаться.

— Уйдем той дорогой, которой ты пришла, — сказал он. — А Джересен пускай гадает, что здесь случилось. Если мы успеем укрыться в цитадели, то потом сможем сбежать, пока Масал и Джересен станут биться друг с другом.

Сеси кивнула.

— Тогда — сюда.

Кейн пошел за ней по лестнице наверх и дальше... наружу, в ночь. Из норы за их спиной донеслись шорохи какой-то возни.

Глава пятая

НОЧНАЯ ОХОТА

— Что из того, что рассказал Джересен, правда? — спросил Кейн.

Вершина была уже близко, и Кейн решил, что они могут себе позволить немного отдохнуть. В темноте пробраться через поле битвы оказалось легко, хотя дважды наемники оказывались неподалеку. Когда беглецы вышли на серпантинную дорогу, опасность возросла. Если они встретят тут людей Джересена... По одну сторону от беглецов высился крутой обрыв из песчаника, по другую — пропасть, и не было ни малейшей возможности спрятаться. Голое место. Пришлось бы принимать бой.

— Правда?.. Ты меня спрашиваешь? — Сеси тяжело дышала. Она оперлась о низкую осыпь, протянувшуюся вдоль пропасти, наблюдая за движущимися внизу огоньками факелов.

Джересен разослал своих людей во все стороны. В нескольких местах они разложили большие костры — путеводные огни. Поиски были безнадежными даже для такого большого отряда, но у Джересена не было выбора.

Кейн, присевший возле девушки, пошевелился. Он тоже следил за огнями внизу. Крадучись, беглецы пересекли поле битвы, не осмеливаясь зажечь фонарь. Сеси брела наугад, а вот Кейн безошибочно обходил невидимые препятствия и ямы,

в которые девушка наверняка провалилась бы, не смотря на то, что знала местность.

Когда Сеси поняла, что ее спутник видит в темноте, ей захотелось сбежать. Однако Кейн, пусть загадочный и опасный, был ее единственной надеждой.

Наконец он снова завел разговор:

— Спрашивая, я имел в виду историю с человеком, который подслушал, как мать рассказывает тебе о кладе, и пошел с этой вестью к Масалу.

Сеси попыталась разглядеть в темноте лицо воина:

— Это был Аменит. Время от времени здесь появляются бродяги и странники. Такие, как ты, — если ты и в самом деле странствуешь... Коль скоро человек не считает грехом украсть у погибших — а Аменит не считал, — то здесь достаточно трупов... Мама же всегда была слаба здоровьем. Она умерла месяц тому назад. Перед смертью мы говорили о разных вещах... Как-то Аменит напился. Влез ко мне и пытался взять силой. Орсис хорошенько его побил, а на следующий день Орсиса уже не было в живых! Бедный Орсис! Он заботился о маме и обо мне. Его наверняка убил Аменит.

— И ты утверждаешь, что Реалис никогда не говорила тебе о сокровищах?

— Ни слова. Можешь мне поверить, Кейн!

— Что-то тут не сходится. Но пока что мы должны добраться до цитадели. Ты отдышалась?

После того как город был опустошен изнутри, внушительные, выкованные из бронзы ворота сорвали с петель и сбросили с вершины. Темные улицы крепости оказались завалены обломками. Город вырисовывался на фоне неба ломаной линией разрушенных башен, сожженных домов и почерневших от огня крепостных стен.

Кейн остановился в проеме сорванных ворот, осматривая городскую площадь. Сеси крепко прижалась к его могучему телу.

— Сюда почти никто не приходит, — прошептала она. — Тем более ночью. Только полулюди.

— Мне показалось, кто-то там прошмыгнул, — пробормотал Кейн, напрягая зрение, чтобы что-нибудь разглядеть.

Сеси не увидела ничего, кроме густой тени.

— Полулюди... сколько их здесь? — спросил Кейн.

— Не знаю. Их осталось немного. Я иногда вижу их, когда ночью они ползают по полю битвы... Они никогда не пытались меня обидеть, но я не стремилась на опыте убедиться в том, что они мне ничего не сделают...

Кейн озабоченно свел брови.

— Не нравится мне это, но мы должны где-то спрятаться. Попробуем здесь. — Он направился через площадь в сторону темных улиц.

— Вот она! — завопил кто-то в потемках.

Неясный силуэт отделился от обломков металлической машины.

— Здесь! Кейн ее поймал!

Кейн хрипло закричал и метнул кинжал в подбегающего вальданца. Тот взвыл, сила удара отшвырнула его назад. Кейн на бегу вырвал тяжелый клинок из груди наемника. Противник был мертв.

По двору застучали копыта и сапоги. К ним кто-то бежал. Блеснул зажженный факел — один, потом другой. Значит, Джересен послал людей сторожить вход в Линортис... Кольцо вальданцев сжималось вокруг двух беглецов, словно кольцо волков, подкарауливавших жертву. Кейн не мог определить точно, сколько их было. Более чем достаточно...

Кейн проклял свое невезение и рванулся, пытаясь убежать. Если он сможет пробиться через кольцо нападающих, у них с Сеси появится шанс ускользнуть от остальных в хаосе развалин.

На полпути к лабиринту улочек Сеси вскрикнула и рухнула на камни. Кейн подскочил, чтобы ей помочь. Она корчилась от боли, сжимая ногу.

— Мое колено... Сломала...

Кейн хотел было приподнять Сеси. Девушка судорожно втянула воздух, когда ее больная нога подогнулась. Придется ее нести.

— Кейн, беги! — прошептала Сеси, пытаясь доползти до недостижимого укрытия. Но поздно — ее спутник не успел бы скрыться. Первые всадники были уже рядом. Из-под копыт полетели искры, когда наемники натянули поводья.

В замешательстве они не сразу поняли, какова роль Кейна. Его кинжал угодил одному из вальданцев в горло, выбив того с седла. Но конь умчался раньше, чем Кейн успел поймать поводья. Другой наездник моментально отреагировал, заслонясь щитом от удара. Он издал предостерегающий возглас, замахнувшись мечом на Кейна. Тот парировал атаку, несмотря на невыгодную позицию по отношению к конному противнику. Всадник не возобновлял больше атаки, ожидая подкрепления.

Дело было безнадежным, и Кейн знал это. Через несколько секунд его окружают стальным кольцом. На открытом пространстве в бою с опытными всадниками у него нет шансов. Если он бросится бежать, его растопчут. Наемникам это доставило бы удовольствие, но игра быстро закончилась бы...

Сеси выдернула нож из тела мертвого воина. Кейну было некогда гадать, хочет она им защищаться или собирается быстро умереть. Круг замк-

нулся. Искаженные свирепыми гримасами лица надвигались со всех сторон.

Кейн парировал первый удар, подсекая сухожилия коня — всадник вылетел из седла. Это заставило остальных быть осторожнее. Добыча была в их руках, однако тот, кто сунется первым, может погибнуть... Какое-то время наемники не могли решиться, поглядывая друг на друга. Еще один конь заржал и упал искалеченный. Еще один всадник с грохотом рухнул на камни. Низко над землей молнией сверкнул клинок, и покатилась голова.

Наемник, который был ближе всех к Кейну, взмахнул факелом. В его мигающем свете что-то вроде паука прощмыгнуло обратно в тень. Но нет, это был человек, а вернее, получеловек. Он бежал на руках — безногое туловище колыхалось между мускулистыми предплечьями. В зубах он сжимал тяжелый нож с окровавленным клинком. Из груди державшего факел наемника выросла стрела. Факел выпал из его рук, ударился о камни и погас. Кейн бросился на наемников. Застигнутый врасплох вальданец слишком поздно вспомнил о щите. Удар снизу выпустил ему кишки.

Еще один крик боли во тьме. Кейн мельком увидел упавшего наемника, которого опрокинул на землю кривой силуэт, выросший из тени крепостной стены.

— Ложись! — заорал кто-то хриплым голосом.

Кейн припал к земле в тот миг, когда в воздухе с воем пронеслась арбалетная стрела. Железным наконечником она пробила кольчугу и тело одного вальданца и, только чуть замедлив свой полет, выбила из седла следующего всадника, отшвырнула его во тьму. Еще одна стрела прошла воздух — и последний факел был раздавлен телом своего хозяина. В потемках закричал наемник — скорее от

ужаса, чем от боли. И тут же его крик резко оборвался.

Остались только два всадника. Кейн направился к ним, однако они отступили. Они промчались мимо него, направляясь к воротам. Ускакать удалось лишь одному. Звон копыт его коня какое-то время доносился до них. Кейн еще слышал его эхо, когда на площади стали собираться полулюди.

Глава шестая В ХРАМЕ МИРА

Упавший факел мигал и трещал, распространяя слабый желтый свет. Сеси дрожала, навалившись всем телом на плечо Кейна. Меч в его левой руке был занесен для удара.

— Подними факел, — произнес он напряженным голосом. Девушка допрыгала на одной ноге до мерцающего факела и с трудом дохромала обратно. Колено ее не было сломано, только вывихнуто, к тому же оно онемело после падения. Ковылять сможет...

— Ты бы лучше опустил меч, — раздался голос из темноты. — Мы, кажется, союзники.

Тот, кто это сказал, вышел в круг света. Поначалу Кейну показалось, что это двухголовый горбун. Фигура приблизилась, и тогда Кейн увидел, что перед ним человек, несущий на себе другого — точнее, остатки другого человека. К ним подходил высокий, мускулистый мужчина, на вид вполне нормальный, если не считать слепой маски шрамов вместо лица. Из-за его плеча выглядывала голова получеловека, чье туловище без конечностей было приторочено ремнями к спине слепого.

— Остановись здесь, Семот, — сказала туловище своему носильщику. — Мы спасли им жизнь, но

если они все еще не уверены в том, что мы их союзники...

За спиной слепого гиганта проскользнул человек без ног, с кинжалом в ножнах на шее. Нет, у него бороды не было... Это был тот, кого Кейн мельком видел раньше. Он был волосат, как медведь. Подошел еще один мужчина, вооруженный луком с колчаном стрел. Его лицо и руки представляли собой бесформенные наросты ожогов, но глаза уцелели, закрытые когда-то ладонями от потоков жидкого фосфора. К ним присоединился еще один получеловек. Кейн принял его за карлика, пока не заметил деревянных колод на культиях ног и стального крюка вместо правой кисти. Во тьме шевелились и другие — уродливые, обезображенные существа, чье несчастье состояло в том, что они не умерли от страшных ран, а превратились в чудовищ.

— Мы многое слышали, — произнес человек-туловище. — Нетрудно спрятаться и наблюдать, когда ты только половина человека.

Он засмеялся.

Его невеселому смеху вторили остальные.

— Кто ты? — спросил Кейн.

— Я — Бир, — ответил калека. — В той жизни я был капитаном Первой стражи. Солдаты Масала оставили меня умирать под обвалившейся стеной, гангрена довершила дело. Мой друг Семот командовал отрядом катапульты, пока случайный камень не попал в нее как раз в тот момент, когда они заряжали ее фосфорной бомбой... У нас у всех похожие истории. В прошлой жизни мы были людьми, а теперь стали чудовищами, вынужденными избегать людских глаз. Мы — детища войны, ветераны, для которых не существует побед, трофеев, торжественных од и парадов. наших погибших то-

варищей почитают, а мы, обреченные на жизнь, — всего лишь жалкие, вызывающие сострадание калеки.

— Вы живете здесь со времен битвы?

— Да. Хотя мы и сражались друг против друга, наследство войны сделало нас одним народом — народом калек, объединенных общей бедой. Мы живем среди руин. А где нам еще жить? Когда мы вернулись с войны домой, наши жены и дети содрогались от страха, глядя на нас. Люди смеялись и бросали в нас камнями, когда мы входили в города и села. Кем бы мы были в мире людей? Нищими попрошайками или вырожденками, забавляющими толпу? Нет, мы предпочли Линортис — город, куда не приходит ни один человек: тут мы можем дожить свою несчастную жизнь достойно, тут никто не станет смеяться над нами и не станет жалеть нас... Разве так не лучше? Когда-то мы были людьми... Врагами, которые ненавидели друг друга и убивали. Теперь мы полулюди — и товарищи. Мы живем здесь в мире.

— Пришел конец вашей мирной жизни, — сказал Кейн. — Через час сюда явится Джересен со своими людьми.

— Всеу когда-нибудь приходит конец, — невозможно ответил Бир. — Таков закон природы. Даже война окончилась, хотя ее никто и не выиграл... Война погубила триста тысяч. Эта ночь может стать последней лишь для горстки выживших.

— Масал скоро вернется в Линортис.

— Знаем. — Улыбка Бира была спокойной, но не безмятежной. — Масал уже здесь.

— Здесь? Откуда тебе известно?

— Там, откуда мы наблюдаем, ни один человек не может нас увидеть, — фыркнул безногий. — За тридцать лет мы изучили здесь каждую дыру и

каждую грудку обломков. Ползун видел разведчиков Масала два часа назад. Он сказал Готу, — Бир кивнул на безрукого мужчину, — а Гот принес нам весть об этом.

Кейн осторожно обошел полулюдей. Вместе с ковыляющей Сеси он влез на уступ на крепостной стене и глянул вниз. Факелов стало больше, много больше. В некоторых местах огоньки двигались вместе, иногда какой-нибудь мигал и гас.

Семот взобрался вслед за ним. Бир направлял его слепые шаги.

— Масал всегда был хорошим военачальником, — бесстрастно заметил Бир. — Через разведчиков он выведал позиции вальданцев, потом окружил их в потемках, приказав не зажигать огня, которые могли бы выдать его армию. Какое-то время они будут сражаться друг с другом, а на рассвете те, кто победит, явятся в Линортис.

— И что вы станете делать? Они разберут Линортис по камешку, чтобы отыскать Сеси.

— Мы не станем от них прятаться, — впервые заговорил Семот. — Сеси — наша королева. Масалу ее не видать.

— Сейчас не самое подходящее время для пафоса, — заметил Кейн. — Дорога из цитадели еще свободна. Может, Масал не приказал следить за ней?

— А куда мы убежим? — спросил слепой.

— Всеу приходит конец, — обреченно повторил Бир.

— Они устроят тут мясорубку! — воскликнул Кейн. — Разве некоторые из вас не были солдатами Масала?

— Это было в другой жизни, — спокойно сказал Бир. — Сейчас мы — изгнанники, полулюди. Линортис — наш дом, а Сеси — наша королева. Гонимая, преследуемая — она разделяет нашу судьбу.

Линортис и ее дом. Война не закончилась ни для нас, ни для Масала. И сейчас разыграется последняя битва, которая укажет победителя, поскольку то, что началось тридцать лет назад, должно наконец завершиться.

— Вы все безумны!

— Да, мы — безумны.

Кейн выругался, исчерпав все доводы.

— Пойдем с нами в Храм Мира, — мягко обратился к нему Бир. — Может, там тебе легче будет нас понять.

Кейн тем временем прикидывал возможности вытащить Сеси из Линортис. Дорогу наверняка стерегут, а Масал привел с собой больше сотни людей, судя по факелам. Мрачные перспективы... Сейчас Линортис служит им укрытием... и одновременно ловушкой.

Поскольку делать пока все равно было нечего, Кейн пошел за полулюдьми. Сеси с трудом ковыляла, уцепившись за его руку. Она могла ходить, но без коня они не смогут ускользнуть от преследователей.

— Это и есть Храм Мира? — с любопытством спросил Кейн, когда полулюди подошли к бесформенному сооружению из базальта, примостившемуся неподалеку от городских ворот.

— Он самый, — отозвался Бир. — Старые времена и старые боги ушли — умерли вместе с Линортис. Мы — выжившие — почитаем нового бога.

— А Посланники Тьмы — колдуны-демоны из бездн Линортис?

— Нет уже Посланников Тьмы — канули в преисподнюю, из которой явились. Только жертвенные ямы от них и остались. Тысячи людей принесли им в дар, но их стеклянные шары со смертоносными газами и испепеляющим фосфором так

и не помогли защитникам победить. Мы спустили яды обратно в бездну и теперь поклоняемся богу Мира.

Напряженный, как тетива, Кейн вступил в храм из черного камня. Его бесформенные стены, лишенные всяких украшений, были мрачными, словно безымянные надгробия. На мгновение Кейну показалось, что он в могиле.

Внутри храма ярко пылало несколько факелов. Некогда здесь разверзлась пропасть — яма, через которую адским тварям отправляли бесчисленные жертвы. Ныне жерло колодца смерти завалили большими каменными блоками, теперь образующими алтарь. А на алтаре полулюди установили статую человека — великана в боевых доспехах с мечом, занесенным в дерзком вызове. Лица у статуи не было.

— О Миротворец! — затянул Бир.

— О Миротворец! — эхом отозвались остальные.

— Кейн, кто это? — встревоженно шепнула Сеси, указывая на статую.

— Миротворец, наш бог, — ответил ей Бир. — Тот, кто принес нам Мир.

— Но ведь это статуя воина; — возразила девушка.

— Это — особенный воин, — объяснил Бир. — Он провел армию Масала через тайный проход в горе. У него нет лица, потому что никто из нас не знает, кто он.

— Вы почитаете человека, который предал Линортис?

— Мы — солдаты обеих воевавших сторон, разве мы не одинаково изуродованы? Солдаты никогда не выигрывают войну — это их командиры становятся победителями. Солдаты сражаются и мучаются, некоторые умирают, многие — как мы —

умирают не до конца, но вынуждены прожить остаток жизни жалкими калеками, в то время как военачальники старятся в роскоши, добытой ценой наших страданий. Генералы живут в славе, а солдаты умирают в муках...

Пряди волос Бира качнулись, когда он встряхнул головой.

— Нет, Миротворец нас не предал. Он помог быстро закончиться двухлетнему кошмару.

— Но ведь из-за него погибли сотни тысяч!

— Десятки тысяч и здесь, и внизу. А кто может знать, сколько еще погибло бы, если бы осада затянулась еще на два года, на десять лет... Йосахора превращал бы народ и его добро в воинов и оружие, а Масал пригонял бы все новые и новые тысячи своих подданных, чтобы присоединить их кости к костям их братьев. Миротворец положил этому конец, и за это мы благодарны ему навек. — Лицо Бира было спокойным, вопреки гневу и боли в его словах. — А сейчас мы будем молиться за приближающийся конец. Внеси меня на алтарь, Семот.

Слепец послушался. Обожженный лучник помог ему справиться с ремнями, и Семот осторожно поставил тело Бира у подножия статуи.

— Слава Миротворцу! — затянул басом Бир.

Голоса собравшихся полулюдей эхом вторили ему.

— Слава тому, кто принес Мир!

— Слава тому, кто принес Смерть!

— Слава тому, кто принес Мир!

— Принеси нам всем Смерть!..

Кейн взял Сеси за руки и вывел ее из храма.

— Может, есть отсюда какой-то выход. Мы пробуем вырваться, когда Масал возьмется за полулюдей. Сражение может отвлечь внимание сол-

дат от тайного хода. Масал будет уверен в себе и атакует по дороге.

— Кейн, я не могу сделать ни шагу.

— Черт возьми, единственное, чего ты не можешь, так это оставаться здесь!

— Какая разница? Если Масал их одолеет, он станет преследовать меня, куда бы я ни сбежала.

— Если нам удастся удрать из этой страны, он никогда не выследит тебя.

— Нам не удастся, и ты это знаешь. Полулюдям нужна я, ты можешь бежать.

— Я могу попробовать вытащить нас обоих.

— Это безнадежно. Лучший выход для меня — остаться тут с полулюдьми. Если они сумеют обновить Масала...

— Сеси, они слишком слабы. Они слишком малочисленны, слишком стары, слишком покалечены. И они безумны! Ты тоже сойдешь с ума, если не пойдешь со мной.

— Оставайся и сражайся с нами.

— Мертвый я не смогу воспользоваться твоим золотом.

Сеси закусил губу.

— О Господи, Кейн! Нет никакого золота!

Кейн равнодушно посмотрел на нее.

— Если б я знала тайну этой комнаты, думаешь, я бы очутилась в таком бедственном положении?

— Очень может быть, если у тебя не было времени обдумать, как использовать свой секрет. Не могла же ты просто взять сундук с золотом и пойти прогуляться до ближайшего города...

— Кейн, моя жизнь не многого стоит, но я хочу жить и к тому же не выношу боли. Джересен вырвал бы из меня секрет, если бы я его только знала.

— Мы уже говорили об этом, Сеси. Кто-то тут привлекает...

— Я не знаю, как Аменит приукрасил услышанное. Он крутился вокруг меня и подглядывал. Как-то ночью он закрыл щеколду и вошел в мою комнату через подвал. Орсис побил его тогда и выгнал. А мама... она теряла сознание. У нее был жар. Она рассказывала мне о своем детстве и о Линортис. Смысла в ее словах было не много. Несколько раз она заговаривала о комнате, полной золота, в которую отнесла свое ожерелье, чтобы присоединить его к горе сокровищ. Но она никогда не упоминала ни где эта комната, ни когда это было. Кейн, ей не было и десяти лет, когда пал Линортис!

— Это правда?

— О боги! Ну конечно, правда! Я пыталась объяснить это всем с самого начала. Но каждый считал, что я лгу, если не говорю того, что он хочет услышать...

Кейн задумался. Сеси не могла прочитать по его лицу, о чем он думает.

— Послушай, — настаивала она, — если б я знала секрет этого клада, я бы сказала скорее тебе, чем тем, кто за мной гнался. Ты сделал для меня все, что в твоих силах. Теперь бы я тебе сказала. Не удержалась бы. Сказала бы для того, чтобы ты защищал меня от Масала до последней капли крови. Кейн, ну не знаю я никакой тайны спрятанного клада!

— Я тебе верю, — мягко сказал он. — Масал не поверит.

Сеси задрожала и прижалась к Кейну.

— Когда люди Джересена окружили нас там, на площадке, я схватила твой нож. Я думала, что не дамся им живой, но, наверное, я не смогла бы этого сделать. Я не хочу умирать, Кейн!

— Всему приходит конец, — прокаркал из мрака неестественный голос.

Сеси вскрикнула. Кейн обернулся. Существо, которое он увидел, когда-то было человеком, хотя, чтобы догадаться об этом, требовалось напрячь воображение. От ног у него оставалось не больше, чем у Бира, но культы рук позволяли передвигаться неуклюжими рывками. Он сновал по камням, завернутый в потрепанный меховой мешок. Когда-то ему оторвало нижнюю часть лица, и по какому-то дикому капризу он вставил на ее место стальные челюсти с зубами-бритвами. Теперь на блестящих клыках его сверкала кровь.

— Ползун вернулся! — воскликнул безрукий мужчина, которого называли Готом. Он подбежал, чтобы помочь калеке со стальными челюстями, подталкивая Ползуна ногой, когда тот вкатывался вверх по невысоким ступенькам. Из храма вышли остальные полулюди.

— Ну что, Ползун? — спросил Бир.

— Дорога под наблюдением, но меня не увидят никогда, — возвестил Ползун. Его слова едва можно было разобрать. — Я вернулся так быстро, как мог. Враги будут здесь с минуты на минуту. Джересен и Масал заключили перемирие после первой же стычки. Они знают, что мы здесь, от одного из наемников, которому вы дали убежать... Они устроили совет. Масал нанял Джересена и его людей для штурма Линортис. Когда я уходил, они обсуждали окончательные условия. Вместо того чтобы перебить друг друга, они нападут на нас сообща.

Разъяренный Бир стал отрывисто отдавать приказы. Полулюди стали поспешно готовиться к обороне.

— Что ж, это упрощает дело, — угрюмо произнес Кейн. — Попробуем прорваться.

— Кейн, я говорила серьезно. Я остаюсь с ними.

Эти стиснутые зубы... хорошо, черт возьми! Кейн пожал плечами.

— Ладно. А я — ухожу.

Сеси что-то закричала ему вслед. Но слов он уже не разобрал.

Глава седьмая ЭХО ВОЙНЫ

Кейн подошел к амбразуре покинутой башни. Далеко внизу полулюди готовились защищать разбитые ворота Линортис. В темноте он мог различить только неясные силуэты, ползающие по площадке перед крепостной башней. Ниже искрилась цепочка факелов, извивающаяся, как змея, по серпантинной дороге, ведущей к замку.

Кейн знал, что ему пора идти, что он должен где-то укрыться, пока все не закончится, и тогда он сможет выбраться из города-ловушки. Он проклинал про себя упрямство девушки. У них был шанс удрать вдвоем. Действуя в одиночку, Кейн был уверен в успехе: нападающим нужна только Сеси, чтобы отвести их к сокровищам, которых она никогда не отыщет... Кейн жалел, что потерял ее. Но так было лучше. Он пошел бы на риск ради тайны клада, но даже маленького кусочка золота хватило бы ему на женщину, более подходящую для постели, чем Сеси. А теперь пора идти...

Оглушительному грохоту вторило эхо. Кейн узнал этот звук. Большие валуны покатались вниз по крутому склону. Он с трудом сумел разглядеть полулюдей, подтаскивавших камни и сталкивавших их на дорогу, — точно муравьи, роящиеся вокруг жука. Камни соскальзывали с наружной стены и, разгоняясь, высекая искры, катились вниз.

Людам на дороге некуда было бежать от лавины. Но Масал пережил два года непрерывных атак и контратак на этой пропитанной кровью дороге и знал, что крепость не взять без сопротивления. Как потустороннее эхо, долетали наверх крики людей и грохот падающих валунов, а потом раздавался звук, словно камень ударился о колокол. Это Масал выставил вперед заграждение, наспех сколоченное из обломков, разбросанных по полю битвы. Люди взревели, кони заржали, когда каменная лавина ударила в баррикаду. Кейн не мог рассмотреть, что происходит на дороге. Но слыша вопли и грохот, видя колеблющуюся линию света, он представлял себе хаос, царящий внизу. Ряды факелов неожиданно изогнулись дугой, и огоньки посыпались в пропасть. Камни ударялись о скалы и скатывались на тех, кто шел по нижнему витку дороги. Деревянное заграждение разлетелось в куски. Пущенные, словно из пращи, обломки камней ударили в затаившихся за ним солдат. Но когда затихало эхо грохочущих камней, цепочка факелов возобновляла свое шествие.

Солдаты Масала были теперь ближе. Кейн слышал топот копыт, воинственные крики. Заскрежатали проржавевшие механизмы. Пронзительно зашвистел арбалет — тяжелая стрела полетела вниз. Кейн услышал скрип рычага, столкнувшего вниз огромную корзину булыжников величиной с кулак. Под освещенной крепостной башней он увидел лучника, посылающего стрелы в приближающиеся шеренги. По откосу покатались ядра, вылетевшие из катапульты на другой крепостной башне.

Полулюди сновали вокруг тех нескольких военных машин, которые они смогли приспособить для стрельбы на столь близкое расстояние. Колонна Масала неумолимо приближалась, хотя время от

времени часть факелов исчезала — люди летели в пропасть. Кейна восхищало упорство полулюдей — горстки калек, располагающих лишь несколькими старыми боевыми машинами. Будь у них достаточно людей и оружия, чтобы отражать атаки по всему периметру крепостных стен, у Масала не было бы ни малейшего шанса. Но из-за своей малочисленности полулюди были вынуждены сосредоточить все силы лишь на участке склона напротив ворот, а солдаты Масала двигались по спирали вокруг скалы, которую венчала Линортис. Остановить марш к разрушенным воротам было невозможно.

Теперь воины Масала были уже в ста метрах от ворот, и Кейн смог различить в мерцающем свете белые пятна лиц. Они бросили разбитое заграждение. Впереди шла пехота, сзади ехали всадники. Еще немного — и первые ряды войдут в цитадель, и тогда всадники вихрем пронесутся по площади, сметая все на своем пути...

Град ядер все еще падал на поднятые щиты; стрелы из тяжелого арбалета то и дело пробивали бреши в рядах противника. Но уже подбирались лучники Масала, сеющие смерть среди защитников города. Сзади, на противоположной стороне площади, со смертоносным треском взметнулся рычаг баллисты. «Самая тяжелая осадная машина все еще действует», — отметил про себя Кейн. Неожиданно над крутым обрывом перед воротами вспыхнул яркий, словно дневной, белый свет. Кейн заслонил глаза рукой, ослепленный жутким сиянием. Фосфорная бомба! Видимо, полулюди отыскиали где-то неразорвавшуюся... Облако раскаленной смерти расплылось над дорогой. Там, куда угодила бомба, воины мгновенно превратились в пепел. Огненные полосы протянулись к своим жертвам, словно палыцы убийцы, уничтожая все, к чему

прикасались. Кони храпели, люди выли от боли и ужаса, в панике прыгая в пропасть. Пылающие тела, срываясь вниз, напоминали падающие звезды.

Натиск был остановлен. Баллиста выстрелила еще раз, и еще одна фосфорная бомба дохнула адским пламенем вниз по склону. Солдаты Масала рассыпались в панике. Еще несколько бомб, и они будут разгромлены.

Просвистела третья бомба, но Кейн не увидел световой вспышки. Далеко, в конце колонны, потухло два десятка факелов. По крикам в потемках Кейн догадался, что туда угодила газовая бомба. Чересчур далеко — тяжелые испарения не накроют основных сил Масала.

Воины Масала оказались дисциплинированными. Невзирая на бушующую кругом смерть, они перегруппировались под прикрытием крепостных стен в том месте, куда не долетали снаряды, и снова пошли на приступ. Они яростно кинулись в бой, топча почерневшие тела своих товарищей. Полулюди оттягивали последний удар, ожидая, пока первые атакующие минуют портал. Фосфорная бомба взорвалась в самом центре боевого порядка, сея смерть вокруг.

Обугленные, корчащиеся тела забаррикадировали вход в город. И тут же остаток колонны перевалил через дымящийся заслон. Фосфорное пламя угасло, и тьма скрыла последнюю сцену битвы.

Но Кейн не следил уже за схваткой у ворот города. Помертвевшим взглядом он уставился в пустоту, и перед его глазами развернулась битва тридцатилетней давности.

Он видел Линортис перед тем, как она пала. Видел десятки тысяч воинов, оборонявших крепостные стены от других десятков тысяч, прокладывавших себе дорогу к твердыне. Он видел сотни

механизмов, стреляющих одновременно и несущих смерть тем, кто был внизу. Ночь взрывалась звездными вспышками фосфора, освещавшими лесные дебри на сотни километров вокруг. Над башнями Линортис пролетали брошенные штурмующими камни. Они давили тех, кто не успевал спрятаться.

Но прятаться было негде. Огонь бушевал по всему городу, везде, куда попали огненные шары с нефтью и смолой. По долине плыли смертоносные черные облака, убивающие все вокруг своим дыханием. Женщины и дети боролись на улицах за жалкие порции продовольствия и воды. Смерть подстерегала повсюду — и на скалистой вершине, и в низине. А крики умирающих не смолкали, словно непрерывный вой ветра.

Этому ужасу не было конца. Чудовищные дни сливались с кошмарными ночами.

Смерть здесь пресытилась, ее алчная ненасытность была удовлетворена. Наверху, в городе, и внизу, на равнине, погибали сотни тысяч. Только смерть могла спасти, унеся на своих крылах из этой преисподней.

А потом все стихло. Ни криков, ни языков пламени. Мертвый город смотрел на мертвую долину, где лишь хищники двигались среди трупов... среди необозримых гор трупов...

Кейн увидел, как эти мертвецы зашевелились — раздавленные, распоротые и сожженные тела, покрытые оспинами от болезней и опухшие от голода. Увидел, как восстали они из курганов бесчисленных костей. Полчища с того света промаршировали через вытравленные войной лесные чащи, проплыли между разбитыми башнями, мимо руин, двигаясь вокруг обелиска Линортис...

Кейн застонал и помотал головой, пытаясь избавиться от безумных грез. Приходя в себя, он

огляделся по сторонам. В этот темный предрассветный час ночь казалась мертвой и холодной. Значит, битва закончилась... Отряды Масала подавили последний очаг сопротивления полулюдей. Ну что ж, пора идти.

Глава восьмая

ТОТ, КТО ПРИНЕС МИР

Кейн шел по опустевшим улицам, словно бестелесный дух. Его осторожность оказалась, однако, излишней — ему никто не встретился. Ворота сторожили лишь убитые. Путь к свободе был открыт, но Кейн остановился.

Полулюди мужественно сражались и мужественно встретили свой конец. Масал понес тяжелые потери. Площадь была устлана телами погибших при штурме ворот. Немногие прорвавшиеся тоже сложили тут головы. Полулюдям незачем было жить, и они сражались до последнего, безразличные к собственной смерти.

Масал дорого заплатил за победу.

Ползун лежал раздавленный, как улитка; его безобразные стальные челюсти сжались вокруг горла наемника. Слепой великан Семот рухнул лицом в кучу убитых врагов... Остальные полулюди тоже были здесь. Кейн, правда, не нашел Бира.

И тут его окликнул знакомый голос.

Кейн обернулся. Тяжелая стрела из арбалета торчала из груды обломков. Командир полулюдей был пригвожден к бревну ее железным наконечником.

— Не прикасайся ко мне, — предупредил Бир, когда Кейн хотел освободить его. — Кровь пошла внутрь. Мне осталось всего несколько вдохов...

Кейн отступил, наблюдая за агонией калеки.

— Значит, ты вернулся, — сказал Бир.

Кейн всматривался в вытянувшееся лицо получеловека. Он знал, что Бир имеет в виду.

— Так ты знаешь, кто я...

— Знаю. Никто из нас не знал наверняка, но я догадывался.

— Вы здорово сражались.

— Не слишком. Люди Масала пробились. Осталось их, может, десять, может, пятнадцать. Они схватили Сеси.

— Это скверно.

— Почему, Кейн? — прошептал Бир. — Ведь со кровища тебе не нужны?

Кейн пожал плечами, его лицо было скрыто тенями.

— К тому времени, как крепость пала, все со кровища Линортис защитники поменяли на оружие. Даже ожерелье Реалис... Меня утомила бессмысленная бойня, я хотел покончить с этим...

Бир выплюнул пенящуюся струю крови.

— Для меня война окончилась только сейчас. Но война, которая тлеет здесь тридцать лет, все еще продолжается. Кейн, покончи с войной!

Получеловек прожил еще достаточно долго для того, чтобы увидеть, как Кейн, обойдя его, направился в противоположную от ворот сторону.

У входа в Храм Мира прохаживалось два стражника. Сначала они приняли Кейна за вальданского мародера, а потом было уже поздно. Кейн тихо опустил их тела на землю и вошел в освещенное факелами святилище.

Сеси висела, обнаженная, а дюжина безжалостных людей злобно взирали на нее. Девушка была подвешена за руки, связанные у нее за спиной. Один шнур, переброшенный через балку крыши, выворачивал их выше головы. Туловище тянуло

вниз, и руки давно выскочили из суставов. Вторая веревка стягивала горло несчастной. Это была страшная пытка. Петля вокруг горла душила девушку, когда шнур, выламывающий руки, давал слабину. Ее загорелое тело было покрыто кровоподтеками.

Когда Кейн вошел, Джересен как раз подтягивал веревку, привязанную к рукам. Один из людей Масала старательно срезал щепки с факела. Сеси посмотрела сверху вниз на Кейна затуманенным взглядом. Капитан вальданцев первым заметил Кейна. Его лицо скривилось в язвительной усмешке.

— И у тебя еще хватило нахальства возразить, Кейн? Я знаю, ты пробовал выкрасть эту сучку для себя...

Масал вздрогнул. Обернувшись, он изумленно посмотрел на Кейна.

— Это ты? — воскликнул он.

— Я, — холодно усмехнулся Кейн.

Несостоявшийся император провел рукой по своему лицу в шрамах и морщинах, по седым прядям. Кривой нос придавал ему орлиный вид, но сейчас Масал выглядел старым и усталым орлом. Глаза у него воспалились и опухли, а его тело воина под великолепной кольчугой уже было отмечено старостью. Масал недоверчиво покачал головой.

— Ты меня поражаешь, Кейн. Через тридцать лет ты вновь стоишь передо мной, и — разрази меня гром — ты ничуть не постарел с той самой ночи, когда провел меня тайным ходом в Линортис. Потом ты исчез...

— Клянусь Семью Богами! Это совпадает с рассказами о Кейне, которые я слышал, когда мы вместе сражались под началом Родерика, — восклик-

нул Джересен. — Болтали, что он колдун или демон, бессмертный воин, посланник судьбы, воспетый в тысяче легенд... Я говорю, нужно убить его!

— Здесь команду я! — рявкнул Масал. — Кейн оказал мне большую услугу в прошлом. Если он снова станет мне служить, то получит часть золота.

— Вы гонитесь за тенью, — рассмеялся Кейн. — Сеси понятия не имеет ни о каком золоте.

— У нас достаточно времени, чтобы выпытать у нее любую тайну, — усмехнулся Масал. — Если ты считаешь, что она ничего не знает, зачем же ты вернулся?

— Потому что всему приходит конец, Масал, даже этой войне. А времени осталось немного...

Масал почувствовал тайный смысл в словах Кейна, но левая рука таинственного рыжебородого воина уже легла на меч.

Кто-то предостерегающе вскрикнул, и эхо крика задрожало в воздухе. Мгновения для Масала замерли, превратились в вечность. В такие секунды — когда человек знает, что умирает, — перед ним проходит вся его жизнь...

Джересен опустил шнур. Руки Сеси ушли за спину, петля на горле затянулась. Введенный арбалет... Джересен потянулся за ним. Правая рука Кейна взметнулась... Нож сверкнул в воздухе... и из глаза Джересена вырос рог. Одним махом Кейн выхватил меч и нанес следующий удар. Какой-то солдат завопил, увидев, как вспарывается его живот, а рука его товарища, отделенная от тела, летит по воздуху. Ударил пурпурная струя крови. Меч Кейна был в непрерывном движении... Теперь противники у него за спиной. Их встретил клинок таинственного воина. Голова вальданца полетела вверх, а отрубленная рука — вниз. Острие меча Кейна пробило сердце еще одному вои-

ну. Кейн высвободил клинок, а правой рукой схватил меч умирающего. Обернулся. В обеих руках у него было по мечу. Он держал их легко, как ножи. Одинаковые клинки оставляли одинаковые багровые раны; Кейн наносил удар — парировал, колол... опять парировал... и вновь наносил удар... Атакуй, Кейн, тебе некогда защищаться! Кровь проступила у него на предплечье, на боку появилась длинная, глубокая рана. Еще пять воинов распростерлось у его ног. Теперь враги навалились на Кейна все разом. За спиной у Кейна не было прикрытия. Его попытались окружить. Подходите, будете следующими! Может, ты?.. Очередной труп. Кто-то бросился вперед, размахивая топором. Предупреди его удар! Меч в правой руке Кейна сломался, а человек с топором подхватил в охапку собственные внутренности... Справа сверкнуло копьё, вонзаясь Кейну в бедро. Кейн захромал. Он отшвырнул сломанный меч в лицо тому, кто бросил копьё. Зазубренная сталь задела глаза воина, и он не заметил другого меча, рассекшего ему ребра. Враги отступили. Быть может, впервые в жизни страх исказил их лица. Кейн подхватил новый меч в окровавленную правую руку. Чей-то череп раскололся надвое, чья-то нога стала культей. Последние оставшиеся в живых хотели бежать. Один погиб от удара в спину, другому удалось добраться до выхода прежде, чем кровь струей ударила из того места, где раньше была рука...

Масал остался один. Его лицо пылало яростью. Для него уже не было пути к отступлению. Он думал только о том, как убить забрызганного кровью демона, который погубил всех его людей. С безумным криком Масал бросился на Кейна. Блеснул клинок. Кейн двигался быстро, а меч в его руке —

еще быстрее. Масал впервые почувствовал страх, а потом уже не чувствовал ничего.

Эхо крика Масала растворилось в ночи.

Кейн стоял на залитых кровью камнях. Вокруг — только умершие и умирающие. Он разогнал багровый туман жажды смерти. Все закончилось.

Нагое тело Сеси извивалось на душившей ее веревке. Лицо девушки потемнело.

Меч Кейна сверкнул над ее головой, веревка шелкнула, как тетива... и Сеси бессильно скатилась ему в руки. Кейн снял петлю с ее шеи и перерезал шнур на запястьях. Девушка повисла в его объятиях, с трудом ловя ртом воздух. Когда он коснулся ее тела в синяках и кровоподтеках, она застонала. Но слез по-прежнему не было в ее глазах.

— Мы можем взять их коней, — сказал он, кутая Сеси в плащ. Перед рассветом похолодало. — Немного задержимся — заберем то, что ты захочешь взять с собой. Война тут закончилась.

— Кто выиграл, Кейн?

— Я.

— Ты не выиграл. Ты только выжил.

— Это одно и то же.

— Победить — это нечто большее, чем выжить.

Вынося девушку из храма, Кейн кивнул в сторону мертвых:

— Их спроси. Или спроси меня... лет через сто...

МУЗА ТЬМЫ

Пролог

Пульсирующие краски и вибрирующий стонущий звук слились, даря неопишное наслаждение. Но постепенно звуки теряли выразительность, затихали, отдавались — зато вырвались на свободу световые картины. В ритме пения сирен вспыхивали и мерцали загадочные силуэты. Ослепительные краски и чарующие звуки пронизывали дрожью все тело Опироса. Нестерпимое блаженство накатывало волнами. Мало-помалу из пульсирующего хаоса цвета и звука начало вырисовываться нечто материальное. Поэт увидел сверкающие фигуры нагих красавиц, которые создавали совершенные узоры, передвигаясь в вибрирующем танце. Застыв вне времени и пространства, Опирос с восхищением следил за их безупречно прекрасными движениями и за красками, меняющимися, словно в калейдоскопе. Его сознание стремилось слиться с кружащейся, искрящейся мозаикой. Этот танец... От волшебства движений замирало дыхание, стихали отголоски боли и страха, поднимавшиеся из глубины сознания. Чуть размытые силуэты богинь — или, скорее, их отражения — нескончаемыми волнами проплывали в тумане пульсирующих красок.

Наконец Опирос понял: это всего лишь отражение одной богини — богини красоты, мерцающее во всех зеркалах Вселенной. Остро захотелось увидеть

ее истинный облик. Его душа устремилась через калейдоскоп узоров, и поэт отправился на поиски совершенства. Проходили часы — или мгновения? Неожиданно Опирос стал падать в центр непрестанно изменяющегося лабиринта, словно частичка звездной пыли, которая не в состоянии сопротивляться неодолимой силе притяжения черной дыры.

Его поиски закончились в центре пульсирующего светового водоворота. Тут его глазам предстала картина подлинной красоты. Он жадно вглядывался в величественное зрелище — фарфоровое тело богини безупречной формы, излучающее невероятный, неописуемый свет. Ее груди были подобны экзотическим плодам, руки сложены, будто для танцевального пируэта. И вот она увидела его. На пурпурных устах появилась улыбка, в фиалковых глазах — приглашение к танцу.

Болезненно яркие краски окружили их сияющей пряжей, словно паутиной. Богиня отступила к мягко колышущимся листьям папоротника, протягивая руки и приоткрыв алый рот. Опирос шагнул к ней, восхищенный лучезарным совершенством форм, живым огнем ее тела, волшебным теплом и бархатистостью кожи.

Улыбку на ее губах сменила гримаса боли — а может, свирепости. Дыхание стало напряженным, белоснежная грудь вздымалась, вторя ударам сердца, и вдруг ее тело лопнуло посередине, ребра выскочили наружу, как прорастающие стебли цветов, и заколыхались в такт звукам. Тонкие извивающиеся руки потянулись к Опиросу, словно побеги хищного растения. Улыбка богини сделалась еще шире; чудовищно длинный язык потянулся к его горлу. Поэт задрожал, с ужасом вырываясь из ее объятий, пытаясь высвободиться из кольца душащих рук. Ее ногти расцарапали ему лицо, острый,

как игла, язык пробил горло, когда Опирос вцепился изо всех сил в ее бескостную шею, отчаянно сопротивляясь всепоглощающему экстазу смерти...

Неожиданно сон развеялся. Чувствуя, как стекает кровь с разодранного лица, Опирос оцепенел, уставившись на неподвижную девушку, горло которой он сжимал обеими руками. Тупо и бездумно стал он разжимать пальцы — один за другим. Синеет лицо Сетеоль приобрело обычный цвет, когда ее окровавленные губы разжались и она глубоко вздохнула. Ее сердце трепетало под ладонью Опироса, хоть было не заметно, что она собирается прийти в себя. Испытывая неописуемое облегчение оттого, что девушка осталась жива, Опирос небрежно набросил простыню на ее неподвижное тело и встал, чтобы найти свою одежду. Комната тоннула в наркотических испарениях... Пришлось присесть на минутку на край кровати, пока не проявилось в голове и не перестали дрожать ноги.

Трудно было предугадать настроение его возлюбленной. «Лучше уйти до того, как она проснется», — подумал молодой аристократ. Одежда показалась ему чужой и странной. Натянув брюки и рубашку на свое поджарое тело, он не стал искать сандалии, а вышел из комнаты босиком. Вечер оказался теплым... только вот вечер какого дня?.. Этот новый наркотик оставил во рту сухость и горечь, развел и выжег все мысли и воспоминания. Необходимо было хлебнуть пива и слегка развеяться...

Во дворце, построенном без всякого плана, было тихо и пусто. Может, Опирос сам отпустил слуг на ночь? В памяти поэта было чересчур много пробелов... Забрав из захлапленного кабинета толстую пачку листов пергамента, спотыкающийся Опирос покинул дворец и нырнул во тьму Энсельеса, отправившись на поиски Кейна.

Глава первая ПОЭТ ТЬМЫ

Тусклый свет сочился на влажную мостовую от входа в «Таверну Станчека». Клубы желтого дыма выплывали на улицу через прохуdivшуюся кожаную занавесь. Опирос нетвердой походкой пробирался по темной улице, обходя колдобины и выбоины. Перед глазами у него все еще плясали разноцветные пятна и искрящиеся линии, а из черных луж, как ему казалось, выглядывали чьи-то лица. Видимо, недавно прошел дождь, хотя сейчас ночное небо над Энсельесом было чистым и звездным. Таким чистым, как в тот осенний день, когда они с Сетеоль растворили в графине вина несколько зернышек наркотика. Интересно, сейчас все еще тот же самый день? Опирос утратил чувство времени, и лишь чувство голода подсказывало ему, что с тех пор, как он ел в последний раз, прошел уже немалый срок.

Из темного проулка по соседству с таверной неожиданно донеслись воинственные голоса и лязг оружия. Заслонившись фонарем, как щитом, Опирос стал нащупывать нож, однако чей-то голос приказал:

— Оставь его, Хеф. Не узнаешь, что ли, полумного поэта?

Крадучись улочкой, Опирос раздумывал, кто его чуть не сцапал: грабители или городские стражники. Этот Хеф наверняка здесь чужой, раз не узнал Опироса — частого гостя «Таверны Станчека».

Над темным входом таверны не было никакой вывески, этот притон всегда называли именем расчетливого владельца. Компания, что собиралась там, хорошо знала сюда дорогу. Даже в столь беспокойном городе, как Энсельес, эта таверна сни-

скала себе прескверную репутацию. Городская стража редко заглядывала в этот район. Ее начальник довольствовался ежемесячной данью и не собирался подвергать своих людей риску сложить голову в закоулках, где порядочного человека и днем с огнем трудно сыскать. Благонамеренные граждане не посещали другие трактиры и таверны, охраняемые многочисленными солдатами Халброса — Серранты. Даже бывалые искатели приключений предпочитали посещать не столь мрачные злачные места — «Красного медведя», «Повешенного бандита», «Пса и леопарда», «Злого пса» или, на худой конец, «Ярдарма». «Таверна Станчека» считалась средоточием зла; сюда стекались худшие отбросы общества, преступники, а также люди, занимающиеся сомнительными делами...

Пачка листов пергамента запуталась в складках грязной занавеси. Наконец Опирос освободил ее и вошел, с трудом сохранив равновесие. Шестьдесят пар глаз уставились на него, несколько мгновений рассматривали его, а затем потеряли к нему всякий интерес. Поэт спустился по ветхим, выщербленным ступеням. Когда-то этот дом был городской резиденцией богатого купца. С тех времен остались только центральный зал с высоким сводчатым потолком и огибающая его дугообразная галерея, выполненная в совершенно ином архитектурном стиле. На середине зала кое-где еще можно было разглядеть замечательную мозаику, ныне грязную и затертую. Грубые, несуразные колонны подпирали накренившуюся галерею. Из зала можно было подняться наверх или спуститься в подвалы, наполовину засыпанные мусором и щебнем. В этих мрачных, полуразрушенных помещениях улаживались дела весьма сомнительного свойства. И хотя Опирос бывал там не раз, он с облегчением

подумал, что сегодня ночью ему не нужно спускаться в темный подземный лабиринт.

Кейна он заметил сразу. Тот сидел за угловым столом напротив входа, возле ведущей вниз лестницы. Опирос не колебался, несмотря на головокружение и слабое освещение. Этого массивного человека с квадратным туловищем, волосами цвета меди и короткой бородкой невозможно было не узнать. Кейн был не один. За столом рядом с ним сидели еще четверо, и трое из них имели определенно бандитские физиономии. Двое, судя по угрюмым чертам и неуклюжим повадкам, были родственниками и приставали к танцовщице, чтобы та станцевала для них. Третий, чье худощавое тело, казалось, состояло лишь из костей и напрягшихся мышц, внимательно наблюдал за человеком, сидящим за этим же столом. Последний, пятый, — незнакомец с суровым лицом, в одежде, запыленной от долгих странствий, — оживленно спорил о чем-то с Кейном.

Когда Опирос присел на краешек скамьи, Кейн и незнакомец как раз договорились о чем-то. Кейн кивнул своему сухопарому приятелю, тот, вынув тяжелый кошель, перебрал страннику. Незнакомец развязал шнурок и взглянул на золото, потом с довольным видом поднялся из-за стола. Кейн дал краткие указания трем своим товарищам. Незнакомец взял кошель и вместе с худощавым и парой здоровяков вышел из зала.

Опирос приветственно кивнул, когда они проходили мимо, и подсел поближе к Кейну. Покинутая своими поклонниками танцовщица беспокойно посмотрела на Опироса, но, не обнаружив в его глазах заинтересованности, шелестя шелковыми юбками и позванивая колокольчиками, с облегчением отошла прочь. Кейн сделал знак — мигом

подбежала служанка. Она с глухим стуком поставила на стол кувшин и стала собирать пустую посуду. Когда она протянула руку к кружке Кейна, тот покачал головой и показал на ту, которой пользовался незнакомец. Девушка схватила ее, вытерла краем засаленного и рваного фартука, наполнила темным пивом из кувшина и придвинула к поэту. Опирос проглотил содержимое, пока служанка наполняла кружку Кейна, и вновь подставил ей свою кружку.

Холодные голубые глаза Кейна рассматривали оцарапанное лицо поэта, рот кривился в ироничной усмешке.

— Я рассчитывал увидеть тебя прошлой ночью, — объявил он.

— А что случилось прошлой ночью?.. Я пробовал новый наркотик, — сказал Опирос.

— И вернулся отчитаться, — усмехнулся Кейн. — Почти подвиг — если Даматист приготовил порошок точно по формуле, которую я тебе дал.

Опирос небрежно положил кипу листов пергамента на обнаженный меч Кейна, лежавший поперек стола.

— Ну хоть не напрасные усилия?..

— Да нет, — ответил Опирос. Пиво, казалось, заглушило кошмарный гул у него в голове. — Было несколько интересных видений, кое-какие идеи, я тут записал наспех... Думаю, пригодятся для «Вихрей ночи», только вдохновения пока недостаточно... — Он порылся в своих листах. — У тебя есть немного времени... ты свободен сегодня ночью?

Кейн рассеянно соскребал ногтем коричневые пятна с черепа, вырезанного на рукояти меча.

— У меня нет дел, которыми не могли бы заняться мои люди. Ожидается скучная ночь — разве что тебе интересно будет понаблюдать, как Эберос

спускает в кости десятилетний заработок. Утром Даматист обнаружит, что гол как сокол благодаря своему первому ученичку.

— Так я прочитаю тебе отрывок, — предложил Опирос. Он наморщил лоб, склоняясь над пергаментными листами, вертя их в руках, стараясь выбрать наилучшее освещение. — А, вот оно. Я немного развил фрагмент «Богов Тьмы», который ты мне подкинул.

*В мрачных замках, где властвует вечная ночь,
В подземельях, где бьется злоевищий огонь,
Гибнут боги, не в силах злой рок превозмочь,
И колышется Тьма теневой стеной...*

— Никогда я такого не писал, — возразил Кейн.

— Это сделала Сетеоль в соответствии с твоими замечаниями, — пояснил Опирос. — Она хорошо чувствует рифму и размер.

— Звучит недурно, но рифма плохо сочетается со смыслом. Я думал, мы с тобой сходимся в том, что нужно стремиться к логичности образа без вмешательства рифмы. Стихотворный размер сам по себе уже достаточно назойлив...

— Я просто полагал, что ты захочешь услышать, как это можно сделать, — прервал его Опирос, оправдываясь. — Я убежден, стихотворение, которое можно петь, гораздо эффектнее того, что хорошо читается, и во сто крат превосходит прозу. Поэзия — это выражение красоты, а красота — область эмоций. Чтобы по достоинству оценить прекрасное, его нужно воспринимать всеми органами чувств. Иначе публику не привлечешь. Понимаешь, Кейн, ты слишком рассудительно подходишь к воображению. Ты не способен отделить его от разума. У тебя вера в рациональное и чувственное восприятие неразделима.

— О Боже, сегодня ты чересчур глубокомыслен, — заметил Кейн. — Ты-то сам уверен в истинности своих прозрений? Наркотики и пиво — благодатная почва для пророчеств и философских построений, до которых никогда не додуматься на трезвую голову.

— Может быть, может быть, — парировал Опирос, — но порой наркотики и вино прокладывают путь истинам, скрытым за упорядоченными мыслями.

Он успокоился и начал перебирать листы пергамента.

Кейн примирительно скривился.

— Я бы хотел полностью услышать то, что ты написал, — попросил он. Кивнув проходящей мимо служанке, он забрал у нее кувшин и поставил его перед поэтом.

Опирос осторожно наполнил свою кружку и вновь склонился над густо исписанными листами. Читал он тихим голосом, время от времени смачивая горло пивом. Иногда Кейн прерывал его, чтобы поспорить о тонкостях стихосложения, и тогда Опирос, подумав, делал на полях пометки металлическим пером, которое макал в разлитое пиво и тер о кусочек сухих чернил. И снова он принимался за чтение.

Поэт уже давно оставил всякие попытки проникнуть в тайну, которая окутывала личность Кейна. Даже на такой простой вопрос, как возраст Кейна, невозможно было ответить. Он казался многим старше тридцатилетнего Опироса. Однако внешность обманчива. Судя по всему, Кейн был намного старше. В общем, он был загадкой, ну а Опирос слишком высоко ценил его дружбу, чтобы задавать бестактные вопросы. Поэт принял тайну как неотъемлемое условие дружбы, хотя порой за-

думывался о мрачном прошлом этого таинственного человека.

Минуло уже больше года с тех пор, как они познакомились. Опирос блуждал в сумерках среди заросших лесом руин Старого Города. Столкнувшись с Кейном и почувствовав в незнакомце родственную душу, Опирос заговорил с ним. Кейн ответил на приветствие вежливо. В его речи слышался легкий акцент, и Опирос сразу же отметил убийственный холод в его голубых глазах. Они обменялись парой банальных замечаний о Старом Городе. Поэта поразило, как свободно и небрежно незнакомец рассуждает об истории Старого Города, о тайных знаниях прошлого. Кейн говорил о вещах, о которых поэт лишь смутно догадывался, хотя с жадностью собирал все сведения в этой области. Опирос перечислил несколько гипотез относительно того, почему жители покинули Старый Город два с лишним века тому назад, но Кейн лишь странно посмеивался в ответ. Больше удивленный, нежели обиженный таким поведением незнакомца, Опирос постарался поддержать беседу. Кейн отвечал уклончиво до тех пор, пока Опирос не представился.

Кейн тут же выказал интерес к его творчеству и, уже не так рассеян и сухо, предложил закрепить знакомство за столом в таверне.

Случайная встреча выросла в дружбу, и, общаясь с Кейном, Опирос познакомился с темными закоулками и тайными тропинками Энсельеса.

В суть дел Кейна в Энсельесе Опирос старался не вникать. Он чувствовал, что его новый знакомый ведет игру более тонкую, а не просто контролирует преступный мир. Это была еще одна тайна, окружавшая его нового друга наряду с глубокими познаниями в поэзии и истории чужих краев и былых веков.

Опирос очень ценил Кейна как критика. Его логичные, точные замечания не раз заставляли поэта менять целые куски своих сочинений. Горячие споры обычно затягивались до рассвета.

Опирос дорожил этой дружбой и надеялся, что Кейн разделяет его чувства. Поэт был изгоем среди аристократов. В их среде Опирос родился, но он не заботился о поверхностной и ненадежной любви высшего общества. Хотя его творчество получило широкую известность на Северном континенте, а талант не подвергался сомнению, мрачная окраска творений снискала Опиросу скверную репутацию среди интеллектуалов и дилетантов пера. Поэт был известен, но не обременен лаврами славы. Те, кто причислял себя к «культурным людям», и те, кто кичился своим происхождением и богатством, в равной степени не любили Опироса. Изгой знал — ничто не связывает его с высшими сословиями общества, ведь они относились к нему как к безумцу. Общественное неприятие его жизни и творчества порой огорчало, но не становилось препятствием для сочинительства. Наследник огромного состояния, Опирос мог себе позволить не замечать отчуждения и продолжать карабкаться по неисследованным тропам, куда манил его необычный дар. Опиросу нередко приходило в голову, что он точно так же стоит вне закона, как Кейн и те подозрительные личности, что вертелись вокруг него.

— А что с «Вихрями ночи»? — спросил Кейн, когда Опирос кончил читать стихи.

Его приятель скривился.

— Знаешь, почти ничего. Наверное, сотни раз я зачеркивал написанное и начинал заново. Никак не получается то, что мне хотелось бы...

Кейн сочувственно хмыкнул. Опирос возился с «Вихрями ночи» уже месяца два, прилагая титани-

ческие усилия, чтобы создать шедевр, который должен был стать обоснованием его концепции искусства. Но, как обычно и случается при сознательных попытках сотворить шедевр, стремление к совершенству подавило возможности художника. Опирос снова и снова брался за дело, работал до нервного истощения, снедаемый желанием идеально отшлифовать каждую строку, — а между тем «Вихри ночи» ненамного ушли вперед от первоначального замысла, который родился из бредовых, горячечных снов. Считая, что поэту не мешало бы расслабиться после столь напряженных трудов, Кейн подбросил ему несколько идей, которые можно было использовать в других стихотворениях. И Опирос усердно работал над «Богами Тьмы», используя идеи Кейна, однако «Вихри ночи» продолжали занимать его воображение.

— Ну хорошо, послушаем, как это звучит, — предложил Кейн.

Опирос нервно провел рукой по волосам и по лицу, отметив попутно солидную щетину на щеках. Какой же все-таки сегодня день?.. Он опять наполнил кружку — пиво притормаживало гудящую карусель у него в голове. Вытянув из стопки замусоленный лист, он начал читать:

*— Ночью, когда я лежу без сна,
Тяжко дышать мне — на сердце камень.
Кромешная тьма кругом лишь одна.
Сдавлен в объятиях жуткой я твари.
Биение сердца — пульсация крови...
Я знаю, вот-вот разверзнется тьма,
И ясно, что мой палац наготове —
Я жду, что вот-вот вихри ночи завоют.
Разбейте окно, загасите огонь,
Овейте мне тело прохладой могил,
Холодную лаской коснитесь меня,*

*Да так, чтоб о милости я вас молил.
Несите меня вы в далекие страны,
Рисуйте картины, каких не видал,
Заденьте романтики смерти струну.
По тропам неведомым к людям ведите,
И я стану смерть призывать лишь одну.
Но вы ведь меня никогда не простите...
Ну что ж, заберите меня, вихри ночи!
Помчите мой дух на зловещих крылах,
И пусть воспарю я как тень среди прочих,
Кому радость смерти судьбой не дана.
Коснувшись перстами слепых своих глаз,
Познаю я мира сокрытые тайны,
Пусть все пронесется пред мною зараз.
И пусть лишь одни вихри ночи...*

Опирос читал запинаясь, и от этого поэма казалась еще более несвязной, отрывистой. Ее полужформленные строки рассказывали о песке, движущемся через пустой склеп, и о том, почему склеп пуст; о ветре в лесу, где лежит умирающая богиня; о полуразрушенных крепостных стенах и о бледной красавице, которая прохаживается по этим стенам; о черной волне, разбивающейся о зубья крутого обрыва, и о тени, что притаилась там; о горах, покрытых вечным льдом, где застыл погруженный в сон древний город...

Болезненно скривившись, Опирос закончил, резко собрал листы, схватил свою кружку и одним большим глотком опорожнил ее, судорожно дернув кадыком.

— Вот и все. Ну как?

Кейн ответил уклончиво:

— Думаю, все это ты еще приведешь в порядок. Хотя то, что есть, мне нравится. Картины, которые ты рисуешь, на сей раз обладают большей притягательной силой. Создается настроение, почти не

замечаешь, что сознательно нагнетается напряжение. Композиция пока не слишком продумана, хотя, по-моему, похоже на...

— Все это надуманно! — гневно фыркнул Опирос. — И надуманно, и натянуто! И все еще находится на стадии предварительного наброска. Я уже добрый месяц мучаюсь бессонницей, думая об этом. Мое воображение или бессильно, или слишком туманно. Не могу добиться впечатления реальной атмосферы.

— Но ведь уже начинает получаться, — возразил Кейн. — Атмосфера будет создаваться постепенно, по мере продвижения работы. Объедини несколько отрывков, добавь какое-нибудь окончание, пусть даже поначалу оно тебя не удовлетворит. Убери слабые куски, а потом уже решай, что с этим делать, — по крайней мере ты сможешь выделить что-то конкретное. Думаю, ты близок к тому, чтобы создать вещь столь же замечательную, как твои прежние работы!

Опирос презрительно хмыкнул.

— Столь же замечательную, как прежние? Таковую же несовершенную, ты хочешь сказать! Черт, хотел бы я хоть раз услышать, что написал шедевр! Только не начинай, пожалуйста, скрипучую философскую дискуссию о невозможности существования идеала. Понимаешь, Кейн, я все-таки надеюсь, что смогу написать поэму, которую сам сочту совершенной. Пока же ни одной своей вещью я не был в достаточной мере удовлетворен. Все они — результат компромисса между тем, что я хочу, и тем, что я могу сделать. Я понимаю, что строка не совсем такая, как надо, — но как перейти эту грань, создав то, что нужно, убей, не знаю...

— И что такое для тебя совершенство? — иронически спросил Кейн, предвкушая еще один горячий спор до утра.

— Поэма лишь тогда совершенна, — не задумываясь, откликнулся Опирос, — когда захватывает слушателя целиком и полностью. Это должна быть проекция чувств и мыслей автора в сознание слушателя. Он должен полностью погрузиться в реальность поэмы: испытывать те же ощущения, что и автор, чувствовать атмосферу, видеть те же картины, сливаться с настроением поэта... Любой дурень с зачатками таланта может написать стихотворение, которое выслушает какой-нибудь другой дурень; хороший поэт может написать стихотворение, которое затронет восприимчивого слушателя... Но создать стихотворение, которое своей магией очарует даже притупленное воображение, — вот это, Кейн, и есть совершенное искусство, творение подлинного гения!

— Занятная теория искусства, — отозвался Кейн после короткой паузы. — Ты себя понапрасну мучаешь поисками недостижимого совершенства. Я очень ценю твой талант, Опирос, и все-таки мне кажется, что гениальное творение, к которому ты стремишься, превосходит человеческие возможности.

— Невероятно! Кейн провозглашает богобоязненную доктрину о неизбежном поражении человека, который осмелится покуситься на те вершины, где может находиться лишь Бог, — съязвил Опирос, но тут же пожалел о своих словах.

Пронизывающий взгляд Кейна задержался на поэте. Кейн минуту раздумывал, насколько случайной была эта насмешка.

— Ты ведь знаешь, я совсем не это имел в виду, — ответил он с ледяным спокойствием. — Ну а если без обиняков: неужели ты думаешь, что твой гений справится с этой задачей?

Опирос уставился на Кейна.

— Не знаю, — признался он, избегая его взгляда. — Это меня и мучит. Я знаю, как это делается:

ритм, размер, слова, образы... Я понимаю, как ткать полотно, но не могу ухватить путеводную нить. Нужно вдохновение, озарение, чтобы вытащить воображение из болота заезженных идей. Если бы я только знал, как уничтожить в себе талант производить на свет стихи, похожие друг на друга... одни и те же потерянные образы, тусклые эмоции... Моя поэма должна быть радикально новой; я хочу создать ее из идей и образов, единственных в своем роде, я не стану пользоваться чужими...

Он пробурчал еще что-то себе под нос и потянулся к кувшину. Странно, кто-то его уже опустошил...

Глава вторая МУЗА СНА

Кейн задумчиво смотрел на склонившегося над столом товарища. Служанка принесла очередной кувшин пива. «Лучше оставить его наедине со своими мыслями», — решил Кейн. Он протянул руку к кувшину, чтобы наполнить полупустую кружку Опироса, и тут заметил, что кто-то направляется к их столу.

Приземистая фигура Эбероса, первого ученика алхимика Даматиста, излучала беспокойство. Лицо его было потным и напряженным. Взгляд глубоко посаженных глаз бегал из стороны в сторону. Казалось, он опасается, что все в этом помещении вот-вот заметят, что он нервничает, и захотят узнать, зачем он сюда явился. Хоть Эберос и не был частым гостем в «Таверне Станчека», Кейн достаточно хорошо его знал, поскольку имел дело с Даматистом. Удобно устроившись на стуле, он ждал, чтобы Эберос первым начал разговор.

— Я пришел просить тебя об одной услуге, Кейн, — начал Эберос, облизывая бледные губы. — Об услуге, которая будет вознаграждена сегодня же ночью!

— То есть попросту хочешь занять денег, — сухо подытожил Кейн.

Ученик алхимика вытер руки о мускулистые бедра. Его брюки были перепачканы растворами и порошками, которые он делал в лаборатории Даматиста.

— Хочу, — сознался он. — Но для тебя это будет скорее вложение капитала. Мне временно не везет в игре. Я все потерял. Но несколько ставок — и счастье ко мне вернется. Эти мерзавцы не дают мне кредита.

— Неудивительно. За десять часов ты просадил годовой доход самого крупного торговца. К чему им принимать вексель от бедняка, да к тому же неудачника? Чем выбрасывать деньги дальше, подумай лучше, как объяснишь своему учителю, что спустил его золото. Сомневаюсь, чтоб это были твои собственные сбережения...

Эберос побледнел.

— Я не вор! — рявкнул он.

— Но, вне всякого сомнения, всего лишь скверный игрок.

Не обращая внимания на то, что Кейн явно хочет от него отделаться, Эберос уселся и доверительно наклонился к собеседнику:

— Послушай, Кейн! Говорю тебе об этом только потому, что здесь нет больше никого, кто мог бы поддержать меня. Я запланировал все давно, и все должно случиться именно сегодня. Я не случайно сел играть. Неделями я вычислял по звездам, гадал всеми способами, которым обучил меня Даматист. Ответ был один и тот же: сегодня ночью

судьба мне благоприятствует. Ни в какой азартной игре я не могу проиграть!

— Из этого следует, что ты плохой астролог, — отрезал Кейн. Он никогда не симпатизировал ученику Даматиста. Лстец и лицемер, Эберос пресмыкался перед своим учителем — угрюмым и грубым алхимиком. В умильном и ласковом Эберосе Кейн чувал алчную и ненасытную душу.

Отчаяние исказило лицо Эбероса гневной гримасой.

— Ладно, смейся! Я согласен, фортуна не покровительствует мне у Станчека. Но я был этой ночью в других местах. Думаешь, деньги, которые я здесь потерял, я выпросил или украл? Ошибаешься! Слушай! Начал я сегодня вечером в «Псе и леопарде», имея за душой лишь десять золотых монет и немного серебра, скопленного из тех жалких денег, которые платит мне Даматист. В какой-то момент у меня осталось только серебро, но, когда я выходил, все были потрясены, а у меня оказалось около сотни золотых монет. В «Ярдарме» было то же самое. Они думали, что обдерут меня как липку, но очень скоро никто не мог играть против меня. У меня было уже с полтысячи серебром и золотом. Я пришел сюда. Тут можно играть по-крупному. И снова получилось, что я продулся в пух и прах... Одолжи мне сколько нужно, и даю слово, что потребуется пара невольников, чтобы поднять мой выигрыш. Одолжи мне полсотни — и сегодня же ночью получишь обратно сотню...

Кейн лишь рассмеялся в ответ. Отчаявшийся Эберос перевел взгляд на Опироса, который замороженно уставился на дно своей кружки. Поэт был богат, но никогда не носил при себе больше сотни монет. Видя, что ничего не добьется и что от него хотят избавиться, ученик алхимика схватился за последнюю соломинку.

— А если я предложу кое-что в залог?

— И что же ты можешь предложить за полсотни золотых? — без интереса спросил Кейн.

Дрожащими руками Эберос вытащил из сумы, притороченной к поясу, небольшой сверток и молча кинул его Кейну. Кейн со скептическим видом развернул мягкую кожу. На его широкую ладонь выкатилась сверкающая фигурка. Глаза Кейна на мгновение сузились, а потом широко раскрылись.

— Муза Тьмы, — прошептал он изумленно.

— Что? — спросил Опирос, выходя из задумчивости и вытягивая шею.

На открытой ладони Кейна лежала вырезанная из черного оникса статуэтка нагой девушки дюймов в пять. Камень был без единого изъяна, работа — в высшей степени мастерская. Девушка лежала навзничь, с лениво-расслабленным видом. Голова с копной вьющихся волос отдыхала на левой руке; другую руку она слегка приподняла в призывном, быть может, приветственном жесте. Стройные ноги были чуть согнуты в коленях. Взгляд таил в себе неотразимое очарование. Загадочная улыбка на приоткрытых губах, казалось, хранит в себе какую-то тайну, манит куда-то. И все же в этом прекрасном лице таилась безжалостность, которая ложилась тенью на улыбку, полную обещаний, и заставляла задуматься — к каким усладам зовет чародейка. Световые блики мягко ласкали ее аристократическое лицо, округлые груди, узкие бедра и длинные ноги. Казалось, это богиня, превращенная в миниатюру из темного камня.

— Значит, ты знаешь об этой статуэтке, — с нервным смешком оскалился Эберос.

— Это Клинур, муза сновидений, которую еще называют Музой Тьмы, — сообщил Кейн. — Ошибиться невозможно, Клинур — одна из шестнадца-

ти муз, которых много веков назад изваял маг Амдерин. Его работу легко распознать, ну а эти скульптурки вообще легендарны. Предполагают, что большая часть их не сохранилась. И еще говорят, что несколько штук есть у Даматиста... но ты ведь не вор?

Эберос сжал губы.

— Не заметит же он сразу ее отсутствие! Я взял ее из шкапулки только потому, что предвидел такую ситуацию. Эта фигурка бесценна, и ты об этом знаешь. Одолжи мне сотню золотых под залог? Я отдам тебе через час сумму вдвое большую.

Кейн пожал плечами.

— У меня нет причин переступать порог мира грез. К тому же я не хочу ни часа хранить краденые произведения искусства.

— Дай ему денег, Кейн, — вмешался Опирос, неожиданно оживившись. — Если он проиграет, я покрою убыток.

— Тогда выложим сумму пополам, — Кейн удивленно посмотрел на поэта. — Таким образом, ты пожалеешь лишь наполовину, когда придешь в себя.

Эберос хотел запротестовать, но не решился, опасаясь, что приятели передумают. Тяжелые золотые монеты покатались через стол, разбрызгивая разлитое пиво. Помощник алхимика поспешно собрал их и отправился играть.

— Расскажи мне о ней, Кейн, — попросил Опирос. — Когда ты сказал о пороге мира грез, мне это что-то напомнило. Что за история связана с этой музой?

Кейн пододвинул статуэтку к поэту и серьезно посмотрел на него.

— Амдерин был одним из самых знаменитых магов времен упадка Керсальгиала. И к тому же талантливейшим скульптором. Он не хотел сми-

ряться с тем, что не может превзойти других людей абсолютно во всем, и поэтому изваял шестнадцать муз. Каждая из них должна была помогать ему в какой-то определенной области жизни и творчества — для этого нужно было только ее вызвать. Он мог стать первым универсальным гением.

— Почему же не стал?

— Умер вскоре после того, как воплотил свой замысел в жизнь.

— Самоубийство?

— Странное предположение, — Кейн пристально взглянул на Опироса. — Нет, не самоубийство. Хотя смерть его была загадочной. Его тело лежало поперек кровати — раздавленное и переломанное, будто он упал с большой высоты... Потом статуэтки переходили из рук в руки. На сегодняшний день известна судьба лишь нескольких из них.

— А это, значит, Клинур, — пробормотал Опирос, — муза сонных грез...

— Муза Тьмы, — добавил Кейн, — вырезанная из черного оникса, черная, как беззвездная ночь — ночь, в которой она обитает и куда манит. Живет же она во мраке бесконечных снов. Призраки этих снов таятся в бездне — обрывочные видения, которыми никогда не воплотиться в реальность...

— Она словно зовет...

— Призывает тебя переступить порог сонных грез.

— Какая странная у нее улыбка...

— За ней — тайная мудрость, скрытая пологом ночи.

— Как будто она насмехается над чем-то.

— Над бесплодными мечтами. В ней нет ложной мудрости.

— И во взгляде ее — безжалостность...

Кейн резко рассмеялся.

— Безжалостность? Конечно! Ведь многие сны — это ночные кошмары. Попади в ее объятия — и вместо чудес, которых ты ждешь, темная муза втянет тебя в бездонный водоворот черного ужаса.

Кейн посмотрел в сторону входа. Из пелены табачного дыма выскользнули трое мужчин — те, что сидели с ним прежде. Странствующего незнакомца с ними не было. Небрежно проталкиваясь через набитый людьми зал, они прошли к угловому столу, уселись и тут же стали пить пиво. Опирос, который знал их и раньше, пробурчал неразборчивое приветствие.

— Без проблем, Левардос? — поинтересовался Кейн.

Его помощник, напоминавший скелет, помотал головой:

— Не волнуйся. Хочешь увидеть?

— Не сейчас. Станчек в курсе того, что случилось?

— Знает. Он видел и, похоже, доволен сделкой.

Кейн кивнул и сменил тему. Погруженный в меланхолические размышления, Опирос вернулся к прерванному разговору о фигурке из оникса. Вебр и Хайган, братья из далекого горного поселка, с любопытством наклонились, чтобы разглядеть предмет разговора. Должно быть, вид обнаженной девушки напомнил им о чем-то. Вебр, младший из братьев, отошел, поднялся по лестнице, чтобы отыскать танцовщицу.

Вскоре он вернулся, таща за собой девушку. Лицо у нее прям-таки пламенело от стыда, одежда — в беспорядке. Костяшки правой руки Вебра были разодраны до крови. Он показал кулак брату, и они оба рассмеялись. Испуганная девушка протестовала — она не может танцевать без музыки. На это братья,

смеясь, вытащили свирели и начали дуть в них, извлекая неслаженные, резкие звуки. Беспомощно вздохнув, темноволосая танцовщица закружилась, стараясь попасть в такт нескладной мелодии.

Опирос постарался что-то сказать, перекрикивая визг свирелей. Тогда Кейн жестом приказал братьям отойти подальше. Не прерывая игры, Вебр и Хайган встали и тяжелым шагом отошли в угол, не отпуская пойманную девушку. Они обходились с ней весьма бесцеремонно. Глядя на них, Левардос осуждающе покачал головой, но остался на месте. Выражение лица его, как всегда, было равнодушно-настороженным.

Опирос наклонился к Кейну.

— Я спрашиваю тебя, секрет Амдерина умер вместе с ним?

— Секрет?

— Ну, как вызвать муз с помощью статуэток?

— А-а... Нет, не умер. Это довольно простое колдовство. Гений Амдерина проявился в создании этих скульптурных портретов; с их помощью любой, кто владеет оккультными знаниями, может вызвать музу.

— А тебе известно это колдовство? — спросил поэт напряженным голосом.

Кейн задумчиво поглядел на своего приятеля, размышляя, о многом ли тот догадывается.

— Известно.

Опирос молчал. Слышны были лишь визг свирелей, звон колокольчиков и тяжелое, хриплое дыхание танцовщицы. Казалось, таверну разделило невидимой стеной; резкие крики игроков в кости стали далекими и приглушенными.

— Если б я мог переступить порог мира сна, — медленно заговорил Опирос, — если б я мог увидеть, как рождается сон, отправиться по следу духов

сна, чьи чары исчезают сразу после пробуждения... Клянусь семью глазами владыки Троэллета, Кейн! Ты можешь себе вообразить ту лавину, тот вдохновенный порыв, который охватил бы мою душу?

— И скорее всего ее бы и уничтожил, — фыркнул Кейн. — Допустим даже, что душа твоя вынесет изначальный хаос бесформенных мыслей и образов. Ну а если Клинур поведет тебя в мир ночных кошмаров? Что будет, если вместо того, чтобы увидеть бессмертные картины неземной красоты, ты очутишься в ловушке среди беспощадных ночных призраков, которые многих смельчаков довели до помешательства? Темной музе безразлично, являют ли ее сны райскую красу или крошечный ужас.

Поэт беззаботно рассмеялся.

— Меня бы это волновало, если бы я писал о солнце, цветах и любви. Но ты прекрасно знаешь, к чему я стремлюсь. Я хочу слагать оды в честь ночи, хочу воспевать порождения тьмы, возносящиеся из безымянных бездн; я хочу создавать поэзию кошмарного, и пусть другие лепечут о вещах обыденных и приятных. Черт побери, Кейн, мы столько ночей толковали с тобой об этом и всегда сходились на том, что истинно прекрасное и великое заключено в темной сфере бытия — смерть, тайна... Проявление чистой красоты точно так же парализует чувства, как слепой страх. Невыразимая любовь так же ранит душу, как невыразимый ужас. В миг наивысшего наслаждения ощущения, приносящие блаженство, невыносимо болезненны; экстаз и агония неразлучны... Я не могу писать «Вихри ночи», потому что не могу проникнуть в этот темный мир. Мне неведомы ощущения, которые я пытаюсь воссоздать. Всюду я искал пищу для вдохновения: читал скучные книги, отказался от своих привычек,

ходил в безлюдные места, пробовал сомнительные наркотики... И ничему не научился! Если бы я мог уговорить Клинур, чтобы она меня вдохновила, ввела в таинственный мир снов, — я бы согласился на любой кошмар... Да нет, что я говорю, принял бы его с радостью, если бы благодаря этому смог создать совершенную поэму!

Кейн наморщил лоб. Собственно говоря, они были слишком похожи с Опиросом, чтобы он стал отговаривать поэта от подобного опыта, тем не менее...

— Конечно, решать тебе. Но я хочу, чтобы ты хорошо понимал, чем рискуешь, оказавшись за порогом сна. В сущности это будет не сон. Ты окажешься в объятиях Клинур и не сможешь вырваться из круга ночных кошмаров. Безумие будет продолжаться и продолжаться. К примеру: ты упадешь во сне — и проснешься в момент падения...

— О Боже, — прошептал Опирос. — Ты думаешь, что Амдерин...

— Это лишь одно из предположений. Мы не можем даже представить себе все опасности...

По таверне прокатилась волна шума. Толпа у игорного стола заволновалась. Послышались гневные крики. Кто-то протестовал, выказывал недовольство, кто-то выкрикивал поздравления... Когда толпа немного рассеялась, показалась коренастая фигура Эбероса. Впереди шел светловолосый невольник вальданец. Его широкие плечи сгибались под тяжестью туго набитого кожаного мешка.

На раскрасневшемся лице Эбероса заиграла улыбка.

— Я выиграл! — заявил он. — Ни у кого нет уже ни золота, ни храбрости, чтобы играть со мной. — Небрежным движением он высыпал на стол горсть золота. — Вот твоя сотня, а вот еще одна, как я и

обещал. И впредь не торопись оскорблять человека... Отдавай статуэтку.

Звуки свирели неожиданно смолкли. Эберос накнулся на ледяной взгляд Кейна, и его радостное настроение мгновенно улетучилось.

Не глядя на золото, Кейн придвинул его к ученику алхимика.

— Ты мне ничего не должен, — пояснил он. — Я решил оставить фигурку себе. Я уже заплатил тебе.

На победоносно-радостное лицо Эбероса легла тень озабоченности.

— Я же не продавал ее тебе! Это была лишь дополнительная гарантия. Я выполнил свое обязательство, Кейн. Вот сто золотых, как и договаривались. Ну а теперь мне нужна статуэтка. — Он протянул руку к фигурке из оникса, лежавшей перед Опиросом.

— Я бы этого не делал, — посоветовал Кейн.

Эберос сжал кулаки, встревоженный и рассерженный. И все-таки он не решился взять статуэтку.

— Я должен вернуть ее обратно, прежде чем Даматист заметит пропажу, — объяснил он.

— Ну что ж, ты просто скажешь своему хозяину то, что сказал бы, если бы проиграл деньги, которые я тебе дал, — предложил Кейн без малейшего сочувствия. — И раз уж ты теперь богат, почему бы тебе не проверить — может, какой-нибудь город на юге нуждается в алхимике?

— Хорошо, я дам за нее двести монет.

Кейн покачал головой, высокомерно улыбаясь.

— Двести пятьдесят... и не больше!

— А раньше ты заявлял, что она бесценна...

— Черт! Ну назови свою цену! Я не хочу ссориться с Даматистом.

— Мой гнев может оказаться страшнее, — предупредил Кейн.

На толстой шее взбешенного Эбероса вздулись вены. Он потянулся к мечу. Стоящий за его спиной вальдонец испуганно отодвинул мешки с золотом. Вебр и Хайган не спеша приблизились и встали по обе стороны Кейна. На их грубых лицах играли издевательские усмешки. Левардос встал, ничуть не изменившись в лице. Не спеша приблизились остальные люди Кейна. Приземистый Станчек отдал какие-то инструкции своему помощнику, а потом тот направился к двери и стал ее запираť.

Кейн взял статуэтку со стола и начал перекачивать ее на ладони. Он усмехался с глумящимся видом. Смерть читалась в его взгляде. Эберос понял, что она кружит где-то поблизости.

— Да пес с ним, что мне этот Даматист! — рассмеялся он неожиданно. Его слова прозвучали как предсмертный хрип. — Я научился всему, чему мог обучить меня старый скупердяй. И у меня достаточно золота, чтобы жить в свое удовольствие. Бери эту проклятую статуэтку, раз тебе так хочется, — пусть Даматист сам ее ищет. Ну а я, пожалуй, поищу в другой таверне еще парочку богатых придурков, которые со мной сыграют...

Дрожащими руками он сгреб со стола золотые монеты и, подобострастно улыбаясь, пошел к выходу. Испуганный вальдонец следовал за ним как тень. Оба исчезли за драпированным занавесом.

Вебр и Хайган расхохотались, присвистнули и снова стиснули бедную танцовщицу. Опирос взял из рук Кейна статуэтку и взглянул на нее с восхищением. Левардос позволил себе еле заметно улыбнуться.

Кейн заметил издевательские жесты Станчека и неодобрительно покачал головой.

— Ему снова сегодня повезло, — ответил он на молчаливый вопрос в глазах Левардоса. — Несколько тысяч золотом, охрана — один человек, и

этот паршивец вышел отсюда живым. Станчек полагал, что я собрался этим заняться.

— Можем его разыскать, — предложил помощник, поднимаясь.

— И не пытайся, — посоветовал Кейн. — И все-таки я заполучил смертельного врага. Мог ведь прикончить его сразу, но позволил уйти. Скажи, Левардос, был ли я когда-нибудь раньше столь неосторожен?

— Нет, — признался тот и вложил свой стилет в ножны, спрятанные в рукаве.

Глава третья

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Кейн утрюмо устался на входную занавесь. Опиросу пришло в голову, что его заинтересованность в черной фигурке могла доставить Кейну непредвиденные хлопоты. В конце концов, у Кейна с алхимиком были деловые связи, а ведь Даматист наверняка узнает, в чьи руки попала статуэтка...

— Не волнуйся из-за Эбероса, — успокоил его Кейн, когда поэт поделился своими сомнениями. — Если он не глупей, чем я думал, сегодня к утру он будет далеко от Энсельеса. Даматист непременно обвинит его в краже. Он в таких делах весьма злопамятен... Теперь статуэтка твоя. Интересно, что ты намерен с ней делать?

Поэт уже принял решение.

— Я же тебе сказал: я надеюсь вызвать Клинура, чтобы отправиться за нею в загадочное царство снов. Буду тебе очень благодарен, если покажешь, как это делается. Думаю, ты знаешь о колдовстве гораздо больше, чем хочешь показать... Но если ты против, я сам где-нибудь отыщу рецепт.

— Ты потратишь на это немало сил, — заметил Кейн. — Ладно, раз ты так решил — пусть будет по-твоему. Но учти: риск очень велик. Может, подождем, пока твой разум не прояснится?

— Я хочу попробовать как можно скорее, — заявил Опирос, старательно наполняя свою кружку. — Ну хорошо, подождем. Попробуем завтра?

— Завтра ночью, если пожелаешь, — согласился Кейн. — Ночь — время Клинура. Я все приготовлю.

— А где ты собираешься провести эксперимент? Мой дом сгодится?

Кейн покачал головой.

— Думаю, мы найдем что-нибудь получше. Атмосфера тайны — вещь чрезвычайно важная. Нужно уединенное место, где никто нам не помешает, где нет дурных эманаций. На сны сильно влияет окружение, в котором находится спящий. Добрый дух Энсельеса не благоприятствует видениям, которые ты ищешь. Нужно вызвать Клинура в Старом Городе. В каком-нибудь из святилищ, что до сих пор излучает оккультные флюиды, которые помогут тебе войти в контакт с музой мрака.

— Святилище Ваула? — предложил Опирос.

— Это воинственный бог с холодной и несколько прозаичной натурой, — возразил Кейн. — Я же имел в виду святилище Шенан. Богиня Луны должна способствовать нашим начинаниям.

— Я не знал, что ее культ простирался так далеко на север. А где ее святилище?

— Я покажу тебе, — уклончиво пообещал Кейн и начал толковать о процветании культа Шенан во времена Старого Города.

Они беседовали до поздней ночи. Левардос ненадолго покинул их, чтобы выполнить какое-то поручение. Когда он вернулся, то стал о чем-то шептаться с Кейном. Опирос почувствовал уста-

лость и начал зевать. Бессчетные кружки пива в конце концов притупили его истерзанные наркотиком чувства, изгнали из головы голоса и образы. Опирос неожиданно решил, что достаточно пьян.

— Ну ладно, я, пожалуй, пойду домой и немного отдохну, — заявил он, подавив зевок. — А может, мне лучше сегодня не спать? Может, я должен терпеть как можно дольше, чтобы крепче заснуть завтра ночью?

— Нет, отдохни немного, — сказал Кейн. — Если все у нас получится, тебе не придется засыпать. Клинур сама проведет тебя через врата сна.

— Ну, значит, до вечера, — бросил поэт, неловко собирая свои листки. Ониксовую фигурку он еще раньше завернул и спрятал за пояс.

— Подожди, я пойду с тобой, — сказал Кейн. Он кивнул своим людям, чтобы те собирались. — Если ты случайно наткнешься на Эбероса, тебе придется дорого заплатить за риск, которому ты его подверг...

Когда они вышли из «Таверны Станчека», близился рассвет. Небо было еще темным, однако звезды уже начинали бледнеть. Было холодно и очень тихо. После задымленной, душной атмосферы таверны свежий воздух пьянил, как крепленое вино. Прохожие встречались редко. В этот час даже те, кто пренебрегал сном, улаживали свои дела за закрытыми дверями.

И уж никак не ожидал Кейн, что в это время суток к нему пристанет нищенка. Сначала они услышали в темноте ее рыдающие причитания, а затем — шаркающую походку. В слабом свете фонаря возник ее силуэт. Факел, который нес Хайган, осветил фигуру женщины.

— Эй, господин хороший, подай монетку бедной матери! Прошу тебя, грошик для матери и ее дитя...

Нищенка оказалась не старой, хоть грязные лохмотья и изможденное лицо добавляли ей лет. Младенец, закутанный в тряпки и похожий на бесформенный узел, сосал грудь. Личико его было накрыто материнской шалью.

Хайган шагнул вперед, чтобы прогнать попрошайку, но, пораженный неистовым блеском ее глаз, решил пропустить женщину к Кейну.

— Кейн! Да неужто это в самом деле ты? — подходя ближе, вкрадчиво воскликнула нищенка. — Ох, Кейн, ты ведь не пожалеешь денег, поможешь матери и бедному больному малютке? Он пока еще не умирает с голоду, но, если я не найду денег на хлеб и мясо, ему придется отправиться в лучший мир...

Ее бледное лицо показалось Кейну знакомым, однако он не смог припомнить, где и когда встречал эту женщину.

— Отчего ты просишь ночью, когда на улице нет людей? — буркнул он, ткнув в нее пальцем.

— Днем я теряюсь в толпе. Кроме того, порядочным людям неприятно видеть меня на улицах, — пожаловалась она. — У стражников нет сострадания к бедной матери и ее сыночку.

Ее окутывал тяжелый смрад не нищеты, а смерти.

Пальцы Кейна нащупали мелкую монету, но неожиданный каприз заставил его сунуть в костлявую руку женщины золотой. Это позволит ей запастись едой и одеждой на несколько месяцев...

— Да хранит тебя Троэллет, — благословила его попрошайка, судорожно сжимая монету, словно хотела раздавить ее. Придвинувшись к Кейну еще ближе, она понизила голос: — За поворотом в переулке ждут восемь мужчин. У двоих арбалеты. Они говорили о тебе.

Она проскользнула мимо Кейна, тихонько напевая что-то ребенку и перекладывая его так, чтобы

он мог сосать другую грудь. Младенец вскрикнул, но не заплакал... Кейн услышал беспокойный шелест, напоминающий хлопанье крыльев, — мать тихо запела сыну. Постепенно ее песня растаяла в ночи.

— Странно, — заметил Опирос, — благословила она тебя именем демона...

— Она говорила о засаде, — заметил Левардос, стоявший достаточно близко, чтобы все слышать. — Может, нужно вернуться, захватить побольше людей или пойти другой дорогой. Этот сукин сын Эберос, чтоб его черти взяли, подкарауливает нас на улице, которая ведет к дому Опироса.

— Я тоже так думаю, — согласился Кейн. — Но если это не Эберос, хотел бы я знать, кто на такое решился... Нет, не будем терять времени, возвращаясь за подмогой. Если они увидели наши факелы, то, когда мы повернем назад, они могут заподозрить что-то и сменить место. Раз мы знаем, что нас ждут, ловушка может обернуться против них.

— Они превосходят нас числом, к тому же у них арбалеты, — заметил Вебр.

— Я плачу тебе не за то, чтобы слушать, как ты играешь на дудке, — отрезал Кейн.

Хайган положил руку брату на плечо.

— Не волнуйся, братишка. Я специально выберу тебе в противники кого-нибудь поменьше!

Вебр оскалился и оттолкнул его.

— Позаботься лучше о своем факеле!

— Уймись! — рявкнул Кейн. — Нельзя стоять на месте, они могут заподозрить что-нибудь. Слушайте! Я зайду с тыла и займусь арбалетчиками. Вы не спеша следуйте до поворота. Идите с факелом, чтобы они видели приближающийся свет. Остановитесь, прежде чем я вас увижу; Опирос, ты крикни, что уронил статуэтку, и все вернитесь, ос-

вещая дорогу и делая вид, что ищете. Это даст мне время, чтобы успеть зайти в переулок с другой стороны. А когда я закричу, быстро бегите ко мне.

Видя, что они все поняли, Кейн исчез во мраке. Бежал он необыкновенно быстро и бесшумно.

— Он видит ночью, словно кот, — заметил Левардос, когда Кейн скрылся.

Энселъес строился без определенного плана. Извилистые аллеи соседствовали с кривыми улочками. В этом запутанном лабиринте там и сям попадались островки городских усадеб. Уловить какую-то закономерность было невозможно.

Район, где они находились, был отведен под магазины и небольшие квартиры, зачастую объединенные между собой, — небольшие здания с центральным внутренним двором. Закоулок, где прятались враги, выходил именно в такой внутренний дворик — уединенный, грязный, с кучами отбросов, маленьким огородиком и загородкой для домашних животных.

Кейн, не раздумывая, выбрал самую короткую дорогу — вокруг домов. На первый взгляд казалось, что он действует безрассудно, однако все его чувства обострились, и он готов был мгновенно отреагировать на малейший признак опасности. Бежал он быстро и беззвучно, держась глубокой тени вдоль стен. Сюда не проникал даже тусклый свет звезд. Кейн рисковал больше всех, но он не мог доверить это задание никому из своих людей. Он тихо пофыркивал, словно подкрадывающийся хищник. Голубые огоньки гнева горели в его глазах — глазах прирожденного убийцы.

Неожиданно Кейн остановился перед закрытой дверью одного из домов, вспомнив, что тот пустует уже несколько месяцев. Тяжелая щеколда предназначалась скорее для защиты от обезумевших

жильцов, чем от грабителей, так как интерьер дома не представлял никакой ценности. Взломать дверь оказалось несложно — достаточно было надавить разок хорошенько, чтобы вырвать с мясом замок. Но тогда не обошлось бы без шума, а в городе царил молчание. Кейн достал из-за отворота сапога тонкий нож. Через минуту дверь была открыта. Он толкнул ее и осторожно вошел в пустой магазин. Его встретили тишина и мягкий ковер пыли.

Крадучись, он пересек торговый зал. Следующая дверь вела во двор. Она оказалась заперта, и тяжелый деревянный брус пришлось снимать с петель — скрежет был оглушительный, но вряд ли этот звук мог насторожить тех, кто поджидал Кейна и Опироса в переулке. Думая об ожидающих его арбалетчиках, Кейн не спеша приоткрыл дверь, ведущую во дворик; приоткрыл настолько, чтобы протиснуться наружу.

Невидимая стрела не вонзилась в его тело. Довольный тем, что двор завален мусорными кучами, Кейн выскользнул и, пригибаясь к земле, внимательно огляделся. Нет, во дворе никто не прятался. Быстро, не обращая внимания на темноту и препятствия, он перебежал через двор.

Свернув в переулок, Кейн удвоил внимание. Он уже различал неясные силуэты, скучившиеся в противоположном конце переулочка, всего метрах в двадцати от него. По крайней мере двое бандитов смотрели в его сторону, но не замечали крадущейся фигуры. Сверхъестественная способность видеть в темноте позволила Кейну рассмотреть двух бродяг со взведенными арбалетами. Их внимание было сосредоточено на людях Кейна, голоса которых приближались. Но в любой миг они могли почуять смерть, подкрадывающуюся к ним сзади.

Кейн вытащил из обоих сапог ножи — два плоских лезвия — и примерился к броску. Его левая рука молниеносно метнулась вперед, словно атакующая кобра; почти в ту же секунду правая последовала за ней с такой же смертоносной точностью.

Затаившимся неприятелям показалось, что за спиной у них появился призрак-убийца. Предсмертный вскрик. Ножи попали в цели. Двое арбалетчиков зашатались и рухнули на землю. Стрелы с железными наконечниками ударили в мостовую, выбив снопы искр.

С диким криком Кейн левой рукой выхватил меч и выскочил в переулок. Его враги ждали в темноте. Перед ними мелькнула фигура нападавшего. Сверкнула сталь, послышался звук ударов — и один из противников рухнул с рассеченной грудью, не увидев даже лица своего убийцы.

Кто-то вытащил фонарь, укрытый за камнями. Его блеск на мгновение всех ослепил. Затем пятеро застигнутых врасплох убийц увидели своего единственного противника. Однако прежде чем они поняли, кто на них напал, вращающийся клинок пробил горло еще одному воину. Осталось четверо.

С оружием наперевес они двинулись на Кейна. Приблизившийся первым потерял меч вместе с рукой и с воплями убежал, забрызгав кровью мостовую. После этого Кейн скрестил стальной клинок с более опытным противником. Ему приходилось наносить удары с лихорадочной быстротой, чтобы успевать отбиваться от атак двух оставшихся убийц. Кейн отражал их атаки ножом, который держал в правой руке, и ловко избегал отчаянных выпадов.

Но вот наконец в переулок вбежали его люди.

Левардос быстро справился с одним из нападавших. Одновременно с этим Кейн вонзил меч в сердце другого наемника. Последний из нападавших убежал во двор. Вебр и Хайган поспешили вслед за ним. Послышался шум переворачиваемых мусорных баков, затем крики агонии — и братья вернулись с довольными лицами.

— Не думаю, чтобы вы оставили его в живых... Вряд ли я смогу теперь задавать ему вопросы... — перевел дух Кейн.

Братья переглянулись и расхохотались.

— Не переживай, Кейн, — произнес Левардос, держа факел над лицом убитого им мужчины. — Это — вальданец, он ушел от «Станчека» вместе с Эберосом.

Кейн нахмурил брови.

— Ах, сукин сын. На свое золото он нанял стаю грязных крыс! Догадывался небось, что Опирос будет возвращаться не один... Ладно же, боюсь, это не последняя наша встреча!..

Глава четвертая ЗА ГРАНЬЮ СНА

Сумерки уже сгущались, когда они подъехали к Старому Городу. Вслед за Опиросом ехала Сетеоль. Высокий воротник прикрывал синяки на ее шее. Опирос не вполне понимал, зачем она отправилась с ним. Когда вчера под утро он вернулся во дворец, девушка подскочила к нему с кулаками, ругаясь на чем свет стоит и царапаясь, пока, с трудом удерживая ее в пьяных объятиях, Опирос не рассказал ей о ночном приключении. И все-таки он надеялся, что настоящей причиной, по которой она сопровождала его в этом походе, было отнюдь

не желание увидеть, как в результате безнравственных экспериментов он отправится к праотцам...

У Кейна было скверное настроение. Он послал своих людей на поиски Эбероса еще до рассвета, однако они не обнаружили и следа ученика алхимика. На всякий случай, кроме Левардоса, Вебра и Хайгана, он взял с собой еще Хефа и остроносого карманника по имени Боулус. Интересно, предпримет ли Эберос еще одну попытку отобрать статуэтку? Или же он — что более правдоподобно — уже сбежал из города? Неизвестно... Кейн все же надеялся, что ученик алхимика не решится на такой дерзкий шаг.

Разгоряченный атмосферой приключения, Опирос был на редкость разговорчив и в конце концов сумел рассеять мрачное настроение Кейна. Поэт говорил о том, как надеется на встречу с музой, о желании познать неведомые чудеса страны снов, и Кейн постепенно проникся его энтузиазмом. Отворить врата сна... Кейн тоже чувствовал притягательность подобных опытов. Конечно же, это было рискованно, в высшей степени рискованно; но разве настоящие приключения бывают безопасными? Можно ли вообще говорить о приключениях, если нет опасностей? Покой — это скука, скука — это застой, а застой — все равно что смерть... Кейн слушал поэта, поддакивал, делился собственными соображениями. Когда показались поросшие зеленой стены Старого Города, Кейн был окончательно убежден в необходимости эксперимента и задумчиво разглядывал ониковую фигурку.

— Опять эта проклятая тень! — неожиданно заметила Сетеоль.

— Тень? — удивился Опирос.

— Опять промелькнула, — сказала она недовольно. — Видишь, как наши тени вытянулись в одну линию? — показала она рукой.

Там, где лучи клонившегося к закату солнца проникали сквозь густую листву, на землю падали тени: бесформенные — от деревьев, и длинные, как веретена, — от всадников.

— Я вижу ее уже давно краем глаза, — продолжала Сетеоль. — Когда мы выезжаем на солнечное место, появляются тени. Но с некоторых пор что-то в них мне не нравится. Я ведь должна видеть свою тень и еще две тени едущих за мной мужчин — а я вижу четыре!

— Что эта тень тебе напоминает? — заинтересовался Кейн. — Это всадник?

— Нет, что-то другое. — Она прищелкнула пальцами. — Будто что-то ползет...

Опирос рассмеялся и посмотрел ей в глаза.

— Милая моя, твой взгляд затуманен наркотиками. Но это скоро пройдет...

Сетеоль сердито мотнула головой, отбросив назад густые каштановые волосы.

— Может, мне и мерещатся тени, но ведь не я вчера едва не задушила девушку, а потом пошла и напилась с ворами и убийцами... Так что не тебе надо мной смеяться!

— Скажи мне, когда вновь ее увидишь, — приказал Кейн, а потом обратился к Опиросу: — С тех пор, как мы расстались, ты никому не говорил, куда мы собираемся?

Поэт отрицательно помотал головой и стал объяснять, что предчувствия Сетеоль, как правило, преувеличены.

— Никому я не говорил, кроме Сетеоль. Честно говоря, я сразу лег в постель и проснулся незадолго перед тем, как ты меня позвал. Завыли треклятые псы — и разбудили меня.

— Я их не видел, когда мы уезжали, — задумался Кейн.

— Ну, значит, кто-то отогнал их... Но где же святилище Шенан?

— Уже близко — чуть в сторону от основной массы руин.

Старый Город излучал своеобразное призрачное очарование; древние стены, постепенно рассыпающиеся в пыль вместе с таинственными воспоминаниями, дышали меланхолическим спокойствием. Город впечатлял, особенно по сравнению со своим разваливающимся потомком — Энсельесом. Дома в Старом Городе были в основном деревянными, и теперь от них остались только отвалы земли, покрытые саваном бурьяна, — позабытые лесные могилы. Попадающаяся изредка сиротливая каменная стена или обломок скульптуры указывали местоположение какой-нибудь старинной постройки. Однако вдоль трудноразличимых улиц куда чаще встречались лишь заросшие углубления — фундаменты давно обвалившихся домов. Попадались и места, где стены зданий Старого Города упорно сопротивлялись действию времени и тянулись вверх — уставшие, но не сдавшиеся. Тьма, казалось, выползала из этих разрушающихся остовов, из зияющих входов, слепых окон и смешивалась с густеющими лесными тенями.

— Здесь, — объявил Кейн и направил коня в самые густые и дремучие заросли. Недавний дождь увлажнил лес, и продираться меж деревьев было довольно неприятно — бока коней и ноги всадников вымокли.

Замшелое каменное строение уединенно стояло среди сплетающихся ветвями деревьев. Растительности на стенах почти не было. Сохранились колонны и арки в южном стиле; в святилище кое-где уцелела куполообразная кровля. Благодаря глубокой тени, царящей внутри, здесь не разрослась зе-

лень, уничтожившая большую часть руин Старого Города. Пол был засыпан кусками отвалившейся штукатурки, обломками каменных стен и скульптур — следами прошедших веков. Когда полумрак сомкнулся над развалинами святилища, мягкие кожаные портьеры, гирляндами свешивавшиеся с высоких сводчатых потолков, зашуршали, как тысячи крыльев, под дуновениями ветра, вырывавшегося из щелей в потрескавшихся стенах.

Кейн соскочил с коня и приказал своим людям разобрать каменный завал у входа. Возбужденный поэт рванулся вперед. Сетеоль со сдержанным любопытством шла за ним. Широкая юбка, доходившая до щиколоток, хлопала по высоким сапогам для верховой езды.

Кейн зажег пару факелов и присоединился к ним. Пока его люди прокладывали путь через каменную осыпь, он рассказывал историю святилища, иногда поднимая факел, чтобы показать любопытные архитектурные детали. Опирос снова казался обеспокоенным и удивленным оттого, что Кейн так запросто и небрежно рассуждает о руинах...

Лунный свет уже разлился жидким серебром на стылых камнях, когда Кейн закончил рассказ. Половодье лунного сияния вливалось через высокие узкие окна и трещины в стенах, скапливалось в глубоком бассейне рядом с алтарем; в огромном круглом отверстии в крыше мерцало ночное небо, к которому жрицы минувших веков обращали свои монотонные напевы. В некоторых местах, где не было мусора, влажные каменные плиты еще хранили следы странных мозаик.

По знаку Кейна Левардос расставил снаружи посты. Кейн хорошо платил своим людям, и если шеф решил потратить ночь на безбожные прихоти полоумного поэта — что ж, это его дело. А их де-

ло — поджидать Эбероса, если он следует за ними с очередной шайкой наемников. Ученик алхимика мог избежать гнева Кейна, и люди Кейна не имели ничего против этого, но если что — их мечи были наготове.

Кейн обернулся к поэту.

— Все в порядке? — спросил он полуутвердительно.

Энтузиазм Опироса не уменьшился.

— Я готов, если ты готов, Кейн. Место и в самом деле замечательное! Тут такая атмосфера... Проклятье, сколько раз я пытался передать нечто подобное в стихах! Какие сны витают вокруг! Кейн, если только муза придет ко мне этой ночью... Я чувствую, что смогу... смогу обрести вдохновение, которое так долго искал! Сегодня моя душа могла бы исторгнуть не только «Вихри ночи», но и сотни других вещей!

Горькая усмешка исказила лицо Кейна.

— Ну что ж, как знаешь, — проронил он. Затем протянул руку: — Статуэтку!

Опирос отдал ему фигурку.

— И что, никаких истлевших фолиантов? Никаких столбов дыма? Никаких магических знаков?

Это была скорее бравада, чем ирония.

— Я же говорил: вызвать музу — простое колдовство, — ответил спокойно Кейн. — Мне нужна только капля твоей крови.

Сетеоль с удивлением внимательно следила за ними. Кейн отвел поэта в озерцо лунного света. Здесь, у забытого алтаря из безупречно обработанного камня он произнес необходимые заклинания.

Опиросу казалось, что ритмичный речитатив Кейна эхом отражается от древних стен. Заклятия Кейна действовали гипнотически. Стены святилища словно отдалились, свет луны и тень сплелись в

единый вихрь бесформенных образов. Опирос лег рядом со статуэткой из оникса на холодный камень. Физические ощущения отделились от сознания.

Рядом с ним уже не было фигурки, вырезанной из оникса. Статуэтка расплылась, начала неожиданно расти в размерах — или это он уменьшался? Поэт чувствовал, как все движется, как кружится голова... Теперь рядом с ним лежала сама тьма — не черная фигура, а средоточие черноты. Тень музы Тьмы.

Она шевельнулась. Клинурус лениво повернулась к поэту, увидела его, и ее повернутое в профиль лицо расплылось в улыбке. О, жестокое равнодушие ее улыбки!.. Муза поманила рукой. Опирос придвинулся к ней, его руки сомкнулись вокруг эбеново-черной фигуры. И его руки стали порождением тьмы — все его тело стало теперь тьмой. Их тела сплелись в любовном объятии. Приблизился миг экстаза, головокружительный и невыносимый. Затем тьма исчезла. Тело Опироса вновь стало материальным. Он обнимал девушку несказанной красоты, с нежной кожей, с улыбкой на полукрытых губах, с глазами, полными бездонной мудрости. И вдруг она вырвалась из его объятий, держа его за руки, заставила поэта подняться и повела его за собой.

Только тогда Опирос разглядел маску холодной жестокости на ее лице...

...Сетеоль тяжело дышала. Мерцающая туманность, которая на мгновение затмила лунный свет у алтаря, внезапно рассеялась, как призракное видение. Там, где раньше лежали Опирос и темная статуэтка, сейчас был лишь голый камень.

— Ты где? — позвала она. — Где он? — Сетеоль повернулась к Кейну.

— За гранью сна, — буркнул Кейн. На его лице тоже было написано легкое удивление.

— А когда он вернется? — упорствовала Сетеоль. — Боже, когда он вернется?..

— Это и есть тот риск, о котором мы говорили. Опирос вернется, когда сон, в который ввергла его Клинурус, закончится. Когда — не знаю. Зависит от того, как долго будут блуждать они по ее царству, прежде чем Опироса унесет поток одного-единственного сна, и от того, как долго будет длиться этот сон. Вот только как соотносится время во сне и то время, которое мы знаем? Там течение времени согласуется с ритмом сна, а не с законами природы. Час может промелькнуть как секунда, и наоборот. Да и вообще — раз уж мы об этом заговорили — как заканчивается сон? Существует ли конечный момент отдельного сна — или же сны сливаются друг с другом, следуют чередой, пока спящий не проснется и не разорвет цепь картин?

— Значит, ты не знаешь?! — аристократическое лицо Сетеоль скривилось от переполнивших ее чувств. — Кейн, ты — проклятый выродец! Ты убил его!

— Возможно, — пожал тот плечами. — Но Опирос сам все решил, хотя я и объяснил ему, насколько рискован этот эксперимент.

— Чернокнижник... — пробурчала Сетеоль. Лицо ее вновь сделалось бесстрастным. — Вы оба сумасброды. Не знаю, кто больший...

Она сидела неподвижно, высоко подтянув колени и опершись о них подбородком, и неотрывно глядела на лунный круг у алтаря.

— Ожидание может затянуться на всю ночь, — произнес Кейн бесцветным голосом. — Мои люди развели костер у входа, чтобы было не так сыро. Отчего бы тебе там не подождать?

Сетеоль помотала головой и пробормотала что-то неразборчивое. Ее широко раскрытые глаза не мигая смотрели на камни, залитые лунным светом. Кейн обошел своих людей. Им нечего было ему сообщить. Когда он вернулся, девушка сидела все в той же позе. Ночь выдалась теплой, и Кейн сказал Левардосу, что незачем поддерживать огонь. Если враги искали их в потемках, ни к чему было выдавать себя блеском костра. Почти полная луна давала достаточно света для глаз, привыкших к ночи. Двух факелов внутри святилища Кейну хватало, а снаружи, в темноте, стояли на страже его люди, невидимые для возможного неприятеля.

Делать было нечего — только ждать. Кейн выпил немного вина из бурдюка, который Сетеоль захватила с собой, и устроился на каменной плите. Тишину нарушало лишь равномерное дыхание девушки. Кейн подумал, что она заснула. Неожиданно Сетеоль совершенно спокойно объявила:

— Кейн, эта тень снова здесь.

Он повернулся, чтобы взглянуть туда, куда она показала, но слишком поздно для того, чтобы увидеть что-то определенное. Он успел заметить только движение — что-то промелькнуло в полосе лунного света, пронизывающего тьму. Ни звука.

— Летучая мышь, — сказал он. — Или какая-нибудь ночная птица.

— Такой величины?

Кейн почувствовал холодное прикосновение страха, опасность затаилась в меланхолически застывших руинах. Он понял, что там среди теней крадется смерть.

— Оставайся здесь, — приказал он. — И не подавай голоса, если ничего не стрясется.

Стиснув рукоятку меча, Кейн растворился во тьме.

Левардос стоял на своем посту у входа.

— Что случилось? — прошептал он, увидев выражение лица Кейна.

— Не знаю. Ты что-нибудь видел, слышал?

Часовой покачал головой.

— Что случилось? — повторил он.

Кейн проскользнул мимо него без ответа, обходя остывшие угли костра. В ночи таилась опасность, он явственно чувствовал это. Но что могло скрываться в руинах, укрытых черным саваном ночи?

Ни Вебр, ни Хайган, караулившие поблизости, не заметили ничего необычного и были удивлены тем, что Кейн так обеспокоен. Учитывая направление, откуда, по-видимому, пришла неясная тень, Кейн удвоил внимание, скользя вдоль древних стен.

Луна над его головой отбрасывала нечеткие, изломанные тени сквозь переплетенные ветви деревьев, ярко освещая обломки скульптур, торчащие там и сям, словно разбросанные кости. Полуразрушенные деревянные останки — чуть выступающие над землей лазы подвалов, заваленных камнями, густо поросли мокрой травой. Через этот лабиринт ловушек и ям тихо крался Кейн с обнаженным мечом, готовый в любой миг сразиться с неведомой угрозой, о которой знал лишь, что она существует. Да, опасность затаилась рядом, и эта опасность неслась с собой нечеловеческое зло — Кейн слишком часто ходил тропами тайного знания, чтобы пренебречь этим ощущением. И тревожное чувство, посетившее его раньше, появилось вовсе не из-за музыки Тьмы, как ему вначале показалось...

Он отошел достаточно далеко, но все еще не обнаружил причины своего беспокойства. Может, это нервы сдают; может, его напугала тень пролетающей совы?.. Только вот убедить себя в этом он

не мог. Возвращаясь к святилищу, Кейн решил обойти его и проверить два оставшихся поста.

Через минуту Кейн остановился. Если только он не заблудился, где-то здесь должен стоять Боулус, но часового нигде не было видно. Кейн закусил губу и внимательно огляделся. Нет, он не ошибался. Вот расщепленный молнией дуб, в тени которого должен ждать Боулус. На освещенной луной земле никаких следов схватки. Боулус не должен был оставлять пост... разве что понадобилось срочно доложить...

Кляня себя за непростительное легкомыслие, Кейн повернул обратно. Он передвигался так бесшумно, что оказался рядом с Хефом прежде, чем тот остановил его. Меч Хефа сверкнул в воздухе, но бандит уже узнал массивную фигуру Кейна.

— Порядок, — шепнул он, расстроенный от того, что Кейну удалось подобраться к нему незаметно.

— Боулус проходил тут? — И сам он уже знал ответ на свой вопрос...

— Не-е... Разве что проскользнул мимо меня так же тихо, как ты.

— Скверно, — заскрипел зубами Кейн. — Его нет на посту.

Чувство опасности усилилось. Если Боулус заметил что-то нехорошее, он должен был сообщить Хефу. Но вокруг царила тишина.

— Может, он отошел? — предположил Хеф. — Ты так тихо двигаешься. Раз ты его не увидел, он мог не заметить тебя.

— Может, и так. Проверю еще раз. Смотри по сторонам.

Кейн бесшумно отправился назад. По-прежнему никаких следов Боулуса. Кейн тихо позвал его по имени, хоть делать это было рискованно. Даже эхо не отозвалось. Даже ночные птицы молчали. Слов-

но что-то напугало все живое и заставило затаяться.

Взбешенный Кейн вернулся туда, где оставил Хефа. Липкий страх ухватил его за горло. Кто-то подкрадывался к нему?..

Пароля Кейн не услышал. Хефа на посту не оказалось.

Чувствуя, как напряглись мышцы шеи, Кейн стал искать Хефа. Ничего примечательного, никакого признака схватки. Ни-че-го! Он направился к святилищу, но неожиданно споткнулся, наступив на что-то. Башмак. Башмак Хефа. Пораженный, Кейн поднял его. Сквозь пальцы потекла теплая и липкая жидкость. Лодыжка была срезана идеально ровно в том месте, где кончалась выделанная кожа башмака. И ведь ни звука не раздалось!..

Когда Кейн вынырнул из ночного леса, Левардос заметил, что его хозяин встревожен. Но бандит лишь покачал головой в ответ на вопросительный взгляд Кейна. Его пергаментно-бледное лицо оставалось настороженным.

Отрывистым шепотом Кейн велел Вебру и Хайгану немедленно вернуться в храм. В зарослях слышался приглушенный шум. Что-то ужасное и смертельно опасное бродило рядом — совсем рядом.

— Кейн! Что это? — прошептал Левардос.

— Точно не знаю, — прошептал тот в ответ. — Боулус пропал. Хеф тоже. Что-то забрало Хефа в мгновение ока. Я был в нескольких метрах... и ничего не услышал. Осталась только его нога. Лежала на земле, как брошенная кукла!

— Почему не было шума? Ты должен был слышать звон стали. К тому же человек, как правило, вопит, когда ему отрезают ногу!

Кейн еще сильнее нахмурился.

— Ее отрезали не мечом. Крови там было не больше, чем вина в опрокинутой рюмке. Какая-то тварь унесла его; тварь с челюстями, как у дракона, которые она может сомкнуть в одно мгновение и не заметив, что откусила кусок человеческого тела...

— Но такой громадный зверь! — возразил помощник. — Мы бы его увидели. Услышали...

— Тем не менее мы не слышали.

Братья выбежали из зарослей.

— Быстрей! К святилищу! — бросил Кейн. — Что бы ни бродило снаружи, но стены должны нас защитить.

Привязанные кони сорвались... послышался их топот. Секунду Кейн размышлял, не бросить ли их на произвол судьбы, однако решил, что лучше не рассчитывать только на собственные ноги.

— Верните коней, — приказал он Вебру и Хайгану.

Войдя в храм, он понял — что-то не в порядке. Он оставил зажженный факел у алтаря — теперь тот лежал, погасший, на каменных плитах. Сетеоль исчезла.

Кейн вытащил из щели в стене оставшийся факел. Тот уже почти догорел. Может, факел у входа сам упал и погас? Но Сетеоль... Времени для домыслов не было. Снаружи раздался ужасный вопль. Другой голос — грохочущий бас Вебра — сыпал проклятиями и завывал. Затем послышалось пронзительное ржание коней, которое заглушило все остальные звуки. Кони умчались прочь.

Кейн раздул факел, и тот разгорелся ярким пламенем. Клинки мечей зазолотились, когда они с Левардосом выскочили из опустевшего святилища. Но было поздно, круп последнего из коней растаял во тьме. Оба брата исчезли. Кейн окликнул их только раз — на ответ он не надеялся.

— Тень! — выдохнул Левардос.

— Ах ты... — прошипел Кейн и высоко поднял факел.

Четких очертаний у твари не было. Можно было разглядеть лишь тень — она извивалась между деревьями, проплывала над горами камней. Тень метнулась назад слишком быстро, и как следует разглядеть ее не удалось.

— Что это? Где оно? — тяжело дышал Левардос.

В свете факела они огляделись. Вокруг не было ничего, что могло бы отбрасывать такую тень. Не раздалось ни звука, не шевельнулась ни одна ветка.

— Что-то летающее? — предположил Кейн, хотя способ, которым охотилась тварь, опровергал такое предположение.

Факел мигал и дымил. Смола уже почти выгорела.

Когда огонь выдохся, бесформенная тень двинулась к ним в лунном свете. Ужас вонзил ледяные когти в глотки людей. Кейн, сыпя проклятиями, снова раздул факел. Искры посыпались во все стороны. Пламя полыхнуло еще раз. Тень отступила. Люди все еще не могли понять, что останавливает ужасную тварь, не давая ей приблизиться к храму.

— Возвращаемся в святилище! — Кейн приказал. — По-моему, оно ненавидит свет.

На одном дыхании, спотыкаясь на горах камней, влетели они внутрь храма. Толстые стены, казалось, защищали от неведомого, которое таилось во тьме. Факел разбрасывал искры и коптил.

— Другие факелы у нас есть? — спросил встревоженный Кейн.

— Пропали вместе с конями и прочим добром, — вздохнул Левардос.

— Тогда давай поищем, что тут можно запа-
лить.

Кейн прошелся по замусоренному полу святилища. Сапог наткнулся на грудку гнилой древесины. Она разлетелась, от пинка, превратившись во влажную, раскрошившуюся массу. Голые камни и изъеденные плесенью гниющие останки... Уцелевшая крыша уберегла храм от падающих веток, покрывавших землю снаружи, и не позволяла разрастись зелени внутри.

Мигающий огонь мог погаснуть в любую минуту.

— Неужели здесь нет сухого дерева? — выругался Кейн.

— Снаружи... — начал Левардос, оборачиваясь к дверям, и не закончил. Тень загораживала вход. Кейн бросился вперед с гаснущим факелом. В проеме вновь появился лунный блеск.

— Тут кое-что есть! — Левардос подошел, прижимая к груди охапку хвороста — несколько веток, проскользнувших через дырявую крышу.

С преувеличенной осторожностью Кейн положил факел на кучу веток. Но дерево оказалось влажным и не горело. Огонь не хотел разгораться. Кейн отчаянно раздувал едва тлеющий огонек. Краем глаза он видел тень, заползающую в храм.

Наконец ветки занялись. Робкое, мигающее пламя скользнуло по сучьям. Не обращая внимания на покрытые волдырями ладони, двое мужчин разгребли тлеющий жар и раздули огонь. Они ругались на чем свет стоит, а древесина дымила, не желая разгораться.

Кое-как костер разожгли. Луна снова засияла через двери храма. Но дымящий, так и норотивший погаснуть огонь не давал им передохнуть. А за стенами храма их поджидал невидимый охотник.

— Нам нужно больше огня, — решил Кейн. В пляшущем свете костра были видны все ветки и

обломки крошащегося дерева — их оказалось совсем мало. И когда они сгорят...

— Может, освещая дорогу факелом, мы смогли бы собрать снаружи немного хвороста? — предложил Левардос. Ему не хотелось думать о смерти, которая ждала там, куда не доставал свет.

Кейн подумал о том же. Он поручил костер заботам Левардоса и отошел за факелом, брошенным у алтаря. Наклонился над ним... и нахмурился. Оказывается, факел вовсе не сгорел. Кто-то затоптал его. Кейн поднял факел и задумался. В эти критические минуты он и думать забыл о Сетеоль. Теперь ее исчезновение представилось ему в новом свете.

— Кейн! У тебя над головой!

Кейн метнулся в сторону. Лунный свет уже не стекал вниз через отверстие в крыше. Светлый круг исчез, когда извивающаяся тень проползла над дырой в крыше. Отважившись взглянуть наверх, Кейн увидел только тьму — плывущую тьму, которая заслонила звезды. Тень уже вилась над алтарем. Она скользила слишком быстро. Можно было различить лишь неясные очертания. Ощущение зла накатило на них сокрушительной волной.

— Оно не издает ни звука! — вскрикнул Левардос, когда Кейн подскочил к огню. — А размеры! И как разрушенные стены могут выдерживать тяжесть такой огромной твари?

— Тварь ничего не весит. Она вообще не материальна в нашем понимании, — буркнул Кейн, разглядев наконец преследователя. — Это нечто вроде демона — первичная, элементарная форма хаоса, сотворенная из тьмы. Тьма наделяет ее субстанцией, а свет уничтожает ее тело, показывая лишь тень ее враждебного духа. Лунный свет на нее не действует. Он не настоящий. Должно быть, она

шла по нашему следу, ждала, пока наступит ночь и погаснет огонь. Если только мы сможем поддерживать костер до рассвета — ей нас не достать.

Из-за алтаря раздался смех.

— Будете жечь камни? — издевательски спросил чей-то голос. — Ваш огонь светит не так уж ярко. Скоро вам придется отправиться во влажный лес за хворостом. А если факел погаснет? Отыщете какую-нибудь истлевшую ветку, чтобы освещать себе путь? Между прочим, звезды говорят, что перед рассветом будет дождь!

Грузная фигура Эбероса показалась в оконном проеме у дальней стены святилища. Сетеоль безвольно свисала с его плеча. Запястья у нее были связаны, во рту — кляп.

Глаза Кейна полыхнули недобрым пламенем. Он сделал шаг к алтарю. Стиллет сверкнул в руке Эбероса.

— Стой, где стоишь! — скомандовал он. — Иначе я перережу ее прелестную шейку — и конец. Ты и полшага не успеешь сделать. Хочешь побегать за мной в темноте?

Видя, что Кейн остановился, ученик алхимика язвительно рассмеялся:

— Значит, ты понял, какой демон охотится за тобой, Кейн! Ты ведь у нас умный, верно? Может, догадываешься, кто его вызвал, кто велел ему выслеживать, убивать? Уж наверняка не неотесанный Эберос, прислужник и мальчик на побегушках у Даматиста! — Его голос делался все визгливее. — Думаешь, я лизал подошвы этого тирана и корыстолюбца все эти годы... и ничему не научился? Кончились времена, когда я исполнял все приказы этого сукиного сына. Все эти годы я планировал побег и терпеливо оказывал ему всякие дурацкие услуги. А теперь, когда мои планы вот-вот осуще-

ствятся, я не могу позволить, чтобы кража статуэтки подорвала доверие, которое старый осел питает к своему верному ученику...

Эберос захихикал и крепче сжал сползающее тело девушки. Кейн увидел кровь на ее волосах. Сетеоль начала приходить в себя. Она застонала сквозь кляп.

— Я шел по вашим следам. — Эберос оскалил зубы в усмешке. — Шел по следам моего маленького звереныша! Пока вы играли с ним в темноте, я проскользнул сюда, чтобы забрать статуэтку. Кажется, твои люди уже не стоят на страже, а?.. Статуэтку я не нашел, но подумал, может, юная леди поведает мне, где ты ее спрятал. Я знаю, ты вместе с этим сумасшедшим поэтом собирался что-то сделать с ней сегодня ночью... Послушай меня, Кейн, я тебе кое-что скажу. Отдай мне статуэтку, а если она не при тебе, скажи, где спрятана. Я заберу ее и уйду. Я отошлю демона обратно в царство хаоса, из которого я вызвал его.

— А где гарантия, что ты сдержишь обещание? — поинтересовался Кейн, взвешивая, насколько велики его шансы точно метнуть нож. Расстояние было большим, кроме того, Эберос держал девушку перед собой как щит. Огонь снова начал угасать.

— Знаешь, я думаю, что тебе придется довольствоваться исключительно моим словом, — захихикал алхимик. — Что это стучит по крыше... уж не дождь ли?

Подул легкий ветерок. Кейн ответил Эберосу ругательством и шагнул вперед.

Эберос поднес стилет к напрягшейся шее девушки.

— Еще один шаг, и я вырежу ей новый ротик. Бряд ли вам с Опиросом хочется увидеть эту даму мертвой...

Кейн понял, что в тусклом свете Эберос принял Левардоса за поэта. Его помощник, присевший на корточки у костра, был для ученика алхимика лишь худой светловолосой фигурой — как Опирос.

— Отчего меня должно волновать, что ты сделаешь с девушкой? — спросил Кейн. — Она ничего не значит для нас.

— Ничего? Может, твой друг-вишнелет изменит мнение, когда увидит, что я не блефую. К тому же смерть ее не будет быстрой!..

Пламя угасало. Левардос подбросил в костер остатки собранной древесины. Влажное гнилое дерево едва не затушило огонь.

— Возьми девушку как заложницу, уйди и отзови демона, — предложил Кейн. — Я отдам тебе статуэтку завтра и, даю слово, не стану мстить.

В ответ раздался смех.

— Занервничал, Кейн? А ты ведь даже не видел, что приключилось с твоими друзьями. А я видел! Нет, Кейн, сегодня не ты диктуешь условия. Принимай мое предложение — или ты умрешь!

— У меня нет оснований доверять тебе, — буркнул Кейн.

Огонь никак не мог сожрать промокшие сучья.

— Ну так я покажу тебе, что мне можно верить и что я выполню свою угрозу. Статуэтку, и быстро, иначе девушка попробует ножа! Ты увидишь, как ей это понравится.

Эберос втолкнул все еще ничего не понимающую Сетеоль в круг лунного света, который падал через одно из узких высоких окон. Проем был ненамного шире бойницы, но луна ясно осветила бледное лицо Сетеоль. Стоило только спровоцировать алхимика — и он запросто перерезал бы ей горло и моментально сбежал бы через дыру в стене, находившуюся в метре от окна.

— Гляди! — приказал он. Прижимая девушку к себе, другой рукой он очертил полукруг и потянул острием стилета ткань ее блузки, украшенной бисером. Материя лопнула, обнажив напрягшиеся груди. Скаля зубы, Эберос вырезал тонкие полумесяцы на белых холмиках трепетной плоти. Кровь струйками потекла по ребрам и животу Сетеоль.

Девушка заскулила сквозь кляп. Боль окончательно привела ее в сознание. Когда ученик алхимика поднес острие, чтобы сделать очередной надрез, девушка очаровательной ножкой в сапоге для верховой езды ударила ему по голени.

Сапоги ее были со шпорами — изысканными, для дам, и тем не менее увенчанными острыми шипами. Эти-то шипы и воткнулись в ногу Эбероса, словно когтями разорвав податливую плоть.

Взвыв от боли, Эберос отшвырнул девушку к стене. Сетеоль ударилась головой о край окна и без чувств сползла вниз.

Кровь темными сгустками хлестала из разорванной ноги Эбероса. Он подскочил к Сетеоль, занеся стилет для смертельного удара.

В лунном свете задрожала тень. Нечто темное и едва различимое скользнуло к окну. Кейну тень показалась большим черным котом, запустившим лапу в крысиную нору, чтобы схватить свою жертву. Эберос заорал нечеловеческим голосом, когда что-то вроде щупальца ударилось о его грудь, оторвало его от пола и утянуло в ночную тьму.

Наверняка демон не собирался причинять вред своему хозяину. Видимо, запах крови, близость девушки, резкое движение Эбероса — все вместе сбilo с толку разъяренное чудовище, ожидающее во тьме. Демон в мгновение ока выпотрошил и Эбероса, отшвырнул в сторону то, что осталось от ученика алхимика...

Сетеоль пришла в себя, приглушенно вскрикнула и, спотыкаясь на дрожащих ногах, отодвинулась от залитого кровью окна. Кейн подхватил девушку, снял путы, и она присела на корточки у огня, крепко ругаясь в промежутках между глубокими вдохами. Кровь все еще сочилась по ее ребрам, но раны оказались неглубокими. К тому же она почти не чувствовала боли, потрясенная увиденным минуту назад.

А главное, душная атмосфера страха растаяла, исчезла со смертью ученика алхимика.

— Что... что случилось? — выдохнул Левардос, решившись прервать отчаянные усилия разжечь пламя. Огонь дрожал и стрелял искрами, но все же разгорелся теперь поярче.

— Думаю, тварь ушла, — предположил Кейн. — Эберос вызвал демона и приказал ему выследить нас. Смерть хозяина освободила чудовище — позволила тому вернуться в безымянное царство хаоса.

— Думаешь, тварь ушла? — Левардос подозрительно вглядывался во тьму.

— Иначе мы бы видели ее... Разве ты видишь извивающуюся тень? Разве ты чувствуешь запах страха, который исходит от этого демона?

Помощник Кейна медленно покачал головой, потом посмотрел на дымящийся костер. Поленья прогнившего дерева догорали.

— Скоро мы все узнаем, — сказал он.

Кейн вытащил остатки факела из костра. Смола на его конце все еще кипела.

— Поищу дров для костра снаружи, — бросил он, направляясь с факелом к выходу.

Несмотря на уверенность в том, что демон их оставил, мышцы Кейна натянулись как канаты, когда он ступил в темную чащу леса, поднимающегося над руинами. Капли дождя, разбивающиеся о листву, потушили факел. Но никакой невидимый

демон не настиг Кейна, никакая тень не таилась за кругом света. Стараясь не думать о столь неприятных вещах, Кейн озирался по сторонам в поисках сухих веток. Выйдя из укрытого пеленой измороси леса, потянул за собой небольшое высохшее деревце.

— Демон ушел, — сообщил Кейн. Он бросил на землю дерево, потом хотел отложить догоревший факел — но ему пришлось свободной рукой разжать собственные пальцы, судорожно стиснутые на древке факела.

Всю ночь они палили костер — три мрачных и уставших человека посреди разрушенного святилища. Капли дождя шуршали вокруг них. Вода с крыши сбегала через бесчисленные дыры, туман окутывал их склоненные над огнем фигуры. Они ждали света дня, ждали возвращения поэта. Из-за тени страха, коснувшейся их в эту ночь, вызов музы Тьмы казался далеким и нереальным. Сам Повелитель Бездны посетил эти руины. Теперь они ждали, погруженные каждый в свои мысли.

Бледный рассвет занялся над алтарем, когда Кейн вырвал их из полудремотного состояния громким возгласом:

— Глядите! — показал он в направлении ясно очерченного в воздухе круга.

Столб переливающегося тумана собрался на камнях, обрызганных прозрачными каплями дождя. Но это не был ни дождь, ни блеск восходящего солнца. Туманные протуберанцы замедляли вращение, делались более плотными, сливались воедино. Наконец они исчезли.

На отполированных, блестящих от дождя каменных плитах лежал мужчина. Казалось, он был погружен в глубокий сон. Рядом покоилась фигурка обнаженной женщины, вырезанная из черного

оникса. Ее улыбка обещала неведомые чудеса, загадочный взгляд лучился жестокостью.

— Опирос! — воскликнула Сетеоль, подбегая к нему. Она коснулась плеча поэта.

Глаза Опироса открылись. Он дернулся, страх искажил его лицо. Взгляд бегающих глаз был совершенно бессмысленным.

— Опирос... — голос Кейна дрогнул.

Пустые глаза поэта глядели куда-то мимо Кейна. Опирос открыл рот, словно собираясь крикнуть, но с искаженных губ сорвался лишь возглас непреодолимого ужаса. Он застонал, а потом начал рыдать, как безумный.

Когда его попытались поднять, он вырвался и забился, скуля от страха, в темный угол святилища. Там он с поразительным проворством заполз на животе под груды камней. Вытащить его оттуда оказалось чрезвычайно трудно...

Глава пятая

ЗЛОВЕЩАЯ ТАЙНА ЕЕ УЛЫБКИ

Они принесли Опироса обратно в Энсельес в его особняк. Несколько недель лежал он в закрытой комнате. Выхаживала его одна Сетеоль — ужасающий вой поэта распугал всю прислугу. Казалось, лишь чувство долга удерживает девушку рядом с главным виновником всех бед. Поэт мог заснуть только благодаря наркотикам, которые оставил ему Кейн. День шел за днем, а Опирос все лежал в постели, сотрясаемый конвульсиями и приступами рыданий. Иногда он бормотал какие-то слова и обрывки фраз на странном, ни на что не похожем языке — если это вообще был язык. Кейн как-то раз внимательно вслушался в эти отрывоч-

ные слоги и, видимо, что-то понял, потому что вышел из комнаты, содрогаясь от ужаса.

Кто-нибудь другой, наверное, до конца своих дней пребывал бы в состоянии помешательства. Может, сознание Опироса было более устойчивым, а может, частые воображаемые путешествия в страну мрака закалили его до определенной степени и подготовили ко встрече с ужасом, который необратимо разрушил бы душу любого другого человека. И хотя часть сознания поэта находилась еще в душевных объятиях безумия, Опирос понемногу начал приходить в себя.

В наркотических снах его все еще терзали кошмары, но в минуты пробуждения он уже вел себя спокойно, мог самостоятельно есть и обслуживать себя. Через несколько месяцев он начал молча бродить по своему дворцу, перелистывая книги. Он брал вещи, и будто воспоминания, отодвинутые далеко в глубь сознания, постепенно поднимались на поверхность. Так путешественник возвращается через много лет из дальних странствий и заходит в дом, где прошло его детство; в дом, который помнит, но очень смутно; в дом, ожидавший его и не тронутый временем, минувшим с тех пор, как путешественник в последний раз держал свои игрушки в руках... В конце концов Опирос заговорил, неуверенно произнося слова, будто пользовался чужим или позабытым языком. Проходили недели, и его неразборчивое бормотание превратилось в старательно выстроенные фразы, а потом в нормальную речь. Он решился выйти на улицы Энсельеса и приветствовать своих давних знакомых, которые с затаенной тревогой заметили, насколько последний нервный надлом состарил поэта. После многомесячного возвращения к жизни Опирос снова занялся делами, взял в руки управ-

ление хозяйством, причем с большим энтузиазмом, чем когда-либо.

Но писать он начал намного раньше.

Кейн увиделся с Опиросом как-то ночью, когда поэт нанес неожиданный визит в новую обитель Кейна. Теперь Кейн реже встречался с другом, поскольку Опирос, выздоровев, заперся на долгие ночные часы в своем кабинете, втайне работая над своими поэмами. Он уже не приходил к Кейну со стихотворными отрывками и полуоформившимися замыслами. Не было долгих ночных бесед и споров. Теперь Опирос писал в одиночестве. Кейн надеялся, что никакая скрытая болезнь не подтачивает душу поэта. Опирос не выражал сожаления по поводу мучительного эксперимента, он вообще об этом никогда не говорил. И в глазах поэта Кейн не мог прочесть никаких тайных мыслей.

— Я закончил «Вихри ночи», — с усталой усмешкой объявил Опирос Кейну.

Кейн тепло поздравил друга.

— Ты доволен ими?

Опирос задумался, пока Кейн наливал ему вина.

— Да, пожалуй. Мое путешествие с музой Тьмы оказалось не напрасным. Я обрел вдохновение, которое искал, хотя за это пришлось заплатить сполна.

— Так, значит, «Вихри ночи» — это та самая совершенная поэма, о которой ты мне когда-то говорил?

Опирос понюхал содержимое бокала, перед тем как сделать глоток.

— Думаю, да.

— Был бы очень рад прочесть. Ты принес ее?

Опирос отрицательно покачал головой.

— Нет, она надежно спрятана. Прости мое тщеславие, Кейн, но это — творение мастера. Я отдал

ему свою жизнь, свою душу. Хочу, чтобы она прозвучала не между делом, не случайно, понимаешь?

Кейн кивнул, внимательно приглядываясь к приятелю.

— Официальное чтение состоится через неделю или около того, как только я разошлю приглашения всем, кого хочу пригласить, подготовлю зал и все остальное. Я не хочу, чтобы это было еще одно публичное чтение, где болваны лениво шатаются туда-сюда, где разносят еду и напитки... Это будет прием при закрытых дверях — около сотни гостей: коллеги по перу, критики, аристократия, которая посещает мероприятия подобного рода. Конечно, с этими сплетничающими и злословящими дилетантами приходится непросто, но когда я прочитаю свою совершенную поэму — я покорою умы всех присутствующих.

— Буду ждать приглашения.

— У меня было искушение тебе первому показать поэму. — Опирос нервно усмехнулся. — Это нечто совершенно иное по сравнению с моими прежними вещами — там есть мысли, которые не приходили в голову ни одному писателю. Ну вот... я закончил и жду. Или меня прославят как гения, или высмеют как претенциозного дурака...

— За «Вихри ночи» и их автора, — произнес тост Кейн, поднимая бокал.

— За музу Тьмы, — отозвался Опирос.

Кейну не пришлось присутствовать при прочтении «Вихрей ночи», хотя объявленное поэтом представление важнейшего труда своей жизни почти год вызывало огромный интерес и обсуждалось по всей стране. В ту ночь, когда должна была прозвучать поэма, Халброс-Серранта потребовал, чтобы Кейн явился к нему на тайную аудиенцию.

Кейн не мог отказать честолюбивому повелителю Энсельеса, который мечтал создать сильную империю из маленьких государств Северного континента. Эти планы были Кейну безразличны.

Итак, Кейн был вынужден пропустить чтение «Вихрей ночи».

Впоследствии он часто думал об этом с сожалением. И хотя он никогда не слышал величайшего творения Опироса — поэта-безумца, но тем не менее он знал: его друг обрел подлинное вдохновение в объятиях музыки Тьмы. Опирос и в самом деле создал творение, достойное Гения Мрака, ибо когда Кейн покинул дворец Халброса-Серранты, первые вселяющие ужас вести уже облетели город. Люди говорили о том, что увидели перепуганные стражники, когда взломали закрытые двери, ведущие в полный мертвецов зал, снятый Опиросом на эту ночь...

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Пролог

Клесст проснулась от собственного крика. Сон принес ужас, и из ее пересушенного жаром горла вырвался хриплый грудной всхлип. Эхом отразился он от голых деревянных стен маленькой комнаты, когда девочка оторвалась от влажной подушки.

Глаза ее, блестящие от температуры и широко раскрытые от страха, всматривались в темные углы комнаты. Однако призраки кошмарного сна — если это действительно был только сон — исчезли. Клесст откинула склеившиеся рыжие пряди со взмокшего лба и села на постели.

За окном садилось солнце, окаймляя вершины гор розовым мерцанием. Осенние ночи спускаются быстро; а сегодня тяжелая тьма смыкалась вокруг Клесст сплошным кольцом — этой ночью Повелитель Демонов должен был спуститься на землю.

Несмотря на жар, девочку била дрожь. Клесст упала на соломенный тюфяк.

— Мама! — позвала она, всхлиывая, удивленная, что на ее крик никто не явился. — Мама! — позвала она снова. Она хотела было позвать Грешу, но вспомнила, что толстуху-служанку отослали на ночь с постоялого двора. Греша не хотела оставлять девочку в этот день — в день ее рождения. Больную. В такую ночь... Мать поступила жестоко, отослав Грешу, — улыбаясь, неизменно

ласковая в противовес суровой, надменной хозяйке, Греша была для девочки второй матерью.

Служанка непременно пришла бы к ней. Мать была безжалостна. Она не обращала внимания на собственную дочь.

— Что случилось, Клесст? — наконец прозвучал равнодушный голос ее матери. Она стояла в дверях, сдвинув брови.

Клесст не слышала шагов в коридоре. Мать всегда ступала так тихо...

— Мама, я хочу пить. Горло пересохло. Дай мне водички, пожалуйста.

Какая красивая у нее мама... Длинные черные волосы, гладко зачесанные на висках, были сколоты на затылке и спускались через левое плечо на грудь. Белая муслиновая блуза с рукавами, присобранными на запястьях, открывала в широком вырезе прямые плечи, на которые была наброшена шаль. Талию стягивал широкий кожаный пояс, перевитый пурпурным шелком. Платье из коричневой шерсти свободными складками ниспадало к лодыжкам, маленькие ступни были обуты в туфли из мягкой кожи. У Клесст, как и у мамы, в ушах поблескивали золотые сережки, а еще Греша помогла девочке украсить свой наряд ажурной вышивкой.

Мать быстро пересекла комнату. На тумбочке рядом с кроватью Клесст она увидела глиняный кувшин и снова нахмурилась:

— Там же есть вода. Ты что, не можешь напиться сама?

Девочка надеялась, что не рассердила маму. Нет, только не сейчас, когда одиночество тенью окутало ее комнату, а ночь стала сжимать кольцо непроглядного мрака вокруг постоянного двора.

— Кувшин такой тяжелый, а у меня руки слабые и дрожат... Mamochka, ну пожалуйста, дай мне воды!

Мать молча налила воды в голубую чашку и подала ее Клесст. Греша наверняка поднесла бы чашку к губам девочки, слегка поддерживая голову больной...

Обхватив чашку обеими руками, девочка с жадностью пила. Пальцы у нее были удивительно длинными для ее возраста. Большие голубые глаза исподтишка наблюдали за матерью, следя, не появятся ли на ее лице признаки злости или нетерпения. Как будто бы никаких перемен...

Сухие от температуры губы Клесст с шумом втянули последние капли воды. Мать поставила пустую чашку на место и направилась к двери.

— Мама, прошу тебя! — тихо произнесла Клесст. — У меня лицо горит. Ты не могла бы как-нибудь его остудить?

Мать положила свою узкую прохладную ладонь девочке на лоб.

— Мне снова приснился плохой сон, мама, — прошептала Клесст, надеясь, что мать не уйдет.

— У тебя все еще температура. Она приносит плохие сны.

— Это был тот самый кошмар.

В маминых глазах появилось беспокойство.

— Какой кошмар, Клесст?

Мать не рассердится? Не уйдет, если узнает, что пугает ее? Клесст не могла даже думать о том, что снова останется в темноте одна.

— Это опять была собака, мама. Огромный черный пес.

Мать повернулась к дочери и сцепила пальцы над высокой грудью.

— Большой черный пес? — спросила она. — Ты имеешь в виду волка?

— Громадный пес, мама. Больше всех, больше волка. По-моему, даже больше медведя. Черный,

весь черный, даже глотка и язык. Только клыки белые. А глаза у него горели огнем. Он искал меня, мама. Он носился по холмам и искал меня по запаху. А я не могла убежать. Он подбирался все ближе и ближе, в конце концов мой след привел его сюда. Он увидел меня, и глаза у него налились кровью и засверкали; а я не могла пошевелиться. И кричать тоже не могла... Из пасти у него вырывался дым...

— Тс-с! Это просто плохой сон, — голос матери был тихим, словно она говорила через силу.

Мурашки побежали по спине Клесст, когда память возвратила ей пережитый страх. Так хотелось девочке, чтобы Греша была рядом и сжимала ее в объятиях.

— Это не все. Там на холмах — человек, одетый в длинный черный плащ. Этот человек охотится с большим псом. Я его почти не видела, потому что он скрывался во мраке, но я знала, что не могу встретиться с ним взглядом...

— Прекрати!

Ребенок с трудом перевел дыхание и удивленно посмотрел на мать.

— Будешь говорить об этом — снова накличешь плохой сон, — пояснила явно встревоженная мать.

Клесст решила не упоминать еще об одной странной фигуре из своего видения.

— Почему они меня преследуют? — прошептала она со страхом.

Хватит ли у нее смелости попросить мать остаться? Девочка посмотрела, не сердится ли та.

Лицо матери скрывала тень, побледневшие губы были крепко сжаты. Она тихо проговорила, словно размышляя вслух:

— Порой, когда душу раздирают боль и ненависть... Ее может выжечь до дна... Ничего другого в ней уже не останется... И появятся странные

мысли... Пойдешь по пути, которым раньше не... Душа уже мертва... Но огонь твоей ненависти все тлеет... все выжидает... И ты знаешь, что всходит луна, скоро наступит роковая ночь, и нет способа повернуть все вспять...

Порыв ветра подхватил сухие листья и швырнул их в стекло. За витражами окна надвигалась ночь.

Глава первая

БЕГЛЕЦЫ

— Что с ним?

Бредиас пожал плечами.

— Кажется, дышит, но не более. Он умрет к утру, если мы не остановимся где-нибудь.

Уид со злостью сплюнул и подъехал к коню, на котором сидел раненый. Свесившийся с лошадиного крупы человек был поистине гигантом, но эта крепко сбитая масса мышц болталась, как мешок; лишь веревки удерживали тело в седле, не давая ему рухнуть с коня и покатиться вниз по горному склону.

Запустив пальцы в густые рыжие волосы, Уид приподнял голову раненого.

— Кейн! Ты меня слышишь?

Окровавленное лицо было бледным и безжизненным. Зрачки закатились. Губы чуть шевельнулись, но Уид не понял, был ли это ответ на его вопрос.

— С другой стороны, он может не пережить эту ночь, даже если мы где-нибудь остановимся, — заметил Бредиас. — По-моему, жар у него все сильнее.

— Кейн!

Никакого ответа.

— Он потерял сознание, когда началась горячка, — продолжил Бредиас. — И кровь все не останавливается...

— Не хочется задерживаться, — сказал Уид, принявший командование из рук Кейна. — Погоня слишком близко, нам нельзя рисковать.

Бредиас плотнее закутался в плащ.

— Кейн не дотянет до утра, если не отдохнет.

— Ночью Пледдису через эти горы не перебраться, — добавил Даррос, ехавший сзади и только что нагнавший их.

— Почему? — поинтересовался Уид. — Он же знает, что мы опередили его лишь на пару часов. Этот мерзавец наверняка уже подсчитывает свою награду.

— Подсчитывает — у ярко пылающего костра. — Чернобородый лучник покачал головой. — Сегодня никто не поедет в горы. Человек ради золота может рискнуть жизнью, но не душой...

Уид, внезапно опомнившись, бросил взгляд на восходящую луну. Этот длиннорукий головорез не был коренным жителем Латроксии — он родился на острове Пеллин, но за годы странствий в глубь континента слышал немало легенд и сказаний гор Мицея. Красный осенний диск луны напоминал ему...

— Луна Повелителя Демонов, — прошептал он.

— Пледдис непременно разобьет лагерь, — заверил их Даррос. — Его люди не поедут дальше в эту ночь. Они подождут рассвета, а затем снова пустятся по нашему следу.

— Значит, мы можем рискнуть стать на постой, — подытожил Уид.

— У нас нет выбора, — подтвердил Даррос.

Два других громилы, длинный Фарассос и безухий Сет, оба с самыми мрачными физиономиями, молча согласились.

— Красная осенняя луна — луна Повелителя Демонов... С ним — черный пес, он рыщет по хол-

мам... Пес пьет кровь. Повелитель Демонов — души.

— Заткнись, Бредиас! — рявкнул Уид. Его натянутые струнами нервы готовы были лопнуть от страха.

— Мы ведь не станем разбивать лагерь прямо на дороге? — с беспокойством буркнул Сет. — Кейн чертовски тяжелый, а нас только пятеро.

— У кого есть другие предложения? — поинтересовался Уид. — Ночь надвигается все быстрее.

Голова Кейна не шевельнулась, но он невнятно прошептал:

— Гнездо Ворона.

— Что он сказал? — переспросил Уид.

— Гнездо Ворона, — ответил Бредиас, наклоняясь над Кейном. Он поднес воду к пересохшим губам главаря и пожал плечами. — По-прежнему без сознания. Будто собирает оставшиеся силы. Я уже видел это раньше.

— Кто-нибудь знает, что он имел в виду?

— «Гнездо Ворона» — это постоянный двор недалеко отсюда, — пояснил Даррос, хорошо знавший окрестности. — Он стоит на реке Котрас. Надо проехать лиги три вверх по течению. Когда-то он был самым известным в этих краях, а потом Кейн напал на него и ограбил. Его так и не отстроили. Думаю, там и сейчас одни руины.

Уид кивнул.

— Да, я помню, Кейн об этом рассказывал. Это было лет восемь тому назад. Я присоединился к нему вскоре после того.

— Я был тогда с Кейном, — грозно похвалился Бредиас. Он разбойничал в этих горах еще до того, как Кейн появился здесь лет десять назад. Его волосы, уже поредевшие, были затканы серебристо-серыми прядями; такие, как он, в постели не умирали.

Это относилось и к остальным беглецам — остаткам некогда могучей банды Кейна. Но наемники под предводительством Пледдиса окружили их лагерь. Лишь горстка разбойников сумела прорваться через кольцо врагов, однако три дня отчаянного бегства не сбили со следа капитана наемников. Объединенные города приморской равнины Латроксия назначили высокую награду за голову Кейна, и Пледдис очень хотел ее заполучить.

— Если стены «Гнезда Ворона» еще стоят, они дадут нам приют до рассвета, — согласился Фарасос. Он закашлялся, кривясь от боли в сломанных ребрах.

— Даррос, ты знаешь дорогу — веди, — решил Уид. — День кончается.

— Уже кончился, — пробормотал кто-то.

Ночь надвигалась на горы, накрывая их тьмой, словно крылом ворона. Растущие вдоль дороги серебристые сосны и заиндевевшие дубы отбрасывали длинные тени. Сумерки стремительно заглатывали долины и котловины, унылые поймы, над которыми поднимались клубы тумана, застилая русла и известковые холмы.

Трясаясь от холода, покрытые грязью и запекшейся кровью, израненные, изможденные люди — безжалостные, полуодичавшие бандиты, которых преследовали столь же беспощадные убийцы, пробирались вперед, исполненные мрачной решимости, не чувствуя ни боли, ни страха, хотя и боль, и страх, подобно навязчивым призракам, не покидали их ни на миг. Всадники мчались, поглощенные одной мыслью — бежать! Бежать от ищущих награду наемников, которые гнались за ними след в след.

Все бандиты ехали на лошадях. Их имущество состояло из трофеев от бесчисленных грабежей и

нападений. Но сейчас лошади спотыкались от усталости, одежда разбойников стерлась до дыр, а оружие зазубрилось и притупилось в яростных схватках. Они были последними. Последними из банды Кейна, самыми храбрыми по эту сторону Ада и самыми жестокими из всех преступных шаек, когда-либо бесчинствовавших в горах Мицея.

Но отныне они уже не смогут напасть на путешественников, в одиночестве следующих горными тропами, не ограбят купеческий караван, не будут держать в страхе отдаленные поселения. Больше они не вылетят, как смерч, из-за поросших соснами холмов, чтобы разорить приморскую деревушку, а затем отступить в тайные горные долины, куда даже кавалерия объединенных городов заглядывать не решалась. Их товарищи погибли, став добычей для воронов. Их предводитель, чей смертоносный меч, покрытый дурной славой, в конце концов подвел хозяина, сейчас умирал в седле.

Все они были мертвы.

Над ними склонилась ночь...

— Чтоб тебя!.. Темно, как в могиле, — выругался Уид, пытаясь отыскать путь во мраке. Он беспокойно поглядел на кровавый диск, всходивший над осенними холмами. В эту ночь луна не давала света.

— Мы уже почти на месте, — заверил его Даррос.

Через пару минут тропинка оборвалась, и Даррос воскликнул:

— Вот он! Свет горит. Значит, постоянный двор не заброшен.

— Не совсем так, — заметил Уид. Даже в темноте он смог разглядеть, что «Гнездо Ворона» наполовину разрушено. Серый каменный фундамент и деревянные стены возвышались над обрывом у реки Котрас. Благодаря тусклому свету, сочивше-

муся сквозь оконные стекла, Уид решил, что разрушенный дом был когда-то трехэтажным. От боковых крыльев остались только изъеденные пожаром стены. Над этими почерневшими обломками навис туман. Где-то под обрывом бурлила река.

Разбойники осторожно провели обессиленных лошадей по крутой тропе, спускающейся с холма.

Серая муть сумерек еще больше сгустилась, когда они сошли с поросшего соснами пригорка и вступили на дорогу, выходящую вдоль реки. Она была шире той, по которой они скакали раньше, но гораздо более запущенной. Молодые деревца пробивались сквозь утрамбованную копытами землю, а старые великаны сплетали ветви над головами путников. Ездили по ней и верхом: следы подков отмечали путь редких погонщиков скота, но выбоин от колес было мало, да и те старые и затоптанные. Уид подумал, что разбойные набеги Кейна здорово опустошили этот некогда многолюдный тракт.

В темноте разбойники подъехали к постоялому двору. Рядом с ним возвышалась лишь пара пристроек, откуда донеслось ржание коней. Несколько окон слабо освещало дорогу. Два чадающих фонаря висело на фасаде у входа, но толстые деревянные двери казались наглухо запертыми. Дубовая вывеска покачивалась над фонарями, хотя ветер здесь, в долине, почти стих. Надпись на вывеске была обуглена, доска — изрезана ножом; тем не менее Уиду удалось прочесть печатные буквы: «Гнездо Ворона». Рядом с названием на вывеске был изображен черный ворон. Кто-то вставил осколок красного стекла в птичий глаз, и в нем отражался свет фонаря. Казалось, ворон наблюдает за непрошеными гостями.

— Сколько, по-твоему, там людей? — спросил Дарроса Уид после того, как, выехав вперед, осмотрел здание.

— Судя по всему, немного, — ответил лучник. — Думаю, хозяев — двое, может — трое. Да еще несколько постояльцев. Странно, что собаки нас еще не учуяли.

— Ну, значит, не будет никаких хлопот. — Уид обернулся в темноту и начал отдавать распоряжения. Когда он окликнул Фарассоса, тот не ответил.

— Фарассос! — позвал он снова.

Ответа не было. Из темноты вынырнул конь без всадника. Фарассос ехал позади всех, прикрывая тылы. Никто не слышал, чтобы он закричал.

— Парень накрылся, — бросил Бредиа. — Может, он отдал концы и упал?

— Мы бы услышали, — возразил Уид.

— Вернемся и поищем его?

Красная луна глядела на них с затуманенных холмов. Уида пробирала дрожь от ее ржавого блеска. Он вспомнил предания об этой ночи, которые слышал столько раз.

— Кому охота?..

Было слишком темно, чтобы разглядеть лица бандитов, но Уид почувствовал, что они избегают его взгляда.

— Если с Фарассосом все в порядке, он присоединится к нам на постоялом дворе, — пробормотал Сет. Но его голосу недоставало убежденности...

Глава вторая НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Во сне на Клесст накатывали беспокойные волны жара. Вырванная из полусна внезапным шумом, девочка в испуге быстро вылезла из-под одеяла.

Из окна на нее смотрел сияющий круг луны, и Клесст прикрыла рот рукой, чтобы не закричать.

Во дворе внизу она услышала разъяренные вопли, грохот переворачиваемых скамеек и громкие стоны, полные нечеловеческой муки.

Неужели черный пес отыскал ее? Где же он? Ворвался во двор? Может, он уже на лестнице, ведущей в ее комнату?

Дикий рев все не прекращался. Девочка не могла разобрать слов. Преисполненная скорее любопытством, чем страхом, Клесст решила посмотреть, что происходит.

Она спустила ноги на пол, села, крепко держась за спинку кровати, и сидела неподвижно, пока окончательно не пришла в себя. Ночной холод пробрался к ней под льняную рубашку, и она поспешно набросила на плечи теплую пелерину, которую сшила ей Греша. На мгновение горячка отступила, и Клесст, хоть и ослабевшая, почувствовала прилив сил. Она вся дрожала: огонь в комнате погас, но никто не принес дров.

Разъяренные вопли стихли, и девочка неслышно прокралась по узкому коридору к балкону, откуда можно было увидеть центральный зал. Не выходя из тени, она добралась до сосновой балюстрады и посмотрела вниз.

И тут же в испуге отпрянула. Зная, однако, что ее скрывает полумрак, она решилась взглянуть еще раз. Глаза ее расширились от удивления.

Двери были распахнуты настежь. Холодный ветер раздувал огоньки светильников и гнал кружащиеся листья через порог. Чужие люди, дикие и опасные, ворвались в «Гнездо Ворона». Вместе с ними пришла смерть.

Коренастый чернобородый мужчина держал в руке натянутый арбалет, обводя взглядом зал и балкон, на котором стояла Клесст. Другой, с непропорционально длинными конечностями и воло-

сами мышинного цвета, потрясал мечом необыкновенных размеров. Видимо, он был командиром, потому что отдавал распоряжения кому-то снаружи.

Обитатели постоянного двора и гости замерли у стойки. Тут были и мать (ее лицо ничего не выражало), и Селле — костлявая горничная, прижимающаяся к ней. Пузатый бармен Холос нервно облизывал губы. Тут же был Маудерас — конюх, выполняющий в «Гнезде Ворона» всю грязную работу. Последний с мрачным видом сжимал окровавленное предплечье. Двое постояльцев — по виду погонщики скота — тоже стояли у стойки. Еще один гость, чей зеленый мундир свидетельствовал о принадлежности к армии, скорчившись, лежал у перевернутого стола со стрелой в спине.

«Бандиты, — с дрожью подумала Клесст, припомнив все страшные рассказы, которые слушала, сидя в безопасности у камина. — Грозные убийцы, хозяйничавшие в недоступных горах, напали на «Гнездо Ворона» в эту страшную ночь — ночь моего дня рождения».

Девочка заметила движение у дверей. Появились еще два разбойника, согнувшиеся под тяжестью третьего. У одного из них, жилистого мужчины с залысинами, не хватало зубов, хотя, судя по шевелюре, он совсем не был стар. У другого, крепкого и смуглолицего, были оттопыренные уши и переломанный нос. Человек, которого они несли, выглядел громадным — таким, как оба тащивших его человека, вместе взятые. Спутанные рыжие волосы спадали на заросшее звериное лицо. Клесст вспомнились рассказы об упырях и троллях, которые обитают в горах, укрываясь в недоступных пещерах и выходя из них ночью, чтобы нападать на путников и похищать маленьких девочек...

Казалось, высокий мужчина, похожий на тролля, был без сознания. Однако когда его внесли в зал, он выпрямил колени, и Клесст услышала его голос:

— Я сяду там.

Нетерпеливым движением он высвободился из рук товарищей и опустился на стоящий у камина стул с низкой спинкой. Безухий бандит поставил на ножки перевернутый стол и придвинул его к гиганту, а белокрысый забрал у Холоса бутылку и пересек зал. Рыжеволосый великан взял бутылку из рук бандита и припал к ней губами. Когда он с глухим стуком поставил ее на стол, она оказалась наполовину пуста.

Легким движением он откинул с лица взмокшие пряди волос и набросил на плечи плащ из волчьей шкуры. Из раны в боку — из-под наскоро сделанной повязки — сочилась кровь. На голове у бандита тоже была ссадина, но там кровь уже запеклась неровными полосами. Лицо его было бледным.

Его глаза при свете камина сияли странным голубым светом. Взгляд раненого блуждал по залу, а потом задержался на укрытом в тени балконе, встретившись со взглядом Клесст. Девочка в ужасе замерла. В глазах незнакомца было что-то неестественное и в то же время смутно знакомое. Кейн, хоть и заметил ее, продолжал дальше разглядывать зал.

Он задержал взгляд на лице матери Клесст, словно роясь в памяти.

— Добрый вечер, Ионор, — приветствовал он ее.

Губы матери остались крепко сжатыми. Наконец, не выдержав паузы, она ответила бандиту.

— Здравствуй, Кейн, — прошептала она и быстро отвернулась.

У Клесст перехватило дыхание. Кейн — безжалостный главарь шайки убийц; немало рассказов

слышала о нем маленькая девочка. Неудивительно, что все стояли ни живы ни мертвы...

Она услышала, как Кейн спросил:

— Уид, есть кто-нибудь в комнатах наверху, кроме ребенка, который прячется за балюстрадой?

— Я только что осмотрел пристройки, — ответил худой светловолосый мужчина, — сейчас общу все здесь. Они говорили, что больше тут никого нет...

— Убедись в этом, — последовал приказ. — А ребенка уложи в постель.

Но Клесст уже сама побежала в свою комнату.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Уид, пораженный тем, как быстро Кейн пришел в сознание. Впрочем, в теле рыжеволосого гиганта всегда таился какой-то неиссякаемый запас сил.

Кейн уклончиво пробурчал:

— Чертова лихорадка, приходит и уходит. По большей части я с трудом различаю, где нахожусь... Могу поклясться, что никогда еще не был так серьезно ранен. Видимо, стрела была отравлена.

— Пусть Бредиа прочистит рану и наложит свежую повязку. Возможно, яд разъел уже весь бок...

— Позже. Я не хочу, чтобы рана снова кровоточила. — Кейн осторожно вытер лоб, стирая высохшую кровь и капли пота. — Я почувствую себя лучше, когда поем и чуть-чуть вздремну. Только пару часов, не больше. Пледдис недалеко.

— Думаю, мы можем рискнуть побыть здесь до рассвета. Пледдис должен будет сделать привал. Сегодня луна Повелителя Демонов... — Уид на секунду умолк, а потом добавил: — Мы потеряли по дороге Фарассоса.

— Нет смысла его искать, — быстро сказал Кейн. — Не в эту ночь.

Обойдя второй этаж, Сет вернулся в зал.

— Никого не нашел, — сообщил он. — Только та худенькая девчонка. Я запер ее. Второй этаж пуст, а вот на третьем есть комната, в которой горит камин.

Кейн кивнул. Ему было трудно сосредоточиться; он чувствовал, что силы вновь оставляют его.

— Уид, расставь караульных так, чтобы они могли наблюдать за двором, — приказал он. — И здесь, внутри, тоже поставь кого-нибудь. Рядом с кухней — кладовая. Свяжи этих людей и запри их там. Убивать их незачем. Труп брось туда же... Женщин оставь, пусть уберут этот разгром. Сомневаюсь, что кто-нибудь еще здесь сегодня появится. Но если все-таки это случится — не поднимайте сразу шум... Женщины пускай приготовят нам поесть. Но повнимательнее с ними...

Он бросил взгляд на хмурое лицо Ионор.

— Ты ведь не попытаешься меня отравить, правда?

— Ты заслуживаешь куда более худшей участи, — вызывающе ответила она.

— Принеси мне еще одну бутылку, — попросил он насмешливо. — А на вертеле я вижу, между прочим, гуся...

Она неохотно повиновалась. Кейн следил за ее движениями, пока она осторожно к нему приближалась. Вспомнив что-то, он скривил рот в холодной усмешке.

— Садись, — бросил он.

Поскольку это было отнюдь не приглашением, Ионор уселась напротив, отодвинув стул, который он попытался было поставить к себе поближе.

— Неужели твои воспоминания так тягостны, а, Ионор?

Ее голос, на первый взгляд звучащий совершенно спокойно, на самом деле был пропитан ненавистью.

— Ты и твои бандиты напали на постоянный двор моего отца, перебили наших гостей, уничтожили мою семью, разграбили и подожгли «Гнездо Ворона». Ты отдал моих сестер своим людям на поругание, и смерть стала для них избавлением. Я слышала их крики, хотя мною занялся ты сам. Я до сих пор слышу их крики. Нет, Кейн! Тягостны — это слишком мягко сказано.

Бледное лицо Кейна не выражало никаких чувств.

— Ты не должна была убегать от меня, — сказал он, разрывая зажатую дичь с удивительной ловкостью. — Я помог бы тебе забыть обо всем этом.

Ионор радовалась в душе, видя, как горячка терзает исполинское тело разбойника.

— Ничто и никогда не сотрет из моей памяти ту ночь, — прошептала она.

Чья-то рука крепко ухватила ее за плечо и стащила со стула.

— Принеси нам пожрать, — рявкнул Сет. Его рот был набит мясом с тарелки убитого солдата.

— Может, поговорим позже? — бросил Кейн вслед Ионор. Она вздрогнула, но не отозвалась.

— Хочешь опиума? — спросил Бредиас у Кейна, когда все пленники были заперты. — Он смягчает боль, и ты сможешь поспать. Завтра тебе потребуется много сил.

— Засну и так, — пробормотал предводитель бандитов, глотнув еще вина. — Не хочу дурманить голову. Пледдис может настичь нас прежде, чем мы доберемся до следующего холма.

Его подбородок медленно опустился на грудь. Через минуту он резко вздернул голову и обвел зал свирепым взглядом.

— Принесите мне меч, — потребовал он. — Пледдис наступает нам на пятки, а я сижу здесь,

размякший, как купец на собственной свадьбе. Нет времени спать. Набейте мне трубку, она не даст мне заснуть.

Уид подозвал Бредиаса, и щербатый бандит стал набивать чубук скверным табаком, всыпав на дно щепотку опиума. Он раскурил трубку и передал ее Кейну.

В дверях появился Даррос с длинным мечом в руке.

— Черт побери, не нравится мне этот туман, — пробурчал он, умолчав, впрочем, о том, что его действительно беспокоило.

Кейн обнажил свой меч — клинок с необычной рукоятью, и прислонил его к ноге. Пальцами он погладил меч и ощутил его мощь. Кейна не могли одолеть ни боль, ни усталость. Тело его горело не от высокой температуры, а от жажды крови врагов. Кейн пытался восстановить силы, отрешиться от чувств, но не мог. Безмерно уставший, он даже не мог расслабиться. Видел он то лучше, то хуже — его зрение подчинялось ритму пульсирующей в висках крови.

— Я начинал сражаться и в худшем состоянии, — с ожесточением бросил он, затягиваясь крепким дымом.

Когда трубка погасла, Уид вытащил ее из ослабленных пальцев Кейна. Тяжелая голова предводителя разбойников поникла, дыхание стало ровным и редким, глаза были закрыты.

— Пусть он отдохнет, — сказал Уид. — Давайте перенесем его на кровать. Ты говорил, наверху постелено?..

Спотыкаясь на узкой лестнице, сгорбившись под тяжестью Кейна, Сет и Даррос занесли тело главаря на верхний этаж. Комната была приготовлена для нескольких постояльцев. Жарко пылал

камин, на кровать было наброшено покрывало. Кейна уложили и старательно укрыли.

— Идите отдохните, — посоветовал Уид. — Бредиас и я будем караулить первыми.

Он подождал, пока они выйдут, а затем склонился над ухом спящего.

— Кейн, — прошептал он. — Кейн, ты слышишь меня?

Из горла Кейна донеслось бессмысленное ворчание.

Сдвинув брови, Уид наклонился еще ниже.

— Где ты спрятал деньги? Помнишь? Ты всегда укрывал свою часть добычи. Куда ты заникал сокровища, Кейн? Мне-то ты можешь сказать. Я твой друг. Мы возьмем твою долю, и эти деньги помогут нам сбежать. Будем жить как короли в какой-нибудь далекой стране. Где деньги, Кейн?

Однако Кейн, как видно, слишком крепко спал.

Уид поднялся, опечаленный.

— Ну хотя бы не умирай, не дай золоту сгнить! — на прощание произнес он.

Приоткрыв окно на пару сантиметров (в комнате было жарко, и Уид опасался, что у Кейна еще выше поднимется температура), он тихонько вышел, чтобы присоединиться к Бредиасу.

Глава третья

ВОРОНЫ ПРИЛЕТАЮТ НОЧЬЮ

Сноп искр брызнул из очага и исчез в пасти камина. Уид выругался и кочергой передвинул свежие поленья на место обуглившихся. Может, теперь огонь станет ярче... Огромный камин из обожженных кирпичей занимал почти всю стену. Казалось бы, он должен хорошо обогревать зал, но

пламя, словно нехотя, едва касалось дров, и в помещении стоял небывалый для осени холод.

Потирая ладони, Уид поднялся и еще раз выглянул в окно. Полная луна все еще поднималась над холмами, а из-за реки Котрас надвигался туман: еще чуть-чуть, и долины не будет видно. Через стекло Уид не много мог разглядеть — лишь захламленный двор и засыпанную листьями дорогу. Вывеска над входом раскачивалась от ветра. Скрип ее петель напоминал карканье ворона, а крылья деревянной птицы отбрасывали трепещущую тень на замерзшую землю.

Он проверил дверные засовы. Конечно, снаружи тоже кто-то должен сторожить — даже в такую ночь, несмотря на то, что Пледдис наверняка где-нибудь отдыхает. Разбойник опять вспомнил о загадочном исчезновении Фарассоса. Нынешняя ночь не годилась для прогулок вдали от яркого огня. Даже Уиду, чужому в здешних горах, при взгляде на луну Повелителя Демонов становилось не по себе.

Уид тяжело опустился на скамью, переведя взгляд на двери. За спиной у него, на кухне, кто-то разговаривал, но слов было не разобрать. Оттуда доносился теплый запах жареной дичи. Когда припасы в дорогу будут готовы, он свяжет женщин и запрет их вместе с другими узниками. Ну а потом Бредиас встанет в карауле снаружи.

Уид крепко сжал пальцами виски. Глаза сами закрылись. Бредиас мог отказаться стоять на страже. Уид бы его не винил. Он и сам вряд ли отважился бы. Кроме того, хоть Уид и был правой рукой Кейна, Бредиас слишком долго имел дело с их вожакom, чтобы кто-то другой мог заставить его повиноваться...

Шум из кухни то отдалялся, то приближался, сливаясь в своеобразную мелодию. Огонь грел все

сильней, и Уид боком ощущал его тепло. Пытаясь преодолеть смертельную усталость, он влил себе увесистую оплеуху. Может, побродить немного по залу?

А может, лучше выйти, сесть на коня и ускориться?.. В одиночку у него было бы больше шансов сбежать от погони. Пусть Пледдис изловит Кейна и всех остальных. В конце концов именно из-за Кейна их преследуют с таким упорством. Пледдис не тратил бы силы, преследуя его одного. Награда за голову Уида — хорошая приманка для одинокого ловца, а Пледдис должен был платить своим людям. Невыгодный финансовый расклад мог спасти Уида. Ну а Кейн даже в своем нынешнем состоянии сам сможет уйти от погони. Он не однажды совершал невероятное. Может, и на этот раз он отведет руку судьбы...

Уид был предан Кейну. Он сражался за него, выполнял его приказы, а Кейн доказал, что он толковый и щедрый командир. Честно говоря, в последнем сражении Уид и остальные вырвались из засады лишь благодаря яростной контратаке Кейна, который, как лев, бросился на наемников. Тем не менее еще больше Уид заботился о собственной шкуре, а Кейн, судя по всему, никогда уже не вернет себе власть в горах Мицея. Единственным утешением в этом поражении была добыча, которую Кейн где-то укрывал. А сейчас у Уида были только конь, растерявший подковы, выщербленный меч да истрепанная одежда. Вот если бы Кейн сказал, где его тайник...

Уида окутал сладковатый запах жареных цыплят, и рот наполнился слюной, хоть он был уже сыт и пьян. Нужно встать, пока не сморил сон...

Он вскочил на ноги. А может, ему только казалось, что он встает, ходит по залу, выглядывает в

затуманенное окно. Когда он мерил шагами комнату, тени от ламп тоже двигались, складывались в замысловатые узоры...

Уид упал на пол.

В замешательстве и панике он попытался встать, отбросил пинком перевернувшуюся скамью, попробовал освободить застрявшие ноги, решив, что во сне соскользнул наземь. Неожиданно он увидел над собой насмешливое лицо, кончик шпаги, нацеленный ему в подбородок, и обмер.

— А теперь пойдём, разбудим остальных, — оскалился Пледдис.

Уид лежал в ожидании смерти, пытаясь подавить боль. Люди Пледдиса связали его, отобрали меч и кинжал. Дюжина, а то и больше, наемников ворвалась в «Гнездо Ворона», входя через кухню. Там на пороге с разmozженной головой лежал Бредиа. Неистовая ярость наемников, набросившихся на Дарроса и Сета, быстро утихла. Оба бандита погибли во сне.

Уид был весь в поту. Клинок Пледдиса плясал у него перед глазами.

На лице капитана наемников отражалось злобное торжество, однако взгляд его был острым, как меч.

— Где Кейн? — спросил он мягко, но решительно.

Застигнутый врасплох, Уид молчал, отведя голову как можно дальше от острия шпаги. Губы у него пересохли.

— У тебя есть полминуты. И ты их уже почти израсходовал.

Из кухни вышла Ионор с раскрасневшимся лицом, в изодранной блузке.

— Они отнесли ублюдка наверх, — сообщила она с ненавистью в голосе. — Я покажу вам куда.

— Отнесли?

— Он смертельно ранен. Не может ходить.

Пледдис хитро усмехнулся.

— Ого, Стандорн, похоже, ты был прав. Если и впрямь твоя стрела свалила его с ног, я удвою твою долю... Веди нас, быстро!

Оставив Уида под стражей, капитан и несколько его людей поднялись за Ионор на третий этаж. Женщина торжественно показала на двери комнаты, где лежал Кейн.

Усмешка исказила загорелое лицо Пледдиса. Там, в комнате, находилась его цель... награда, которая сделает его богатым человеком.

Памятуя о коварстве Кейна, наемники держали оружие наготове. У предводителя разбойников в запасе могла оказаться еще какая-нибудь штучка, на этот раз последняя. Постоялый двор был оцеплен снаружи людьми Пледдиса. У Кейна не было ни единого шанса сбежать. Однако наемники опасались неукротимой силы его меча, даже если Кейн смертельно ранен.

Затаив дыхание, Пледдис пинком отворил дверь. Она была не заперта и с треском ударилась о стену.

Их встретила тишина. Кейн неподвижно лежал на кровати. Пронизывающий ветер, влетев через окно, кружил по комнате. Одеяло было запятнано кровью. Руки Кейна лежали вдоль туловища — так оставили его бандиты. Пледдис пинком перевернул безвольное тело Кейна. Из полуоткрытого рта гиганта потекла струйка крови. В мигающем свете камина его лицо казалось неестественно бледным и расслабленным.

Настороженно ожидающий какой-нибудь выходки, Пледдис внимательно огляделся. Убедившись, что оружия поблизости нет, он прикоснулся к спящему. Кожа Кейна была холодной. Наемник

нетерпеливо встряхнул тело — оно было совершенно окоченевшим. Он стал лихорадочно нащупывать пульс, а затем приставил меч плашмя к ноздрям Кейна. Клинок не запотел.

Пледдис выпрямился, на лице его было написано разочарование:

— Кейн мертв.

Глава четвертая

ГОНЧИЕ И СТЕРВЯТНИКИ

Руки Уида были туго связаны за спиной. Он лихорадочно обдумывал, как спастись. Под ложечкой у него неприятно посасывало — он сознавал, что положение его безвыходно. И совсем уж непереносимой казалась мысль о том, что он отдал свою жизнь за труп.

Наемники, набившись в зал постоянного двора, отогревались у камина. Пледдис позволил им это — ведь было уже известно, что все бандиты схвачены или убиты. «Гнездо Ворона» казалось надежным прибежищем в ночи. Может, так оно и было.

В зале находилось двадцать с лишком мужчин, одетых весьма пестро, как и пристало наемным солдатам. Стуча сапогами и громко приветствуя друг друга, они напоминали охотников, только что вернувшихся с утомительной, но удачной травли. Уид ощущал на себе их взгляды. Выглядел он как попавший в капкан лис, окруженный сворой лающих псов.

Усевшись у огня, Пледдис веселился от души. Он пил вино и принимал поздравления от своих людей. Его обычно бледное, покрытое шрамами лицо разрумянилось. Из-за среднего роста и крепкого сложения он выглядел коренастым. Потертый

кожаный костюм и кольчуга были такими же невыразительными и бесцветными, как он сам. Украшали его лишь зубы, ровные и белые, сверкающие, когда Пледдис широко улыбался.

Как раз в эту минуту Пледдис смеялся.

— Чудный день для Кейна и его грозной банды убийц, а? Попались, как кролики в силки. Спали будто в объятиях у родной мамочки. Один храпел на посту, другой так увлеченно стаскивал юбку с хозяйки, что не заметил, как та отперла двери... Не повезло бедняжкам! Мне даже как-то неловко получать награду за таких, как вы. Но я все-таки не откажусь от нее!

Его наемники смеялись вместе с ним.

Пледдис залпом осушил кубок вина, и его звучный хохот утонул в стакане.

— Вы, конечно же, думали, что капитан Пледдис будет спать в эту ночь, дрожа у костра и вскакивая всякий раз, как заухает сова. Верно? Да неужто вы действительно так думали? Что ж, я вырос на Товносе и рассказней о луне Повелителя Демонов, которого вы, жители гор, так боитесь, не слышал. А мои люди мне под стать — хотя кое-кто из них все же боялся ехать... — Пледдис нахмурился и пренебрежительно посмотрел на своих солдат. Несколько человек определенно избегали его взглядов. — Но мне удалось объяснить им, что даже целая стая бесов — это меньший риск, чем взбешенный Пледдис, так? — вновь засмеялся он.

— А что с теми двумя, которых мы потеряли по дороге? — выпалил какой-то наемник — и быстро отступил под укоризненным взглядом Пледдиса.

— Вы уже никогда их не увидите, — ответил ему хриплый женский голос. — Сегодня ночью охотится Повелитель Демонов со своим псом. Больше вы своих людей не увидите.

Пледдис скривился:

— Уж ты-то была бы для него лакомым кусочком...

— Греша! — в голосе Ионор слышались гневные нотки.

Пожилая женщина вышла из-за плотно сбившихся в кучу наемников, с которыми вошла в зал. Круглые щеки служанки все еще были бледны от страха. Она дрожала, потрясенная и перепуганная.

— Так она отсюда? — спросил Пледдис. — Мы увидели ее на дороге. Она была так счастлива, что встретила нас! Бросилась к нам в объятия. Вот только не могла выдать из себя ни единой осмысленной фразы — что-то сильно ее напугало. Видать, те самые байки...

— Это — наша служанка, — пояснила Ионор сдавленным голосом. — У нее был свободный вечер, и она хотела провести его с родными в деревне, недалеко отсюда.

Потом хозяйка кивнула в сторону кухни, и Греша молча вышла из залы.

В это время Эриал, один из помощников Пледдиса, внес ужасные трофеи.

— Вот они, — объявил он, протягивая Пледдису три головы, которые держал за побагровевшие от крови волосы. Челюсти у них отвисли, языки вывалились наружу, а из-под прикрытых век выглядывали вывороченные глазные яблоки.

— Узнаешь своих друзей? — засмеялся Пледдис. — Эриал, ты пачкаешь хозяйке пол. Куда подевались твои хорошие манеры?

Тот оскалил зубы и показал головы Уиду.

— Может, эта скотина слижет с них кровь?..

— Жаль, что один из черепов раскололся почти пополам, — задумчиво произнес Пледдис, разглядывая испорченный трофей. — Засыпь их солью

вместе с остальными. В Ностоблете каждый из них принесет нам по пять унций золота, и я не думаю, что в Купеческой лиге сильно огорчатся оттого, что их товар в дороге слегка попортился... Не забудь срезать у той головы серьгу.

— Почему бы не отрубить сразу и его голову, раз уж я этим занимаюсь? — предложил Эриал, показав на Уида.

Пледдис в раздумье почесал подбородок.

— Как ты на это смотришь, Уид? Хочешь вернуться в Ностоблет в соляном растворе? За твою голову назначено двадцать унций золота, но могут дать и больше, если мы вручим тебя целехонького. Публичная казнь. Тебе наверняка понравится. Как тебе хотелось бы умереть, а?

— Позвольте мне его убить, — отозвалась Ионор.

Пледдис мрачно посмотрел на хозяйку.

— «Кровь — призвание женщин», — процитировал он. — Я бы хотел хоть одного из них довести живым в Ностоблет. Пусть расскажет, как капитан Пледдис выследил и перебил их гнусную свору.

Лицо Ионор исказила гримаса боли, ее дыхание участилось.

— Повесьте его на балюстраде — для меня. Я хочу видеть, как он умирает. Это мое право. Вы поймали их на моем постоялом дворе. Если б они не остановились у меня, вы все еще гнались бы за ними.

— Я спас вас от Кейна и его людей, — парировал Пледдис. Ему нравилась эта игра.

— А голову Кейна присоединим к другим? — вмешался Эриал.

— Нет, мне обещано за него пятьсот унций золота, — ответил Пледдис. — За такую сумму я доставлю тело целиком. В Ностоблете с таким нетер-

пением ждут его — должно быть, они заспиртуют труп и выставят напоказ. Бьюсь об заклад, что городские власти станут брать плату за вход. Наверняка они так и сделают... Сейчас достаточно холодно, и он не испортится. Мы можем перебросить его через конский круп. Мертвец как-нибудь перенесет такое путешествие. Горожане Ностоблета и внимания на запах не обратят... Стандорн, возьми пару людей и принеси тело сюда. Положим его в конюшню. Только проследи, чтобы собаки до него не добрались.

Они оставили Кейна там, где нашли его мертвым. С того времени прошло всего несколько минут. Капитан наемников занялся подсчетом прибылей. Стандорн вместе с остальными скрылся наверху.

— Уид, я все еще не придумал, что с тобой делать, — сказал Пледдис.

— Повесь его, — снова попросила Ионор. В ее памяти ожили сцены восьмилетней давности: несчастные, дергающиеся в танце смерти на сколоченных наскоро виселицах, и смеющиеся лица бандитов; звериная жажда убийства в их глазах.

— Кажется, я не смогу устоять перед просьбой нашей очаровательной дамы, — галантно отозвался Пледдис, разглядев под суровой маской ненависти безусловную красоту хозяйки.

Уид постарался ответить как можно более презрительным тоном:

— Так повесь меня — и будь проклят. В Ностоблете я не могу рассчитывать на более легкую смерть. Я умру вместе с тайной сокровищ Кейна.

И тут же в панике Уид понял, что это был не самый лучший блеф. Но в его положении любая отсрочка смерти давала надежду.

— Ну-ну... — произнес Пледдис, и в его глазах блеснула заинтересованность.

На балкон выбежал Стандорн. Его трясло от страха.

— Кейн исчез, — выпалил он.

Глава пятая

ДОГНАТЬ МЕРТВЕЦА

Кейн тихо выругался, когда его нога соскользнула с известковой стены. На мгновение он повис в темноте, едва не рухнув на мерзлую землю, темнеющую в десяти метрах у него под ногами. Падение не обязательно убило бы его, но все же казалось довольно опасным. Он с трудом поставил ступню на выступ стенки и дал рукам отдохнуть от тяжести тела. Сил едва хватало на то, чтобы стоять прямо. В раненом боку немилосердно пекло, однако боль и холодный воздух помогли ему собраться с мыслями.

Через открытое окно Кейн слышал возбужденные крики солдат Пледдиса. Он чувствовал нарастающее бешенство. Чтобы спуститься по стене, ему требовалось слишком много времени. Он был так слаб, что его обнаружат, прежде чем он коснется земли. И вновь его сапог соскользнул с камня. Известковые плиты были вделаны в стену специально, чтобы застраховаться от тех, кто не любил платить по счету, и Кейн держался на стене только потому, что за многие годы горные ветры и зимы выдолбили в ней множество углублений...

Даже страшная усталость и опиум были не в состоянии притупить необычайную чуткость и бдительность Кейна, дремавшего в постели. Тот природный инстинкт, который вырывал его из сна тысячи раз, вновь заставил предводителя бандитов очнуться при приближении опасности. Разбужен-

ный шумом во время нападения Пледдиса, он практически сразу же осознал, что происходит.

Будь Кейн даже в самой превосходной форме, у него не было шансов победить, сражаясь с таким количеством противников. Ловушка захлопнулась. Несомненно, что Пледдис, с его опытом, окружил постоянный двор, прежде чем на него напасть. Вот-вот враги ворвутся в его комнату, и Кейну останется разве что прыгнуть в пролет лестницы, чтобы сломать шею, или, взобравшись по наружной стене на крышу, дать лучнику застрелить себя.

И тут ему пришел в голову отчаянный план. Пледдис знал, что Кейн тяжело ранен. Да, Кейн позволит ему войти в комнату, и пусть Пледдис убедится, что Кейн мертв. Кейн отдавал себе отчет, насколько это рискованно, но другого выхода не было. Он предполагал, что Пледдис, увидев добычу мертвой, сократит число караульных.

Для Кейна такой фортель не был чересчур трудным. Уже сам внешний вид Кейна красноречиво свидетельствовал о смерти, а морозный сквозняк, подкрепленный непрекращающейся лихорадкой без жара, делал его тело убедительно застывшим. Долгие годы Кейн старательно постигал оккультные науки, а дисциплиной самоконтроля над физиологическими функциями тела владели и менее продвинувшиеся ученики. В пути, привязанный к коню, он большую часть времени находился в трансе, восстанавливая силы, а сейчас и вовсе погрузился в спячку, тщательно контролируя дыхание и ритм биения сердца, — пусть Пледдис убедится, что он мертв.

Через пару минут после того, как наемники вышли из комнаты, Кейн полностью пришел в себя. Он понимал, что для бегства у него совсем мало времени — бежать нужно сразу после того, как

снимут стражу. Пледдис наверняка отпразднует успех длительной погони, и ненадолго воцарится радостная суматоха. Ну а потом — причин может быть множество — кто-нибудь вернется поглазеть на труп. И Кейн должен успеть исчезнуть до того.

И он успел — в последнюю минуту. Едва он скрылся за карнизом, как в комнату вошел Стандорн. В другое время он не преминул бы выглянуть через открытые створки.

Кейн не мог позволить себе сойти на землю. Он быстро принял единственно возможное решение. Рядом — рукой подать — было другое окно. Невзирая на опасность, он схватился за подоконник, сумел каким-то чудом удержаться и опереться о карниз, толкнул створку...

Окно оказалось заперто.

Кейн вытащил из-за пояса нож и вбил его острие в щель между подоконником и рамой. Его движения могли показаться паническими, однако за поспешностью скрывался опыт. Через несколько мгновений щеколда с треском отлетела.

Открыв окно, Кейн проскользнул внутрь. И тут какой-то солдат выглянул из бывшей комнаты Кейна, а потом крикнул:

— На стене никого нет!

Кейн хищно усмехнулся и устался в темноту незнакомой комнаты. Он был здесь не один.

На узкой кровати, съжившись, лежала девочка. Она смотрела на грозного гиганта, освещенного луной, и глаза ее сверкали.

— Ты жив? — прошептала она. Появление Кейна было для нее чудом. В коридоре громко кричали наемники.

Кейн не ответил. Он пересек комнату и обнаружил, что дверь заперта снаружи. В руках он все еще держал нож.

— Веди себя тихо, — приказал он вполголоса.
Ответ Клесст прозвучал слишком уж восторженно:

— Я не скажу им, что ты здесь, отец...

— Я помню один вечер на побережье, — рассказывал Пледдис, пялясь на пустую комнату. — Стояла поздняя осень, мы разбили лагерь на ночь и стали собирать плавун, чтобы развести костер. Один из нас потащил здоровую жердь и тут увидел змею толщиной в локоть, блестящую и ленивую от ночного холода. Парень был местный, знал, с чем имеет дело, и, не теряя времени на то, чтобы достать меч, воспользовался дубиной. Он ударил змею раз пятьдесят, пока палка не сломалась, а тварь была вдвое тоньше ее. Ну вот, змея издохла, и больше о ней не думали... А через какое-то время, перед самой сменой караула, мы вскочили, разбуженные криком. Черт возьми, от этого вопля мороз продирает до самых костей! Из-под одеяла выскочил тот самый парнишка, а в шее у него торчали клыки той гнусной черной гадюки. Ее голова была больше кулака, а яду в ней было столько, что бедняга был мертв прежде, чем мы дотянулись до факелов... С той ночи я не доверяю издохшим змеям. И всегда рублю их на куски, даже если они выглядят совсем мертвыми... Но сегодня я этого не сделал, — закончил он с горечью.

— Не мог Кейн далеко убежать, — заметил Эриал. — У него было мало времени, и к тому же он ранен.

Пледдис крикнул и стал осматривать подоконник. Фонари светили ему в спину.

— Нашли что-нибудь? — крикнул он во двор.

— Ничего, — крикнул в ответ Натиос. — Никаких следов. Сейчас осмотрю стены.

Пледдис знал, что горец — отличный следопыт.

— Погляди хорошенько. Здесь на подоконнике следы крови.

— Нет, тут внизу ничего нет, — прозвучал вскоре ответ.

— Я вижу там, внизу, камешки, — произнес Эриал, вытягивая короткую шею и глядя вниз.

— Верно, и снег тоже, — буркнул Натиос. — Он так же хорошо сохраняет следы, как песок. Ничего тут нет.

— Так или иначе, Кейн не мог спуститься по стене вниз, — стоял на своем воин. — Не мог он этого сделать, будь он даже в хорошей форме. Кровь — это ложный след.

Пледдис рассмеялся неприятным смехом.

— Кейн мог сделать все что угодно. Ведь не лежит же он в кровати. Он сбежал или через окно, или через дверь. У каждого выхода стоит мой человек, и если снаружи нет никаких следов, значит, он должен быть в доме. Ему ничего не поможет — мы его все равно разыщем.

— Может, он выбрался как-нибудь иначе и свои следы перемешал с нашими. Мы ведь подходили к дому с разных сторон, — не хотел уступать Эриал.

— Может, и так, но я все же думаю, что у Кейна было слишком мало времени для всяких хитроумных штучек. Он спрятался где-нибудь здесь. А если нет, собаки возьмут след. Без коня он далеко не убежит.

На заросшем лице Стандорна появилось странное выражение.

— Капитан! По-вашему, он только притворялся мертвым?

Пледдис поглядел на наемника.

— Мертвецы не убегают.

И неожиданно он грозно добавил:

— Разве что какая-то сволочь залезла в комнату и украла тело ради награды! — И, подумав пару секунд, добавил: — Нет, во всех вас я уверен. И в тех ребятах, что были наверху, тоже. Но все же если выяснится, что кто-нибудь что-то замышляет, его голова окажется в соли рядом с остальными — и это не будет стоить Купеческой лиге ни гроша...

Стандорн, однако, был уверен в том, что смертельно ранил Кейна.

— Все равно, сегодня взошла луна Повелителя Демонов. Говорят, сегодня она властвует над горами. Может, она способна оживить умершего. И все эти легенды о Кейне... Не исключено, что мы гонимся за трупом, капитан.

Выражение лица Пледдиса ничуть не изменилось. А потом все услышали его хриплый рык:

— Быть может, Стандорн. Но помни: этот труп стоит пятьсот унций чистого золота, и если он объявится — сообщи мне.

— Отец? — вырвалось у Кейна громче, чем он хотел. Он подошел к кровати девочки.

— Да, — прошептала Клесст. — Я видела, как ты приехал, и все говорили, что ты — Кейн. Деревенские дети зовут меня твоим ублюдком. Рассказывают, что ты похитил маму после нападения на постоянный двор, и потом, когда она сбежала от тебя и вернулась, у нее уже была я. Говорят, что именно ты — мой отец...

Кейн не сводил с нее глаз.

— Погляди, у меня рыжие волосы, как у тебя, и глаза такие же голубые. — Клесст посмотрела в глаза бандиту. — В темноте я вижу лучше других детей, а о тебе говорят то же самое.

— Боже мой, — пробормотал Кейн, притрагиваясь к щеке ребенка.

— Я не скажу солдатам, где ты спрятался, — закончила девочка.

— Ты должна меня ненавидеть...

Тело девочки пылало. Его — тоже.

— Нет, — отозвалась Клесст. — Другие ненавидят меня. Но когда слышат о тебе — боятся. Я люблю смотреть на них, когда они боятся. Даже при виде меня их охватывает страх.

Кейн покачал головой. Возбужденные голоса преследователей напомнили, где он находится. Отведя взгляд от Клесст, он рискнул выглянуть в окно. Наемники с факелами и фонарями окружили постоянный двор. Кейн понимал, что, не найдя его следов во дворе, они станут обыскивать дом. Соскоблив грязь с сапог, Кейн замаскировал ею светлые полосы на подоконнике, который повредил, открывая ножом окно. Пятен крови он не заметил.

Предводитель разбойников мрачно обдумывал свои шансы. Они были ничтожны. Эта уловка всего лишь позволила ему выиграть пару минут, но конец казался неизбежным — разве что удастся незаметно прокрасться мимо часовых Пледдиса. Но даже тогда...

Кейн заставил себя трезво оценить ситуацию. В эту минуту угроза смерти оказалась сильнее изнеможения. Ему все еще удавалось оставаться на ногах, хотя лихорадка и опиум уже давно должны были бы лишить его сознания. Однако он начинал постепенно сдавать.

— Я видела тебя во сне, — сказала ему дочь. — Вот только имени твоего не знала.

Кейн хотел было шикнуть на нее, но почему-то не сделал этого.

— Как ты можешь видеть во сне того, кого в жизни никогда не видела? — вместо этого удивился он, как ребенок.

Встреча с Клесст оживила в его памяти воспоминания, на которых ему не хотелось бы сейчас задерживаться.

— Я тебя видела во сне, — настаивала девочка. — И еще одного, в длинном черном плаще. С ним был громадный черный пес...

Испуганный Кейн приказал ей замолчать. По коридору прошли наемники. Они обыскивали комнаты.

Кейн протянул руку за правое плечо и вытащил из ножен старый стальной меч из Карсальтиаля. «Хорошее оружие, — подумал он с гордостью. — Настоящая редкость. Таких осталось совсем немного». Карсальтиаль давно занесен песком, морская вода и время похоронили его. Да и память об этом мече вскоре умрет, вместе с последним жителем ныне мертвого города.

Он снова выглянул в окно. Во дворе были часовые. Кейн мог бы уложить того, кто первым войдет в комнату, но на его месте тут же окажутся другие, а раненый Кейн был не в состоянии провести свой последний бой как подобает.

Двери комнаты были заперты снаружи. В комнате был Кейн. Может, они обыщут комнату не так тщательно, исходя из того, что ребенок закричал бы, увидев у себя прячущегося бандита...

Напрасная надежда. Кроме того, комната слишком маленькая. Кейн предполагал, что это один из тех узких одноместных номеров, предназначенных для богатых постояльцев, которые не желали делить спальню с другими гостями. Проживание в таком номере стоило дорого, а места предоставлялось немного, но состоятельному торговцу не приходилось по крайней мере спать на одной кровати с тремя не слишком опрятными погонщиками скота.

Солдаты осматривали комнату, которая, судя по всему, была совсем рядом.

Спрятаться было негде. Голые деревянные стены. Ни сундуков, ни обивки. Кейн ни за что бы не втиснул свое гигантское тело под кровать Клесст. Оставался только шкаф. Он сделал помещение чуть более уютным... Кейн распахнул дверцы. Шкаф выглядел чересчур вместительным. Из него шел странный сырой запах. На вешалках висело что-то из одежды.

«Что ж, можно попробовать. Если они приоткроют дверцы, — решил Кейн, — то я брошусь на них и, если мне чуть-чуть повезет, прикончу парочку, прежде чем они расправятся со мной. Лучше так, чем ждать верной смерти посреди комнаты, как приговоренный в тюремной камере».

— Как тебя зовут? — неожиданно спросил он.

— Клесст.

— Так вот, Клесст. Я спрячусь в шкаф, а ты закрой его снаружи и ляг обратно в постель. Когда придут наемники, ты скажи им, что никого тут не было. Если они тебе не поверят и заглянут в шкаф... ты им потом скажешь, что я тебе угрожал и что тебе пришлось бы плохо, не сделай ты того, что я велел. Поняла?

Проникнувшись важностью полученного задания, Клесст кивнула. С неуверенной улыбкой она повернула ключ в замке шкафа. Ей едва хватило времени вернуться в постель. К двери подошли наемники.

— Это — комната ребенка, — заметил кто-то. — Она заперта снаружи.

— Открывай, — ворчливо скомандовал другой.

Заскрежетал засов, и в комнату заглянули люди с настороженными лицами.

Ворчливый голос принадлежал полному мужчине с широкими плечами и грузной походкой. В

руках он держал арбалет, пальцы лежали на спусковом крючке.

— Эй, малявка, — окликнул он девочку. — Был здесь кто?

— Нет, господин солдат, никого тут не было, — ответила Клесст, желая любезностью внушить доверие.

Глаза наемника внимательно обшаривали комнату.

— Ты уверена?

— Да, господин солдат.

— Ты не спала?

— Нет, господин солдат.

— Ты точно все это время не спала?

— Нет... то есть да, господин солдат.

Человек с арбалетом вошел в комнату. За ним — остальные. В руках у них были мечи.

Наемник с худым лицом оглядел окно.

— Закрыто, Стандорн. Никаких следов крови, — произнес он низким голосом.

Стандорн поднял арбалет, нацелив его в потолок.

Клесст раздумывала, отчего стальной лук не отпускает тетиву.

— Окно могло быть раньше открыто. Эта комната находится почти точно под комнатой Кейна. Разбойник мог здесь побывать.

Солдат грозно посмотрел на девочку.

— Ты что-нибудь видела?

— Нет, господин солдат.

— Ты ведь меня не обманываешь, правда?

— Нет, господин солдат.

— Ты знаешь, что бывает с детьми, которые лгут?

— Да, господин солдат, — воображение Клесст услужливо рисовало всевозможные ужасы.

— И ты не видела большого такого бандита, у которого из раны в боку течет кровь?

— Нет, господин солдат.

— Шкаф закрыт снаружи, — заметил кто-то.

— Надеюсь, ты не прячешь бандита у себя в шкафу, а? — спросил Стандорн многозначительно.

— Нет, господин солдат.

— Так что же бывает с девочками-лгунями? Ты знаешь, у меня чешется нос.

— Не знаю, господин солдат.

— Да-да, он чешется у меня всякий раз, когда я слышу неправду.

Клесст со страхом смотрела на наемника.

— Как ты думаешь, почему он чешется?

— Понятия не имею, господин солдат, — ответила она дрожащим голосом.

Стандорн остановился возле шкафа. Уперев арбалет в плечо, он прицелился в шкаф на уровне грудной клетки. Пальцы он сжимал на спусковом крючке.

— Открой, Профака, — приказал он худому солдату.

Тот рванулся вперед и, повернув ключ, резким движением распахнул дверцы.

Шкаф был пуст.

— В доме его нет, — сообщил капитану Эриал. — Я обыскал его от подвала до чердака, заглядывал в дыры, где не поместился бы даже и ночной горшок. Кейна тут нет — это факт.

Пледдис устало кивнул. Он сам руководил поисками.

— Верно, как верно и то, что Кейн не мог выбраться отсюда. Это тоже факт. Мои люди торчат на каждом углу. — Он со злостью стукнул кулаком в стену. — Но Кейн как-то сбежал.

— Как? Мы ведь были уверены, что он в доме.
— Мы как раз убедились, черт возьми, что тут его нет! Ну и скажи мне теперь, что дальше?

Эриал молчал, поглаживая свой бритый череп. Внезапный смех Пледдиса напугал его.

— Я знаю, что сделал Кейн! — Капитан оскалил белые зубы. — Пораскинь мозгами. Кейн — ловкий тип и знает множество штучек. Он вылез через окно, все правильно, но вниз не спустился. Он знал, что мы именно так станем искать, и забрался наверх. Ублюдок был наверху — ему легче было влезть на крышу, чем спуститься на землю. Наверняка он добрался до места, где крыша граничит с сожженным северным крылом. Потом на ощупь он слез в развалины и, пройдя по обломкам, исчез в темноте. А мы в это время гадали, где же труп...

— Если так, то пока мы заглядывали под кровати, у него было достаточно времени, чтобы сбежать, — буркнул Эриал.

— Может быть, — согласился Пледдис, гордящийся своей проницательностью. — Но у Кейна нет коня. Раненого, да еще и пешего... мы догоним его за час. Натиос! Найди Ионор и скажи ей, что нам нужны собаки. Поторопись! В чем дело?

— Мы будем гнаться за ним ночью? — с беспокойством спросил горец. — Скоро полночь. Повелитель Демонов начнет свою охоту.

— Шевелись, чтоб тебя черти взяли! — прошипел Пледдис. — Да, мы отправимся за ним прямо сейчас! Ты хочешь, чтобы Кейна поймал Повелитель Демонов? Повелителю Тлолувину золото не нужно...

— Не произноси этого имени, — попросил Натиос. Но увидев, что Пледдис вот-вот взорвется, бросился искать Ионор.

Глава шестая

«СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД...»

Ионор набросилась на Грешу с нескрываемой злостью:

— Зачем ты вернулась? Я ведь велела тебе уйти на ночь с постоялого двора.

Они были одни в большой кухне «Гнезда Ворона». Раздававшиеся где-то рядом крики свидетельствовали о поспешных и беспорядочных поисках, которые вели люди Пледдиса. К ним присоединились двое погонщиков скота. Ионор со своей стороны предложила, чтобы наемникам помогали также Холос и Маудерас и чтобы Селле провела их по всему дому. Она была уверена, что Кейна отыщут — если, конечно, он еще на постоялом дворе. А иначе...

Она закусил губу, разозлившись на Грешу, которая избегала ее взгляда.

— Я спрашиваю, зачем ты вернулась?

Служанка глубоко вздохнула. Ее тучное тело дрожало.

— Видно, ты не хотела, чтоб я оставалась здесь, — пробормотала она, опустив глаза.

— Что ты сказала?!

Греша подняла голову, отважно взглянула на хозяйку.

— По-моему, я знаю, для чего ты отослала меня на ночь, — произнесла она громко, почти вызывающе.

Из сжатых губ Ионор вырвалось шипение. Она широко размахнулась, однако задержала руку.

— О чем ты говоришь? — резкий тон ее голоса сам по себе был словно оплеуха.

— Я еще в своем уме. Я все помню, — бесстрастно отозвалась Греша. — Я знаю, как ты ненавидишь собственного ребенка.

Как пантера, забавляющаяся собственной когтистой лапой, Ионор сжала длинные пальцы в кулак, а потом раскрыла ладонь. Она тряхнула головой, разрушив прическу, и на спину ей упала коса, похожая на тяжелый черный хвост хищника.

Служанка задрожала под пристальным взглядом хозяйки, в котором таилась явная угроза.

— Бедняжка Клесст! Я не могла винить тебя за то, что ты ненавидела девочку, когда та появилась на свет. Но прошло столько лет!.. Я растила ее вместо тебя... и надеялась, что в конце концов ты полюбишь свое дитя. Но этого не случилось, Ионор. Нет в тебе любви — одна ненависть. Она вырвала душу у тебя из груди. Ты не любишь даже собственное тело.

— Заткнись, жирная идиотка! Я терпела твою назойливость, но на этот раз ты перешла все границы.

— Никогда я не думала, что ты доведешь начатое до конца. Я все надеялась: она смягчится, помягшеет к Клесст. Но нет, ты холодная и бездушная женщина! Сердца у тебя нет! Теперь я знаю: ты на самом деле этого хочешь!

Ионор отступила к столу, на котором обычно резали мясо. Ее рот скривился в презрительной усмешке.

— О чем ты говоришь?

Глубоко вдохнув, Греша продолжила. Ее круглое лицо выражало мрачную решимость.

— Не забывай, я была тут во время родов. Я сидела с тобой, когда от твоих воплей и проклятий разбежалась вся прислуга. Я держала тебя и пробовала успокоить, когда повитухе пришлось воспользоваться ножом, чтобы извлечь на свет Клесст. Даже когда ты проклинала всех богов, я была при тебе. Я тебя жалела. Никто не верил, что ты выжи-

вешь. Семь лет назад это было. Все говорили, что это просто чудо, когда и ребенок, и ты пережили ту ночь. Одна я знала, что за чудо произошло на самом деле.

— Ты старая сумасшедшая, Греша!

— Старая — да, но не сумасшедшая. Ты не должна была выкрикивать такие вещи, а тем более в ночь, когда луна Повелителя Демонов заглядывала в окно. Не очень-то хотелось людям это слушать — потому все и ушли. Честно говоря, я тоже боялась. И после родов, после того, как акушерка сделала все, что могла, когда тебе дали опиум, чтобы ты заснула... я оставила тебя, а про себя решила взять на себя заботу о малышке — ведь ее мама не доживет до рассвета... Ну а потом, когда собаки стали выть и поджимать хвосты от страха, а люди сбились в кучу у костра и молились... когда огонь в камине стал гореть слабым, голубоватым пламенем... я не смогла оставить тебя одну в твой смертный час. Подходя на цыпочках к твоей комнате, я не переставала молиться. Мне было страшно при одной мысли об ужасных звуках, которые доносились со двора... Я остановилась под дверью и услышала твой голос — и еще один голос, который тебе отвечал. Я знала, с кем ты говоришь; знала, что случилось бы со мной, войди я в комнату. Я замерла ни жива ни мертва и от страха не могла даже дрожать. Но слова, что вы оба произносили, врезались в мою память, словно раскаленное железо — в тело. Я стояла под дверью даже после того, как он ушел, — и плакала. А потом увидела тебя спящей, с этой злобной усмешкой на губах, и знала, что утром ты будешь здорова... Но видит Бог, Ионор, я не думала, что ты окажешься такой упрямой. Клянусь, я бы тебя задушила, если б только могла это предвидеть. Я ду-

мала: она полюбит ребенка, как только прижмет его к груди и забудет ужас, стыд и боль. Но ты не прижала ее к себе, не обняла. Ты так и не научилась любить. Одна ненависть живет в тебе... Я знала, отчего ты не хочешь, чтобы я была здесь сегодня ночью, — и поэтому я вернулась. Я не уйду. Я не дам тебе это сделать.

— Вот настырная дура! — Ионор силкнула. — Если ты осмелишься мне помешать... А что ты собственно можешь сделать?

Греша с воинственным видом скрестила руки на груди.

— Здесь есть солдаты. У капитана Пледдиса полномочия от Лиги. Он не позволит тебе...

Ионор расхохоталась:

— Пледдис — беспощадный охотник за наградами. Его солдаты — просто наемные бандиты. Его не волнует, что я делаю. Ему нужен исключительно Кейн.

— Может, и так. Но я погляжу, что он сам на это скажет.

— Не будь такой идиоткой.

— Может, его заинтересует то, что Кейна в таком случае он тоже не получит.

— Я тебя предупреждаю...

Греша взглянула на искажившееся лицо хозяйки. Сомнений у нее не осталось, страх отступил. Служанка направилась к двери, ведущей в зал. Она слышала приближающиеся тяжелые шаги.

Когда она повернулась спиной к Ионор, та оторвала руку от стола. Спрятанная в кулаке сталь раскроила Греше череп. Тело служанки сползло на пол, будто куль с мукой.

Даже не взглянув на дело рук своих, Ионор посмотрела на дверь. Она действовала с яростной решимостью, не раздумывая.

Кто-то вошел на кухню. Это оказался Маудерас. Он застыл на пороге как вкопанный. Его мощная фигура заслонила проем. За ним виднелся бар, вокруг которого столпились люди Пледдиса.

— Закрой дверь, — приказала хозяйка. — Запри на ключ.

Маудерас послушно выполнил распоряжение, хоть вид у него был несколько ошарашенный.

— Что случилось?

— Ничего, — ответила Ионор. — Я должна была удержать ее от разговора с Пледдисом.

— Она мертва?

— Думаю, да.

Маудерас облизнул усы и оглядел кухню. Наружные двери были закрыты на замок, хотя люди Пледдиса и караулили во дворе. К счастью, окна в задней части помещения были заколочены наглухо. Никто пока ничего не видел.

— Не понимаю, какое отношение она имеет к Пледдису?

— Не забывай, капитан — человек, облеченный властью, — объяснила Ионор. — Может, он бы не воспользовался своей властью, а может, как раз наоборот. Сейчас нельзя искушать судьбу. Я не хочу играть с ним в кошки-мышки. Мы должны спрятать тело, а если кто-то спросит, скажешь, что она вернулась в деревню.

— Как мы спрячем ее? Она же слишком толстая. Так вот просто ее никуда не затолкать, а люди Пледдиса повсюду. В любую минуту они могут зайти сюда. Они ведь так и не нашли Кейна, и капитан хочет уже разбирать полы, чтобы поискать, где мог укрыться этот разбойник...

— Знаю. Сюда тоже заглядывали дважды. Похоже на то, что Кейн сбежал с постоянного двора, а?

Маудерас утвердительно кивнул.

— Пледдис уже знает как. Сейчас они поедут прочесывать холмы.

Ионор с минуту сосредоточенно размышляла, а потом сказала:

— В таком случае сделаем все старым способом. Вынеси ее тайным проходом и утопи. Тогда наемники наверняка ее не найдут.

Маудерас положил большую ладонь на плечо хозяйки.

— Прошло столько времени с тех пор, как я делал это в последний раз...

— Я уверена, что твоя рука все так же тверда.

— Мы не пользовались этим ходом со времен нападения. Я думал, ты хочешь забыть о давних временах и тайных коридорах.

— Я помню свои слова. Но сегодня я не могу рисковать.

— Как прикажешь, Ионор, — он пожал плечами.

Склонившись над неподвижным телом Греши, он приподнял его с холодной отрешенностью человека, которому не впервой это делать. Он выпрямился со стоном; тело Греши безвольно повисло на его широких плечах.

— Старуха весит больше, чем забитая свинья, — выдавил он из себя.

Но Ионор уже не было рядом. Сбежав по лестнице в подвал, она остановилась и ухватилась за перила. Она резко рванула вертикальную перекладину балюстрады, действуя ей словно рычагом. Это и впрямь был рычаг — где-то внизу сработал противовес, и часть каменного пола плавно вошла в стену.

Из образовавшегося темного квадрата вырвался затхлый, влажный воздух — будто дыхание дремлющего чудовища. И действительно, из глубины

донесся, словно сдавленный вздох, отдаленный болезненный стон.

Скользкая каменная лестница вела во тьму. Маудерас взял из рук Ионор лампу и, согнувшись под тяжестью трупa, неуклюже посветил вниз. С сомнением он оглядел лестницу.

— Поторопись. Кажется, меня кто-то зовет.

Маудерас поставил ногу на верхнюю ступеньку и пробурчал:

— Я потороплюсь. Быстро вернусь... чтобы согреть тебя этой ночью.

Ионор сделала нетерпеливый жест.

— Побудь там немного, прежде чем вернешься наверх, и воспользуйся вторым выходом. Они мне поверят, если я расскажу, что ты пошел проводить Грешу. А потом никого уже не удивит исчезновение служанки в ночь Повелителя Демонов.

— Все, что прикажешь, — донесся из темноты голос Маудераса. — Я вернусь прямо к тебе и уж тогда обогрею...

Ионор быстро передвинула рычаг в вертикальное положение. Участок каменного пола встал на прежнее место. Вернувшись на кухню, она услышала, как наемники оглушительно колотят в дверь.

— Прошу прощения, я спускалась в подвал за вином, — пояснила она, впуская Натиоса и его приятеля. — Когда дьявол гуляет на воле, женщина должна укрыться в безопасном месте...

Глава седьмая

ТАЙНА «ГНЕЗДА ВОРОНА»

Обрадованный тем, что не переломал костей, Кейн с трудом поднялся на ноги. Высокие сапоги уберегли его от вывиха или чего похуже, так что

хромал он не слишком сильно. Он помассировал плечо — оно было все в синяках, и при падении его едва не выбило из сустава. Вообще-то по всем законам природы Кейн должен был лежать тут со сломанной шеей...

Он огляделся по сторонам, восстанавливая ход событий. Дикая боль стихала, и сознание понемногу прояснялось.

Когда Клесст закрыла дверцы шкафа, Кейн оперся о его заднюю стенку. Неожиданно он почувствовал, что теряет равновесие. На ощупь он схватился за что-то, но не удержался.

Потом квадрат пола, на котором он стоял, провалился, и Кейн рухнул в темноту. Вслепую он протянул руку. Пальцы ухватились за деревянную перекладину лестницы. Ветхая жердь переломялась под ста пятьюдесятью килограммами мяса и костей.

Кейн отчаянно вцепился в следующую перекладину, но обветшалые палки одна за другой ломались. И все же они слегка притормозили падение. Стальные руки Кейна хватали перекладину за перекладиной, и в конце концов он повис на одной из них. Однако прогнившее дерево не выдержало такой массы. Лестница обрушилась.

Последние три метра Кейн падал вместе с ней — и приземлился точно на обломки окончательно разрушенной конструкции.

Не сразу придя в себя после страшного удара, он пролежал несколько минут неподвижно. Вверх уходила бесконечная темная шахта. Кейн не имел представления о том, куда он попал. Это место располагалось под подвалом «Гнезда Ворона».

Из сбитых в кровь ладоней он вытащил пару внушительных заноз. Других травм не было. Кейн улыбнулся: искалеченные руки обезоружили бы

его сильнее, чем сломанная нога. Оглядевшись вокруг, он нашел свой меч, рукоять которого вонзилась в сырой пол. Кейн вытащил его и понял, что едва не угодил на стальной клинок.

Кейн снова оглядел дно колодца. Каким-то образом он запустил секретный механизм дверей в задней части шкафа. Видимо, противовес тут же закрыл отверстие, иначе он увидел бы свет и удивленные лица, смотрящие на него сверху... Раньше к стене шахты была прикреплена лестница, однако взобраться по ней теперь было невозможно: Кейн только что сам ее разломал.

Он размышлял, для чего предназначалось это помещение, когда над его головой раздался шум и скрежет. Слева в потолке, метрах в пятнадцати, появился свет. Часть свода дрогнула и отъехала, открыв длинный ряд ступеней. Послышались голоса.

Кейн прикусил губу. Неужели наемники Пледдиса выследили его даже в этой забытой Богом норе? Кейн спрятался за массивной колонной и сжал меч в окровавленной руке.

Но вместо солдат он увидел одного-единственного мужчину, который спускался в яму. А потом люк закрылся. Кейн прищурил глаза, пытаясь сообразить, что к чему. В мужчине он узнал одного из прислужников Ионор, а вот женщину, свисавшую с его плеч, Кейн никогда раньше не видел. Такой поворот событий представился разбойнику загадочным. Более того, все это означало, что его присутствие здесь не раскрыто. Могучий слуга был целиком поглощен своим делом — секретным, вне всякого сомнения.

Мужчина держал в руках керосиновую лампу. Ее света едва хватало, чтобы чуть-чуть осветить стены и потолок загадочного помещения. Это был естественный грот, переделанный в свое время в

тайный подвал. Затхлый ветерок колебал пламя лампы. В самой дальней стене Кейн увидел проход, ведущий наружу.

Маудерас огляделся по сторонам. На лице его застыла маска страха. Это место, отмеченное кровью бесчисленных убийств, не могло служить безопасным укрытием, особенно в ночь Повелителя Демонов.

— Черт, что такое! — вскрикнул он, подняв вдруг лампу. Тусклый свет озарил обломки лестницы. Маудерас нервно стал водить лампой во все стороны. Тело женщины соскользнуло с его плеч и с громким шлепком распласталось на земле. — Лестница, конечно, прогнила, но не настолько, чтобы развалиться без чьей-то помощи, — подумал Маудерас вслух. Он медленно подошел к обломкам, вынул меч и держа лампу перед собой как щит.

...Колпак лампы разлетелся вдребезги. Языки пламени лизнули мокрые каменные плиты. Громкие кривляющиеся тени на побелевших от соли стенах зашевелились, передразнивая движения убийцы и его жертвы. Кейн обтер кровь с меча.

— Кейн... — позвал кто-то хриплым голосом.

Разбойник замер как вкопанный и крепко выругался.

— Кейн... это ты? — вновь послышалось в темноте.

Главарь бандитов шагнул в ту сторону, откуда, как ему показалось, доносился голос. В слабом свете он увидел, что женщина, которую принес Маудерас, приподнялась на локтях.

Кейн присел рядом с ней.

— Да, это я, — сказал он, глядя на ее волосы, слипшиеся от крови.

Лицо женщины было неподвижно, но плечи дрожали. Ей едва хватило сил, чтобы прошептать:

— Этот ребенок... Кейн, спаси Клесст... Она твоя родная... дочь...

— А почему Клесст нужно спасать?

— Ионор... Сегодня семь лет, как она родила девочку... В Ионор нет ничего, кроме ненависти... В ту ночь она призвала его к себе... она ждала мести...

— Кого призвала?

— Я слышала его... у ее постели... Его черный пес скребся в дверь... К ней приходил Повелитель Демонов.

Лишь необходимость все рассказать Кейну удерживала жизнь в теле служанки. Силы почти оставили Грешу — двигались лишь глаза и губы. Это напоминало последнюю вспышку лампы, когда кончается керосин.

Ее голос слабел. Кейн обеспокоенно наклонился ниже.

— Повелитель Демонов заключил с ней сделку. Через семь лет он должен заманить тебя в «Гнездо Ворона»... он появится тут со своим псом, чтобы низвергнуть твою душу в ад. Ионор увидит, как свершится месть, — но при этом она должна отдать ребенка... Ионор отведет девочку к скале, которую зовут Лысым Вороном. Там ее будет ждать Повелитель Демонов и его черный пес. Она принесет Клесст в жертву слугам ада — и укажет на твой след... А потом черный пес придет за тобой, Кейн, чтобы забрать твою душу на вечные муки во владения своего господина... и нет в мире такого места, где ты смог бы спрятаться от жреца ада. Ты лучшей участи не заслуживаешь, но дитя ничего худого не сделало. Не дай Ионор принести Клесст в жертву... Ненависть гложет ее...

Шепот Грешы уже нельзя было разобрать. Кейн встряхнул безвольную фигуру, желая узнать больше. Но служанка умолкла навсегда.

От разлитой лужи горящего керосина остались лишь маленькие островки огня, да и те один за другим гасли. Кейн поднялся от трупa женщины. Подвал снова погрузился во тьму.

Разбойник постоял немного в задумчивости, пока глаза его не привыкли к полной темноте. Борясь с болью и усталостью, сковывавшими его члены и притуплявшими внимание, Кейн направился к выходу. Влажный ветерок свидетельствовал о том, что пролом в противоположной стене ведет наружу, — а на постоялый двор Кейн возвращаться не собирался, даже если бы потом сумел незаметно добраться до ворот.

Проход оказался слишком широким. Известковые стены и пол были неровными. Кейн обнаружил, что естественный тоннель в скале когда-то расширили. Он прикинул, для чего построили секретный подвал, и его подозрения подтвердились прежде, чем он добрался до конца прохода.

Выход из тоннеля был расположен посреди склона. Чуть выше над ним расположилось «Гнездо Ворона». В тридцати метрах ниже грохотали бурные воды реки Котрас. Прямо у выхода лежала груда камней, превосходно подходящих для грузила, что само по себе мало значило, однако Кейн чувствовал, что за всем этим кроется какая-то мрачная история.

До нападения «Гнездо Ворона» процветало. Но семья Ионор накопила большое состояние, не только предоставляя кров утомленным дорогой путникам. Неожиданно Кейн разгадал леденящую кровь тайну постоялого двора.

Такие страшные подворья не были редкостью на отдаленных дорогах, проходящих через безлюдные леса. Кейну они порой встречались, но — не такого масштаба.

Интересно, в скольких еще комнатах были тайные ходы, такие, как тот, в который случайно провалился Кейн? Какие горы украденного золота, сколько грязных преступлений скрывал этот подвал? Подбрасывая в руке камешек, Кейн думал о безымянных постояльцах, которых вытягивали из постели, отправляя в этот проклятый грот, которым выпускали кишки и, привесив булыжник, бросали в бешеный поток.

Исчезновение если и замечали, то относили, конечно, на счет бесчисленных разбойничьих шаек, а некоторые убийства, подумал с горечью Кейн, наверняка приписывали ему... Однако, судя по всему, этим проходом давно не пользовались. «Интересно почему, — задумался Кейн. — Может, богатые путешественники уже не рискуют ездить этой дорогой? Или, может, их слишком мало, а исчезновение не может остаться незамеченным? А может, Ионор, в отличие от своих предшественников, натура менее кровожадная?» Вот как раз в последнее он не верил. Достаточно было вспомнить глаза хозяйки, пылающие ненавистью...

Кейн перестал об этом думать. Более важной проблемой был Пледдис. И еще слова умирающей женщины. Правда... или безумный бред? Кейн не мог пренебречь ее предостережением. Он знал, на что способна ненависть.

Клесст... Он должен был до нее добраться. Этот ребенок — ключевое звено в смертоносной цепи, которую приготовила ему Ионор. К несчастью, состояние лестницы в шахте оказалось столь плачевным, что, даже если удастся восстановить недостающие участки, она все равно не выдержит его веса. Солдаты Пледдиса окружили постоялый двор. Возвращение в дом, пусть даже тайными ходами, тотчас будет обнаружено. Бегство же отняло

у Кейна остатки сил и ловкости, хоть и спасло жизнь. Второй раз он не может на это рассчитывать...

У Кейна сильно кружилась голова. Он должен был добраться до Клесст, даже если заплатит за это жизнью. Если он не заберет девочку, Ионор скрепит свой договор с Повелителем Демонов. Это означало бы для него участь, по сравнению с которой мечи наемников Пледдиса — поистине счастливая смерть...

Кейн никак не мог сосредоточиться. Усталость и боль лишали его сил, а от лихорадки и опиума раскалывалась голова. Из слов служанки следовало, что Ионор должна завершить адскую сделку на Гряде Ворона. Кейн помнил это место: каменная пустошь и расщепленные молниями деревья. Пустошь вытянулась на почти недоступном гребне холма и служила в окрестностях поводом для множества мрачных легенд. Никто в здравом уме не приближался туда, когда всходила луна Повелителя Демонов. Наверное, даже Пледдис не отправил бы своих людей вверх по этому склону...

Ионор приведет Клесст туда. Кейн понимал, что должен попасть на Гряду Ворона раньше ее. Но он понятия не имел, сколько времени у него в запасе. Он слышал голос Ионор, когда Маудерас спускался в подвал, всего несколько минут назад. Однако она, должно быть, сразу же после этого отправилась в путь. Кейну же, слишком слабому и к тому же не слишком твердо знающему дорогу к гряде, нужно было еще перехитрить людей Пледдиса. А ночь таила в себе опасности куда более страшные, чем оружие наемников...

Что ж, другого выхода нет. В сердце у Кейна вскипел гнев. Он ступал по земле, запутавшись в смертоносной паутине, а каждый шаг оказывался

заранее распланированным его врагами... Нет, он не хотел быть слепой пешкой в темной игре судьбы!

От выхода из подвала вниз по крутому склону шла извилистая тропа. В расщелинах на почти голой почве, цепляясь корнями за потрескавшуюся землю и разрушенные скалы, рос колючий лавр. Он выглядел сомнительной опорой при спуске... «Но все-таки придется воспользоваться этим путем за неимением лучшего — может, удастся обратиться к реке. Только бы не поскользнуться...»

Другого выхода не было.

Преодолевая нарастающую слабость и дурманящее головокружение, Кейн поставил ногу на скользкий камень — начало тропы.

Глава восьмая

«И ПРИЗОВЕТ ТЕБЯ АД»

— Стандорн, по-моему, ты достаточно смыслишь в пытках, чтобы не бить потерявшего сознание, — бросил Пледдис. — Подожди, пока он придет в себя, и тогда... — Он повернул голову, раскатисто рассмеявшись.

Стандорн сплюнул и снял с кулака кастет.

— Обожду чуток.

— Выдержит... — хихикнул Пледдис, рассматривая изуродованное лицо Уида. Это зрелище смягчало горечь, оставленную побегом Кейна.

Избитое тело Уида вяло покачивалось. Руки у бандита были стянуты за спиной. Шнур, взрезавшийся в запястья, перекинули через балюстраду балкона. Наемники подвесили разбойника так, чтобы ноги его не доставали до пола всего на пару сантиметров. Плечевые суставы в любую минуту

могли не выдержать нагрузки. Стандорн щедро угостил Уида кастетом.

— Когда мы вернемся с Кейном, он сознается, где спрятана добыча, — пообещал Пледдис. — Он поймет: это только намек на то, что с ним случится, если он хоть раз соврет. Единственный способ заставить человека сказать правду, когда он знает, что все равно его ждет смерть, — это сделать так, чтоб он сам захотел умереть...

Повернувшись к Ионору, он фамильярно ухмыльнулся:

— Когда мы вернемся, он будет еще жив, не так ли?

— Лучше так, чем сразу его прикончить, — сказала она бесстрастно, глядя, как тело Уида закачалось после очередного удара.

Пледдис многозначительно усмехнулся.

— Не думай, я тебя врагом не считаю. Нет-нет. Мы разрешим тебе и твоему помощнику Маудерасу заняться им, когда он придет в себя. Конечно, я оставлю здесь часть своих людей... вдруг вернется Кейн, да и за конями присмотреть надо. Я-то думаю, что мы найдем его отлеживающимся где-нибудь в горах, не дальше, чем в миле отсюда. Но с Кейном нужно держать ухо востро. Если он вернется — что ж, мы приготовим ему славный прием.

В зал поспешно вошел Натиос.

— Капитан, это бесполезно, — заявил он. — Чертовы псы ни на что не годны. Мы пытаемся выгнать их силой, а они ни в какую... жмутся друг к другу и воют. А одна тварь чуть не откусила руку старому Успорису. От страха они мочатся под себя. Совсем никуда не годятся. Лают, если только наступить им на хвост. Ни о какой помощи в погоне и речи нет.

— Та-а-ак... — Пледдис пожал плечами, стараясь казаться невозмутимым. — Что ж, придется обойтись без собак — раньше ведь обходились. Я прекрасно знаю, что ты и сам можешь отыскать след. — Он взглянул на длинноносого горца. — Или ты боишься? Но и ты, и все остальные, кто умирает со страху, — вы все знаете, что я думаю об увилении от службы...

Натиос печально кивнул. Да, он знал. Все это знали.

— Стандорн, ты не боишься отправиться в погоню за кучей золота?

— Нет, капитан, — солгал тот. Густая борода скрыла его побледневшие губы.

— Видишь, Натиос. Стандорн не трус.

— Покажи мне, где обрывается след Кейна, и я приведу тебя к нему.

— Ловлю тебя на слове. — Зубы Пледдиса сверкнули в усмешке. — Ладно, не будем тратить время...

Когда голоса охотников смолкли в ночи, Ионор отошла от окна и надела плащ с капюшоном. Пусть темно-коричневая ткань скроет ее во тьме. Она хотела избежать встречи с Пледдисом, хоть тот и не имел права вмешиваться в ее дела; все равно никто не сможет помешать ей исполнить задуманное семь лет назад.

Когда она открыла двери комнаты, Клесст не спала. Она уставилась на мать широко открытыми глазами. Если б они не напоминали так глаза Кейна... если б ее волосы не были такими рыжими...

— Ты не спишь, — автоматически упрекнула девочку Ионор.

— Я не могу уснуть, пока такое творится...

Клесст хотела спросить, схватили ли солдаты Кейна, но не посмела выдать свою заинтересован-

ность. Кейн был для нее волшебником — он исчез из шкафа. Он был неуловим.

— Хорошо. Одевайся, Клесст. Пойдем немного прогуляемся.

— Зачем, мама? Сегодня светит луна Повелителя Демонов. — Девочку сковал страх.

— Все будет хорошо. Солдаты охраняют нас от злых сил. Ночной воздух собьет твою температуру. Одевайся.

Может, мать приготовила ей сюрприз ко дню рождения? Одна деревенская девочка рассказывала, как в день рождения ее повели в конюшню, где как раз ожеребилась лошадь, и подарили жеребенка. Но мать никогда не делала Клесст подарков. Только Греша изредка... делая вид, что это подарок от Ионор, хотя Клесст знала правду: один раз она случайно увидела, как служанка вышивала подаренное ей позже платье.

— Я слышала, как один солдат говорил, что Греша вернулась.

— Не вернулась. Что ты там возишься?

— Мама, какое мне платье надеть?

— Не имеет зна... Надень голубое.

Оно нравилось Клесст меньше всего.

— Можно я надену белую кофточку?

Может, у мамы все-таки приготовлен для нее сюрприз?

— Можно. Быстрее, Клесст.

Ионор нервно сжимала пальцы. Подсознательно ей хотелось поторопить девочку, и в то же время она не желала к ней притрагиваться. Она напряженно ждала, пока Клесст поспешно одевалась, с трудом втискивая ноги в тесные башмаки. Скоро ей понадобилась бы новая пара... Ионор отогнала эту мысль. Отступать было поздно. Она поняла это уже тогда, когда Кейн появился в «Гнезде Во-

рона». Когда прибыл Пледдис, она на короткое время решила было оставить с носом Повелителя Демонов. Но даже если эта мысль могла заронить искорку надежды, куда сильнее была бы ярость из-за утраченной возможности отомстить. Кроме того, Повелителя Демонов провести невозможно. Именно он, исполненный жестокого юмора, сочинил эту адскую пьесу — «играем в кошки-мышки!». Семь лет она убивала в себе малейшие ростки чувства по отношению к девочке, сознавая, на какой гнусный сговор она пошла. Но если бы Пледдис все-таки поймал Кейна, может, у нее осталось бы время, чтоб...

Однако ужасные воспоминания пересилили: нападение Кейна — страх и смерть, беспомощность и стыд, а потом страдания на руинах своего дома...

— Мама, я готова. Ты сегодня так странно выглядишь. — Закутавшись в шарф, Клесст с беспокойством посмотрела на мать.

Ионор тряхнула головой и на миг закрыла глаза.

— Ничего, Клесст, все в порядке. Пойдем поскорее.

Глава девятая

ВИДЕНИЯ

Из-под куста лавра, крепко вцепившегося в склон, посыпались камни и комья земли. Кейн услышал, как они булькают, падая в воду. С большим трудом перебросил он вес тела на следующий выступ скалы. Не найдя, за что зацепиться, он судорожно прижался спиной к голому камню.

От реки поднимался туман, оседая на скалах тонким слоем влаги. Его пары временами и вовсе

скрывали склон, по которому пробирался Кейн. Он уже не мог сказать с уверенностью, какая тропа ведет вниз, к руслу реки, а какая неожиданно обрывается. Снова и снова ему приходилось отступать назад с очередного опасного участка пути, который он только что преодолел ценой титанических усилий. Кейн не знал, где тропинка, ведущая вдоль реки; не знал даже, существует ли такая тропинка вообще. Пелена тумана окутала все вокруг. То и дело ему приходилось отыскивать очередную опору на ощупь.

Опиумная одурь накатывала волнами. Кейн потерял счет времени. Казалось, уже сто лет ползет он по предательскому склону, ничуть не приближаясь к концу пути.

Кейн и в самом деле заблудился. Тропинка, которой он пробирался, шла вдоль откоса над рекой Котрас, отдавая его от цели. Это был крутой и обрывистый берег, цепь тектонических сбросов — тропа смерти, на которую никто не отважился бы ступить даже днем. Пледдис, ведущий поиски на усыпанном гравием берегу между водой и обрывом, не подозревал, что ускользнувший пленник окажется настолько самонадеян, что отправится по откосу, где нет никакой дороги. Благодаря этому Кейн миновал цепь преследователей, хотя в любой момент его или могли обнаружить, или он мог полететь в затянутую туманной пеленой пропасть.

Кейн двигался как во сне. Туман плыл перед его глазами, приобретая странные очертания. Прозрачные видения протягивали руки, чтобы утащить его в пропасть; даже холодная влажная стена казалась нереальной. Кейн знал, что это не сон. Стоило расслабиться — и его перестало бы волновать, выдержит ли кустарник вес его тела или выскользнет из земли. Кейн уперся в скалу окровав-

ленными руками и всем телом навалился на рану, чтобы боль возвратила ощущение реальности.

Однако призраки сделались еще материальнее, а поросшие мхом и кустарником камни — еще менее реальными. Агония тела не могла пересилить горячки мозга. Кейн сумел кое-как добраться до места, где узкая тропа чуть-чуть расширялась, — а может, его коварно обманывало слабеющее сознание... Не в силах ответить на этот вопрос, Кейн повалился на мокрые камни.

Он почти лишился чувств. Его истощенное тело нуждалось в воздухе, но мускулы были слишком слабы, чтобы Кейн мог глубоко дышать. Он дрожал. Его потное тело сотрясали судороги.

Кейн пытался удержать ускользающее сознание. Головокружение было мучительным. Край обрыва, на котором он лежал, наклонился, закачался и расступился...

А потом расступились скалы.

Камни стали прозрачными — словно бриллианты самой чистой воды.

И горы раскрылись перед Кейном.

И Кейн заглянул в их недра.

Он увидел сокровища гор, сокрытые в каменных склепах: жилы золота и серебра, необработанные драгоценные камни, зарытые короны и сундуки с монетами — и грозных стражей, охраняющих все это.

Его взору предстали гробницы, где забытые скелеты рассыпались в прах, и затерянные могилы, в которых беспокойно ворочались чьи-то останки. Их выеденные червями глазницы пылали голубым огнем.

Он увидел непогребенных утопленников в глубинах Котраса; тех, чьи жизни похитила бешеная река; тех, кто сам бросился в ее воды в напрасной

жажде забвения; тех, кого сбросили в ее пучину, чтобы скрыть убийства, — раскиданные течением побелевшие кости и черепа, поросшие водорослями, ставшие прибежищем для рыб и других водных созданий.

Кейн разглядел подземные коридоры; те, что еще только выдалбливали, и те, что давно засыпали; те, что искали и не нашли, и те, которых боялись, но не могли не прийти в них. А потом он закрыл глаза и заплакал.

Когда же Кейн снова открыл их, то увидел гроты глубоко под землей и обитающих в них слепых существ, возведенные там города-твердыни, где никогда не засияет свет, и уродливые лица, тарашившиеся из приоткрытых окошек в башнях, куда не вела ни одна дверь.

Он заглянул в черное пламя бездн, где рыли ходы гигантские черви, стремившиеся к жару ада; а потом эти твари метались и кружились, словно гигантские мотыльки, пока их «опаленные крылья» не слабели и они не тонули в огненном море.

Перед ним предстали твари гор, выползающие из своих нор на охоту при свете луны Повелителя Демонов. Огромные раскормленные жабы скакали во тьме, высывая из разверстой пасти жадный язык и сверкая клыками, источающими яд. Пустые дома обещали приют и отдых, но они вовсе не были необитаемы. Чудовища с горящими глазами, похожие на людей, передвигались на волосатых конечностях и скалили волчьи клыки. Хромые великаны, жуткие обезьяны с золотыми зубами и длинными когтями — одни волосатые, как медведи, другие скользкие, как змеи, — звериное потомство тех, что когда-то первыми приняли человеческий облик. Из ям показывались голые создания, утратившие всякое сходство с людьми, — кучки гряз-

ных мужчин, женщин и плачущих детей; и все же они были не так отвратительны, как голод, выманивший их из укрытия.

И еще Кейн увидел тех, кто устремляется вслед за одинокими путниками, пока те не обернутся — и не сгинут. Кейн посмотрел в лицо Смерти, и его душу охватил ледяной ужас.

А были и другие...

Кейн рычал и кусал губы, кулаками бил себя по глазам, пока видения не стали расплываться. Постепенно от них остались лишь воспоминания.

Он открыл глаза. Скалы вокруг стояли неподвижно. Приступ лихорадки отступил.

Неожиданно Кейн ощутил чье-то зловонное дыхание. Глаза, напоминающие раскаленные багровые звезды, смотрели на него, предвещая беду.

— Нет, Серберис, — услышал он чей-то голос. — Кейн не наш... пока.

Кейн охнул и метнулся в сторону. Адский пес, больше любого медведя, предостерегающе зарычал на него.

— Мы разбудили его, — раздался язвительный смех. — Что тебе снилось, Кейн?

Когти Повелителя Демонов легли на ошетинившийся загривок пса. Высокий, стройный и мускулистый, хозяин Гряды Ворона стоял в черном одеянии, шпиготом по последней моде, — рубашка с широкими рукавами, сапоги из тонкой кожи до колен и длинный меч у пояса. Широкий черный плащ ниспадал с плеч, но Кейн знал, что это не плащ...

Кейн смотрел в упор на величественное воплощение зла, в черноту прищуренных глаз демона.

— Если ты пришел за мной, Сатонис, оружие у меня наготове, как всегда.

Повелитель Демонов усмехнулся. В его лице не было ничего человеческого.

— До сих пор ты встречал меня куда радушнее, Кейн. Отчего же теперь ты показываешь когти?

— Закончим эту игру, — рывкнул Кейн, отступая к стене откоса. Серберис, облизываясь черным языком, разлегся, перегораживая тропу. Боли Кейн уже не чувствовал, однако доставать меч не спешил.

— Вассал играет до тех пор, пока ему позволяет его господин, — надменно заявил Повелитель Тлолувин. Плащ колыхался у его ног.

— Я тебе не вассал! — Ладони Кейна сжались в стальные кулаки.

— Однако в прошлом ты мне верно служил.

Ночной ветер завывал на холмах, но плащ Сатониса не колыхнулся.

— Ты служил мне — мы сражались бок о бок. Но Кейн никому не повинуется — ни богам, ни демонам. Я не стану пешкой в игре, которую ты сейчас ведешь!

— Если не пешкой, то, может, наградой, — засмеялся Повелитель Демонов. — Тебе следует уразуметь: все смертные всего лишь пешки.

— Я — не смертный.

— Надеюсь, еще до рассвета я докажу тебе, что ты ошибаешься.

— Может, это и последняя моя ночь; но тот, кто придет за мной, будет иметь дело не с пешкой, — парировал Кейн с яростью во взоре, ужасном, как взгляд самого Повелителя Демонов.

Повелитель Тлолувин спокойно встретил взгляд Кейна.

— У меня достаточно поводов, чтобы тебя уважать. Мы не раз сражались за общее дело.

— Я смотрю, ты не слишком спешешь отблагодарить товарища по оружию.

— Ну, Кейн, ты ведь прекрасно знаешь, — с наигранной укоризной возразил Повелитель Тло-

лувин, — я поступаю так в согласии со своей природой. Сатонис, Тлолувин, Лато — как бы меня ни называли, природа моя неизменна. Лишь глупец может ждать верности от Повелителя Демонов.

— Тогда и ты, вполне возможно, только пешка в руках своей природы и законов, которым не можешь не подчиниться...

Усмешка Сатониса уступила место грозному взгляду. Серберис громко зарычал и подался на полшага вперед.

— Твое хитроумие столь же беспредельно, как и твоя дерзость, Кейн. Думаю, мы поговорим об этом чуть позже... Оцени, однако, мое коварство. Ты должен признать, что в этот раз я установил правила игры. Семь лет не стихающая ненависть Ионор растравляла ей душу и терзала окружающих. А теперь, чтобы совершить эту сделку, она отдаст мне ребенка, дочь, ненависть к которой была для нее пыткой на протяжении стольких лет. Разве это не истинное творение моего искусства? Я знаю, ты чтить искусство подобного рода. Ты должен оценить ловкость, с какой я заманил тебя сегодня к себе, — скрутил путами горячки, как праздничный пакет лентой; безжалостно бросил на дорогу, чтобы маршрут преследователей был помечен полосой смертей...

— Даже если ты определил правила игры на эту ночь, Сатонис, — в голосе Кейна слышались гневные нотки, — ты не можешь распоряжаться деталями. Используй других в качестве пешек, но не Кейна! Я не поддамся никакой уготованной мне участи, и если погибну — погибну бесстрашно, как свободный человек.

— Ты все размахиваешь окровавленным кулаком перед носом Судьбы... Что ж, такова твоя натура. Прежде чем наступит рассвет, мы поговорим

подробней о свободе воли и узнаем, что такое твоя дерзость — пустая спесь или отчаянная вера...

Серберис поднял черную морду к небу и завыл. Звук, напоминающий карканье ворона, отозвался эхом в ночной тьме.

Повелитель Тлолувин погладил его по массивному загривку.

— Верно, Серберис, я это чую. Ионор с ребенком приближаются к Голому Ворону. Мы подождем ее там.

Его усмешка стала жестокой.

— До свидания, Кейн! Пока мы тут мешкаем, зерна ненависти, посеянные семь лет тому назад и так старательно ухоженные, как раз должны взойти... Кстати, знаешь ли ты, что тропа, по которой ты пробираешься, совсем недалеко отсюда кончается пропастью?

Раздался удар грома — оглушительный смех небес.

Кейн остался один.

Глава десятая

ЛУНА ПОВЕЛИТЕЛЯ ДЕМОНОВ

Вначале Кейн надеялся, что Повелитель Демонов солгал. Он бросился вперед по тропе с яростью, прибавившей ему сил. Тропинка, идущая вдоль отвесной стены, выглядела безопасной. Но это был не тот путь, который искал Кейн. Он знал об этом, однако предполагал, что направляется все-таки в сторону Голого Ворона. Повелитель Тлолувин мог намеренно обмануть Кейна, чтобы тот свернул с дороги.

Но на сей раз Повелитель Демонов не солгал.

Кейн остановился на краю пропасти. Каменная глыба отломилась от обрыва и рухнула в Котрас.

Напрягая зрение, Кейн вглядывался в туман. Над ним в ночной тьме возвышался склон, а под ногами слышался шум воды. Насколько Кейн помнил здешние места, он находился сейчас метрах в тридцати от вершины склона — не меньше. Значит, он в ловушке, разве что...

Заглянув в пропасть, Кейн заметил узкую расщелину. Если бы она могла послужить ему опорой, то, возможно, он перебрался бы на другую сторону пропасти, а потом уже придумал бы способ подняться по отвесному склону.

О том, чтобы вернуться, конечно же, нечего было и думать.

Неужели он и впрямь лишь пешка в игре Повелителя Демонов?

Трещина в скале протянулась метров на пятнадцать — чистое безумие! Стена была скользкой от влаги и местами белой от изморози. Но через каждые несколько сантиметров в ней попадались углубления. В них могли поместиться разве что пальцы...

Кейн раскинул руки и крепко вцепился в выбоины. Сойдя с тропы, он повис в воздухе, напряг плечи и оперся ногами о скалу. Над его головой все еще колыхался туман.

Он делал все быстро — знал, что не может долго рассчитывать на свои силы. Повиснув над обрывом, как огромная обезьяна, Кейн продвигался вперед лишь благодаря ожесточенному упорству. При первом же неловком движении его ждала смерть.

Щель понемногу сужалась. Кейну приходилось удерживать свой вес только на впившихся в скалу пальцах. Трещина становилась все уже.

У задыхающегося Кейна с губ сорвалось проклятие. С каждой секундой он был все ближе к

гибели, и поэтому не стоило терять времени. Держась за стену одной рукой, другой он поспешно достал кинжал. Плоское лезвие отлично подходило для броска. Был лишь один способ проверить, может ли оно выдержать его вес. Кейн вбил в трещину клинок, перенес на него всю тяжесть тела.

Закаленная сталь затрепетала. Рукоять выгнулась под страшным давлением, но выдержала. Из всех сил пытаясь удержаться, Кейн достал второй кинжал. Он воткнул его в каменный склон и закачался на двух клинках. Две непрочные опоры из стали удерживали Кейна над пропастью. Казалось, они не могут выдержать такой вес, и тем не менее они выдержали.

С помощью этих импровизированных закладок Кейн сумел перебраться на относительно безопасный участок склона. Приблизившись к груде камней, оставшихся после лавины, он ловко поставил ногу на один из них. Много бы он дал за час отдыха! Однако Кейн знал — нельзя терять ни минуты. В подавленном настроении он побрел вдоль обрыва среди разбросанных камней.

Стандорн чувствовал себя обманутым, хотя ему не о чем было волноваться. Этот плечистый наемник не доверял странному клубящемуся туману, который сначала покрыл, а затем обнажил осенние холмы. Точно так же не нравились ему таинственные тени, мелькающие во тьме на горных склонах, хотя его испуганные оклики и остались без ответа. Но разве тени могли отвечать?..

И снова он стал бороться с разъедающим его сердце страхом. Надежда найти Кейна становилась все призрачней, поиски и так уже длились дольше, чем рассчитывали наемники. Пледдис растянул их ряды. Теперь его люди маленькими группками

двигались в темноте. Стандорн бросил взгляд на Гряду Ворона и нависшую над ней луну Повелителя Демонов. Ужас леденил его душу. Дорога вдоль реки была не лучшим местом для прогулок.

— Ты хоть знаешь, что делаешь? — спросил он Натиоса.

Горец не отличался крепкими нервами.

— Здесь есть следы. Посмотри сам и убедись: женщина и ребенок, они прошли незадолго до нас. Я вылижу тебе задницу, если это не Ионор с постоянного двора и ее дочь.

— Но зачем им идти на Гряду Ворона? — не уступал тот. — Не представляю, что могло заставить ее сделать это сегодняшней ночью. Черт побери, ты же знаешь, какие истории рассказывают...

— Я не сказал, что они идут на Гряду Ворона, — возразил Натиос. — Я сказал, что эта дорога проходит мимо гряды. Мы не знаем, куда направляется Ионор.

— Тогда почему бы нам не вернуться? — вмешался кто-то из оставшейся шестерки. — Если эта чертова баба желает рисковать в такую ночь — ее дело.

— Хватит болтать! — рявкнул Стандорн, про себя признав, что наемник прав. Однако сделай он так, ему пришлось бы отвечать перед Пледдисом, а тот не выносил трусов.

— Если Ионор там, значит, у нее есть веская причина, — объяснил он. — Может, она хочет встретиться с Кейном. У ее девочки точно такие же волосы, как у него. И эти голубые глаза... уж во всяком случае не от мамы. Кроме того, мы не знаем, кого ее дочка называет отцом. Может, Кейна. Он бывал и раньше в этих горах.

— На постоялом дворе Ионор была готова выпить у него кровь из жил, — настаивал спорщик.

— Она могла просто делать вид, — парировал Стандорн. — Ведь Кейн все-таки решил остановиться в «Гнезде Ворона», а она приготовила ему поест. Может, ему там рады куда больше, чем мы думаем. Это объясняло бы то, как он мог так бесследно исчезнуть...

— И вообще, этот постоянный двор... есть в нем что-то странное, — вмешался Натиос.

Несколько минут люди шли молча. Они все чаще озирались. Станные звуки, раздающиеся во мраке, звучали все ближе и ближе, становились все громче...

— Как далеко до Гряды Ворона? — спросил Стандорн, испуганно глядя на голый скалистый пик на верхушке горы.

— Недалеко — около километра по этой дороге, — ответил Натиос. — Стандорн, как ты думаешь, Кейн знает, что это ты в него попал?

— Ну, во-первых, не уверен, что именно я попал в него, — запротестовал лучник, хотя раньше он хвастался своей меткостью.

— Может, Кейн жив. Ну и что, пусть его видели мертвым. О Кейне ведь разные вещи рассказывают... И до него бывали такие, кто, даже находясь в могиле, выполнял свое обещание...

— Заткнись! — Стандорн выругался, подумав, что убитый наверняка отомстил бы своему убийце, если бы только мог выбраться из могилы.

— Я просто хотел спросить: уверен ли ты в своем арбалете; помнишь ли ты, куда попала твоя стрела. Вот и все. Может, мы бы тогда знали: то ли Кейн ранен, то ли впереди на дороге нас поджидает оживший мертвец...

— Я сказал, заткнись! Займись следами.

— Даже слепец может прочесть этот след. Он ведет прямо на Гряду Ворона.

— Черт! А это что такое? — вскрикнул кто-то.

Они замерли, прислушиваясь. До их ушей доносился шорох. Звук шел откуда-то неподалеку.

— Кто-то взбирается на берег! — сказал другой наемник.

— Глупости, там слишком крутой склон, — возразил Натиос.

— Что-то приближается!

— Ну и что?

С воплем, от которого кровь застыла в жилах солдат, на обрыв вылез Кейн. Кто-то вскрикнул от испуга.

Лицо Кейна было разбито, одежда в грязи и залепана кровью. В руке его сверкал меч, беспощадный звериный крик исказил его рот. Он появился из пропасти как мстительный призрак, и в эту ужасную минуту тень его выросла до исполинских размеров. Луна Повелителя Демонов отбрасывала на него красный отсвет, а его глаза горели обещанием верной смерти.

Выстрел Стандорна в этот раз не был метким. Стрелу из арбалета выпустил страх.

— Кейн! — истерически завопил кто-то. Наемники бросились врассыпную.

С яростным криком безумца Кейн пустился за ними в погоню. Не думая об опасности, он нагнал их. Слишком долго охотились за ним шакалы — раненый лев вернулся, чтобы убивать.

Стандорн терял драгоценные секунды, накручивая ручку арбалета. Реакция у него была плохой, товарищи оставили его одного. Когда же он наконец отбросил бесполезное оружие, то не успел схватиться за меч. Адский клинок Кейна рассек его почти надвое.

Остальные даже не пробовали противостоять стремительному натиску разбойника. Лихорадочно

спасаясь от воющего демона, Натиос прыгнул, неверно оценив расстояние от края обрыва, — его крики стихли в речной пучине.

Кейн преследовал оставшихся наемников. С очередным врагом он расправился, вогнав в его тело меч по рукоять и разрубив позвоночник. Уцелевшие рассеялись по лесу, но и там Кейн выловил их по одному, перебив всех до последнего. С нечеловеческой силой разбивал он их черепа о камни, пока в руках не оставалось одно кровавое месиво.

Когда последний враг был убит, гнев Кейна стал стихать. В лесном мраке он услышал чей-то оборвавшийся крик. Тени под соснами тоже гудели эхом предсмертных криков. Кейн закашлялся и тряхнул головой. Когда же он совсем успокоился, к нему вернулось ощущение надвигающейся опасности.

Слышал ли Пледдис шум схватки? Успел ли кто-нибудь из наемников сбежать, чтобы предупредить остальных о появлении того, кого они разыскивают? Но не это было для Кейна сейчас главным. Он чувствовал куда более ужасную угрозу. С вызовом взглянул он на простирающиеся перед ним холмы.

В сиянии багрового лунного диска высилась Гряда Ворона. На ее вершину вела тропинка. Где-то там Ионор с ребенком... но насколько близко она к вершине?

Кейн ненадолго задержался, чтобы зарядить арбалет Стандорна и перевести дух. Это оружие со стальной тетивой могло убить с пятидесяти метров, а Кейн, наверное, сумеет подойти поближе...

Вложив в последний бросок остаток сил, Кейн помчался к Гряде Ворона. Надвигающаяся опасность не смогла заглушить усталости, наваливающейся на него при каждом шаге.

Клесст неожиданно остановилась и ухватилась за полу плаща Ионор.

— Мама, давай вернемся. Я устала.

— Идем, Клесст. Уже недалеко. Если не перестанешь ныть, я тебя отшлепаю.

Мама шлепала больно, к тому же девочка чувствовала, какая она сейчас злая.

— Мама, я боюсь этого места. Солдаты остались далеко позади.

— Я сказала, идем!

Ионор подала ей руку, потянула, а когда Клесст пошла, отпустила девочку. Она всегда старалась лишний раз не прикасаться к ребенку... Так было лучше.

— Мама, кажется, я знаю это место.

— Наверное. Ты часто здесь играла.

— Никогда я здесь не играла. Все дети обходят эту гряду, а я вообще не ухожу так далеко от дома.

Ионор решительно рвалась вперед, то и дело нетерпеливо замедляя шаг, чтобы девочка не отставала. Клесст не принадлежала ей. Она была ребенком Кейна — частицей, отторгнутой от ее тела. Украденной. Ионор чувствовала себя изнасилованной, опозоренной и обворованной. Клесст не была ее дочерью, Ионор знала это с самого начала. Девочка была вроде раковой опухоли, привитой к ее телу Кейном, от которой Ионор избавилась... Почти избавилась... Девочка жила рядом с матерью. Если б Ионор любила ее, может, все сложилось бы иначе. Но любви не было никогда. Ионор испытывала перед Клесст не больше вины, чем перед опухолью, вырезанной и уничтоженной хирургом.

Через несколько минут все будет позади. Семь лет ненависти... Клест не почувствует боли. Не так, как...

— Мама, это выглядит, как то самое место из моего кошмара!

— Успокойся, Клесст.

— Нет, мама! Я узнала, это — то самое место. Около той большой скалы на вершине появляется черный пес, а за ним та черная фигура, — голос девочки звенел от страха.

Ионор нахмурилась. Она надеялась избежать физического контакта с ребенком — обойтись без насилия, хотя под плащом на всякий случай прятала приготовленный заранее моток веревки.

— Не бойся, Клесст. Когда мы подойдем к этому камню, ты увидишь, что нет там ни пса, ни его хозяина. И тогда ты избавишься от своих кошмаров.

— Я все-таки боюсь, — прошептала Клесст. Ее глаза округлились от страха.

— Пошли быстрее!

Клесст медленно шагнула вперед. Она не хотела сердить мать. Раньше она думала, что, если никогда не выводить Ионор из себя, мать забудет ту страшную вещь, которая случилась когда-то, — хоть девочка и не знала, что это было за преступление. Теперь она сомневалась в том, что такое когда-нибудь произойдет...

Ее совиные глаза разглядывали голую скалистую вершину. Ионор забыла — если вообще об этом знала, — как хорошо девочка видит в темноте.

— Мама! — закричала Клесст, вырываясь. — Я вижу их! Черного пса и его хозяина! Они ждут в тени больших камней, прямо перед нами. Пес тоже увидел меня! Разве ты не видишь, как горят его глазницы?

— Подойди ко мне, говорю! — рывкнула Ионор, доставая веревку. Судорожно пытаясь поймать девочку, она споткнулась о выступающий корень. —

Сейчас же вернись! — закричала она, растянувшись на земле и глядя вслед убегающей дочери.

Для Клесст крик матери стал последней каплей, переполнившей чашу страха. Девочка побежала назад, вниз по склону. Панический ужас прибавил ей сил.

Ионор окликнула дочь еще раз, а потом решила поберечь дыхание. Клесст не могла далеко убежать.

Малышка же мчалась вниз так быстро, как никогда в жизни не бегала. Топот ног за спиной становился все громче, и для нее мать, черный пес и его хозяин слились в единый гонящийся за ней по пятам кошмарный призрак.

Огромная нездоровая яблоня свесила ветви над дорогой. Последняя из погибшего сада, который рос когда-то на склоне, она словно протягивала к людям искривленные уродливые руки, взывая о помощи. Сладковатый дурман гниющих плодов разливался в ее тени, напоминая запах увядших цветов на кладбище. Яблоня напугала Клесст еще по пути наверх, когда несколько минут назад они вместе с матерью прошли мимо.

А сейчас ее нога поскользнулась на гнилом яблоке. Клесст пискнула и упала на покрытую падалицей землю. Удар вышиб воздух из ее легких, и она не смогла даже закричать...

Она отчаянно попыталась подняться на ноги и убежать. Поздно. Холодная рука Ионор схватила девочку за растрепанные от бега волосы. Не дав Клесст перевести дыхание, мать рывком поставила ее на ноги, а потом больно ударила по лицу.

— Я тебе покажу, как не слушаться!

Она тяжело дышала. Схватив девочку за запястья, она стала неловко связывать ее руки веревкой.

Онемевшая Клесст смотрела, как веревка впивается ей в запястья, от страха не понимая, что происходит. Может, мать хочет ее выпороть?

Загрохотали чьи-то шаги, а потом к тени от кривой яблони присоединилась еще одна.

«Это тот человек в черном, — подумала Клесст. — Он пришел со своим псом. Мать отдаст меня им...»

— Кейн! — пробормотала Ионор, отскочив от девочки.

Глаза Кейна яростно сверкали.

Арбалет дернулся в его руках.

Ионор вскрикнула от ужасной боли, когда стрела с зазубренным наконечником разодрала ей живот и отшвырнула тело, пригвоздив его к дереву. Ионор должна была упасть, однако повисла, извиваясь в муках. Кейн стоял так близко, и пружина арбалета была такой могучей, что наконечник стрелы, пробив женщине позвоночник, вонзился в искривленный ствол. Ионор судорожно попыталась высвободиться, но неожиданно силы покинули ее. Умирая, она исторгала из себя страшные проклятия ненависти. Ее губы произносили их все неразборчивее. В конце концов даже ее ненависть не была безграничной... И вот безвольное тело Ионор повисло на яблоне, насаженное на стальной стержень.

Неуклюже — грудь его тяжело вздымалась, а глаза застилал багровый туман — Кейн поднял рыдающую девочку и закутал ее в свой кожаный плащ.

— Отличная работа, Кейн! — прозвучал саркастический смешок. — А я уже считал себя победителем в этой игре.

Клесст спрятала лицо на плече Кейна. Он чуть отодвинул девочку так, чтобы дотянуться до меча.

На тропе перед ним стояли Повелитель Демонов и его пес.

— Ты все еще считаешь меня своей пешкой? — спросил Кейн. — Вот твоя служанка! — и он указал на Ионор. — Сделка не состоится, и если ты все-таки хочешь кого-нибудь заполучить себе на ужин, то вынужден будешь сыграть по моим правилам.

— По твоим правилам, Кейн? — усмехнулся Сатонис. — Нет уж, благодарю. Может, я ошибся, назвав тебя пешкой. Сыграем как-нибудь еще раз, тогда и увидим, действительно ли Кейн — хозяин своей судьбы, баловень удачи... Но не могу сказать, что такой поворот дел меня устраивает. Наши души, Кейн, похожи, как клинки, выкованные одним кузнецом. Думаю, мне будет не доставать тебя после стольких столетий ожидания... ведь ты верой и правдой служил мне столько раз!

Глаза Кейна гневно вспыхнули.

— Конечно, как помощник и союзник, — поспешно добавил Повелитель Демонов, изображая почтительность.

Он потрепал своего пса по тяжелой, нескладной голове.

— Пошли, Серберис. Луна заходит, а наш приятель Кейн пригнал сегодня в наши владения много душ. Мы не можем задерживаться с охотой — мои бесенята вконец изголодались...

Серберис открыл пасть и жутко завыл, пуская обильную слюну.

Пес и его хозяин растворились во мраке.

Кейн почувствовал что-то вроде сочувствия к тем, кто осмелился гнаться за ним в ночь Повелителя Демонов. Правда, чувство это оказалось весьма мимолетным. Сострадание к врагам Кейну было не свойственно...

Несмотря на новый приступ невыносимой боли, Уид почувствовал, как кто-то опускает его на землю. Ожидая очередной пытки, он тем не менее был счастлив от того, что больше не болтается, подвешенный за выкрученные руки. А потом лезвие ножа разрезало путы.

Уид разомкнул распухшие веки. Перед ним стоял Кейн, хотя узнать его было нелегко. Предводитель разбойников выглядел ужасно — его можно было принять за выходца из Ада.

Кейн сунул в рот Уида горлышко бутылки. Бандит попытался удержать ее, но оказалось, что руки его не слушаются. Алкоголь обжигал огнем расквашенные губы и поломанные зубы, которые превратились в единую ноющую рану, но разбойник жадно пил из наклоненной бутылки.

Наконец он пришел в себя настолько, что заметил разбросанные по залу тела своих охранников. Кейн напал на них неистово и стремительно, когда Уид был еще без сознания, и ни одному из них не удалось убежать.

— Ты в состоянии ехать верхом? — скорее потребовал, чем спросил Кейн.

Уид посмотрел на своего предводителя и поспешно отвел взгляд.

— Думаю, что да, — невнятно ответил он. Вставая, Уид скривился от боли в сломанных ребрах. — Дай мне минутку передохнуть.

— В конюшне стоят оседланные кони, — сказал ему Кейн. — Наемники тебя не потревожат.

— Черт возьми, что произошло? — пробормотал Уид, пытаясь сохранить равновесие. — Где Пледдис и его люди? Все ушли искать тебя...

Ночной ветер донес зловеющий вой. Он был похож на лай гонимого пса, приближающегося к своей жертве. Это был не самый приятный звук...

— Подозреваю, что они встретили других охотников, — ответил Кейн.

Он бросил Уиду внушительный слиток золота. Хотя весил тот немало, золото истерзанные руки пленника смогли удержать.

— Это тебе, — обратился к нему Кейн. — Используй его так, как сочтешь нужным. Когда почувствуешь себя в силах ехать, возьми Клесст, и поезжайте. Скоро рассвет, и вы будете в безопасности. Кроме того, Пледдис мне кое-что должен. Забери Клесст с собой и остановитесь на постоялом дворе в Обри — этот городок далеко на севере. Туда власть объединенных городов уже не распространяется, и никто не будет вас там преследовать. Хорошенько позаботься о ребенке, а когда я вернусь, то поделюсь с тобой спрятанной добычей. Я знаю, что золото тебя сильно интересует...

Уид стер кровь с лица, так и не поняв, как Кейн проник в его самые потаенные замыслы.

— Да, Кейн. Сделаю все, как скажешь. А ты? Пледдис может вернуться в любую минуту...

— Я сам позабочусь о своих долгах, — грозно заметил Кейн. — А ты выполняй то, что я тебе поручил.

Когда Пледдис толчком распахнул двери «Гнезда Ворона», уже светало. Луна Повелителя Демонов давно скрылась за черными холмами. Капитан, шатаясь, вошел в зал. Его одежда была изодрана и окровавлена, а лицо — бледнее, чем обычно. Он весь дрожал, на его мече высыхал ихор. Улыбка давно исчезла с губ Пледдиса.

— Демоны! — пробормотал он сдавленным голосом. В оцепенении и ошеломлении он вышел на середину зала. — Дьяволы с холмов! Чтоб их!.. Эти твари были повсюду. Выли, царапались, бросались

на нас с деревьев и со скал... Слишком много их было... повыползали отовсюду. Мы не могли их остановить!

Его глаза все еще были переполнены ужасом.

— А этот пес! Проклятый черный пес! Я видел, как он утащил Эриала. У меня в ушах еще стоит его лай. Я бежал через холмы, как затравленный лис; я был быстрее всех... и вернулся живой...

Он замолчал, чтобы перевести дух, и лишь тогда заметил, что в таверне не все в порядке. В здании царил мертвая тишина.

— Где... где же все? — воскликнул Пледдис.

— Я здесь, — отозвался Кейн, выступая из темноты.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Глава первая

ДЕВУШКА ПОД ДУБОМ

— Ваше преподобие! Подождите минутку!

Дородный священник натянул поводья. Лошадь резко стала, взметнув сухие осенние листья. Монолистые пальцы коснулись незатейливой рукояти меча, притороченного к седлу. Голова, скрытая под капюшоном монашеской рясы, повернулась на зов.

Из-за искривленного дуба, нависающего над горной тропой, вышла девушка. Ее волосы цвета вороньего крыла развевались на осеннем ветру. Ее огромные глаза блеснули, широкое, решительное лицо расплылось в улыбке.

— Вы очень сдешите, ваше преподобие?

— Уже темнеет, а мне еще долго добираться до постоянного двора. — В голосе всадника слышалось нетерпение.

— Тут недалеко, всего в миле отсюда, находится трактир. — Она подошла ближе, и священник увидел большие груди, выпирающие из-под тесного платья. Он посмотрел в направлении, указанном девушкой. Впереди тропинка разделилась: левой дорогой, бежавшей вдоль горной реки, видимо, пользовались часто; правая же выглядела совсем заброшенной — на нее-то и указывала девушка.

— Эта тропинка ведет к Радеру, — сказал он ей, поудобнее устраиваясь в седле. — А у меня дела в

Корросакле. Кроме того, — добавил он, — мне говорили, что трактир у развилки давно заброшен. Мало кто ездит в Радер с тех пор, как ярмарку шерсти перенесли на юг, в Энселъес.

— Старый трактир вновь открыт.

— Может быть. Но мой путь лежит в Корросакл.

Девушка надула губки:

— Я надеялась, что вы подвезете меня до трактира.

— Залезай на коня, я отвезу тебя к постоялому двору, что по дороге в Корросакл.

— Но мне надо в Радер.

Священник пожал могучими плечами:

— Тогда тебе стоит поторопиться.

— Но ваше преподобие, — взмолилась девушка. — Стемнеет задолго до того, как я доберусь до трактира, а я боюсь одна идти по этой тропе ночью. Может быть, все же подвезете меня? Это недалеко, и вы сможете остановиться в трактире на ночь.

Темнело, у подножия холмов сгущались тени. Легкая дымка, окутавшая верхушки холмов, окрасилась лучами заходящего солнца в рубиновый цвет. Долина полностью скрылась в сумерках, начал подниматься туман.

Всадник понимал, что скоро станет совсем темно. Ниже по дороге, в нескольких минутах езды, стояло небольшое селение, и сейчас ему вспомнились предупреждения тамошних жителей. В благодарность за слово Господне они угостили его хлебом и кислым вином, указали дорогу, но посоветовали не сходить с тропы и ни в коем случае не ночевать в одиночку под открытым небом, если он не найдет крова до прихода ночи. Священник так и не понял, что они имели в виду — разбой-

ников или какую-то другую, более зловещую угрозу.

Конь нетерпеливо перебирал копытами.

— Вы не пожалеете, если свернете с дороги.

Повернувшись, всадник снова посмотрел на девушку. Она многообещающе улыбалась. Лица священника не было видно под капюшоном.

Девушка тронула шнуровку расшитого корсажа:

— Я позабочусь, чтобы остановка в трактире оказалась приятной. — Ее голос был полон очарования. Из распахнувшегося корсажа показались тяжелые груди. — Я не вижу вашего лица, но знаю, что под рясой скрывается настоящий мужчина. Неужели вам не хочется насладиться горным цветком? Вы сможете вспоминать его прелести в глубокой старости, в каком-нибудь забытом Богом монастыре.

Крепкие, идеальной формы груди, как магнитом, притягивали взгляд. На фоне их белизны желтовато-коричневые соски были цвета осенних дубовых листьев. Был ли священник возбужден этим зрелищем или нет, но он вез с собой золото. Настоячивые уговоры красотки свернуть на заброшенную тропу заставили его насторожиться.

— Соблазн распутной плоти ничто для посвященного Тоэму, — нравоучительно заявил он.

— Тогда иди и поиграй сам с собой! — воскликнула девица и с диким воплем бросилась к лошади. Ее острые ногти впились в нежный бархатистый нос.

И без того пугливый конь заржал и встал на дыбы. Захваченный враспях, священник не успел вовремя опустить ногу в стремя. Запутавшись в рясе, он какое-то мгновение пытался сохранить равновесие, потом все же свалился с напуганного животного.

Лошадь поскакала дальше по тропе, ведущей в Радер, и скрылась за поворотом. Издевательски хохоча, девушка бросилась вслед за ней.

Прихрамывая, священник поплелся за ними, проклиная все на свете. Но сумерки быстро поглотили девушку, хотя смех ее еще долго доносился из темноты.

Глава вторая

ПРИДОРОЖНЫЙ ТРАКТИР

Дымчато-желтый свет лился сквозь толстые, освинцованные по краям оконные стекла. Ночной ветер, подхватив дым и запах навоза, разносил их далеко по округе, так что священник без труда нашел трактир.

Он заметил нескольких лошадей, привязанных недалеко от дома. Этой ночью трактир был полон народа, и казалось маловероятным, что девушка пыталась заманить его в ловушку. А может быть, ее сообщники, лежащие в засаде на горной тропинке, удовлетворились кражей коня и всей сбруи. Священник раздраженно выругался, решив, что оказался излишне подозрительным.

Каждый шаг отзывался болью в подвернутой ноге, но идти было можно. Видимо, тяжелые сапоги спасли его от более серьезной травмы. Во всем случившемся он винил просторную рясу, развевающуюся вокруг ног при каждом шаге. Разрезанная спереди и сзади от самого пояса, она давала возможность ездить верхом, но все равно была чертовски неудобной.

Двухэтажное здание, сложенное из необработанных бревен, было желанным зрелищем. Осенняя ночь выдалась холодной, туман волнами стелился

между гор. Ночь, проведенная под открытым небом, по меньшей мере оказалась бы не слишком комфортной и, скорее всего, небезопасной, а его меч, притороченный к седлу, исчез вместе с лошадью.

Над дверью трактира красовалась вывеска: «Бухточка Вальда». Священник, доковыляв до входной двери, заметил, что надпись вырезана совсем недавно. Час был не слишком поздний, но дверь оказалась заперта. Услышав внутри голоса, он дважды громко постучал.

Он готов был уже стукнуть в третий раз, когда дверь открылась. Ночь наполнилась голосами и теплыми запахами.

В приоткрытой двери показалось хмурое, узкое, безбородое лицо.

— Кто... что надо... ваше преподобие? — высоким полупшепотом спросил он.

— Пищи и приюта, — нетерпеливо проворчал священник. — Надеюсь, это действительно трактир?

— Прошу прощения. У нас нет свободных комнат. Вам придется обратиться в другое заведение.

Он попытался закрыть дверь, но здоровенный кулак священника помешал ему.

— Ты что — дурак? Где трактирщик? — подозрительно спросил священник, удивленный смятением собеседника.

— Я здесь хозяин, — раздраженно огрызнулся мужчина. — Нижайше прошу извинить, ваше преподобие. У меня сейчас нет свободных комнат, и вам придется...

— Проклятье! — Массивное тело священника угрожающе нависло над трактирщиком. — Лошадь скинула меня, и я тащился сюда черт знает сколько миль. Я получу здесь еду и ночлег, даже если мне придется спать на полу!

Скелетоподобный хозяин трактира не дрогнул. Он гневно стиснул зубы и сжал кулаки; руки его были скрыты под черными перчатками.

— В чем дело, милейший? — раздался внезапно чей-то требовательный голос. — Ты хочешь отказать в приюте слуге Тоэма?

Хозяин трактира испуганно вздрогнул и рассыпался в извинениях:

— Простите меня, ваше преосвященство. Я всего лишь имел в виду, что скромные удобства моего трактира не достойны высокочтимого...

— Впусти его, болван! Выгнать на улицу слугителя Тоэма, какая наглость! Теперь я вижу, как низко пало уважение горцев к истинному Богу! Впусти его, я тебе сказал!

Священник протиснулся мимо внезапно засуетившегося трактирщика.

— Благодарю вас, ваше преосвященство. Ужасные манеры у этих людишек.

В зале трактира было несколько человек.

За одним из низких столов в одиночестве сидел высокий худой мужчина, облаченный в алую сутану — аббат в иерархии священнослужителей Тоэма. Так же, как и у священника, его лицо было скрыто капюшоном. Он приветственно махнул рукой:

— Присаживайтесь ко мне, выпьем немного вина. Да вы хромаете! Вас сбросила лошадь? Какое несчастье! Наш хозяин должен немедленно отправить слугу на поиски коня. Вы сильно ушиблись?

— Тоэм уберег меня от серьезного ранения, ваше преосвященство, хотя этой ночью мне не хотелось бы продолжать свой путь.

— Несомненно. Еще вина, хозяин! И поторопись! Ты хочешь уморить гостей голодом? Присаживайтесь сюда, прошу вас. Я — Пассло, еду в Ра-

дер, чтобы милостью Тоэма возглавить местное аббатство.

— Искренне рад знакомству, ваше преосвященство.

Подойдя к столу, священник коснулся губами руки человека, имевшего более высокий сан:

— Я — Каллистратис, направляюсь в Корросахл как посланец Тоэма. Я слышал, что аббатство в Радере в эти тяжелые времена переметнулось к дуалистам.

Аббат нахмурился:

— Определенные слухи дошли и до нас, на юг. Говорят, что в северных провинциях появились монахи-отступники, утверждающие, что Тоэм и Ваул — всего лишь два аспекта одного и того же божества. Несомненно, что теперь, когда империя находится на грани гражданской войны, эти еретики посчитали более благоразумным принять веру своих северных соседей — варваров.

Священник налил себе вина и немного отпил из кубка, наклонившись так, чтобы из-под надвинутого на лоб клобука не было видно лица.

— Я слышал, что предпринимались попытки оправдать ересь дуалистов. Может статься, что наши задачи окажутся очень схожими, ваше преосвященство.

— Ну что же, преподобный Каллистратис, меня это не удивляет. Я с самого начала почувствовал, что вам присущи более аристократические манеры, нежели простому священнику. Но я не буду более смущать расспросами собрата по ордену, чья миссия требует путешествия инкогнито. Скажите только, как вы собираетесь поступить с дуалистами?

— Согласно предписанной формуле касательно любой ереси, естественно. Все они должны быть

посажены на кол, а тела оставлены на ночь на поживу диким зверям и стервятникам.

Аббат одобрительно хлопнул собеседника по плечу:

— Прекрасно, преподобный Каллистратис! Достойный ответ! Приятно слышать, что остались еще служители Тоэма, твердые в вере своей и в исполнении заветов Господних! Похоже, мы неплохо скоротаем вечер за приятной богословской беседой.

— Ну что вы, уважаемые господа, не судите слишком строго. В конце концов, в истории вашего духовенства есть некий дуализм.

Невысокий, коренастый господин с ухоженной седой бородкой неспешно поднялся от камина, возле которого раскуривал трубку. Серебряный медальон с отчеканенной университетской печатью свисал с золотой цепи, перекинутой через его крепкую шею.

— Прецедент? — резко переспросил аббат.

Невысокий мужчина утвердительно кивнул, окутанный облаком дыма:

— Да. Я имею в виду догму, официально принятую во времена правления короля Халброса Первого и гласящую, что Троэллет и Тлолуvin — суть тождественные представления принципа зла. Во времена монархии никто не считал подобную доктрину еретической, хотя древние верования безусловно разделяли этих повелителей демонов.

Аббат задумался.

— Интересная мысль, — неохотно согласился он, — хотя множественность воплощений зла официально признана нашим учением. Однако к данной ситуации ваши доводы применить нельзя. Существует один-единственный истинный принцип добра — истинно верующие почитают его в

облике Тоэма. Могу я поинтересоваться, господин?..

Седобородый выдохнул еще одно облако дыма:

— Я — Клесно, из имперского университета в Хрозанти. Я услышал, как вы предложили начать теологический диспут, ваше преосвященство. Перспектива ученого спора обещает мне избавление от скучного вечера в забытой Богом таверне. Могу ли я присоединиться к вашей беседе?

— Клесно? — Аббат был удивлен. — Разумеется. Я очень много о вас слышал. Присоединяйтесь, прошу вас! Что привело столь известного ученого в сии унылые места?

Клесно улыбнулся в знак признательности:

— Я тоже направляюсь в Радер. До меня дошли слухи, что среди древних развалин обнаружены некие наскальные письмена. Если это действительно так, то я бы хотел их скопировать для изучения и сравнения с другими наскальными надписями, уже имеющимися у меня в коллекции.

— Значит, вы действительно собираетесь дополнить труд Нентали «Толкование древнейших кабалистических знаков»? — спросил священник в сером клобуке.

Клесно возмущенно приподнял густые брови:

— Разъяснить, а не дополнить, преподобный Каллистратис. Я вижу, что вы тоже прекрасно осведомлены в этой области. Вечер и впрямь предвидится интересный.

— О, пожалуйста, ученые господа, — передразнил их донесшийся из угла комнаты насмешливый голос. — Не утомите нас до смерти столь возвышенным спором.

— Заткнись, Хеф! — прервал его грубый бас. — Тебя ждет смерть более интересная, чем от скуки, когда мы доберемся до Радера!

Послышался непристойный ответ, затем глухой удар. До сидящих за столом донесся звон цепей и приглушенные проклятия.

— Ранвиас, сын сифилисной шлюхи, ты едва не выбил мне зуб! Смелый сукин сын — избивать законного в цепи человека!

— Перед тем как ты оказался в цепях, у нас были равные шансы, Хеф, — проворчал Ранвиас. — Вскоре после того, как мы окажемся в Радере, тебе никогда уже больше не понадобятся зубы.

— Посмотрим, Ранвиас. Мы еще поглядим, кто кого. Мне и раньше встречались хитрые ублюдки, охочие до денег, но не один из них так и не дождал до того, чтобы пересчитать золотые, что обещаны за мою голову.

Клесно указал на двух мужчин, сидящих в углу зала. Один из них, высокий воин с тяжелым подбородаком и поседевшими волосами, был одет в зеленую тунику рейнджера. Другой, его пленник, — худощавый мужчина с узким лицом и грязной желтой бородой — был обладателем невинных голубых глаз, слишком невинных для человека, скованного по рукам и ногам.

— Вон тот — это Сумасшедший Хеф. Молва о нем, должно быть, докатилась и до вас, глубокоуважаемые господа. Выглядит совсем безобидно, но я сомневаюсь, что все молитвы вашего духовенства смогли бы очистить его душу от совершенных им жутких преступлений. Мы говорили о нем как раз перед вашим приходом. Этот воин в конце концов нашел дорогу к пещере, в которой было логово Хефа. Если он теперь сможет сделать то, что не удалось пока ни одному смельчаку — довести бандита до города и сдать властям, то городскому палачу в Радере предстоит тяжелая работа.

Откуда-то с верхнего этажа трактира донесся женский крик.

Священник поднялся было с кресла, но замер на полдороге, заметив, что никто не обращает на стоны ни малейшего внимания.

Вопль, полный боли, снова разнесся по обшитым деревом коридорам трактира, по узкой деревянной лестнице, ведущей вниз.

Кто-то захлопнул дверь у лестницы, заглушая крики.

Двое других путешественников посмотрели друг на друга. Один из них, весь заплывший жиром, молча пожал плечами и продолжал поглощать яблочный пирог. Его менее тучный товарищ задрожал и в отчаянии уронил голову на руки.

— Господи, когда же это кончится? — просто-на-он.

Толстяк вытер замасленные губы и потянулся за очередным куском пирога.

— Выпей вина, Дордон, оно хорошо успокаивает нервы.

Пассло тронул священника за плечо:

— Не волнуйтесь, преподобный Каллистратис. Наверху рождает молодая жена торговца. Нет причин для беспокойства. Как видите, муж невозмутим. Только его брат кажется слегка взволнованным.

— Этот кусок жира — просто недоумок! — усмехнулся Клесно. — Думается, его мозги давно уже сгнили от сифилиса. Жаль только его жену — бедное дитя! Если бы наш хозяин не послал к ней служанку, этот дегенерат, несомненно, оставил бы ее рожать в одиночестве.

— Тайнство рождения, — нравоучительно сказал аббат, — при котором боль есть счастливая обязанность.

Тем временем трактирщик разложил на столе разделочные доски и буханки черного хлеба. Следом за ним появился смуглый карлик, единственный слуга, которого священник увидел в трактире. В коротких, но крепких руках он нес огромное блюдо с жареным мясом, которое подносил каждому гостю, чтобы тот мог выбрать себе кусок по вкусу. Толстый торговец нетерпеливо заворчал, когда увидел, что карлик остановился сперва перед столом, за которым сидели аббат и два его собеседника.

— Пожалуйста, Джаркос, — взмолился его брат. — Не оскорбляй только этих высокочтимых господ!

Хеф захихикал:

— Смотрите, не съешьте все! Оставьте хорошую, увесистую кость для бедного беззубого Хефа! Доносящиеся сверху стоны, приглушенные толстой дубовой дверью, теперь слышались чаще.

Трактирщик нервно улыбнулся, потирая руки в черных перчатках.

— Я принесу еще вина, Боджер, — сказал он карлику, — а ты возьми мандолину и сыграй гостям.

Карлик ухмыльнулся и поспешно скрылся в дальней комнате. Через мгновение он появился снова — в шляпе с перьями и с мандолиной в руках.

Его пальцы с неестественно длинными ногтями, похожими на лезвия ножей, ударили по струнам инструмента, и он начал прыгать по комнате, распевая пронзительно-тонким голосом комические куплеты.

Сверху продолжали доноситься стоны, но путешественники скоро привыкли к ним и даже не заметили, как они прекратились.

Глава третья

ВЫ ЗНАЕТЕ ПЕСНЮ ВАЛЬДЕЗИ?

— ...И тогда, как раз в тот момент, когда охотник повернулся, услышав сзади себя странный шум, оборотень прыгнул на него с крыши хижины! Охотник попытался выхватить серебряный кинжал, висящий у пояса, но ножны были пусты! И только теперь вспомнил он предупреждение старца! И, умирая, он увидел, что зверь, вырвавшийся ему горло, имел огненно-желтые глаза его жены!

Клесно поудобнее устроился в кресле и выпустил струю дыма в сторону слушателей, расположившихся вокруг камина.

— Bravo! — взвизгнул Джаркос, толстый торговец. — Какая история! Значит, его жена и в самом деле была оборотнем?

Клесно даже не соизволил ответить. Вместо этого он кивком головы поблагодарил аплодирующих слушателей.

От еды остались лишь обглоданные кости и сырные корки. За окном гудел холодный осенний ветер, а в трактире разомлевшие от тепла путешественники попивали вино. Было поздно, но никто не хотел спать. Подтащив кресла поближе к горящему камину, они слушали баллады карлика Боджера, а когда наступила ночь, кто-то предложил рассказывать истории.

— Горы в царстве Халброса кишат всякой нечистью, — с дрожью в голосе заметил Дордон. — И что тебе дался этот Радер, Джаркос? Ты же знаешь, там уже много лет никто не торгует шерстью.

— Мой астролог согласился, что это мудрое решение. Я сам позабочусь о наших денежках, доро-

гой братец. — Джаркос безуспешно попытался придать расплывающемуся от жира лицу решительное выражение.

— Что касается всякой нечисти, то это отнюдь не единственная здешняя напасть, — заметил Ранвиас, показывая пальцем на пленника. — Всего два дня тому назад в горах буйствовал Сумасшедший Хеф. Одному Тоэму известно, сколько несчастных погибло от его руки. Его любимая хитрость — выползти окровавленным на дорогу и стенать, что он — несчастная жертва Сумасшедшего Хефа. От многих добросердечных людей остались одни кости между камнями. Хотел бы я никогда не видеть его логова.

Хеф захихикал, звеня цепями:

— У меня приготовлена отдельная ниша для твоего черепа, дорогой Ранвиас. Такому старику, как ты, следовало бы привести с собой помощь, а не пытаться выследить меня в одиночку. Ты слишком смел для...

Ранвиас поднял кулак. Хеф притих, бормоча себе под нос что-то нечленораздельное.

— В этих горах обитали чудовища в человеческом обличье и похуже, чем этот стервятник, — заметил аббат.

— О-о! Вы бывали здесь раньше, ваше преосвященство? — спросил трактирщик, присоединившийся к гостям, сидящим у камина.

— Нет. Я знаю об этой местности только понаслышке. Старые провинции королей Халброса всегда играли столь важную роль в нашей истории и литературе, что можно сказать — каждый из нас знает что-нибудь об этих горах, хотя, если честно, все мы здесь чужаки.

Он обвел взглядом мужчин, сидящих вокруг камина:

— Думаю, вы заметили руины на вершине холма, возвышающегося над горной тропой. На закате они особенно эффектно. Это остатки крепости, из которой Кейн правил на протяжении сотен лет. Он держал всю округу в страхе, взимал дань с проходящих мимо караванов, разбивал все армии, посланные против него. Говорят, что Кейн заключил договор с демонами ада, по которому он получал вечную юность в обмен на кровь невинных девушек, приносимых в жертву каждое новолуние. Одно время он помогал Халбросу-Серранту вести захватнические войны, но даже великий император ужаснулся злодеяниям Кейна и в конце концов использовал объединенные армии своей новой империи, чтобы уничтожить тирана. Утверждают, что злой дух Кейна и поныне бродит среди руин.

— В вашем рассказе явственно ощущается влияние местных сказаний, — заметил Клесно. — На самом деле легенда о Кейне имеет куда более злобный смысл. Имя его известно повсюду, история то и дело упоминает о нем. В оккультной литературе его имя встречается едва ли не на каждой странице. Собственно говоря, существует древнейший манускрипт по еще доисторическим наскальным письменам, автором которого считают Кейна. Я бы многое отдал, чтобы хоть одним глазом взглянуть в эту рукопись.

— Весьма долговечный негодяй, этот Кейн, — сухо заметил Пассло.

— Кое-кто из специалистов по оккультным наукам утверждает, что Кейн — едва ли не первый человек, обреченный на вечные странствования за какое-то преступление против Создателя.

— Сомневаюсь, чтобы Тоэм проклял бессмертием богохульника, — усмехнулся аббат. — Думаю, не вызывает сомнений, что эта легенда — всего лишь

удобное прикрытие для всякого рода негодяев, обделяющих свои грязные делишки под именем Кейна.

— В таком случае они заимствуют не только имя, но и внешний вид, — не согласился Клесно. — Легенды описывают Кейна как могучего воина в полном расцвете сил. Он левша, и у него рыжие волосы.

— Таких людей много.

— Но его отличительной чертой являются глаза. Бешеные глаза Кейна, пылающие безумной жаждой смерти; кто раз их увидел, впредь не забудет!

Ранвиас удивленно поднял брови:

— Между прочим, ходят слухи об убийце, виновном во всех этих смертях, которые толкают империю к гражданской войне. Говорят, что Эйпурин нанял чужеземца, чтобы тот уничтожил всех несогласных с его грязными притязаниями на трон. Чужеземца, кажется, зовут Кейн, и то немногое, что известно о нём, полностью соответствует вашему описанию. Вы уверены, что Кейн, о котором вы говорили, погиб, когда пала цитадель?

Пассло с изумлением посмотрел на собеседника:

— Ну, естественно... Да, наверное. Но это ведь произошло много веков тому назад!

— Меня предостерегали не ночевать под открытым небом, — вспомнил священник, — хотя ничего определенного сказано не было. По-моему, жутких историй о здешних местах больше, чем извилин на горной тропе.

— Именно так, преподобный Каллистратис, — подтвердил воин, проводя рукой по волосам. — Вы говорили, что потеряли лошадь на горной тропе? Вам повезло, что вы не встретили Вальдези, пока добирались сюда в темноте.

— Вальдези?

— Ламия, ваше преподобие, — объяснил трактирщик. — Призрак обольстительный, но весьма кровожадный. Утверждают, что она бродит ночью по горным тропам и заманивает путешественников в свои объятия, а затем оставляет под луною их обескровленные тела.

Внезапно в трактире наступила глубокая тишина. Слышен был только шелест листьев за окном.

Трактирщик почувствовал смещение гостей.

— Вы не слышали эту легенду раньше, джентльмены? Я и забыл, что все вы нездешние. Но я думал, что вам известна песня Вальдези?

Он поднял руку в перчатке:

— Выходи, Боджер, спой для наших гостей песню Вальдези.

Карлик с мандолиной поспешил выбраться из какого-то укромного уголка. Поклонившись зрителям, он начал петь. Даже следа веселья не осталось в его голосе.

*В Халброса землях, в таинственных холмах
Дева Вальдези жила.*

*Краше цветов, ослепительней солнца
Дева Вальдези была.*

*Отец юной девы возле дороги
Держал постоянный двор.
Златом богат он... Но злата дорожке
Прекрасной Вальдези взор!*

*Время пришло, и явились однажды
Шесть воздыхателей к ней —
Шесть молодых, беззащитно дерзких
В страсти безумной своей.*

*И говорила им дева: «Простите,
Мне дорог лишь тот, другой,*

*Кто, тайных наук постигая премудрость,
Семь лет уж в разлуке со мной».*

*Но воздыхатели, это услышав,
Ей отвечали, смеясь:
«Не для глупца-колдуна твоя прелесть!
Ты выбирай из нас!»*

*Когда же возлюбленный девы Вальдези
Вернулся в сером плаще
И молвил: «Семь лет я любимую грезил,
И вот я вернулся к тебе!»*

*«О нет! — поклялись шесть поклонников дерзких. —
Тебе не изведать любви!»
Кинжалы волшебнику смерть подарили —
И сердце Вальдези в крови...*

*В земле ее тело, а дух ее бродит,
Где друг из последних сил
О мести поклялся именем духа,
Кому он семь лет служил...*

— Это ужасно! — вздохнул Дордон, когда карлик кончил петь. — Такое странное окончание, этот последний стих!

— Возможно, последний стих еще не написан, — предположил трактирщик. — Боджер, посмотри, как там наверху. Что-то там подозрительно тихо.

— Ну что же, по крайней мере, мы, слуги Тоэма, можем не опасаться Ламии! — пробормотал аббат. — Не так ли, преподобный Каллистратис?

— Разумеется, ваше преосвященство, — заверил его священник. — Тоэм хранит своих слуг от созданий тьмы.

Пассло неожиданно вытащил из складок сутаны кинжал с рукоятью, изготовленной из цельного кристалла:

— Дабы лучше обезопасить себя в этих населенных призраками горах, я ношу с собой священный клинок. Монахи, изготовившие его из звездного металла, мертвы уже много лет. Благодаря руническим письмам на лезвии против него бессильно даже адское отродье.

Он не добавил, что похитил клинок из подземных хранилищ аббатства.

— Семь лет в тайной школе, — задумчиво повторил священник. — Это может означать только одно.

Клесно кивнул:

— Он стал учеником культа Семи Безымянных и был посвящен Серому Повелителю.

— С помощью Тоэма когда-нибудь мы уничтожим эту черную секту дьяволопоклонников, — проворчал Пассло.

— Этот культ намного древнее вашей собственной религии, — задумчиво произнес Клесно. — И, строго говоря, они не дьяволопоклонники.

— Но ведь они поклоняются дьяволам! — взвизгнул Джаркос.

— Нет. Семь Безымянных являются древнейшими богами. Или, точнее, протобогами, так как они существуют вне упорядоченной Вселенной, состоящей из сил добра и зла. Они царствуют в безвременном хаосе, в лимбе неначатого творения и окончательного распада — противоположных сил, которые каким-то образом существуют одновременно.

Клесно огладил бороду и продолжил:

— Вся их система богослужения основана на энергии противоположных сил. О культе известно

очень мало: его приверженцы поклоняются своим богам в глубокой тайне. Неофиты должны проучиться семь лет в особой школе, чтобы овладеть таинствами культа; затем каждый из них посвящается одному из Семи для службы в течение сорока девяти лет. Имена Семи секретны; достаточно посвященному произнести их — и он вызовет бога, не имея над ним власти. Говорят, что участь несчастных поистине ужасна. Корджонос был посвящен Серому Повелителю — наиболее могущественному из Семи.

— Корджонос? Так звали молодого чародея? — спросил священник.

Клесно в раздражении прикусил мундштук:

— Да. Мне кажется, именно так. В конце концов, баллада основана на действительных событиях. Произошли они лет сто тому назад, как мне думается.

— Не совсем так, — поправил его трактирщик. — С тех пор еще не прошло и пятидесяти лет, и случилось все это совсем недалеко отсюда.

— В самом деле? — В голосе Дордона слышалась опаска.

— По правде говоря, именно в этой таверне.

Глаза всех присутствующих были устремлены на улыбающееся лицо хозяина трактира.

— Да, да, именно здесь! Но я совсем забыл, господа, ведь вы никогда раньше не бывали в этих краях. Песня Вальдези — просто баллада. Я расскажу вам, как все было на самом деле.

Никто не проронил ни слова. Трактирщик продолжал, как будто не замечая растущего напряжения:

— Вальдези и Корджонос любили друг друга с детства. Она была дочерью одного из самых богатых людей Халброса, а он — сыном служанки, ра-

ботающей в его трактире. Корджонос осиротел, когда ему не было еще и десяти. Не имея ни гроша за душой, он оставил трактир и отправился на учебу в тайную школу. Но перед тем он поклялся вернуться к Вальдези через семь лет, с богатством и властью, которые дарует ему обретенная мудрость. Вальдези ждала его. Но были и другие — шестеро молодых парней из близлежащего селения. Каждый из них страстно желал красавицу, но еще желанней было золото, обещанное в наследство. Вальдези отказала им всем, но они спорили и ждали, ведь подходило время, когда Корджонос обещал вернуться. И он вернулся через семь лет. К ярости отвергнутых поклонников, любовь Вальдези к молодому чародею со временем не уменьшилась. Они повенчались той же ночью в трактире ее отца. Но ненависть грызла сердца тех, шестерых, и они собрались вместе и пили всю ночь.

Пылающее полено взорвалось в камине фейерверком искр, бросая неровный свет на напряженные лица слушателей.

— Когда гости разошлись, молодые негодяи убили ее отца и нескольких слуг, оставшихся в трактире. Они похитили золото и нарушили покой брачного ложа молодых. Они подвесили Корджоноса меж двух деревьев. Вальдези они кинули на землю. «Он не проклянет нас», — сказал один из них, и они отрезали ему язык. «Он не зачарует нас», — сказал другой, и они отрезали ему руки. «Он не будет следовать за нами», — и они отрезали ему ноги. Потом они лишили его мужественности и сказали Вальдези: «Он не годится для брачной постели». И они срезали ему лицо и сказали ей: «На него даже не стоит смотреть». Но они оставили ему глаза, чтобы он видел, что они делают

с девушкой, и они оставили ему уши, чтобы он мог слышать ее крики. Когда они закончили... она умерла. Корджоноса же они оставили висеть. Потом они поделили золото и сбежали, каждый своей дорогой. И хотя бесчестие их поступка опозорило землю, ни один из них так и не понес наказания.

— Корджонос? — спросил священник.

— Он не умер. Он был посвящен Серому Повелителю на семижды семь лет, и смерть не могла забрать его. Демон снял его с дерева и унес с собой. И исполненный ярости чародей ждал долгие и мучительные годы, готовя месть, достойную мерзавцев.

Клесно вскочил на ноги, его кресло с грохотом опрокинулось.

— Боже! Неужели вы не понимаете! Прошло уже почти пятьдесят лет, а наши лица и имена были другими! Но мне показалось, что мы уже встречались когда-то! Не спорьте! Совсем не случайно все мы оказались здесь этой ночью! Колдовство собрало нас! Но кто?..

Трактирщик зловеще улыбнулся, услышав их испуганные и протестующие возгласы. Он подошел поближе к огню и, все еще улыбаясь, стянул с рук черные перчатки.

И все увидели, что за ладони прикреплены к его запястьям.

Этимися руками он сорвал кожу со своего лица.

Улыбающиеся губы сползли вместе с остатками кожи, и открылся безносый кошмар, который когда-то был человеческим лицом, и черный змеиный язык, извивающийся меж разбитых зубов.

Все сидели, окаменев от неожиданности. В комнату незаметно вошел карлик, неся в волосатых лапах крошечное тельце.

— Он мертворожденный, хозяин, — захихикал карлик, держа за ножки младенца с синеватой кожей. — Задушен пуповиной, а мать умерла в родах. — Он шагнул к камину.

Холод осенней ночи окутал путешественников, более глубокий холод, чем тот, который мог быть порожден естественными причинами.

— Семь раз по семь лет, — прошипел Корджонос. — Я так долго готовил все это! Я лепил ваши жизни с тех самых пор, откармливал вас и позволял дожить до дня, когда все вы заплатите так, как не платил еще ни один человек!

— Каллистратис, — бросил он в сторону, — это не для тебя! Я не знаю, как ты попал сюда, но уходи, если сможешь.

Все испуганно смотрели на чародея. Невидимые пути сковали путешественников; никто не мог даже повернуть головы.

Корджонос заговорил нараспев, показывая пальцем:

— Святой, негодяй. Мудрец, дурак. Храбрец, трус. Шесть углов гептаэдра, а я — мертвец, который живет, — занимаю седьмой угол. Противоречащие друг другу противоположности, которые вызовут Повелителей Хаоса, и конечный парадокс, который является центром заклинания — невинная душа, которая не жила на свете, или проклятая душа, которая не может умереть!.. Семь раз по семь лет прошло, и когда Серый Повелитель придет за мной, вы, все шестеро, последуете за мной в его царство.

Внезапно Ранвиас пришел в себя:

— Кинжал!

Аббат тупо посмотрел на него, затем начал неуклюже шарить в складках сутаны. Он двигался медленно, как во сне.

Шипя от ярости, Корджонос начал поспешно читать заклинания.

Непослушными руками Пассло вытащил кинжал, но рейнджер оказался быстрее.

Выхватив клинок из дрожащих пальцев Пассло, он метнул его в хихикающего карлика.

Боджер завопил и уронил мертвого младенца. Из его груди, там, где торчала кристальная рукоять кинжала, повалил вонючий дым. Карлик зашатался, а потом, казалось, начал складываться вовнутрь, как пустая кольчуга. От него осталось только обугленное жирное пятно, куча грязной одежды и мохнатый паук, исчезнувший в щели стены.

— Хорошо сделано, Ранвиас! — тяжело дыша, сказал Клесно. — Ты убил его демона. Теперь заклинание разрушено!

Он ухмыльнулся, глядя на чародея:

— Конечно, если у тебя нет под рукой проклятой души, которая не может умереть, чтобы завершить заклинание.

Корджонос молча опустил голову.

— Пойдемте отсюда! — пробормотал Джаркос дрожащим от страха голосом. Его брат лишь бессмысленно всхлипывал.

— Сначала убьем чародея, — проворчал Ранвиас.

— И освободите меня, — посоветовал Хеф. — Не думаю, что вам понравится, если я расскажу в Радере о своих старых товарищах.

— Великий Тоэм! Холодно-то как! — стуча зубами, сказал Пассло. — А что происходит со светом?

Священник вошел в центр круга и нагнулся над кучей обугленных тряпок. Все решили, что он хочет поднять магический клинок, но, когда он выпрямился, в его левой руке висел мертвый младенец.

Его капюшон соскользнул с головы. И все увидели рыжие волосы.

А потом они увидели его глаза.

— Кейн! — закричал Клесно.

Корджонос выкрикнул звуки, которые слились в совершенно другое имя.

Молниями блеснули поспешно вытянутые из ножен мечи... но комната уже наполнилась сладкой вонью старинной гнили.

Засов на входной двери рассыпался ржавчиной, доски провисли, сгнив в мгновение ока. Все заворуженно уставились на двери. На пороге стояла высокая фигура в оборванном сером плаще.

Кейн отвернулся.

...И Серый Повелитель снял маску.

Кейн потряс головой, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Он попробовал подняться на ноги, но едва не упал, потому что уже стоял.

Он находился внутри давным-давно разрушенного деревянного здания. Верхний этаж обвалился, провалилась и крыша, и он видел звезды в ночном небе. Молодые деревца пробивались сквозь сгнивший мусор, таверна была покинута уже много лет назад.

От запаха гнили воздух казался затхлым. Кейн на ощупь направился к двери, из-под ног у него доносился сухой треск рассыпающихся в пыль костей. Выбравшись наружу, он глубоко вздохнул и снова посмотрел вверх.

По земле клочьями полз туман. Кейн увидел призрачную фигуру в сером, плащ которой развевался на ночном ветру. За ней неохотно следовали еще семь призраков, тщетно пытаясь оторваться от процессии.

Затем появилось еще одно видение: девушка в длинном платье бежала вслед за ними. Она схва-

тила последнюю, седьмую тень за руки, дернула изо всех сил и оторвала от остальных. Серый Повелитель и те, кому суждено следовать за ним, растворились в ночном небе. Девушка и ее возлюбленный бросились друг другу в объятия и одновременно исчезли в тумане.

Лошадь Кейна ждала его перед разрушенной таверной. Кейн не слишком удивился, он узнал девушку в тумане. Он пришпорил коня, и мгла поглотила его.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА

Глава первая

ОДИН НА ОДИН С ВЕТРОМ НОЧИ

Солнце, угрюмый багровый диск, медленно погружалось в однообразие каменистой пустыни, бесчисленными милями тянувшейся у него за спиной. Бесчисленными и, вероятно, нехожеными — разве что копыта его коня оставили на них след. Безжизненная равнина всосала последние капли тепла задолго до сумерек, так что теперь в свой предсмертный час солнце грело не больше, чем луна, как раз показавшаяся над горизонтом. Ее набухающий красным светом диск — словно в насмешку над умирающим солнцем — упрямо лез вверх, наглый, как нетерпеливый наследник, который в хищной алчности вышагивает взад-вперед подле смертного одра своего благодетеля. На какое-то время в безграничности сгущающейся тьмы над кромкой мира повисли два одинаково кровавых светила, одно против другого, так что Кейн усмехнулся про себя: уж не оказался ли он в конце концов в некоем сумеречном краю, где два древних солнца вечно тлеют между мертвой землей и безжизненным небом. Было нечто потустороннее в этой холодной заброшенной равнине, где каждый камень серой тенью окружала аура таинственности и неразгаданности.

Покидая Керсальтиаль, Кейн не преследовал никакой иной цели, кроме как убраться подальше от этого города. Злые языки утверждали, что Кей-

на увезли насильно; что некий колдун, завидуя его немеркнувшей славе и встревоженный тем, как высоко поднялся Кейн по лестнице власти, сумел наконец сломить волю героя и выслать его в иное столетие. Сам же Кейн полагал свой отъезд более или менее добровольным, оправдываясь тем, что если бы он и впрямь захотел, то запросто смог бы отразить этот удар давних своих соперников — притом не связывая себя никаким обетом. Скорее уж все объяснялось тем, что величайший город всех времен и народов последнее столетие варился в собственном соку. Тот дух юности, весны и возрождения, который привел его когда-то в еще строящийся Керсальтиаль, ныне выветрился совершенно, и Скука — вечная Немезида Кейна — снова стала одолевать его. Его все чаще тянуло прочь из города, в земли дальние и неизведанные, еще не вкусившие присутствия человека. Вся неожиданность и поспешность его возвращения к жизни скитальца выражалась лишь в более чем скромном на этот раз количестве пожитков: кое-какие припасы, несколько мешочков с золотом, резвый конь да меч прославленной керсальтиальской стали. Те, кто жаждал выяснить, так ли мало осталось у Кейна сил, как говорят, смело могли писать завешание...

С наступлением темноты поднялся ветер — холодное, пронизывающее дыхание гор, чьи вершины еще горели в последних лучах заката. Кейн зябко передернул плечами и плотнее запахнул коричневый, оттенка красного дерева, плащ, сожалея о мехах, оставшихся в Керсальтиале. Гератлонай была долиной безжизненной и холодной. Ночи здесь нередко выдавались холодными. Кейн в рубашке и штанах простой зеленой шерсти и темной кожаной куртке был легкой добычей для холодного ночного ветра.

Минувшим днем он доел последнюю, припасенную на самый черный день горсть сушеных фруктов и ломтик вяленого мяса, хотя растягивал припасы, как мог, и последнюю неделю питался почти воздухом. Воды, по счастью, оставалось еще порядочно. Перед самой пустыней он наполнил все мехи, да и по дороге время от времени попадались родники... Хотя, пожалуй, дорогой это назвать нельзя было никак. Бескрайняя пустыня, лежавшая во многих днях пути к юго-востоку от Керсальтиаля, слыла границей одного из королевств давно ушедших времен. Множество легенд рассказывало о городах невыразимой древности, похороненных под каменистыми холмами. Поэтому Кейн полагал или хотя бы надеялся, что следует той же самой древней дорогой, которая вела через глушь к легендарным горам Восточного континента. Кейн решил придерживаться этих почти неприметных остатков древнего пути, и временами ему случалось подбирать отдельные камни, явно сохранившие следы резца, испещренные странными знаками, которые могли быть полустершимся отзвуком той письменности, фрагменты которой встречались в книгах древних знаний, — а могли быть и прихотливым узором — творением ветра и льда. Помимо этих обломков, однообразие пейзажа нарушали лишь редкие заросли сухого кустарника и еще более редкие черные башни деревьев с пышными кронами и узорчатой корой. Травы, хоть и невысокой, хватало коню с избытком; сам же Кейн не добыл себе даже ящерицы. В самом деле, лишь безрассудством можно было назвать такую поездку в самое сердце пустыни, до противоположной границы которой не добрался ни один смертный. Но, во-первых, так сложились обстоятельства, а во-вторых, многие годы приключений так и не отучи-

ли Кейна потакать своим прихотям. Как и пристало настоящему философу, он поздравлял себя с тем, что выбрал путь, которым не отважится последовать за ним ни один враг.

Когда в первый раз в неверной утренней дымке появились на горизонте горы, похожие на ряд огромных пожелтевших зубов, Кейн заметно воспрянул духом. По крайней мере это означало конец пустоши. Но надежда на скорые перемены заметно угасла в тот же день, когда, уже ближе к вечеру, каменистые склоны холмов под копытами его коня стали подниматься все выше и круче — по-прежнему оставаясь пустынными и безжизненными. Колочий, сухой кустарник, изредка попадавшийся в оврагах, был не в счет.

А в этот вечер холодный горный воздух принес откуда-то новый, давно забытый запах — запах дыма. Запах обычного ночного костра — вещи столь же невероятной, сколь и желанной в этой глухомани. Кейн пригладил свою устрашающе спутанную, как куст ежевики, бороду, заправил выбившиеся пряди рыжих отросших волос под кожаную повязку, расшитую лазоревыми бусинками, и еще раз, не веря собственному носу, вдохнул ночной воздух. Конь его веселее пошел вперед, кругом быстро темнело. И вдруг где-то вдаль, у самого подножия гор, показался огонек костра. «Нет, — поправил сам себя Кейн. — Пока просто огонек. Не стоит обольщаться. Впрочем, если его видно издали, это должен быть именно костер». Кейн направил коня прямо туда, осторожно пробираясь среди холмов в призрачном лунном свете. Порыв ветра снова дохнул ему в лицо — и у Кейна забурчало в животе: он почуял запах жаркого. Такой довод перевесил все остальные. Придержав коня и привстав в седле, Кейн стал издали вгля-

дываться во тьму, сиюсь определить, чей это может быть лагерь. Никаких признаков жилья поблизости не было, да и не могло быть в столь не подходящем для этого месте. Не то чтобы это казалось более вероятным, но похоже, Кейну посчастливилось натолкнуться на такого же скитальца, как и он сам. Но вот кто это мог быть... Кейн терялся в догадках. Никто ничего не знал о жителях (если таковые здесь были) северо-западного изогнутого, как гигантский лук, края Великого Южного континента. На заре мира землю населяли не только люди.

Кто бы ни был тот странник, который развел этот огонь, сейчас он лакомился жареным мясом и хотя бы поэтому не был вовсе чужд человеческой породе. По высоте костра Кейн определил, что, вероятнее всего, это — небольшой отряд кочевников или дикарей, пришедший откуда-то с другой стороны гор. Но жареное мясо разрешило его сомнения. Облизнув пересохшие губы, Кейн снял меч с седла и повесил его себе за спину так, что удобная рукоять приходилась как раз над правым плечом. Соблюдая крайнюю осторожность, Кейн приблизился к костру.

Глава вторая ДВОЕ У КОСТРА

Острое обоняние Кейна уловило едкий запах животного — столь сильный, что его не в силах был перебить даже запах дыма и жаркого. И тотчас же потрескивающий костер заслонила чья-то фигура, так что Кейн придержал коня, пока не убедился в том, что ему не померещилось. Потом лицо Кейна прояснилось. У огня, сторбившись, си-

дел только один человек — если великана можно назвать человеком.

В своих странствиях Кейн встречался и даже разговаривал с великанами, хотя по мере того, как мир становился старше, он встречал их все реже. Это был гордый, молчаливо-отстраненный народ. Их было немного и, гнушаясь достижениями человеческой цивилизации, они жили полуварварскими поселениями вдали от городов. Случалось, правда, Кейну слышать устрашающие рассказы о том, что тот или иной великан разорял огромные деревни и крал младенцев, но такие безумцы-великаны чаще всего оказывались изгоями — или, что также случалось нередко, чудовищами-полукровками.

Но этот великан, похоже, не представлял серьезной угрозы. Заслышав перестук копыт по каменному крошеву, он обернулся скорее с веселым удивлением, нежели враждебно. Впрочем, существо его размеров и силы не нуждалось в демонстрации свирепости при появлении всего лишь усталого всадника. К тому же в уютной близости от его правой руки лежал огромный топор, который при случае мог бы послужить якорем небольшому судну. Кейн слишком поздно спохватился, что следовало бы подойти с другой стороны холма, и тогда их хотя бы разделял костер. Но великан по-прежнему не выказывал неудовольствия. Нагнувшись к огню, он повернул другим боком к пламени целую тушу, жарившуюся на импровизированном вертеле. Судя по всему, это жаркое недавно было козой. Горячее, свежее мясо.

Голод победил нерешительность. Готовый прищипорить коня и умчаться прочь при малейшей угрозе, Кейн неторопливо подъехал к самому огню, так что свет выхватил его из темноты и окрасил яркими красками с одного бока.

— Добрый вечер, — ровно и отчетливо выговорил он на древнем языке народа великанов. — Твой огонь был виден издалека. И если ты не возражаешь, я с радостью составлю тебе компанию.

Великан хрюкнул и принялся изучать Кейна из-под ладони, широкой, как лопата.

— Ого-го, что это у нас такое? Человек, говорящий на древнем наречии. Прямо с неба свалился — вот так! Запросто едет в глуши, где и призрака-то не встретишь. Как же пропустить такую редкость! Иди и садись у огня, человечек. Разделим гостеприимство этого края.

Его голос, громкий, как человеческий крик, был к тому же очень низким.

Бормоча благодарности, Кейн спешил, рискуя понадеяться на доброе расположение духа этого верзилы. Усевшись у огня, он почувствовал на себе пристальный взгляд — слишком пристальный. И самого Кейна, и его вооружение разглядывали бесцеремонно... и насмешливо. При высоте в шесть футов, Кейн располагал тремя сотнями фунтов крепких костей и мышц, так что мало кто в этом мире мог смутить его. Но этой ночью он сошелся один на один с существом, которое превосходило его в силе настолько же, насколько он превосходил младенца.

Рост великана Кейн оценил приблизительно в пятнадцать футов. Точнее сказать было трудно: тот сидел, подобрав колени к подбородку и кутаясь в большой плащ из медвежьих шкур, что делало его очертания еще более бесформенными. Но если не обращать внимания на размеры, облик великана был вполне человеческим — таким телом мог бы обладать сильный мужчина его возраста, исключая, пожалуй, некоторую удлиненность рук и ног. Сколько могло весить его крупное, явно развитое тело, Кейн и представить не мог. На ве-

ликане были плоские башмаки — каждый с большую плетеную корзину, и из-под плаща выглядывали край длинной рубахи и чулки из грубо выделанной кожи. Его руки везде, кроме ладоней, были покрыты жестким, щетинистым волосом. Слишком скуластое, чтобы считаться правильным, его лицо было довольно приятным; спутанная борода стояла торчком, темно-коричневые волосы были стянуты в короткий хвост на затылке. Карими были и его глаза, широко расставленные и веселые. Высокий лоб выдавал мыслителя.

Разглядывая Кейна, как человек мог бы разглядывать заблудившуюся собаку, великан вдруг сощурился и, глядя Кейну в лицо, вновь издал какой-то хрюкающий звук. Задумчиво и сосредоточенно он несколько секунд смотрел прямо в холодные голубые глаза гостя, на что до сих пор отваживались не многие.

— Вроде бы ты — Кейн, а? — скорее утверждая, чем спрашивая, сказал он.

Кейн широко раскрыл глаза от удивления, но в следующий миг рассмеялся.

— Стоило уезжать на тысячи миль от человеческого жилья, чтобы первый же встречный великан назвал тебе твое имя!

«Первый встречный великан» снова довольно хрюкнул.

— Ну, тебе придется уехать и в самом деле очень далеко, если ты хочешь остаться неузнанным. Мы, великаны, следим за безумной историей твоего народа. Мы считаем, что человечество — выкидыш, пытающийся играть роль взрослого вместо положенной роли незаконнорожденного младенца. Для человека прошедшие столетия — забытая быль, для нас — вчерашний день. Но все же мы хорошо помним Проклятие Кейна.

— Ту историю уже и досочинили, и запутали, — пробормотал Кейн, отводя взгляд. — Кейн становится героем сказок и легенд, которые рассказывают в старых городах. Мне уже случалось бывать в таких землях, где люди никогда ни слова не слышали обо мне...

— И ты бываешь все дальше и дальше — так что скоро они научатся бояться имени Кейн, — подытожил великан. — Что ж, меня зовут Двасслир, и я польщен тем, что живая легенда греется у моего одинокого костра.

Кейн пропустил насмешку мимо ушей. Сглотнув слюну, он посмотрел на истекающее соком жаркое.

— А как насчет того, что жарится на твоём одиноком костре?

— Всего лишь горная коза, которую я поймал нынче утром. Хотя какое-то развлечение в этих унылых местах. Ну-ка, потяни вертел за тот конец. Справишься?

Кейн подтянул жаркое поближе к угольям.

— И ты собираешься все это съесть сам? — хрипло поинтересовался он, слишком голодный, чтобы ждать приглашения.

Наверное, Двасслир так и собирался сделать, но, по всей видимости, неожиданный гость был ему в радость, и Кейну достался такой кусок грудинки, что будь он в три раза голоднее, и то остался бы доволен. Когда одним движением разорвав тушу, великан протянул ему кусок, Кейна вновь посетила мысль о потерявшемся псе, но голодное бурчание живота быстро ее вытеснило. Мясо оказалось жестким и жилистым, к тому же немного с душком и полусырым, и все же еда была неземным блаженством. Одним глазом на всякий случай следя за великаном, Кейн со вкусом обс-

сывал каждую косточку, запивая жирное мясо холодной водой из фляги Двасслира.

Отрыгнув так, что пламя костра едва не потухло, Двасслир встал и потянулся, облизывая пальцы, отер рукой рот, затем вычистил руки горстью камешков. Когда великан выпрямился, Кейн увидел, что в нем не пятнадцать, а все восемнадцать футов. Двасслир лениво повертел остатки козы.

— Больше не хочешь? — поинтересовался он.

Кейн помотал головой, еще занятый своими ребрышками. Открутив последнюю оставшуюся ногу, великан уселся на прежнее место и со вздохом принялся ее обглаживать.

— Догонялки — неподходящая игра для этих мест, — заметил он, жуя. — Сомневаюсь, чтобы ты мог тут поймать какую-то дичь. Единственной доступной тебе добычей оставался бы только твой конь, по крайней мере пока ты не доберешься до долины, лежащей к востоку отсюда.

— Я уже подумывал, не съесть ли мне коня, — признался Кейн. — Но пешим я, наверное, не смог бы одолеть эту пустошь.

Двасслир презрительно фыркнул. Для великанов животные — в том числе и лошади — не более чем объекты различных забав.

— Вот она — слабость вашей расы! Отбери у человека его костыли... и он уже не в силах выстоять один против всего мира!

— Ты слишком все упрощаешь, — возразил Кейн. — Человечество будет господствовать в этом мире. Я видел, как всего за несколько столетий наша цивилизация от настоящего варварства поднялась до империй, могущественных и обширных. Города, поселки, фермы. Мы — самая стремительная из всех цивилизаций, вспыхивавших на поверхности Земли.

— Единственно за счет того, что построили свою цивилизацию на руинах старинных городов. Человеческая цивилизация — паразит, этакий пестрый нарост, выросший на останках мертвого гения. И именно ему обязанный своей живучестью!

— Старшие, мудрые расы, я признаю и восхваляю вас, — заметил Кейн, говоря куда-то в пространство. — Но выжило человечество, а не вы. И лишнее подтверждение человеческой изобретательности я вижу в том, что мы сумели воспользоваться знаниями дочеловеческих цивилизаций, которые не смогли сохранить себя. Так вырос на моих глазах Керсальтиаль — из рыбацкой деревушки он превратился в величайший город в мире. Вновь открытая древняя мудрость помогла человечеству достичь до нынешнего уровня цивилизации.

Двасслир разгрыз берцовую кость и высосал мозг.

— Цивилизация! — передразнил он. — Ты хвастаешься так, как будто думаешь, что ваше ученичество завершено. Это только прямое следствие человеческой слабости! Человек слишком неможное, слишком плебейское существо, чтобы жить в таком окружении. Ему бы следовало не кичиться, а учиться. Мой народ учился жить в реальном мире, учился сливаться, срастаться с ним. Нам не нужна цивилизация. Человек — калека, который гордится своим уродством, выставляет напоказ свои язвы. Вы прячетесь за стены вашей цивилизации только потому, что не в силах стать частью мира, слиться с природой, слиться с тем, что вас окружает. Вместо того чтобы жить в гармонии с миром, человек прячется за своей цивилизацией; проклинает и ненавидит истинную, настоящую жизнь, отрекшись от мира, дабы оправдать собственный провал. Учти, что мир не будет терпеть вечно ваши поноше-

ния, и настанет день, когда человечество будет сметено с лица земли, как ему и подобает!.. И даже ты, Кейн, ты, который известен как самый опасный человек на свете, — мог бы ты выжить в этой пустыне и пройти ее из конца в конец без своего коня, одежды, оружия? А я — могу!.. Мой народ старше. Мы уже рожали детей и убивали коз, когда человеческий бог, таясь в самых темных тенях, играл в свои дурацкие игры, лепя человечков из останков чудовищ. Появись люди в те времена, когда мой народ был еще юн, цивилизация спасла бы их не лучше, чем яичная скорлупа! Та Земля была дика и сумасбродна — не чета нынешней. Мои предки вызывали бури, смерчи, ураганы, которые могли смести и сравнять с землей все ваши города, как сметает ветер мертвые листья с деревьев! Один на один они сражались с тварями, которых люди уже не застали: саблезубые тигры, пещерные медведи, мамонты и многие другие, чья сила и жестокость неведома в нынешний полудухлый век. Мог ли человек выжить в ту суровую эпоху? Сомневаюсь, чтобы его в те времена спасли хитрости и уловки!

— Вероятнее всего — нет, — кивнул Кейн. — Но ведь твой народ имеет перед моим весьма заметные преимущества. — Теперь следовало быть осторожным и не зайти слишком далеко. — Если бы мой шаг был так же широк, как твой, мне скорее всего не понадобился бы конь, чтобы пересекать пустоши. Хотя мне кажется, найдись на свете животные, подходящие вам по росту, ты не кривил бы так презрительно рот. И если бы я мог с той же легкостью, с какой ломаю сухие ветки, разорвать пасть льву, мне не нужен был бы меч. Твоя похвальба ничем не лучше моей: ты совершенно забыл, что ваши размеры дают вам фору перед все-

ми опасностями на свете. Кто же отважнее: один из твоих предков, голыми руками душащий пещерного медведя, который не так уж и превосходит его ростом и силой, или человек с копьем, убивающий тигра — зверя, во много раз сильнее его?

Он умолк, наблюдая за тем, какое действие вызвала его отповедь. Но у Двасслира, похоже, был покладистый нрав. Утолив голод и согревшись у костра, великан был настроен достаточно благодушно, чтобы поспорить со своим крохотным гостем без драки.

— Это правда — вы старше и мудрее, — продолжал, воодушевляясь, Кейн, — а люди — просто заносчивые младенцы. Но скажи, что же тогда есть цель вашего существования? Если вы не строите городов, не плаваете по морям, не осваиваете новых земель, не пытаетесь разгадать тайны мудрости предшествующих народов, то в чем же тогда заключаются ваши достижения? Поэзия, философия, магия, алхимия... достигли вы мастерства в каком-нибудь из этих искусств?

— Смысл нашего существования — жить в гармонии с окружающим миром, не воюя с природой, — почти проскандировал Двасслир.

— Ну хорошо, предположим. — Кейн взмахнул рукой. — Быть может, вы находите удовольствие в столь примитивном образе жизни. Но все же смысл существования народа должен, вероятно, заключаться в том, чтобы как можно лучше сыграть отведенную ему роль. И если твой народ так хорошо живет в гармонии, почему же тогда вас становится все меньше и меньше, а глупых людей — все больше и больше? Ваш народ никогда не был многочисленным, но теперь человек за всю свою жизнь может так никогда и не увидеть ни одного великана. Или вы покидаете этот мир вместе с от-

жившей эпохой, чтобы однажды уйти совсем и остаться только в легендах, как те твари, бок о бок с которыми жили твои предки? Что же тогда останется после вас? Что расскажет о вашей былой славе и величии?

Двасслир покачал головой с таким печальным видом, что Кейн пожалел о сказанном.

— Да, Кейн, если судить по численности народа, твой благоденствует. Но я ничем не могу ни подтвердить, ни опровергнуть твоих утверждений. Это правда, что с течением столетий нас становится все меньше и меньше, но я не могу сказать тебе, отчего это так, а не иначе. Нам отпущена долгая жизнь — я не настолько моложе тебя, как ты думаешь, Кейн. Мы медленно старимся и не спеша растим детей, но ведь так было и всегда. Наши исконные враги либо перевелись, либо затаились в недоступных ни нам, ни человеку местах. Наши целители безыскусны, но могут вылечить нас от всех напастей, какие нам страшны. Нет, смертность среди нас не повысилась. Видимо, дело в том, что сам наш народ состарился и устал. Вероятно, мы последуем за теми огромными животными, что делили с нами мир на заре времен, а теперь ушли в тень прошлого. Но они по меньшей мере научили нас многому! А теперь их нет. Все идет так, словно мой народ пережил свое время и теперь вымирает от скуки. Мы — как тот король, который истребил всех врагов и обрек себя на долгую и тоскливую старость... Мой народ появился в героический век, Кейн! Поистине это была эпоха великанов! Но теперь она ушла, мертва! Огромные звери — наши спутники, исчезли. Исчезли и древнейшие народы, чьи воины сотрясали корни гор. Землю наследуют изменившиеся существа. Человек, вскарабкавшись на руины великой

эпохи, провозглашает себя хозяином мира! Быть может, человек и сумеет выжить, если останется в одиночестве. Но мне кажется, он скорее уничтожит сам себя, пытаясь овладеть чудесами древних народов и обнаружив, что не в состоянии управлять ими!.. Но когда настанет такой день — день безраздельного господства человека — надеюсь, мой народ уже не будет тому свидетелем. Мы — раса героев, которая пережила эпоху героев! Можно ли винить нас в том, что мы устали жить в этом мире хвастливых пигмеев!

Кейн молчал.

— Кажется, я понимаю твои чувства, — проговорил он наконец. — Но обречь себя на неизвестность, спокойно смотреть, как исчезает былая слава, кажется мне, не слишком пристало героям.

Кейн снова помолчал, не желая ступать накрывшую их костер мрачную тень меланхолии.

— Но что же привело тебя сюда, в эту безжизненную пустыню, где нет ничего, кроме серых камней и песка? — спросил он, пытаясь переменить тему разговора. — Или эти безымянные горы и есть граница вашего древнего королевства?

Двасслир встряхнулся, потер руки и подбросил в костер веток с листьями. Костер взметнул вверх сноп искр, красными звездочками осевших в темноту.

— Я здесь кое-что ищу, — ответил великан. — И не делаю из этого никакого секрета, хотя тебе, наверное, как и моим друзьям, это тоже покажется не стоящим усилий... Столетия назад, когда этот край не был столь опустошен и непригоден для жизни, в этих горах селились мои сородичи. И горы эти не были безымянными — их называли Антомарисским лесом. Под этими холмами тянутся бесконечные пещеры, которые мои предки сначала

использовали как жилье, а потом, начав строить дома, — как копи. Тогда здесь было значительно теплее, долины стояли в зелени и цвету. В те времена здесь было куда приятнее, чем нынче... То были великие дни! Жизнь — бесконечная игра со смертью, опасности подстерегали нас на каждом шагу — опасности, достойные величия моего народа! Можешь ты представить, какой мощью мы тогда обладали? Мы стояли лицом к лицу со всеми враждебными существами окружавшего нас первобытного мира. Нашими богами были Лед и Пламя — воплощения двух противоположных начал, правящих тогда Землей! Нашими врагами были не только силы Земли или огромные звери, нет — древние расы, о которых у вас нет даже легенд. Они противостояли нам!.. Быть может, именно их колдовством этот край теперь опустошен и безжизнен. Наши легенды рассказывают о битвах между странными народами, воевавшими при помощи странных орудий, когда мир был еще молод. И мои предки одержали тогда над ними победу, и не одну. Победитель одного из сражений — король Бротемлейн, чье имя тебе, может быть, известно как имя величайшего из королей моего народа, правил этой страной. Его тело покоится в одной из пещер под холмами, и на челе его все еще красуется драгоценная корона моего народа — уже тогда она была древней, — оставленная ему после смерти в память о бессмертном величии его правления.

Глаза Двасслира горели, его недавнее уныние исчезло, как утренний туман с приходом солнца. Приняв внимательное молчание Кейна за недоверие, великан заговорил с еще большим жаром:

— Я давно уже ищу легендарную гробницу Бротемлейна. И, судя по некоторым признакам, я

близок к открытию. Я хочу найти эту корону! Корона короля Бротемлейна — это символ древней славы моего народа. Пусть все наши великие битвы и короли ушли в прошлое безвозвратно, я верю, что эта древняя драгоценность пробудит хоть частицу былой мощи моих сородичей. Многие считают, что я просто глупец и мечтатель, но я очень хочу сделать это! Нужно же хоть на что-то надеяться в нынешние серые дни!.. Я не предложил бы заниматься этим никому из твоих сородичей, Кейн, но поскольку ты — это ты, я обращаюсь к тебе с вызовом и просьбой. Если ты согласишься пойти со мной на поиски, я буду рад. Может, ты лучше поймешь мой народ, когда вместе со мной окунешься в тень забытого величия и славы той эпохи.

— Благодарю тебя за предложение... а более того — за вызов, — проговорил Кейн, но без торжественности. Приключение захватило его, к тому же великан, похоже, не голодал. — Я сочту за честь присоединиться к тебе в твоих поисках.

Глава третья

КОРОНА МЕРТВОГО ВЕЛИКАНА

Впереди показались первые деревья — пусть карликовые и уродливые, мучительно скорчившиеся под ледяным дыханием ветра, но все же деревья. Уже два дня следовал Кейн за Двасслиром вдоль невысоких скалистых хребтов; конь его едва поспевал за размашистым шагом великана. На рассвете третьего дня от его свиста содрогнулись камни, и тысячекратное эхо указало все расселины и пещеры этого плато — каждая из них могла быть предметом их поисков.

На деле легендарная страна выглядела не столь впечатляюще, как в сказках. Темная и узкая долина тянулась меж отвесно вздымающихся скал, и Кейн то и дело беспокойно оглядывался, когда эти мрачные стены вдруг смыкались у него над головой. Время от времени Двасслир с нетерпеливым, радостным криком кидался к какому-нибудь грубому изваянию, черты которого еще столетия назад источили ветра времени. Не менее тщательно изучал он и каждый безымянный могильный холм, где отыскивал следы резца на камнях или обломки глиняной посуды, до того мелкие и хрупкие, что они рассыпались в руках, или куски иссохшегося дерева, столь древние, что, казалось, они еще более мертвы, чем камни.

— Вон там был вход в гробницу короля Бротемлейна, — объявил Двасслир и заглянул в штольню, начинавшуюся на каменном склоне одного из холмов. Ход был около двадцати пяти футов в высоту и в половину меньше — в ширину, но теперь он был сильно завален осыпавшимися кусками породы и щебнем. Остатки кладки и почерневшего дерева, еще кое-где сохранившиеся, давали лишь слабое представление о великолепном портале, когда-то украшавшем вход.

— Я уверен, что в наших преданиях описана именно эта долина, — с воодушевлением заявил великан. — Этот ход ведет в лабиринт пещер. Сама природа выдолбила его и подсказала моим пращурам лучший способ жизни — под землей. Где-то далеко, в глубине, в самом конце этого коридора и находится та нерукотворная пещера, в которой тело Бротемлейна покоится в мире многие века.

Кейн, хмурясь, заглянул в темное отверстие. Предчувствие опасности призраком пронеслось сквозь его мысли.

— Сомневаюсь я, что здесь можно найти что-нибудь ценнее праха и летучих мышей, — проворчал он. — Время и гниль уничтожили здесь все, что осталось после менее удачливых воров. Разве что в этой гробнице есть невидимые стражи. Бряд ли столь прославленный покойник и столь легендарное сокровище не охраняются каким-нибудь убийственным заклятием, а?

Двасслир пожал плечами так обыденно, что все предчувствия Кейна показались просто смешными.

— Может, у вас так и принято, — заявил великан. — Но для нас эта могила всегда была святыней. Никто не посмел бы разграбить ее. А что до всех остальных — кто из человечков-воришек отважился бы вскрыть гробницу великана? Давай-ка запасемся факелами и посмотрим, каков ныне двор короля Бротемлейна.

Оставив Кейна разжигать костер, Двасслир отправился на поиски подходящего древка. Вернулся он с высоким деревом толщиной приблизительно со свою ногу. Кейну досталось несколько крепких веток, сам великан нес ствол, отломив от него вершушку. Они вошли в пещеру.

Но очень скоро они вынуждены были остановиться. Кусок скалы завалил коридор, так что оставался только маленький, узкий лаз. По-видимому, провалилась стена.

Двасслир тщательно обследовал завал.

— Похоже, на какое-то время это нас задержит, — заключил он печально. — Надо попробовать пробиться.

— Смотри, чтобы твоими стараниями не рухнула вся гора, — мрачно изрек Кейн. — Здесь, видно, очень подвижные пласты, иначе этот обломок не съехал бы сюда через потолок. Если пещеры уходят так глубоко, как ты говоришь, горы должны

быть сплошь в трещинах и расселинах. Эти утесы очень старые, столетия источили их, они вот-вот развалятся, как гнилой зуб. Удивительно, как здесь вообще хоть что-то осталось.

Отложив в сторону факел, великан с усилием протиснул голову и плечи в оставшуюся щель.

— Проход открывается почти сразу, завал невелик. Кажется, я сообразил даже, где вход в главную пещеру. — Он выбрался назад, помедлил, беспомощно оглядывая завал, потом перевел взгляд вниз на человека.

— Знаешь, Кейн, ты ведь, наверное, смог бы здесь пролезть, — сказал он наконец. — Пройди вперед и посмотри, что там дальше. Если там нечего искать, мы ничего не потеряем. Но если это все же могила короля Бротемлейна, ты бы узнал, там его корона или уже нет.

Кейн осмотрел щель внимательно, но без особого восторга.

— В общем, можно, — проговорил он. В сущности Кейн просто не желал показать себя трусливее какого-то великана. — Ладно, пойду поищу для тебя эти кости.

Щель была узковата, но человек среднего сложения пролез бы в нее без особых потерь. Кейн же, протискиваясь, ободрался в кровь. Завал не выглядел словно обрушившаяся стена, скорее казалось, что галерею пробил огромный каменный кулак, от которого теперь остались лишь обрубки пальцев. Поудобнее перехватив факел, Кейн шагнул прямо в открывшийся проход. Ножны вновь были заброшены на спину, но на этот раз обнаженный меч сразу оказался в его левой руке.

Пройдя немного вперед, Кейн действительно нашел пещеру. Ее порог — две гигантских, явно предназначенных не для человека ступени. Все

чувства Кейна обострились, и он готов был ментально среагировать на опасность. Он поднял факел как можно выше и огляделся. Как будто ничего; но все же смутное ощущение беды не оставляло Кейна. Помахав ветвью, чтобы она разгорелась поярче, он попытался определить размеры пещеры, но не смог: казалось, она простирается на сотни футов в высоту и в ширину. Откуда-то из тьмы спускались сталактиты, а в тех местах, где они срастались со сталагмитами, их ряды походили на ряд гигантских безобразных кувшинов в великаньем погребке. «Язык мой — враг мой», — пробормотал Кейн, вскарабкавшись на ступени. Мелкая пыль взметнулась и снова осела на камни. Да, в этих пещерах уже очень давно никто не бывал.

— Что у тебя там, Кейн? — проревел Двасслир от завала. Тысячи мелких крыльев забились, захлопали под потолком.

Досадую на нетерпение великана, Кейн замер и настороженно поднял взгляд к невидимому потолку. Снова раздув факел, он двинулся через каменный чертог, выставив меч навстречу всем мерзостям, какие могла скрывать тьма могилы.

И хотя он, в общем-то, ожидал увидеть нечто подобное, ноги его словно примерзли к полу, когда неверный, мечущийся свет выхватил из тьмы то, что он искал.

— Двасслир! — завопил Кейн, забыв о летучих мышках и чудовищах. — Он здесь! Это — та самая гробница! Вот он, твой король Бротемлейн — на троне, с короной на голове!

Факел высветил огромный трон из грубо высеженного камня, на котором, ничуть не утратив прежнего величия, восседал коронованный скелет. В холодном и сухом воздухе пещеры труп не разложился, а высох, но на костях еще кое-где остава-

лась кожа и иссохшая плоть. Побелевшие кости проглядывали сквозь остатки плоти, как кожаная рубашка сквозь плетеную кольчугу. Мертвые пальцы, как корни дуба, крепко вцепились в каменное кресло, в глубине которого еще можно было различить обрывки драгоценного меха, упавшего с плеч мертвеца. На черепе кожа сохранилась лучше всего и походила на полумаску, искаженную в гримасе, странно напоминающей улыбку. Глаза провалились и превратились в черные пятна тьмы, что еще усугублялось тенью, падающей от факела. Но два сверкающих шара, словно плывущих во тьме надо лбом гиганта, не могла скрыть никакая тень.

Красные, как два золотистых солнца, как тигли, полные жидкого огня, два огромных рубина горели в короне короля Бротемлейна. Кейн тихо выругался — он был потрясен открывшимся сокровищем не меньше, чем варварским величием древних останков. Золотой обруч пришелся бы вместо пояса в пору танцовщице, а два гигантских рубина окружала дюжина или около того крупных камней с орех величиной. Древняя драгоценность великанов, добытая из адской сокровищницы.

Размышляя о королевстве короля Бротемлейна, вернее, о том богатстве, которым оно, видимо, располагало, Кейн вдруг горько пожалел о том, что уже уведомил великана о находке. Вернись он и скажи, что гробница пуста, он мог бы, наверное, утаить от великана корону под плащом — или вернуться за нею позднее. Но Двасслир уже знал, и Двасслир ждал у единственного выхода. Попытка найти другой, возможно, существующий, выход из лабиринта пещер была бы равносильна самоубийству. Немногим лучше выглядела бы попытка оспорить право великана на владение этой игрушкой. Кейн задумчиво рассматривал сокровище. Ка-

жется, воровство в таких объемах предусматривает самую суровую кару.

— Кейн! — рев великана прервал его размышления. — С тобой все в порядке? Это и в самом деле корона Бротемлейна?

— Вряд ли это может быть чем-то еще! — крикнул в ответ Кейн, и эхо стократно усилило его голос. — Точь-в-точь такая же, как описывают ее легенды. Сам король сидит посреди пещеры на гигантском каменном троне! Не менее двадцати футов костей, а в золотой короне два сверкающих рубина! Потерпи немного, я заберусь наверх и принесу ее тебе!

— Нет! Оставь ее на месте! — громче прежнего взревел Двасслир. — Я хочу все увидеть собственными глазами!

У завала послышался грохот отодвигаемых камней.

— Да погоди ты, чтоб тебя! — завопил Кейн, бросившись к выходу. — Ты сейчас обрушишь эти чертовы горы нам на головы! Я принесу ее тебе!

— Оставь! Я же не просто охочусь за сокровищем! Мне нужна не только корона короля Бротемлейна! — пыхтел великан, ворочая каменные глыбы. — Я мечтал об этом столько лет, что тебе и не снилось! Я мечтал когда-нибудь встать перед тронном Бротемлейна! Вступить туда, где не ступала нога великана со времен расцвета нашего королевства! Его тенью, его именем пробудить в моем народе прежнее величие и славу! Я встану перед королем Бротемлейном и сам приму корону с его чела! И когда я вернусь, мой народ увидит, услышит и узнает, что сказки о нашем ушедшем величии на самом деле были!.. Лучше пойди сюда и помоги мне расширить эту щель. Ты можешь со своей стороны вытащить вон тот камень? Эти пещеры

простояли в целости тысячелетия, понадеемся, что их хватит еще на несколько минут.

Бранясь и бормоча что-то про бесполезность спора с великаном-фанатиком, Кейн стал разбирать завал со своей стороны. Первым он шевельнул большой валун, казавшийся более расшатанным, чем остальные.

Неожиданный грохот и крик изумления, вырвавшиеся у Двасслира, были ему более чем достаточным предупреждением. Кейн шарахнулся назад ровно в тот момент, когда плита, потерявшая от их усилий опору, по-своему вступила в игру. Подобно не руке, а скорее кулаку судьбы, огромный каменный пласт отделился от стены и рухнул на завал.

Оглушенный грохотом и обрызганный мелкими осколками, Кейн рванулся из-под камнепада. В два прыжка он одолел коридор и упал у самых ступеней трона. На какой-то миг ему показалось, что вся пещера с грохотом и стоном вторит какофонии осыпающегося туннеля.

Когда последний отголосок безумного эха отгремел и затих и успокоились мириады летучих мышей под потолком, Кейн, кривясь, сел и попытался подсчитать потери. К счастью, все кости были целы, но через левое плечо протянулась длинная, глубокая царапина. На беду, рука, которой он обычно сражался, оказалась в непосредственной близости от завала, и первый залп осколков почти целиком достался ей. Обыскивая себя в поисках чего-нибудь, чем можно остановить кровь, Кейн подумал, что еще дешево отделался. Только что он имел прекрасную возможность стать еще более мертвым, чем король Бротемлейн.

Его меч был по-прежнему при нем — его уберегли ножны, — но факел, сбитый камнем, погас, и

в древнем чертоге воцарилась тьма, какая может быть лишь в могиле. Однако и без факела Кейн догадался о том, что случилось. Собственно, именно отсутствие всякого света и подсказало Кейну, что гробница короля Бротемлейна запечатана так прочно и надежно, как и полагается любой гробнице.

Глава четвертая КОРОНАЦИЯ

Шаг за шагом, вслепую, прошел Кейн назад вдоль коридора и, ткнувшись в завал, ощупал его в надежде отыскать хоть какую-нибудь щель и обнаружил, что рухнувшие пласты камня размером с него самого, а пустоты между ними засыпаны валунами поменьше. Десятка два рабов и несколько дней работы — и Кейн, наверное, раскопал бы лаз, чтобы выбраться. Двасслир сделал бы это и в одиночку, но, вероятно, он сейчас стал краеугольным камнем в этой кладке.

Ощупывая препятствие, Кейн нащупал и высободил из-под обломков свой потухший факел. Делать было нечего, поэтому Кейн уселся и принялся высекать огонь. Факел вспыхнул, стена завала рядом словно выпрыгнула на Кейна из темноты. Он встал... и зашипел от боли и ярости, стукнувшись головой о выступающий край плиты.

Огонь горел не ровно, а клонился чуть в сторону, словно его колебал невидимый сквозняк. Его желтые языки указывали в сторону гробницы. Вспомнив, что эта пещера — лишь отросток огромной разветвленной системы подземелий, Кейн поспешно направился вдоль потока воздуха, то и дело поглядывая на факел.

Пересекая чертог, Кейн то здесь, то там замечал последствия обвала. Внезапное сотрясение сдвинуло дряхлые камни, так что сталактиты обломились и попадали вниз, словно копья, со своего вечно темного неба. Одно из копий едва не пронзило останки Бротемлейна, пролетев всего в каком-то ярде от него.

Источник сквозняка обнаружился в дальнем конце пещеры: небольшая каменная штольня. Движение камней, видимо, не было случайностью. Вероятно, во время сотрясения какие-то щели закрылись, а какие-то открылись — и это была одна из них. Разлом, открывавший вход в штольню, тянулся до самого потолка и уходил вниз. Там, под гробницей, можно было различить еще одну пещеру. «Как будто все горы изрыты вдоль и поперек каким-то гигантским червем», — подумал Кейн, осматривая разлом.

Поток воздуха с ощутимой силой шел сквозь разлом, неся неприятный запах сырости — запах несвежий, но часто свойственный зверям. Он заинтересовал Кейна. На мгновение ему показалось, что он слышит журчание невидимой воды. Вероятно, недалеко, где-то еще глубже в пещерах, текла подземная река. Сквозняк поднимает влагу с восходящим потоком воздуха. В конце концов, подумалось Кейну, ничего фантастического в его измышлениях нет. По крайней мере он надеялся, что не ошибся. Дно нижней пещеры находилось, судя по всему, футах в семидесяти от его ног. Как ни хаотично было нагромождение камней, Кейн сумел определить, что нижняя пещера уходит еще глубже в недра горы, к самым корням мира.

— Я нашел новую дорогу в ад, — вслух поздравил себя Кейн.

Шорох за спиной заставил его резко обернуться. Похоже, Кейн и в самом деле стоял у порога

самого ада. На самой границе света и тьмы танцевал белый, как древние кости, таракан — таракан не менее чем в ярд длиной. Суетливый и сосредоточенный, он хлопотал над дохлой летучей мышью, сердито поводя гигантскими усами в сторону непонятого, неведь откуда взявшегося света. Не веря своим глазам, Кейн швырнул в него камнем, и насекомое скрылось, насмешливо поскрипывая в темноте.

Пожав плечами, Кейн вернулся к разлому. Он ткнул факелом вниз, чтобы увидеть побольше, и два зверька с белоснежным мехом, вытаращив на свет подслеповатые глаза, заверещали и в ужасе бросились прочь. Минуту спустя Кейн понял, что только что видел крыс размером с шакала.

Воздух, вода — пещеры внизу были заселены. Но кем! Быть может, эти чудовища — потомки обычных пещерных животных, которые каким-то образом оказались замурованными в скале. Или сами переселились сюда, когда долина превратилась в безжизненную пустошь. В неизменной тьме, не знающей смен времен года и солнца, во что только не превратится обычный зверь. Камнепад убил нескольких летучих мышей — а может, и еще кого-нибудь, чье название людям неизвестно, — и теперь запах крови манит к себе, как магнитом, всех окрестных чудовищ.

«Интересно, что есть еще там, внизу?» — подумал вдруг Кейн, но эта мысль ему не понравилась. Подхватив факел, он пошел прочь от расселины, решив, что столь несомненная дорога в Ад будет последней из всех его возможных путей отсюда. Даже перспектива раскопок внешнего коридора казалась Кейну более заманчивой.

Вернувшись к завалу, Кейн вдруг уловил звук, как будто кто-то ударил по камню. В первый мо-

мент он испугался, что плиты снова сдвинутся, но, взглядевшись, понял, что дело совсем не в этом. Разом встряхнувшись и воспрянув духом, Кейн подскочил к стене вплотную и первым попавшимся камнем выстучал по самой большой плите нехитрую мелодию.

Спустя некоторое время он услышал глухой ответный стук. Великан был жив! И, если это вообще возможно, он расчищает теперь проход!

В нетерпении Кейн принялся расшатывать камни со своей стороны. Не отваживаясь снова тревожить большие глыбы, он начал вытаскивать и откатывать валуны поменьше, не замечая, что обдирает пальцы, по-собачьи отбрасывая крошево мелких осколков. К счастью, камень, перекрывший коридор, был только частью большого пласта, прочно засевшего в стене коридора.

Время мчалось вперед, и Кейн заметил, что работает уже не первый час, только по тому, как уменьшился просмоленный сук, освещавший результаты его усилий. Кейн уже не чувствовал собственных рук, как вдруг выпавший камень открыл отверстие и сквозь завал брызнули лучи света. Приглушенный полутьмой коридора и пылью, тонкий лучик дневного света переливался всеми цветами радуги.

— Двасслир! — завопил Кейн, пытаясь заглянуть в щелку. Откатился еще один камень с той стороны, и Кейн смог бы уже просунуть голову в проем. Между двумя гигантскими плитами образовался зазор, в который Кейн мог бы просунуть голову, но весь низ был еще завален камнями и щебнем.

В проем заглянул огромный карий глаз.

— Кейн? — радостно прогрохотал великан. — Так ты все-таки выбрался из-под обвала? Леген-

ды о тебе не лгут, тебя и в самом деле нелегко убить!

— Можешь ты вызволить меня отсюда?

— Могу, если пролезу сам! — Глаз исчез. Снова послышался грохот камней. — Я думаю, что сумею немного раздвинуть эти плиты, и мы с тобой прокопаем лазейку для меня!

— Один из признаков высших разумных форм жизни — умение учитывать собственный опыт! — проворчал Кейн, нагибаясь за очередным камнем. Но желание великана предстать перед своим королем было выше гор у них над головами.

Постепенно они раскопали давешнюю брешь, и по мере того как свобода казалась все более близкой, а дневной свет становился все ярче, унылая работа все меньше раздражала Кейна. Теперь проход перегораживали только шатающиеся куски огромных плит.

Но в этот раз они не успели.

Неожиданный треск камня, который Двасслир неосторожно потянул на себя, раздался одновременно с грохотом вылетевшего из-под него валуна, словно выпущенного катапультий. Кейн завопил и попытался увернуться. Потеряв равновесие, он метнулся в сторону, но камни, летящие сверху, оказались быстрее.

Грохоча, как тысяча гроз, целый водопад камней обрушился со стены, под которой стоял Кейн. Взвыв от боли, Кейн ужом увернулся от огромной плиты, чудом не попавшей в него, а упавшей рядом. И все же он оказался намертво прижат к стене и завален камнями поменьше.

Чувствуя себя так, словно с него живьем содрали кожу — кровь стекала по ногам в сапоги, — гримасничая и шипя, Кейн попытался освободиться, но ровным счетом ничего не добился, только

выяснил, что все кости у него каким-то чудом остались целы.

Неизвестно, какое волшебство удержало остальную часть завала, но на этом обвал и закончился. Раскопанная ими щель осталась не засыпанной.

В ней немедленно появилась голова великана.

— Кейн? Вот черт подери! Да тебя убить труднее, чем змею! Можешь ты выбраться оттуда?

— Нет! — выдохнул Кейн, тщетно пытаясь сдвинуть плиту. — Тут осыпалась целая куча осколков. Они забили за плиту, и мои ноги застряли! — Он выругался, пытаясь по крайней мере приладить на место выдранные с мясом куски кожи.

— Ладно, я вытащу тебя, как только расчищу ход, — проворчал Двасслир и снова принялся ворочать валуны.

Но тут Кейн услышал звук осыпающихся камней совершенно с другой стороны. Чье-то тяжелое тело карабкалось из пещеры, и камешки сыпались у него из-под ног.

Оскалив зубы в злобейшей усмешке, Кейн устался на вход в гробницу.

Сначала он решил, что это скелет короля Бротемлейна восстал со своего трона. Но странную тень не венчала корона, чей рубиновый свет по-прежнему едва различимо струился во тьме.

И глаза! Живые, настоящие глаза, уставившиеся на Кейна с голодной злобой. Медленно карабаясь по камням, из пещеры вылезало чудовище, порожденное самой ночью!

Саблезубый тигр! Или привидение, призрак саблезубого тигра из адского мрака. Гигантское порождение тьмы и глубин каменного безвременья! Во всем своем великолепии, не сравнимый ни с одним из огромных животных, когда-либо виденных Кейном! Камни застучали, осыпаясь, из-под его когтей,

когда он вылез из расселины в дальнем конце пещеры и встряхнулся. Гигант-альбинос, по крайней мере вдвое превышавший чудовищ из легенд, которые были когда-то известны людям. Мощные челюсти разомкнулись — зверь зевнул, демонстрируя жуткие клыки и жаркую глотку — саблезубые челюсти, которые могли перекусить Кейна с той же легкостью, с какой кошка убивает мышь.

Один Тлолувин знает, какие чудовищные создания населяют тьму пещер, тот каменный лабиринт, что ведет в самое сердце его королевства. Какие звери служат подземному королю, превращаясь из обычных существ в гигантов? Уловив чутким бархатным носом запах крови, киска оставила свою уютную корзинку и решила немного поохотиться там, куда хозяин не допускал ее тысячи тысяч лет.

Кошка почуяла дичь.

Не в состоянии высвободиться, Кейн обреченно обнажил меч. Пещерная киска уже, верно, нашла его — во тьме все чувства обостряются, и нюх у твари должен был быть отменным. Но существо медлило с атакой. По-видимому, ее смущал дневной свет, невиданный в ее владениях.

Погасший факел лежал среди камней в пределах досягаемости. Ценой лихорадочных усилий Кейну удалось зацепить его мечом и подтащить к себе. Зверь испустил рык. В ответ Кейн запалил факел. Тигр в недоумении попятился. Свет слепил ему глаза. Он недовольно помотал головой.

— Двасслир! Ты можешь пробиться сюда?

Ветвь почти сгорела, и огонь подбирался к самым пальцам Кейна.

— Тут посередине плита! — загрохотал великан с воодушевлением. — Я не сдвину ее, пока не раскидаю остальное! Тут, знаешь ли, маловато места, чтобы раскачать все это как следует!

Саблезубый явно начинал злиться и сделал шаг вперед, еще раз тряхнув головой. «Голод скоро пересилит его страх, — вдруг понял Кейн, — и он кинется на меня, не задумываясь». Зверь приближался. «Через минуту он сможет добраться до меня одним прыжком», — прикинул Кейн.

Сжав зубы и прищурившись, Кейн выставил вперед меч. Ему было ясно, что в его распоряжении один-единственный удар, но он твердо решил, что его убийца, прежде чем доберется до него, как следует отведаст стали.

— Я попробую достать до его горла, когда он прыгнет! — мрачно выкрикнул Кейн. — Попробую ранить его как можно сильнее. Готовь топор, Двасслир! Если ты успеешь, то, может, и прикончишь его. Корона Бротемлейна ждет тебя, и когда ты вернешься, то сможешь рассказать своим, какой монетой за нее уплачено!

Двасслир в остервенении разбрасывал камни направо и налево. Кейн не смог оценить результатов его усилий. Он боялся отвести взгляд от хищника.

— Держи эту кошку на расстоянии, Кейн! — ревел великан. — Держи, сколько сможешь! Сейчас я расчищу дорогу. Я втравил тебя в эти поиски, и я не оставляю тебя на съедение, как козленка!

Факел погас в тот самый момент, когда Кейну было уже нестерпимо горячо держать его. Послышался тяжелый грохот сдвигаемого камня, но Кейн по-прежнему, не отрываясь, смотрел в глаза хищнику. Тигр подобрался, ободренный исчезновением факела. Кейн вдохнул побольше воздуха, чтобы вложить все свои силы в последний удар — и в изумлении увидел, что зверь отступает.

Пылающий конец ствола появился между камнями. Откуда-то снизу доносилось глухое ворча-

ние. Обернувшись, Кейн увидел торжествующую физиономию Двасслира, проползающего через подкоп под завалом.

— Хо! Дело сделано! — прогрохотал великан, выпрямляясь. Для того, чтобы протиснуться в вырытый им проход, великану пришлось затаить дыхание. — Пришлось использовать топор, чтобы подпереть нависшую глыбу. Она качнулась немного, но думаю, выстоит, пока мы не выберемся отсюда.

При неожиданном появлении существа собственных размеров саблезубый тигр отступил в глубь пещеры. Двасслир укрепил факел меж камней в проходе, затем склонился к Кейну. Навалившись могучим плечом, он сумел отвалить удерживающий человека камень.

Кейн пошатнулся, но устоял на ногах. Облизнув пересохшие губы, он решил принять как должное неожиданное освобождение.

— Можешь идти, человечек?

Морщась, Кейн сделал несколько неуверенных шагов.

— Да, хотя я предпочел бы на ком-нибудь ехать.

Великан подхватил факел.

— Теперь я увижу короля Бротемлейна! — объявил он.

— Не дури, Двасслир! — взмолился Кейн. — Что ты сделаешь против этого тигра без своего топора? Ты не сможешь защититься от него — он ведь сторожит нас в той пещере! Мы окажемся просто баловнями судьбы, если сумеем смыться прежде, чем он решит снова напасть!

Великан молча отстранил Кейна.

— Послушай, ну, мы можем просто переждать, пока эта кошка не устанет. Найдем дерево и во-

бьем его вместо твоего топора, и тогда попробуем взять корону!

— У нас нет на это времени, — отрезал Дваслир. — Я, видишь ли, не очень надеюсь снова получить топор. По топорищу прошла трещина, и топор может не выдержать в любой момент! А тогда обвалится вся стена! Ничего, факел удержит кошку на должном расстоянии, так что мы успеем забрать корону. Кроме того, кошка может быть не единственной тварью, обитающей в этих подземельях. Из пещеры, наверное, может вылезти и что похуже. У нас нет времени, Кейн.

Кейн выругался и поплелся вслед за великаном.

— Хэй! Саблезубый! — прокричал Дваслир, вступая в зал с исполинскими сталактитами. Громовое эхо прокатилось и вернулось, отразившись от дальней стены. — Саблезубый! Помнишь ты меня? Мои предки воевали с тобою! Мы одевались в шкуры твоих пращуров и делали ожерелья для наших женщин из их когтей. Эй, слышишь меня, саблезубый! Ты в три раза больше своих предшественников, но я не боюсь тебя! Я — Дваслир, последний потомок старых королей! Я пришел за своей короной! Прячась в нору, саблезубый, — или я спущу с тебя шкуру, чтобы завернуть в нее мою королевскую корону!

Эхо прогремело по пещере, и в ответ на вопли гиганта донесся рык разозленного животного. Огромная кошка неслышно выпагивала где-то рядом во тьме, но многократное эхо мешало определить, из какого угла она рычит. Под потолком в панике метались мыши, поднимая тучи пыли. Кейн в тревоге поднял меч, не задумываясь над тем, что мягкая лапа может ударить его сзади.

— Король Бротемлейн! Легенды моего народа не солгали! — послышался благоговейный шепот

Дваслира. Он стоял, окаменев, перед тронном своего героя, на его лицо лег отблеск былой славы. Красные искорки — отражение рубинов — плясали в его зрачках.

Великан перевернул обрушившийся сталактит и, воспользовавшись им как лестницей, потянулся к короне мертвого короля. Движением легким, какого от него трудно было ожидать, он поднял тяжелый обруч, не потревожив праха.

— Патриарх, это нужно сейчас твоим детям.

Возмездием всем могильным ворах прозвучал во тьме ужасный рык, и саблезубый тигр выскользнул из тьмы. Подобрал тело прирожденного убийцы, он прыгнул на беззащитную спину великана. В последнее мгновение Дваслир, бывший все время настороже, сумел развернуться и несколько смягчил силу прыжка. Сплетаясь в единый клубок, огромная кошка и великан скатились к подножию трона.

Зубы тигра впились в плечо Дваслира, его когти оставляли на спине великана глубокие следы. Зверь подбирался к горлу. Кейн бросился к ним. Ярko сверкнул его меч. Но тигр заметил движение Кейна и одним мягким ударом лапы отбросил воина далеко в сторону. Кейн ударился затылком о каменный пол и замотал головой, пытаясь восстановить зрение.

Дваслир, воя, приподнялся на колени и попытался отодрать от себя разъяренного хищника. Локтем он натолкнулся на факел, подхватил его и с размаху ткнул горящим концом в чудовищную морду. Заверещав от ужаса и боли, полуослепший тигр ослабил хватку, и великан ударом ноги отшвырнул зверя.

В пещере запахло паленой шерстью. Медвежья шкура клочьями свисала с плеч великана.

— Лицом к лицу! — дико прокричал он. — Трус из темного подземелья! Наберись теперь смелости и нападай на своего господина лицом к лицу!

Прежде чем тигр успел подобраться для прыжка, Двасслир подскочил к нему, размахивая факелом в левой руке. Вся пещера, казалось, следила за этой парой, кружившейся в центре зала. Снова они сцепились, наполнив воздух запахом крови и паленой шкуры. Кейн по-прежнему силился подняться, но не мог. Гигантские челюсти кошки ловили пустоту, но когти, каждый размером с хороший кинжал, оставляли глубокие раны в теле Двасслира.

Словно не замечая, что уже умирает, великан всей своей мощью обрушился на голову тигра. Проклиная боль и слабость, он схватил тварь зубами за ухо и с жутким хохотом крушил кулаками череп зверя. Кровь заливала белоснежный мех. Двасслир выкрикивал что-то в такт ударам. Кейн с трудом разобрал слова древней песни великанов о доблести и битве.

Неожиданно Двасслир выпрямился и со словами: «Теперь умри, саблезубый! Умри, узнав, как надо вести себя с повелителем!» — он уселся на тигра верхом, сжав его в тисках коленей. Зверь отчаянно пытался выбраться, но не мог. Гигантские кулаки молотили его по голове и ребрам. Тварь едва дышала. Откинувшись, как всадник в седле, Двасслир наносил удар за ударом. Тихий храп вырвался из горла хищника. Он был не в состоянии сражаться дальше. Впервые за много-много столетий саблезубый тигр узнал, что такое страх. Кровь заливала великану руки, плечи, спину, но его колени сжимались все сильнее. Зверь прогнулся в последнем усилии и рухнул на пол, испустив дух.

Смеясь, Двасслир повернул к себе оскаленную морду твари. Он хотел заглянуть в мертвые глаза врага.

— Ну, теперь корона короля Бротемлейна моя! — выкрикнул он и пинком отшвырнул мертвое тело. Великан шатался, но стоял прямо. Плащ его потемнел от крови и висел клочьями. В страшных ранах, нанесенных тигром, желтым просвечивали кости и сухожилия, стоило только великану шевельнуться.

Застонав, он добрался до трона и сел, прислонившись спиной к его подножию. Преодолевая боль в голове, Кейн подошел и опустился на колени перед великаном. Осторожно и привычно прощупав раны, Кейн наткнулся на два ручейка крови — место, куда вонзились гигантские, как бивни, клыки тигра. Кейн видел слишком много ран на своем веку, чтобы понять: эти — смертельные.

Двасслир торжествующе, но слабо улыбнулся. Лицо его было бледным.

— Вот так мои предки справлялись с гигантами на заре мира, — удовлетворенно сказал он.

— Клянусь, — произнес Кейн, — ни один из них не встречал зверя таких размеров. И тем более никто из них не убивал его голыми руками!

Великан устало покачал головой.

— Ты так думаешь, человечек? Но ты же не знаешь легенд нашего народа, Кейн. А они говорят чистую правду, и теперь я это знаю наверняка. Пламя и Лед! То были славные дни!

Кейн поискал взглядом вокруг и наткнулся на золотой обруч, выпавший из рук гиганта, когда напал тигр. Рубины горели, как кровь Двасслира. Корона оказалась невероятно тяжелой. И хотя сама судьба теперь отдавала ее в его руки, Кейн уже не жаждал обладать короной короля Бротемлейна.

— Теперь она твоя, — пробормотал Кейн, водружая корону на склоненное чело великана.

Двасслир безотчетным движением вскинул голову, и в лице его было величие, гордость и печаль.

— Я мог бы вернуть им дни былой славы! — прошептал он. И чуть погодя добавил: — Но, быть может, появится новый герой — тот, кто сумеет сделать явью старинные были!

Он сделал Кейну знак оставить его — так короли отпускают слуг, перед тем как уснуть. Его глаза уставились в пустоту.

— Вот в то время стоило жить! — вздохнул великан на прощание. — Время героев!

Кейн тяжело поднялся на ноги.

— Великий народ, великое время, — тихонько пробормотал он, уходя. — Все это — правда. Но, думаю, нынче последний из героев оставил нас!

СИРЕНА

Пролог

— Ее привезли вскоре после того, как стемнело, — бормотал служитель, словно краб боком пробираясь меж молчаливых рядов каменных плит. — Кажется, вот она.

Он остановился возле одного из низких каменных постаментов, длинного и плоского, как гроб, и приподнял грязную, мерзкую тряпку. Мертвые девичьи глаза безмятежно уставились в темное небо, лицо, скривившееся от боли и пытки, превратившееся в белую оскаленную маску, было испачкано и покрыто синяками. Застывшие капельки крови расплылись на шее и груди девушки, сверкая, как ожерелье из темных рубинов.

Человек в плаще коротко и отрицательно качнул головой под темным капюшоном. Страж, с лицом белым и круглым, как луна, опустил тряпку.

— Нет, это не та, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Знаешь, иногда возникает такая путаница. Их же много тут, этих девочек. Они постоянно вьются у ворот... — Ежась от холода, он двинулся вдоль помостов, то здесь, то там заглядывая под грязную ветошь. Его спутник молчаливой темной тенью следовал за ним.

Еле горящие фонари скорее сгущали, чем разгоняли тьму в городском мраке Керсальгиаля. Тяжелый дым курений, призванных отгонять запах

смерти, смешиваясь с тьмой, превращал ее в театр темных призраков — более зловонный, чем городские отстойники. Со всех сторон сквозь дымку полумрака доносилось монотонное «кап-кап-кап» тающего льда, время от времени где-то с шумом и грохотом обрушивался целый пласт. Городской morg нынче ночью был переполнен, как всегда. Лишь несколько из его сотен с лишним холодных каменных плит были темны и пусты, на остальных под тряпками громоздились чьи-то безымянные тела — иногда в самых невообразимых позах, словно ни смерть, ни холод не могли заставить их утихомириться. Над городом нависла ночь; но через несколько часов ее сменит утро, здесь же, в этом лишенном окон зале, ночь царила всегда. В свете горящих фонарей, в перекрестье теней на полу и по углам лежали мертвые, без имен и званий, дожидаясь своего срока, одни — родных, которые, быть может, разыщут и заберут их, другие — общей могилы где-нибудь за стенами города.

— По-моему, здесь, — подал голос слуга. — Да. Сейчас я зажгу лампу.

— Покажи, — распорядился голос из-под капюшона.

Слуга оглянулся настороженно и испуганно. Этот неизвестный в плаще излучал какую-то силу. Властность и величие сквозили в его словах и жестах. Предчувствие беды давно накрыло надменный Керсальтиаль, чьи гордые башни подпирали небо, чьи подвалы и погреба уходили в самое сердце земли.

— Но свет... вы ничего не увидите... — пробормотал слуга, все же послушно откидывая подобие савана.

Не то проклятие, не то рычание вырвалось из горла странного посетителя — какой-то нечелове-

ческий звук, в котором звучало больше ярости, чем горя.

Лицо, обратившее к ним неестественно расширенные глаза, было, вероятно, прекрасно при жизни, но смерть исказила его черты, искривила ужасом и болью. Струйка крови застыла, стекая с прикушенного языка девушки, а шея выгнулась под невозможным для живого человека углом. Одежда из светлоокрашенного шелка была порвана и натянута на нее неумело и грубо, словно ее одевал мужчина. Она лежала на спине, с плотно прижатыми к телу маленькими кулачками.

— Ее нашла городская стража? — повторил посетитель.

— Ну да, поздно вечером. В парке у гавани. Она висела на одном из деревьев — в той роще, где каждую весну столько белых цветов. Должно быть, только-только отошла. Стражники сказали, что она была еще теплой, как живая, хотя нынче с моря тянет холодом. Похоже, сама повесилась... вскарабкалась на дерево, привязала веревку и прыгнула вниз. Я никогда не мог понять, почему они все это делают... Такая хорошенькая...

Гость молча стоял и смотрел на неизвестную девушку.

— Вы вернетесь утром или подождете наверху? — почтительно поинтересовался слуга.

— Я заберу ее сейчас же.

Старик покрутил в пальцах золотую монету, полученную от незнакомца. Губы его шевелились, подсчитывая что-то.

В морге частенько появлялись те, кто желал забрать тело, объясняя свои цели и причины для спешки одним лишь золотом — объяснением, надо сказать, весьма весомым. В этот раз старик решил поторговаться.

— Нет-нет, этого нельзя делать. Существует закон, существуют правила... Вам не положено даже находиться здесь в это время, господин. Как я объясню все это? Я отвечаю...

С тихим вздохом невыразимой ярости незнакомец обернулся к нему. Резким движением сбросил капюшон.

Первый раз за все время старик увидел его глаза. Он еще успел вскрикнуть от ужаса, но не успел заметить кинжал, пронзивший его сердце.

Сменщики, явившиеся наутро, были удивлены внезапным исчезновением ночного сторожа, но, обыскав все и взявшись наконец разбирать партию ночных поступлений в морг, выяснили, что список постояльцев этого заведения за ночь увеличился еще на одного.

Глава первая ИЩУЩИЕ В НОЧИ

Вот. Он снова слышал тот звук.

Как ни была она приятна, Маурсел оставил беседу с уже почти пустой бутылкой и — не сразу — встал из-за стола. Капитан «Туаба» был в своей каюте один, и время было позднее. Уже много часов подряд единственными звуками, доносившимися извне, были шум волн, бьющих в корпус судна, скрип снастей и треск древней обшивки старой каравеллы, стоящей на якоре у набережной. А потом вдруг он услышал тихие шаги — кто-то крадучись пробирался мимо полуоткрытой двери каюты, и доски палубы скрипели под его ногами. Слишком громкие звуки для крыс. Значит, воры?

С мрачной ухмылкой Маурсел засветил фонарь и, крадучись по-кошачьи, встал за дверьми. Черт бы побрал его драгоценную команду. Все до единого, от кока до первого помощника, они несколько дней назад оставили его одного на судне, заявив, что не вернутся, пока не получат плату за истекший месяц. Неожиданно налетевший шторм заставил их выбросить за борт большую часть груза — листовой меди, и «Туаб» вошел в гавань Керсальтиаля во всей красе: с порванными парусами, сломанной грот-мачтой и дюжиной пробоин в корпусе. Разумеется, все деньги, полученные за остаток груза, пошли на ремонт судна, и вместо предполагаемой прибыли команда получила лишь заверения капитана, что каравелла бесценна сама по себе, что когда-нибудь (очень скоро) он найдет новый, очень выгодный фрахт и с лихвой возместит потерянное. Команда почему-то не пожелала воздать должное ни его красноречию, ни посулам и покинула своего капитана.

«Разве что кто-нибудь из них вернулся...»

Маурсел пожал могучими плечами и поплотнее запахнул плащ. Хозяин «Туаба» никогда не избегал доброй свары со своими подчиненными. Впрочем, вор или подосланный убийца тоже подходили его нынешнему настроению.

Ветреное осеннее небо шатром раскинулось над Керсальтиалем. Было светло без фонаря. Прячась в глубоких тенях, Маурсел напрягал свои маленькие карие глазки, скрытые под мохнатыми бровями, силясь разглядеть гостя. Тихий шорох указал, где искать.

Он быстрым шагом пересек палубу и направил луч фонаря вверх на капитанский мостик.

— Эй, хватит, слезай давай! — крикнул он, махнув темной фигуре, стоящей у балюстрады. Ответ-

том было молчание. Маурсел пнул какой-то деревянный обломок с обрывком холста на нем. — Слезай, чтоб тебя!

Луч фонарика выхватил из темноты две маленькие ножки в сандалиях, неуверенно шагнувшие вниз по ступеням. Вслед за ними появились голые коленки и край туники над ними.

Маурсел облизал вмиг пересохшие губы и издал какой-то неопределенный звук. Перед ним стояла девушка. В ее глазах, прямо смотревших ему в лицо, не было и тени слез. Изящное, даже артистическое личико было спокойно, но дрожащие ноздри и плотно сжатые губы выдавали ее. Нервные тонкие пальцы теребили край темно-коричневого шерстяного плаща.

— Туда, — велел Маурсел, указывая тесаком на освещенную каюту.

— Я ничего не сделала, — возразила она.

— Угу. Только высматривала, что бы такое стащить.

— Я не воровка.

— Поговорим в каюте. — Он подтолкнул ее, и она нехотя подчинилась.

Пропустив девушку вперед, Маурсел плотно заворил дверь и повесил у входа фонарь. Затем вложил тесак в ножны, уселся в кресло и стал рассматривать непрошеную гостью.

— Я не воровка, — повторила та, кутаясь в плащ.

«Да, наверняка не воровка, — мысленно согласился капитан. — Хотя бы потому, что на такой дряхлой посудине, как «Туаб», и украсть-то нечего. Но почему же тогда она здесь? Проститутка, — наконец догадался он. — Какие еще дела могли привести девушку такой красоты в гавань поздней ночью? К тому же она действительно красива», —

с изумлением вдруг заметил он. Облако медно-рыжих волос окружало голову незнакомки и мягко ложилось ей на плечи, а едва заметные веснушки, рассыпавшиеся золотыми искорками вокруг ее тонкого носика, скорее красили, чем портили лицо классических пропорций. Ярко-зеленые глаза смотрели независимо и даже вызывающе. К тому же незнакомка была высокой и статной. Прежде чем она запахла плащ, капитан успел разглядеть высокую, изящную грудь и округлые бедра над светло-зеленой туникой. Один крупный изумруд красовался у нее на руке, другой, еще более дорогой, блестел в широкой плотной повязке из темной кожи и красного шелка у нее на шее.

«Да нет, — снова возразил сам себе Маурсел, еще раз оглядев девушку. — Она слишком хорошо и слишком богато одета, чтобы быть из братии кошечек, промысляющих на ночных улицах. Но кто же она тогда?» — в замешательстве подумал он.

— Почему же тогда ты здесь? — спросил он ее тоном намного ниже, чем говорил на палубе.

Девушка даже не взглянула на него. Ее взгляд блуждал по каюте.

— Не знаю, — спокойно ответила она.

— Ты хотела спрятаться и отплыть, прежде чем мы тебя обнаружим? — продолжал строить догадки Маурсел.

Она слегка пожала плечами.

— Наверное, да.

Прожженный морской волк, дико выпучив глаза, уставился на нее.

— Кто-то из нас двоих точно свихнулся! — наконец сказал он. — Из всех кораблей выбрать мою несчастную посудину, видя, что в трюме у нее пусто, а погрузкой и не пахнет! Да еще и не заметить, что не все пробоины заделаны! Послушай,

стоит тебе захотеть, и самое распрекрасное судно доставит тебя туда, куда пожелаешь... Не говори мне, что ты об этом не знаешь! Шатаешься в таком месте в столь поздний час! Ладно, это не мое дело, но ты уж слишком неосторожна, крошка! Может, тебе и наплевать, но, знаешь, тут шлятся молодчики, которые сначала перережут тебе горло, а уж потом посмотрят, что с тебя можно взять! Дьявол! Я в этом порту всего три дня и четыре ночи, а уже наслушался историй про мертвых молоденьких красоток, найденных поутру...

— Прекратите! — звонким от ярости голосом воскликнула незваная гостья. Пошарив взглядом, она села на другое кресло у стола и поставила на круглый стол острые локти, прижавшись лбом к стиснутым кулачкам. Рыжая завеса волос скрывала ее лицо, так что Маурсел не мог определить, какие страсти бушуют в этой красивой головке. Плащ ее распахнулся, и было видно, как вздрагивает грудь с каждым быстрым ударом сердца.

Вздохнув, капитан вылил остатки вина в свою кружку и подтолкнул ее к девушке. В его запасах была еще одна бутылка такого же снадобья; поднявшись, он разыскал ее и другую кружку. Вернувшись на свое место, он увидел, что девушка осторожно, морщась, пытается пить.

— Послушай, как тебя зовут?

Она помедлила, прежде чем ответить.

— Десайлин.

Имя это капитану ничего не говорило, хотя по быстрому взгляду девушки он понял, что она считает свое имя достаточно известным, чтобы то само по себе много рассказало незнакомцу.

Маурсел задумчиво почесал в густой темной бороде. Внешне он был олицетворением мужской тридцатилетней самоуверенности и был убежден в

том, что любая женщина сочтет его достаточно привлекательным. Оплосало только левое ухо — половину его отрубили в пьяной драке в какой-то таверне, но его прикрывала густая шапка нечесаных вьющихся волос.

— Ладно, Десайлин, — проворчал он. — Меня зовут Маурсел, и я — хозяин этого корабля. Если тебе некуда податься, ты можешь переночевать здесь.

Раздраженная гримаса исказила ее лицо.

— Я не смогу.

Маурсел нахмурился, еще не зная, рассердиться ему или переждать.

— Я не отважусь... оставаться здесь слишком долго, — пояснила Десайлин. Искорки страха блеснули в ее глазах.

Маурсел скорчил недовольную рожу.

— Девочка, ты пробралась на мой корабль как воровка, но считай, что я забыл об этом. В моей каюте нет крыс, а девушки находят меня неплохим соседом, да и деньжата у меня кое-какие водятся. Так зачем же бродить ночью по улицам и нарываться на то, что придется бесплатно отдаться первому встречному головорезу, когда я хорошо тебе заплачу?

— Вы не поняли!

— Похоже на то. — Он оглядел ее дрожащую фигурку и многозначительно добавил: — Кроме того, здесь тебя никто не найдет.

— Великие боги! Хотелось бы мне этого!.. — воскликнула она. — Можно подумать, что от него можно спрятаться!

Вскинув брови, Маурсел с удивлением посмотрел на нее. Он и в самом деле ничего не понимал и ожидал совсем иного. Справедливо полагая, что здесь есть какая-то тайна или иное, неизвестное ему обстоятельство и любая попытка что-либо вы-

яснить только запутает его еще больше, Маурсел налил себе еще вина и подумал: а не извиниться ли ему, пока еще не поздно?

— Все проще, чем вы думаете, — тихо сказала девушка. — Я ни на что не рассчитывала. Я только хотела скрыться хоть на час. Оказавшись на берегу, я увидела корабли, в любую минуту готовые отплыть из гавани, и подумала: как бы было хорошо улизнуть на одном из них! Взойти на борт неизвестного корабля, отплыть в ночь к какой-нибудь неизведанной земле — где он никогда не найдет меня! Освободиться! О, конечно, я знаю, мне все равно не удалось бы это, но, когда я шла сюда, мне так этого хотелось! Думаю, мне было просто очень хорошо от мысли, что я, может быть, в конце концов смогу удрать от него!.. — Она взглянула на капитана и истолковала его раскрывшийся было рот по-своему: — Молчите, будто я сама не знаю, что еще никому не удавалось уйти от Кейна.

— Кейн! — Маурсел проглотил едва не вырвавшееся у него страшное ругательство. Все то время, что девушка говорила, в нем рос праведный гнев на ее обидчика и мучителя, но с последним ее словом он улетучился, как легкий дымок, а на его месте вдруг оказался страх.

Кейн! Даже чужаку в Керсальтиале — величайшем городе человеческой цивилизации, это имя внушало безотчетный ужас. Тысячи историй о Кейне рассказывали в тавернах свистящим шепотом; даже в этом колдовском городе, где многие хранили чудом не утраченные древние знания ушедших народов и где магия была обычным делом, имя Кейна произносили с благоговением. И, несмотря на многочисленные легенды, об этом странном и противоречивом человеке никто ничего не знал наверняка. Одно было достоверно извест-

но: когда строились первые башни Керсальтиала, Кейн сидел в раздумьях у их подножия. Из тьмы тысячелетий шел он темными тропами, ведомый своим темным гением, и рука его (обычно левая) приложилась ко всем более или менее трагическим событиям в Керсальтиале. Искушенные колдуны и властители над всеми силами ада произносили его имя со страхом, и те, кто отваживался назвать его своим врагом, редко успевали повторить эту дерзость дважды.

— Так ты — женщина Кейна? — выдавил наконец Маурсел.

— Ему бы этого очень хотелось, — горько улыбнулась она. — Его женщина. Его собственность. Хотя когда-то я принадлежала лишь себе самой, пока не поглупела настолько, чтобы попасть в его сети!

— И ты не можешь оставить его... ну, уехать из этого города?

— Ты не знаешь, что значит: «Так велел Кейн!» Кто осмелится помочь мне, зная, что навлечет этим его гнев на свою голову?

Маурсел расправил плечи.

— Я не клялся в верности ни Кейну, ни его псам. Конечно, посудина эта старая и ветхая, но принадлежит она мне и только мне, и я могу уплыть на ней, куда сам пожелаю. И если ты...

Страх исказил ее лицо.

— Нет! — выдохнула она. — Не искушай меня! Ты не понимаешь, как велика та власть, которой обладает Кейн...

— Это еще что?!

Маурсел замер, насторожившись. В ночи извне послышался шум огромных перепончатых крыльев. Когти заскребли по деревянной обшивке каюты. Огоньки всех фонарей затрепетали и легли, готовые сорваться, тень накрыла корабль.

— О-о, — простонала Десайлин, — это чудовище соскучилось и прислало за мной!

Внутри у капитана похолодело, но решив, что так просто он не сдастся, Маурсел вынул тесак и развернулся в сторону двери. Язычки пламени в фонарях угасли до бледных болотных огоньков. Что-то гигантское, ворчащее во тьме всей тяжестью обрушилось на дверь.

— Остановись! — в ужасе закричала девушка. — Пожалуйста! Ты ничего не сможешь сделать! Отойди от двери!

Маурсел в ответ только что-то прорычал. Лицо его в этот миг выражало странную смесь ужаса и ярости, обуревавших его. Десайлин, пытаясь оттащить его назад, повисла у него на руке.

Войдя в каюту вслед за Десайлин, Маурсел запер за собой дверь. Толстый железный стержень надежно удерживал крепкое дерево. Теперь капитан с раскрывшимся от изумления ртом наблюдал, как стержень поворачивается в пазах и сам собою ползет назад, словно им движет невидимая рука. Замок был открыт. Еще секунду царила тишина, а затем с неожиданностью, свойственной одним лишь ночным кошмарам, дверь каюты распахнулась настезь.

В дверном проеме клубилась тьма. Горящие глаза уставились на них. Они стали приближаться...

Десайлин вскрикнула — горько и безнадежно. Злясь на собственную трусость, Маурсел, словно во сне, нацелил клинок на плывущие во тьме глаза. Чернота отпрянула, но через всю каюту протянулись к нему невидимые пальцы и впились в горло с нечеловеческой силой. Боль прокатилась по всему его телу — от темени до пят... а после была одна только тьма.

Глава вторая

«НИКОГДА, ДЕСАЙЛИН»

Девушка поежилась и плотнее запахнула плащ на узких плечах. Настанет ли снова день, когда она проснется и не почувствует в себе этого всепоглощающего холода?

Кейн стоял, облокотившись на ярко-малиновый от жара перегонный куб. На его жестоком, изможденном лице плясали красные отсветы. «Как красные уголья — его волосы, как колдовская голубая сталь — его глаза...» Он тяжело наклонился вперед, чтобы поймать в кубок красного хрусталя последние капли фосфоресцирующего эликсира.

Она знала, что эта сверкающая жидкость стояла Кейну многих бессонных часов. Тех самых драгоценных часов, что длилась ее свобода — свобода от его неотступного и неумолимого внимания. Ее губы сжались в тонкий, бескровный шрам. Что за отвратительный рецепт был у этого эликсира! Десайлин вспомнила молодую девушку, чей искалеченный труп приволок Кейну слуга. Ее снова передернуло.

— Почему ты не позволишь мне уйти? — услышала она собственный тоскливый голос. В который уже раз повторяла она один и тот же, один и тот же вопрос?

— Потому что не позволю, Десайлин, — голос Кейна звучал устало.

— Когда-нибудь я все же сбегу.

— Нет, Десайлин. Ты никогда меня не оставишь.

— Когда-нибудь.

— Никогда, Десайлин.

— Но почему, Кейн?!

С выражением величайшего удовольствия на лице и крайней осторожностью он дал еще не-

скольким каплям упасть на дно чаши. Голубые блики заиграли на его лице.

— По-че-му?!!

— Потому что я люблю тебя, Десайлин.

Сухой кашель, лишь отдаленно напоминающий смех, вырвался из ее горла.

— Ты — любишь меня?

Вся ее обреченность, безнадежность и тоска заключалась в этих словах.

— Скажи, Кейн, смогу ли я когда-нибудь заставить тебя понять, насколько ты мне отвратителен?

— Быть может. Но я тебя люблю, Десайлин.

Новый приступ кашля.

Испытующе взглянув на нее, Кейн бережно протянул ей чашу:

— Выпей, только быстро... пока не умер свет.

Она усталилась на Кейна потемневшими от ужаса глазами.

— Глоточек еще одного мерзкого снадобья? Ты же не надеешься заполучить меня таким образом?

— Называй это как угодно.

— Я не буду пить.

— Нет, Десайлин, ты выпьешь.

Его взгляд сковал ее, словно льдом. Почти не сознавая, что делает, она склонилась над рубиновой чашей; мерцающая жидкость смочила ей губы, комочком ргути скатилась в горло.

Кейн вздохнул и вынул опустевший кубок из бесчувственных пальцев девушки. Его массивное тело казалось вырубленным из камня, в котором каким-то чудом циркулирует в пустотах кровь.

— Я все равно сбегу, Кейн.

Порыв соленого ветра с моря ворвался в узкое окно темной башни, бросив рыжую копну волос прямо на лицо Кейну.

— Никогда, Десайлин.

Глава третья

В ТРАКТИРЕ «СИНЕЕ ОКНО»

Сам себя он называл Дрегар...

Окажись он там секундой позже, он, вероятно, не сумел бы определить, откуда донесся тот ее вскрик. Чужестранец в Керсальтиале, этот варвар тем не менее бывал прежде в крупных городах, выстроенных цивилизованными людьми, и провел там достаточно времени, чтобы уяснить неоднозначность криков о помощи среди ночи и подумывать дважды, прежде чем бросаться сломя голову во тьму, навстречу неведомой опасности. Но от варваров-предков он наряду с сильными мышцами, гибкой рукой и волшебным клинком унаследовал и первобытное понятие о кодексе рыцарской чести.

Он застыл, пораженный, как громом, красотой девушки, когда она несколько минут назад поспешно прошла мимо. И теперь весь поглощенный мыслью о том, что это воздушное белокожее существо попало в беду, он выхватил из ножен свой тяжелый клинок и помчался туда, откуда только что пришел.

Свет ярких фонарей соседней улицы сюда не доставал, но дикарю хватило и слабого лунного света. Плащ был уже давно сорван, туника сползла с плеч — девушка билась в руках двух головорезов. Третий, слышав шорох шагов, со злобной ухмылкой развернулся к Дрегару, нацелив меч прямо в живот юноше.

Дрегар рассмеялся и мощным ударом меча отбросил более легкое оружие противника далеко в сторону. Не теряя времени, он тут же поднял меч высоко вверх и обрушил его всей силой своих волосатых рук на череп ночного грабителя. Один из державших девушку бандитов бросился на помощь товарищу, но Дрегар, метнувшись вбок, избежал

удара, а потом резким движением направил клинок в сердце разбойника. Третий, видя такой поворот, швырнул девушку под ноги неожиданному спасителю и, завывая, бросился наутек.

Не обращая больше внимания ни на него, ни на убитых, Дрегар помог девушке подняться на ноги. Губы ее еще дрожали. Она машинально поправила на плечах порванную шелковую тунику. Кожа ее, и без того светлая, теперь казалась мертвенно-бледной, в углу рта появился кровоподтек. Дрегар поднял ее плащ и накинул ей на плечи.

— Благодарю, — выдохнула она наконец срывающимся голосом.

— Совершенно не за что, — поклонился он. — Давить крыс — недурная тренировка. С тобой, надеюсь, все в порядке?

Она кивнула и, пошатнувшись, ухватила за его подставленную руку.

— О преисподняя! Послушай, девочка, здесь недалеко есть таверна. Серебра у меня немного, но вполне хватит на глоток вина, чтобы согреть твоё сердечко.

По ее высокомерному виду можно было сказать, что, держись она тверже на ногах, она бы отказалась. Но вместо этого незнакомка позволила ему довести ее до трактира «Синее окно». Там варвар усадил ее за свободный стол и спросил вина.

— Как твоё имя? — поинтересовался он, глядя, как она с трудом глотает крепкий напиток.

— Десайлин.

Он беззвучно повторил имя, пробуя его на вкус.

— Я зовусь Дрегар, — сказал он. — Моя родина далеко отсюда, в южных горах, и всего несколько лет назад я охотился и кочевал в степях со своим кланом. Но, почувяв жажду приключений, я отправился странствовать и с тех пор следую то за одним

знаменем, то за другим... а иногда всего лишь за собственной тенью. Мне все уши прожужжали рассказами о великом Керсальтиале, и тогда я решил посмотреть, хорош ли он хоть вполтину так, как о нем рассказывают. Ты, конечно, тоже чужая здесь?

Она покачала головой. Теперь, когда ее лицо приобрело нормальный цвет, она не казалась уже такой отстраненной.

— На первый взгляд, так да. Иначе ты бы хорошо знала, что такое бродить ночью одной по улицам Керсальтиала. Нет? В таком случае веская же должна быть у тебя причина, чтобы так рисковать.

Плечи девушки чуть заметно шевельнулись, но лицо сохраняло прежнюю неподвижность.

— Никаких причин... хотя для меня это было и в самом деле важно.

Дрегар вопросительно поднял брови.

— Я хотела... ох, ну просто хотела побыть одна, хоть на время. Чем бы это ни кончилось... Не знаю. Я не думала, что кто-нибудь посмеет тронуть меня, если я скажу, кто я такая.

— Похоже, твой титул не внушил почтения этим кретинам, как бы тебе того ни хотелось, — рассмеялся Дрегар.

Десайлин резко вскинула голову.

— Все смертные боятся имени Кейна!

— Кейн! — в крайнем изумлении повторил Дрегар. «Что же в таком случае эта девушка сделала, чтобы он?..» Но еще раз оглядев ее с головы до ног, ее изумительно красивое бледное лицо, маленькие руки идеальной формы, он понял, что делать ничего и не надо было. С неудовольствием он отметил, что своим невольным выкриком привлек внимание всех немногочисленных посетителей таверны. Несколько лиц обернулось к нему с выражением замешательства и любопытства на лице.

Ладонь варвара легла на рукоять испытанного меча.

— Ну так я — человек, который не пугается одного только имени, кому бы там оно ни принадлежало! — во всеуслышание заявил он. — Конечно, я наслышан о самом ужасном и могущественном колдуне Керсальтиаля, но его имя для меня — не более чем пустой звук! Со мною мой меч, чья сталь искромсает любого колдуна и чернокнижника, и, уверяю тебя, он уже немало преуспел в этом. Я зову его «Проклятием магов», и в аду уже довольно печеных душ, которые присягнут, что это имя дано не из бахвальства!

Десайлин смотрела на него с неожиданным для нее самой восхищением.

А что было потом, Десайлин?

Я... Я не уверена... мои мысли — они еще путались. Я, кажется, все еще не пришла в себя тогда... Я помню, что держала его голову на коленях так, как будто это было всегда и будет вовеки... Я помню, как смешивались вода и кровь в деревянной чашке, и вода была такая холодная и красная, такая красная... Я, должно быть, оделась... Да, я помню город, и как шла по нему, и все эти лица... все эти лица... Они глядели на меня, глядели украдкой, а иные в упор. Всматривались — и отводили взгляд, всматривались — и спешили скрыться, всматривались — и смеялись у меня за спиной, всматривались — и громогласно выкрикивали гадости... А иные не замечали меня, просто не видели... И я не помню, что из этого было мне более обратительно — наверное, все сразу и одинаково. Я шла, шла, шла... Я помню... Мысли мои путаются... Я помню...

Я не могу вспомнить.

Глава четвертая МЫ УНЕСЕМ ТЕБЯ

Он поднял голову... и увидел ее, стоящую на набережной, наблюдавшую за ним со странной гримасой напряженности и нерешительности одновременно. От неожиданности Маурсел выругался и вышел из-за своего импровизированного верстака. Девушка казалась призраком, так тихо и неподвижно стояла она и смотрела на него.

— Я... я всего лишь хотела узнать, все ли у вас в порядке, — наконец сказала Десайлин с неуверенной улыбкой.

— Вполне, если не считать проломленного черепа, — ответил Маурсел, пожирая ее глазами.

Когда он очнулся и выбрался из-под обломков мебели в своей каюте той ночью, уже светало. Волосы у него на затылке слиплись от крови, а голова болела так, что довольно долго он просто сидел, тупо глядя перед собой, пытаясь восстановить в памяти ночное приключение. Он помнил, как нечто вошло в его каюту и, дотянувшись до него, отшвырнуло его, как тряпичную куклу. А девушка исчезла — может, ее и в самом деле уволокла та тварь? За себя Десайлин явно не боялась, пытаясь оттащить его от двери...

Или, может, просто кто-нибудь из его парней вернулся и сыграл с ним эту злую шутку? А голова трещит с похмелья?.. Да нет, это — чушь, кому знать, как не ему. Приятели наверняка бы его прирезали, да еще раза три проверили, мертв ли. Как, впрочем, и любое человеческое существо, хоть вор, хоть бывший матрос. Но девушка говорила, что ее воздыхатель — колдун, и только колдовство могло управлять той тварью с черными крыльями, что ночью посетила каравеллу. А теперь девочка

вернулась, и гостеприимство Маурсела оказалось несколько подпорчено неуютным ощущением опасности, сопровождающим ее повсюду.

Должно быть, Десайлин угадала его мысли. Она шагнула назад, словно собираясь уйти.

— Погодите! — неожиданно выкрикнул капитан.

— Не хочу навлечь на вас новую беду.

Этого замечания оказалось достаточно, чтобы завести и без того вспыльчивого капитана.

— Новую беду! Да провались этот Кейн в ад вместе со всеми своими дьяволами! Череп-то мой оказался крепким для его зверюги, так что если у него ко мне какие-то личные претензии, пусть уж приходит в этот раз сам!

Огромные глаза Десайлин зажглись искренней радостью. Она шагнула к капитану.

— Некромантия истощила его силы, — сообщила она. — Теперь Кейн будет спать не один час.

Маурсел с галантностью помог ей подняться на борт.

— Тогда, может, зайдете ко мне в гости? Доски стругать уже темновато, а мне бы хотелось потолковать с вами. Я, знаете ли, подкопил с прошлой ночи несколько вопросов.

Как и накануне, пропустив девушку в каюту вперед себя, капитан зажег фонарь над дверью и, обернувшись, увидел ее уже сидящей на краешке кресла; она смотрела на Маурсела с настороженным беспокойством.

— Что же это за вопросы?

— Почему?

— Что почему?

Маурсел сделал широкий жест.

— Все почему. Почему вы живете в неволе у этого колдуна? Почему он держит вас у себя, если вы его так ненавидите? Почему вы не можете покинуть его?

Девушка в ответ улыбнулась так печально, что капитан почувствовал себя наивным мальчишкой.

— О, Кейн умеет очаровывать. У него есть свой, особый магнетизм. Глупо отрицать: и его богатство, и ощущение сопричастности его власти удерживают меня возле него. Но мне от этого не легче, нет. Мы встретились, и уж виной тому колдовство, нет ли — не знаю, но я не устояла перед ним. Быть может, я даже любила его когда-то. Но я уже так давно и так яростно его ненавижу, что не могу вспомнить ничего, кроме ненависти. Но Кейн... Кейн продолжает любить меня — на свой лад. Любавь! Из всех страстей, когда-либо его бушевавших, эта — самая мизерная. Его понятие любви претит мне. Так любит собиратель редкостей какую-нибудь древнюю статуэтку в своей коллекции, такое чувство испытывает паук к своей плененной жертве! Я — его статуэтка, его драгоценный камень, его собственность. А кто когда-либо задумывался о чувствах вещи, которой владеет? Может ли немного забавное признание собственности: «Я тебя ненавижу» — лишить владельца удовольствия владеть?.. Ты спрашивал, почему я не покину его? — Тут голос ее дрогнул. — Во имя всех богов, неужели ты думаешь, что я не пыталась?

В полном смятении ума и чувств Маурсел, не отрываясь, смотрел на скорбное лицо девушки.

— Но почему же вы оставили попытки? Не удалась одна, может, удастся другая. Если вы можете иногда улизнуть ночью на улицы Керсальтиаля, вы можете и выбраться из города. Я что-то не вижу цепи, которая тянется за вами повсюду.

— Не все цепи видимы, — тихо возразила она.

— Слышал я о таком, да, признаться, не верю. Слабый просто выдумывает себе свои кандалы.

— Кейн не позволит мне уйти.

— Власть Кейна велика, но не беспредельна, как бы ему того ни хотелось.

— Я уже встречала тех, кто думал так, как ты. Смерть прибавляла им мудрости, но слишком поздно.

Зеленые глаза девушки мерцали, как звезды. В них был вызов, насмешка и — ожидание. Маурсел не мог противиться чарам ее красоты, ее быстрым, молящим взглядам. В нем проснулся рыцарь. Он расправил плечи и гордо заявил:

— Корабль плывет туда, куда направит его рулевой, — пусть хоть все ветры ада и все волны моря будут ему помехой!

Она придвинулась ближе, наклонилась. Прядь ее огненных волос коснулась руки моряка.

— Храбрые речи делают вам честь, капитан, — сказала она низким грудным голосом. — Но вы плохо представляете себе, как велика власть Кейна.

Маурсел бесстрашно рассмеялся.

— Скажем, я просто не гажу в штаны при одном только упоминании его имени!

Из пояса туники Десайлин извлекла и перекинула Маурселу потертый замшевый мешочек. Поймав его, капитан развязал тесемки и тряхнул мешочком над ладонью. Рука его задрожала. На заскорузлой ладони вспыхнули радужными огнями драгоценные камни, яркие блики запрыгали по толку каюты. Круглые, идеальной обработки камни — рубины, алмазы, изумруды, какие-то еще, названия которых он не помнил.

С трудом оторвав взгляд от сверкающей пригоршни, он вопросительно посмотрел на Десайлин.

— Я полагаю, этого достаточно, чтобы починить твой корабль... — Она запнулась, и странная искорка пробежала в ее глазах, когда она добавила: — И заодно оплатить мой проезд в какой-ни-

будь отдаленный город — если, конечно, ты осмелишься на это!

Капитан «Туаба» клятвенно поднял руку.

— Я сказал, что сказал, девочка! Дай мне несколько дней, чтобы привести старушку в порядок, и мы унесем тебя к берегам, где никто и не слышал о Кейне.

— Ты не передумаешь?

Она встала с кресла. Маурсел решил, что она собралась уходить, но увидел, что пальцы ее теребят какой-то тонкий шнурок на поясе. У него прервалось дыхание — шелковая туника распахнулась и медленно сползла с ее мраморных плеч.

— Я не передумаю, — хрипло пообещал он, начиная понимать, почему Кейн пойдет на все, лишь бы удержать Десайлин.

Глава пятая

ПРОКЛЯТИЕ МАГОВ

— Как истекающие медом соты — кожа твоя, — говорил нараспев Дрегар. — Всеми богами клянусь, ты и на вкус — настоящий мед!

Десайлин мурлыкнула от удовольствия и протянула себе на грудь светлую лохматую голову варвара. Но секунду спустя она вздохнула и нехотя выскользнула из его объятий. Сев на постели, она жестом отчаяния запустила тонкие пальцы в рыжее облако своих волос, окутывавшее ее голые плечи и спину.

Рука Дрегара скользнула по ее бедру и крепко обхватила талию, когда Десайлин попыталась встать с развороченной постели.

— Не ускользай от меня, словно стыдливая девственница. Твой наездник спешился лишь нена-

долго. Скоро он снова будет готов скакать на тебе через все ворота наслаждений — еще и еще раз, пока солнце не скроется в морских глубинах.

— Это чудесно, но мне пора идти, — вздохнула она. — Кейн может заподозрить...

— Чертов Кейн! — разъярился вдруг Дрегар, грубо бросая ее на постель рядом с собой. Его мощные руки стиснули Десайлин, он впился ей в губы с ожесточенной яростью. Она пылко ответила, и скоро, успокоившись, он уже ласково водил ладонью по ее упругим маленьким грудям, шее, лицу, животу — прощупывая биение каждой жилки. Наконец он рассмеялся. — Ну, теперь скажи мне еще, что ты предпочитаешь крабьи клешни этого колдуна объятиям настоящего мужчины!

Тень холодной отстраненности пробежала по ее лицу.

— Напрасно ты недооцениваешь Кейна. Он вовсе не мягкотелый увалень.

— Несчастный колдун, не вылезавший из своей башни один только дьявол знает сколько лет! — огрызнулся юноша. — У него должна быть вода вместо крови и сухие сучья вместо костей! Ну так ступай к нему, коли тебе больше нравятся его беззубые поцелуи и немощные чресла!

— Нет, любимый, я не пойду! Я хочу твоих объятий, а не его! — промурлыкала Десайлин, обвиваясь вокруг варвара и умиряя его гнев поцелуями. — Просто я боюсь за тебя. Кейн вовсе не седобородый старец. Если бы не безумие его глаз, я назвала бы его лучшим воином нашего времени. С ним стоит опасаться не только колдовства. Я не один раз наблюдала, как он убивает без всяких чар, одним лишь мечом. Он очень опасный противник!

Дрегар фыркнул и потянулся, демонстрируя свое гибкое сильное тело.

— Я не встречал еще колдуна, который стоял бы хоть что-то на поле брани. Кейн — просто громкое имя, страшный бука, которым пугают непослушных детей. Я не боюсь его имени — но опасаясь его магии. А мой меч отведывал уже крови воинов и получше, чем твой тюремщик с черным сердцем!

— О судьба! — прошептала Десайлин, потершись щекой о его плечо. — Ну почему она распорядилась так, что я попала в Кейновы черные сети, а не в твои сильные руки!

— Судьбу человек выбирает себе сам. Если ты желаешь быть моей женщиной, ты будешь ею.

— Но Кейн!..

Варвар одним прыжком вскочил на ноги и угрожающе навис над нею.

— Хватит о Кейне, девочка! Любишь ты меня или нет?

— Дрегар, любимый, ты знаешь, что да! Разве все это время...

— Все это время я слышу твои причитания о Кейне, и у меня уже болит живот, настолько я ими сыт! Забудь о Кейне! Я забираю тебя у него! Мы уезжаем отсюда! Несмотря на все свои дворцы и башни, Керсальтиаль — такая же вонючая дыра, как и любой другой город из тех, что я уже видел. И я не намерен далее здесь околачиваться. Так вот, завтра же я уезжаю отсюда — или по суше, или по воде. Хочу поискать какие-нибудь не испорченные цивилизацией земли, где сильного воина с хорошим мечом встречают радушнее, чем здесь. А ты едешь со мной.

— Что ты такое говоришь, Дрегар!

— Если ты думаешь, что я лгу, можешь оставаться здесь.

— Кейн бросится в погоню, и...

— Ну так он потеряет не только возлюбленную, но и жизнь!

С обычной юношеской самонадеянностью он вытащил из ножен свой большой меч и залюбовался его зеркальной голубовато-серой сталью.

— Посмотри на него, — сказал он, легко крутанув тяжелым мечом над головой. — Я зову его «Проклятием магов», и тому есть свои причины. Посмотри на его лезвие. Это не та сталь, про которую хвастают ваши кузнецы, будто она закалена в драконовом пламени! Посмотри на эти письмена, идущие вниз от рукояти. Он несет в себе силу! Давным-давно выковал его древний мастер в жаре упавшей звезды и своею рукою нанес оберегающие руны. Тот, кто владеет Проклятием магов, может не опасаться колдовских чар. Они не будут властны над ним. Мой меч не темнеет даже от крови демонов. Он защищен от чародейства и сам находит черное сердце колдуна! Пусть Кейн насылает на нас полчища своих тварей! Меч защитит нас от его чар, а я уж постараюсь заставить его прихвостней повернуть обратно в подземелья его башни! Пусть выползает за нами хоть сам, если отважится! Я рассмеюсь ему в лицо, когда увижу его мертвые глаза!

Взгляд Десайлин засветился верой и обожанием.

— Ты и в самом деле сможешь это сделать, Дрегар? Ты единственный, кто может забрать меня от Кейна! В целом свете нет никого храбрее тебя, мой любимый!

Юноша рассмеялся и потрепал ее по голове, как маленькую.

— В целом свете! Что ты знаешь об этом свете, детка? Ты называешь мужчинами этих полудохлых крыс, что жмутся по стенам своих курятников и

гордо именуются «жителями величайшего города»! Забудь о башне Кейна — пока я жив, он тебя там не увидит. Сегодня, моя девочка, я намерен показать тебе, как может любить свою женщину настоящий мужчина!

— Но почему же так уверена ты, что сбежать от Кейна невозможно?

— Я знаю.

— Как ты можешь знать? Ты слишком боишься его, чтобы по-настоящему проверить это.

— Я знаю.

— Но тогда почему же ты твердишь о бегстве снова и снова?

— Потому что я знаю.

— Быть может, все эти «невозможно» не вокруг, а в тебе самой, Десайлин?

— Но я знаю, что Кейн не позволит мне уйти от него.

— Какая уверенность. Это потому, что ты уже пыталась?

— Ты пыталась, Десайлин?

— Находила нового избавителя принцессы от дракона — и терпела поражение?

— Ты не в силах быть честной со мной, да, Десайлин?

— Ну вот, теперь ты отворачиваешься.

— Так там был еще один? Сколько же всего их у тебя?

— Невозможно сбежать от него — но ты раз за разом предаешь меня, Десайлин. Скажи мне. Как я могу верить тебе, если ты не веришь мне?

— На слово, надо думать. Так там был еще один...

Глава шестая НОЧЬ И ТУМАН

Ночь вернулась в Керсальтиаль и простерла свой мглистый плащ над узкими улочками, гигантскими площадями и высокими башнями. Голос города из обычной дневной какофонии превратился в таинственный сумеречный шепот. Сквозь туман, наползающий с моря, мерцали звезды, улицы становились тише, только иногда вскипала на них водоворотом какая-нибудь свара и снова распадалась, утихнув, — так дергается во сне неугомонная гончая. На улицах зажглись фонари, разгоняя ночные тени, и те попрятались по углам, словно их и не было. Только один человек во всем городе знал, что свет фонарей обманчив, что ночью тьма, тишина и туман правят здесь безраздельно, а свету не остается места. Ночь, чей мрак был в Керсальтиале непрогляднее, чем в любом другом городе, вернулась в свои исконные владения.

Любовники лежали, тесно переплетаясь телами, истомленные, но слишком возбужденные, чтобы заснуть. Они почти не говорили, только слушали биение собственных сердец, слившееся в единый ритм. Туман вползал сквозь щели в ставнях, неся с собою холодное дыхание моря и эхо криков с кораблей, швартующихся в порту.

Десайлин вдруг зашипела, как напуганная кошка. Остро отточенные ее коготки впились в руку Дрегара, так что браслет из ярко-красных лунок отпечатался у него на предплечье. Насторожившись, варвар скользнул ладонью к рукояти обнаженного меча, лежавшего подле их постели.

Клинок сверкнул голубой вспышкой — более яркой, чем просто блик на полированной поверхности стали.

В ночи за стенами старой таверны что-то происходило. Был ли то порыв ветра, хлопнувший ставнем, так что он приоткрылся и клочок клубящегося тумана щупальцем потянулся в комнату? И звук... может, это тихо зашуршали огромные кожистые крылья? Страх липкой паутиной опутал убогий домишко. Тишина стояла такая, что на миг любовникам показалось, будто во всем мире остались только два их сердца и оглушительные удары — последний живой звук в этой тишине.

Что-то вдруг завозилось и заскребло наверху, словно металл прошуршал по черепице крыши.

Проклятие магов наливалось голубым пульсирующим светом. Тени и мороки отшатнулись, прячась по углам, испуганные его разгорающимся сиянием.

Дубовые ставни затрещали, словно на них давили извне. Наконец они не выдержали и подались, несмотря на щеколды и железные петли. Туман, до тех пор сочившийся еле-еле, потоком хлынул в образовавшуюся щель. Он принес с собой новый запах — если это был запах моря, то еще не открытого людьми.

Мерцающий свет разгорался все ярче. Мощь меча словно передавалась юноше, он сам наливался таким же светом. Наконец вспыхнул купол синего пламени, накрывший Дрегара и его перепуганную подругу. Свет лился сквозь туман, а ставни трещали все отчаяннее...

Железные запоры вдруг со звоном лопнули и разлетелись, охваченные колдовским огнем. В ночи раздался вопль, леденящий более душу, чем слух, — яростный вопль твари, призывающей себе на помощь все силы ада.

С почти человеческим вздохом облегчения ставни вдруг снова плотно затворились как ни в чем не бывало. Тварь отступила. Снова донесся из тьмы

шорох перепончатых крыльев. Призрак удалялся. Страх нехотя разжал хватку и сполз с трактира.

Дрегар рассмеялся и триумфально воздел меч, едва не воткнув его при этом в потолок. Купол синего огня исчез, клинок отблескивал тихо и умиротворенно, как отблескивает всякая хорошая сталь. Похоже на кошмарный сон, подумала Десайлин, отлично зная, что это была явь.

— Кажется, твой укротитель демонов не все-силен! — радостно воскликнул варвар. — Теперь Кейн знает, что его трюки бессильны перед Проклятием магов! Твой великий заклинатель летучих мышей трясется сейчас, наверное, спрятавшись под кровать, и думает: как странно, можно, оказывается, еще встретить доблестного воина, способного принять его вызов! Ну, полагаю, этого с него хватит.

— Ты не знаешь Кейна, — вздохнула Десайлин.

Дурачась, Дрегар легонько пихнул кулаком свою помрачневшую подругу.

— Ты по-прежнему боишься детских сказок? После того, как видела силу моего звездного меча? Ты слишком долго прожила под вонючими крышами этого города, детка. Через несколько часов рассветет, и я заберу тебя отсюда в настоящий мир, где мужчины не продают свою душу за стаю трусливых призраков умерших народов!

Варвар говорил так уверенно. Но страхи ее не ушли, и весь остаток ночи — Десайлин не помнила, сколько времени — она просидела, тесно прижавшись к нему, с тяжело бьющимся сердцем, вздрагивая от малейшего ночного шороха.

Она ждала не напрасно. Уже на рассвете, когда погасли уличные фонари, послышался, бесконечно повторенный эхом, глухой перестук копыт по каменной мостовой.

Сначала она еще надеялась, что этот звук — просто игра ее воспаленного воображения. Но по мере того, как всадник приближался, все отчетливее слышны были удары копыт о брусчатку. Город словно вымер, и поканье копыт раздавалось громко и мерно, как капанье воды над самым ухом. Цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Кто-то неспешным шагом подъехал к старому трактиру.

— Что это? — услышал наконец перестук копыт Дрегар.

Она смотрела в темноту глазами, полными ужаса.

— Я знаю этот звук. Это едет черный жеребец с глазами, как горящие уголья, и с железными копытами!

Дрегар нахмурился.

— И я знаю, кто едет на нем верхом!

Цок-цок, цок-цок. Стук копыт перекатывался, как костяные шарики. Вот всадник уже во дворе «Синего окна». Эхо отскочило от покореженных ставней... Десайлин заломила руки над головой. Неужели же больше никто не слышит этого холдного звона?

Цок-цок, цок-цок, цок-цок. Невидимая лошадь стала у самых дверей. Звякнула пряжка сбруи. И ни единого вскрика или слова.

Откуда-то снизу, со стороны общего зала, доносился звук бессильно осыпавшихся запоров и замков. С тихим скрипом отворилась дверь. Почему трактирщик не заступил дорогу незваному гостю?

Шаги на лестнице. Едва слышные шаги мягких кожаных сапог. Шаги в коридоре, ведущем прямо в их комнату.

Лицо Десайлин превратилось в маску ужаса. Не чувствуя боли, она прикусила губу, так что кровь

темной стружкой потекла по ее подбородку. Круглые от страха глаза ее не отрывались от двери.

Дрегар мельком взглянул на меч. Никаких признаков свечения не было, лишь обычный блеск стали, изголодавшейся по крови.

Шаги замерли у их двери. Дрегар выставил меч, сжав его обеими руками. Казалось, он мог услышать дыхание того, кто стоял, выжидая, за порогом.

Негромкий, но тяжелый удар встряхнул дверь, едва не слетевшую с петель. Один. Единственный вызов. Единственное приглашение.

Словно чего-то спохватившись, Десайлин знаками показала Дрегару: молчи!

— Кто посмел?!.. — зло выкрикнул варвар.

В ответ на дверь обрушился удар сокрушительной силы. Искореженное железо замка и петель посыпалось на пол прямо с кусками штукатурки.

— Кейн!!! — завизжала Десайлин.

Порог переступил могучий воин, исполненный силы и своеобразной грации. В дверь он прошел немного боком и пригнув голову. В левой руке его был обнаженный меч, но в глазах не читалось ни жажды крови, ни безумия берсерка — скорее усталость.

— Добрый вечер, — приветствовал он любовников с безрадостной улыбкой.

Предупрежденный намеками Десайлин, Дрегар ожидал увидеть более-менее воина. То, что он увидел, его ошеломило. По-видимому, этот колдун знал секрет бессмертия.

Шести с лишним футов роста, Кейн был на несколько дюймов ниже рослого варвара, но чудовищные бугры мышц под молодой, блестящей кожей делали его широкую фигуру гораздо внушительнее. Длинные руки и мощные плечи говорили о воине недюжинной силы и мастерства — хотя

юноша и сомневался в том, что Кейн сможет передвигаться с той же скоростью и гибкостью, как и он сам. Узкая кожаная лента с черным опалом впереди перехватывала его длинные рыжие волосы, а в спутанной бороде пряталась усмешка, придававшая его лицу неувлимо аристократическое выражение. Голубые глаза горели огнем прирожденного убийцы.

— Пришел полюбоваться напоследок на свою женщину, колдун? — поинтересовался Дрегар, не спуская глаз с меча в левой руке Кейна. — А мы решили, что ты уж никогда больше не выйдешь из своей башни, после того как я припугнул хорошенько твоих ящер!ц!

Кейн прищурился.

— А, так вот он... «Проклятие магов», как ты его называешь... Легенды и в самом деле не лгали. Чудо-меч, защищающий от чар. Видимо, я не должен был говорить об этом Десайлин. Но услышав, что этот прославленный меч якобы появился в Керсальтиале, я немедленно поделился с ней новостью... И поплатился за свою глупость — вот передо мной стоит его хозяин, уже успевший причинить мне кучу неприятностей.

— Убей его, Дрегар, убей его, любимый, не слушай его, он лжет!

— Постой-ка, что ты имеешь в виду? — настоужился юноша, не поспевавший за мыслями Кейна с той же легкостью, что и Десайлин.

Воин-волшебник печально улыбнулся.

— А сам ты не догадываешься, романтический ты пень? Ты не понимаешь, что эта умная стерва использовала тебя? Ну конечно же, нет, наш великодушный варвар просто пришел на помощь бедной девушке. Жаль, что я позволил Лароку умереть сразу после того, как узнал, что на этот раз

задумала наша прекрасная госпожа. Он бы рассказал тебе, что таится за невинностью этих глаз...

— Дрегар! Убей его, пока не поздно! Он же просто отвлекает тебя!

— Это уж точно! Убей меня, Дрегар, — если сможешь! Вот так-то. С помощью моего... м-м... ну, пусть волшебства, я узнал об этом мече, и о тебе, и о том, что вы прибыли в наш город. И упомянул об этом в разговоре с Десайлин. А ей, похоже, надоели мои заботы. Она подкупила слугу, и не кого-нибудь, а самого безжалостного Ларока, и помчалась разыгрывать — с хорошими актерами — уличное изнасилование, уверенная, что наивный варвар помчится спасать ее. Неплохо придумано, согласись. И теперь у бедняжки Десайлин есть заступник — с мечом, который защитит ее от злобных чар Кейна. Единственное, что мне еще не ясно, Десайлин: ты хотела только бежать с этим пробоголовым варваром или надеялась, что он убьет меня, чтобы ты стала хозяйкой всех сокровищ моей башни?

— Дрегар! Он лжет! — простонала девушка, хватая варвара за плечи.

— Потому что если все-таки второе, то, должен тебе сказать, твой замысел был не так разумен, как показалось мне вначале, — насмешливо заключил Кейн.

— Дрегар! — выкрикнула она с яростью полузадушенной кошки.

Совершенно сбитый с толку, Дрегар скосил глаз на искаженное лицо красавицы.

Кейн осклабился.

Молния в руках Дрегара сумела отразить удар в самый последний момент, так что меч Кейна только чиркнул варвара по ребрам, а не пронзил ему грудь.

— Будь ты проклят! — выкрикнул Дрегар.

— Я и так уже проклят! — радостно расхохотался Кейн, с легкостью парируя ответный удар юноши. Скорость, с какой он передвигался, была невероятной, а сила рук, направлявших меч, — нечеловеческой.

Искры сыпались от ударов мечей, когда они сталкивались в тщетном стремлении поразить противника. Исписанный рунами звездный металл, быть может, впервые встретился со сталью лучшей, чем он сам, ибо керсальтиальские мечи славились далеко за пределами города. Звон клинков походил на выкрики двух сражающихся демонов — резкие скрежещущие вопли, исполненные то ярости, то боли.

Блики от огонька масляной лампы сверкали на мокрой от нота голой спине Дрегара, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Прежде в многочисленных драках с противником, равным ему по силе, он легко одерживал победу за счет своей ловкости и гибкости. Теперь же, словно в кошмарном сне, он стоял перед искушенным и умелым воином, чья скорость реакции была близка к его, а сила оказалась много больше. После первой, легко отбитой атаки действия Дрегара стали менее рискованными и более продуманными. Он мрачно бранил себя за то, что не расспросил как следует Десайлин, полагая, что всякий колдун — воин никудышный.

Во всем городе, наверное, не было слышно ни единого звука, кроме этого звона мечей и свистящего дыхания. Слово повсюду в Керсальтиале время остановилось, примерзнув к месту, и только здесь, в грязной трактирной комнате с убогой обстановкой, несло, как безумное, не поспевая за прыжками и ударами этой парочки.

Дрегар почувствовал прикосновение клинка Кейна к своей левой руке прежде, чем успел увидеть сам меч. Атакующий клинок Кейна оказался в пугающей близости, и только поспешный прыжок в сторону спас варвара от худшего. Он вдруг отметил, как будто только теперь увидел, что левая рука Кейна не устает, и колдун каждый удар наносит, как первый. На Проклятии магов начала появляться одна зазубрина за другой — по мечу была более прочная сталь и более сильная рука. Рукоять, влажная от пота, скользила в руках юноши. Кейн со своим более тяжелым мечом получил еще одно преимущество.

Тогда, нанеся сильный удар — Кейн отразил его, — Дрегар немедленно атаковал повторно, из-под руки Кейна, вывернув острие меча. Удар рассек колдуну лоб, сорвав с головы кожаную ленту. Кровь залила ему глаза, но длинные волосы тут же прилипли к ране, останавливая кровотечение, и Кейн, подавшись назад, попытался как-то отереть кровь и откинуть назад слипшиеся пряди.

И варвар ударил. Полуослепленный Кейн не смог ответить сразу, и меч Дрегара обрушился на его левое запястье. Длинный меч Кейна вздрогнул, словно рана досталась ему. Дрегар, не теряя времени, ударил снова.

Меч выпал из руки Кейна. Он еще не достиг пола, когда Дрегар, увидев, что он наконец сумел обезоружить колдуна, занес над головой Проклятие магов — для последнего удара.

Но правая рука Кейна метнулась вслед падающему оружию со скоростью, говорящей о долгих тренировках. Вывернув меч еще в полете, Кейн отразил скомканную под конец атаку Дрегара. И, не давая изумленному варвару опомниться, направил острие своего меча прямо ему под ребра.

Юноша переломился пополам, сила удара отшвырнула его к кровати. Проклятие магов выпал из бесчувственных пальцев и упал на темные дубовые половицы.

Из горла Десайлин вырвался крик невыразимой боли. Она кинулась перед раненым на колени, приподняла его голову. Коснулась дрожащими пальцами страшной рваной раны.

— Пожалуйста, Кейн! — прохрипела девушка. — Пощади его!

Кейн взглянул в ее умоляющие глаза, затем оглядел искаленную грудную клетку варвара — и, рассмеявшись, опустил меч.

— Дарю его тебе, Десайлин, — объявил он с галантным поклоном. — И жду тебя в моей башне — если, конечно, твой юный любовник не увезет тебя, как собирался.

Кровь струилась по его руке, кровь стекала с его клинка. Он развернулся и вышел из комнаты прямо в предутренний туман.

— Дрегар, Дрегар! — причитала Десайлин, целуя его бледнеющее лицо и губы. — О, не умирай, любимый, прошу тебя! Онте, всесильный Онте, не дай ему умереть!

Слезы текли по ее лицу, она прижалась щекой к его виску.

— Ведь ты не поверил ему, ведь не поверил, правда? Ну как бы я могла заранее знать нашу встречу! Я люблю тебя! Это правда, я люблю тебя! Я всегда буду любить тебя, Дрегар!

Он взглянул на нее мутнеющими глазами.

— Сука! — сплюнул он и умер.

— Сколько раз, Десайлин? Сколько раз ты будешь еще играть в эту игру?

— Это был первый!

- Первый? Ты уверена, Десайлин?
- Клянусь!.. Хотя... как я могу в чем-либо клясться?
- И много ли их будет еще? Сколько их будет еще, Десайлин?
- Их? Что за тьма царит в моей голове?
- Сколько раз, Десайлин, ты играла в прекрасную морскую сирену?
- Сколько их было, тех, кто тонул, устремившись на твой голос?
- Сколько живых душ утонуло ради твоих прекрасных глаз, Десайлин?
- Их поглощали тени, всегда готовые принять твою жертву, их тела уносились в ад с каждым отливом. Сколько раз, Десайлин?
- Я не помню...

Глава седьмая

ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

- Ты знаешь, что он должен умереть. Десайлин покачала головой.
- Это слишком опасно.
- Гораздо опаснее оставлять его в живых, — мрачно возразил Маурсел. — Из всего того, что ты мне нарасказала, я понял только одно: он не даст тебе уйти. Да и бегство наше не будет похоже на бегство жены от жирного бездельника-нобиля. Сети колдуна раскинуты дальше, чем те, что плетет Орейха. Что пользы будет удрать из Керсальтиала, если вся нечисть Кейна бросится за нами в погоню? Даже в море они нас легко настигнут.
- Но они могут нас и не найти, — неуверенно возразила Десайлин. — Океан велик, а на воде не остается следов.

— Он отыщет нас с помощью своих колдовских трюков.

— И все же это очень опасно. Я вообще не уверена, что Кейна действительно можно убить! — В волнении она стиснула переплетенными пальцами горло и принялась расхаживать взад-вперед; губы ее были плотно сжаты.

Маурсел сердито наблюдал, как она теребит свой драгоценный ошейник. В Керсальтиале можно было встретить весьма причудливо одетых девушек — тем более причудливо, чем красивее они были сами, но Маурсел готов был поклясться, что это украшение — не причуда, и Десайлин, вероятнее всего, не снимает его даже на ночь.

— Ты никогда не избавишься от этого рабского ошейника, пока жив Кейн, — проворчал он, высказывая свою мысль вслух.

— Я знаю, — тихо сказала девушка, и нечто большее, чем страх, промелькнуло в ее глазах.

— Но теперь у тебя есть руки, которые могут убить его. — Маурсел демонстративно сжал огромные кулаки.

Губы красавицы дрогнули, но она промолчала.

Ночные звуки гавани разносились далеко по воде. «Туаб» тихонько покачивался на мелкой волне, поскрипывая и вздыхая под несильным ветром. Часовой мерил шагами палубу, вновь набранная команда отдыхала в кубрике от дневных трудов. В каюте капитана в такт покачиванию судна мерцал огонек лампы, отбрасывая тени то в один угол, то в другой. Освещенная каюта казалась девушке единственным уцелевшим островком света в бескрайнем океане тьмы.

— Кейн любит тебя, — продолжал Маурсел с каким-то упоением. — Он не желает слышать о том, что ты его ненавидишь. С другой стороны, он

уж как-то очень небрежно тебя сторожит. Он позволяет тебе стоять у него за спиной, и ему просто в голову не приходит, что однажды ты воткнешь ему кинжал под левую лопатку.

— Да, это правда. — Голос ее звучал как-то странно.

Маурсел сжал ее плечо и повернул заплаканным лицом к себе.

— Я не понимаю, почему ты до сих пор этого не сделала. Боялась?

— Да. Я безумно боюсь Кейна.

Он выругался и взял ее за подбородок. Ошейник, этот символ власти Кейна над девушкой, раздражал его, и он грубым жестом сорвал его с шеи девушки. Она взметнула руки, закрывая оголившуюся кожу, но он успел увидеть синие страшные пятна.

Он снова выругался.

— Это Кейнова работа?

Она кивнула, глаза ее были по-прежнему дикими — то ли от страха, то ли от возбуждения.

— Он держит тебя, как рабыню, так что ты даже вздохнуть всей грудью не можешь — и у тебя не хватает духу на убийство или хотя бы на ненависть за все то зло, что он тебе причинил?

— Это неправда! Я всем сердцем ненавижу Кейна.

— Тогда перестань трястись! Что еще худшего может этот дьявол сделать с тобой?

— Я просто не хочу твоей смерти, понимаешь?

Капитан мрачно усмехнулся.

— Ну, если ты хочешь остаться у него рабыней лишь потому, что тебе не хочется моей смерти, тогда, конечно, дело того стоит! Да ведь только смерть-то может прийти не за мной, а за Кейном — если мы хорошо сыграем. Ну? Давай попробуем — ради свободы для тебя и любви для нас обоих.

— Я попытаюсь, Маурсел, — пообещала она, не смея отвести взгляд. — Но я не смогу этого сделать одна.

— А тебя никто и не просит делать это одной. Могу я проникнуть как-нибудь в башню Кейна?

— Туда не проникнет и армия, если этого не захочет Кейн.

— Слыхал, — отмахнулся капитан. — Но я — не армия. Я — могу туда войти? Наверняка у колдуна есть тайный лаз для ночных выходов.

Она решительно сжала кулаки.

— Я знаю один. Если только тебе удастся войти так, чтобы он тебя не почуял... Нюх и слух у него звериные.

— А вот если ты расскажешь мне обо всех ловушках и засадах, которые там наверняка есть, — сказал ей капитан очень тихо, — и подскажешь, когда можно застать Кейна врасплох. Если ты в состоянии время от времени ускользать из башни, то уж я там как-нибудь пройду.

Десайлин кивала его словам, страха в ее глазах поубавилось.

— В башню можно проникнуть, когда Кейн занят колдовством. От этого его оторвать невозможно. Как раз недавно он начал новую ворожбу и провозится с ней до исхода завтрашней ночи. А потом разыщет меня и заставит разделить с ним плоды его трудов.

Маурсел оживился.

— Ого! Ну, это будет его последнее путешествие в ад — мы сошлем его туда навечно. Что ж, отлично. Я завтра с утра прикажу людям грузиться, а послезавтра мы будем готовы к отплытию. Значит, завтра ночью, Десайлин. Тебе следует остаться рядом с ним. Если он увидит меня прежде, чем я ударю, — погоди, пока он развернется

ко мне, чтобы убить. И тогда вгони ему в спину вот это!

Он протянул ей тонкий изящный кинжал, вынув его из ножен над изголовьем кровати.

Словно зачарованная его речью и блеском стали, вертела Десайлин в руках смертоносную игрушку.

— Я попробую. Во имя Онте, я попробую сделать все, как ты сказал!

— Он должен умереть, — повторил Маурсел. — Ты знаешь: он должен умереть.

Глава восьмая

ИСПЕЙ ПОСЛЕДНЮЮ ЧАШУ...

Туман, родившись где-то в истоке мира глубоко под Керсальтиалем, выполз по невидимым скважинам и щелям, окутав город, заполнив широкие мощенные улицы, обвив колоннады портиков. Лишь надменные башни, обдуваемые верхним ветром, избежали его душных объятий. Рожденный двумя стихиями, воздухом и водой, он вился и плыл, влекомый третьей стихией — огнем, он был словно воплощение четвертой стихии — земли, плакавшей тысячами глаз. Огни улиц и площадей светились тусклыми золотыми шарами сквозь плывущую дымку, словно плыли сами, и город напоминал гигантское мрачное болото, где плывут над топью неверные огоньки.

— У тебя нынче какое-то странное настроение, Десайлин, — заметил Кейн, зажигая огонь под плоской широкогорлой чашей.

Она двинулась прочь от узкого окна-бойницы.

— Тебе оно кажется странным? Удивляюсь, что ты заметил. Бессчетное множество раз говорила я тебе, что мне противны твои колдовские опыты, и

столько же раз ты не обращал на это ни малейшего внимания.

— Все, что исходит от тебя, для меня важно и дорого, Десайлин. Извини. Твое присутствие здесь необходимо. Я делаю то, что должен делать.

— И это тоже? — почти взвизгнула она, указывая на искромсанный труп девочки-подростка.

Кейн проследил ее жест. Боль исказила черты лица колдуна, он сделал какое-то движение руками и почти пролаял то ли фразу, то ли длинное слово из коротких звукосочетаний.

В распахнутый ставень вползла тень и окутала труп. В ее колеблющейся тьме детское тельце пропало без следа. Затем исчезла и сама тень, только ветер донес шорох гигантских крыльев, когда чудовище улетало.

— И ты думаешь, я забуду, из чего ты готовишь то мерзкое снадобье, которое каждый раз заставляешь меня пить?

Кейн нахмурился и молча уставился на фосфоресцирующую жидкость, исходящую паром в небольшом тигле.

— На тебе случайно нет ничего железного, Десайлин? Цвет изменился. Я просил тебя не принимать железа, когда я занимаюсь этим колдовством, ты помнишь?

Холод клинка, спрятанного под туникой, обжег ей тело.

— Я помню, Кейн. На мне только мои кольца.

Но Кейн уже был весь поглощен процессом перетонки и не услышал ее последних слов. Внутри алой чаши что-то булькало, закипало, вспыхивало огненным светом, отбрасывая кровавые блики на стены башни. Наконец большая радужная капля повисла на конце выводной трубки. Кейн быстро подставил под нее кубок.

— Что же ты не требуешь, чтобы я выпила это, Кейн? Или те цепи страха, которые ты наложил на меня, еще достаточно крепки?

Он скосил на нее удивленный взгляд, и, хотя это могло быть и просто игрой теней, ей показалось, что в этом взгляде есть и усталость, и боль. Словно все неисчислимые столетия, что прошли мимо Кейна, не задев, разом вдруг легли ему на плечи.

— Тебе непременно нужна эта игра, Десайлин?

— Мне нужно только одно: быть свободной от тебя, Кейн.

— Ты любила меня когда-то. Все возвращается, ты полюбишь меня снова.

— По твоему велению? Ты глуп, если надеешься на это. Я ненавижу тебя, Кейн. Убей меня или держи при себе, пока я не состарюсь и подурнею. Я умру, переполненная ненавистью к тебе.

Он вздохнул и отвернулся. От его дыхания вздрогнуло пламя.

— Ты останешься со мной, потому что я люблю тебя, и красота твоя останется при тебе навсегда, Десайлин. Когда-нибудь ты поймешь. Ты никогда не задумывалась об одиночестве бессмертия? Это бесконечное изгнание. Изгнание человека, который никогда нигде не знает покоя, чья тень оставляет руины, где бы он ни прошел. И в каждом триумфе — падение, а каждая радость — мимолетна. Его царства рушатся, его песни забываются, его любовь обращается в прах. Дни и ночи напролет с ним лишь царство пустоты — скелеты в мантиях памяти, и больше никого... И так ли преступно для такого человека пытаться всеми силами удержаться при себе то, что он любит? Даже если силы эти темнее ада. Сотни цветов завянут и погибнут — разве преступно желать сохранить красоту

хотя бы одного цветка? Даже если цветок ненавидит садовника — разве тот сможет поднять руку на своего подопечного?

Но Десайлин не слышала Кейна. Она, не отрываясь, смотрела на гобелен, на цветущем лугу которого не шелохнулся пока ни один цветок. Услышал ли Кейн скрип потайной двери? Нет, он говорит о чем-то, весь поглощенный своей мыслью.

Сердце ее забило так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Маурсел уже стоял за гобеленом: сощурилась, она могла разглядеть его. Сумеет ли он подобраться к Кейну незамеченным? Кинжал под одеждой жег ее, как раскаленный уголь. Она осторожно пододвинулась к Кейну, заклоняя собой Маурсела.

— Ну вот, напиток готов, — сказал Кейн, внезапно выходя из своей меланхолии. Ярко-янтарные капли горели на дне кубка. — Пей скорее.

— Я не буду снова пить этот яд.

— Пей, Десайлин. — Его глаза снова подчинили ее своей воле. Словно в бесконечно повторяющемся кошмаре Десайлин поднесла кубок к губам, чувствуя, как вязкая жидкость касается ее языка.

Свист летящего кинжала рассек тишину. Хрустальный кубок тысячью осколков брызнул из ее ослабевших рук.

— Нет! — дико крикнул Кейн. — Нет! Нет!

Он в немом ужасе уставился на маленькую лужицу на полу.

Выпрыгнув из своего укрытия, Маурсел кинулся к Кейну, рассчитывая вонзить тесак в сердце чародею прежде, чем тот обернется.

Беда капитана была в том, что Кейн ожидал визита гостя не человеческой расы, а увидел всего лишь моряка с тесаком. Оскалясь, колдун развернулся к вторгшемуся в святая святых — и Маурсел

оторопел от выражения искренней радости на лице колдуна.

Нырнув под удар тесака, Кейн схватил Маурсела за запястье — и поскольку он сделал это левой рукой, тесак выпал из руки капитана, зазвенев по камням, а сам моряк взвыл от боли. Длинные пальцы Кейна сомкнулись на его бычьей шее. Маурсел беспомощно лупил колдуна по чему попало здоровой рукой, извиваясь изо всех сил, но Кейн с хохотом поволок его обратно к гобелену, удерживая за шею и слегка придушив.

Красная мгла застилала капитану глаза, звон в ушах рвал барабанные перепонки. Кейн убивал его медленно, наслаждаясь его беспомощностью.

И вдруг Маурсела отпустили.

Кейн как раз выгибал ему спину, намереваясь сломать позвоночник, когда Десайлин изо всей силы вонзила свой кинжал в плечо чародею. Кровь брызнула ей на руку. Прежде чем Кейн успел отшатнуться от удара, кинжал сидел в нем по самую рукоять.

Десайлин вскрикнула — одним рефлекторным движением локтя он отбросил ее на каменный пол. С упорством кошки она поползла к осевшему у стены Маурселу — полузадохшемуся, но живому.

Страшно выругавшись, Кейн всей тяжестью навалился на свой рабочий стол, обрушив при этом большую часть колдовских инструментов. Опрокинувшийся перегонный куб вспыхнул на полу синезеленым пламенем.

— Десайлин, — в изумлении выдохнул он. Кровь потоком лилась у него по груди и руке, но опасен он был не менее, чем раненый тигр. — Десайлин!

Что-то тяжелое влетело в окно с отвратительным чмокающим звуком. Кейн выкрикнул длинную непонятную фразу.

— Если ты убьешь его, на этот раз убьешь и меня! — кричала Десайлин, заслоня собой капитана, который очнулся уже настолько, что пытался встать на четвереньки.

— Оставь ее в покое, колдун! — прохрипел он, скосив глаз на свой тесак, по-прежнему лежавший посреди обломков алхимической лаборатории. Слишком далеко. — На ней нет никакой вины, кроме той, что она любит меня и ненавидит тебя! Ты можешь убить и ее, и меня, но не заставишь ее полюбить тебя!

— Так, еще один, — сказал Кейн неожиданно спокойно и горько. — Ты дурак. Знал бы ты, скольких я уже убил — таких же дураков, как и ты, спасавших Десайлин от коварного чародея. Это ее любимое развлечение. С самого первого дурака... Просто игра. Ее забавляет то многообразие способов, которыми я могу вернуть ее назад. И я потакал ей, раз ей так хотелось. Но она не любит тебя.

— Тогда почему она воткнула кинжал тебе в спину? — Отчаяние придало Маурселу мужества. — Она ненавидит тебя, колдун, — и любит меня! Ты не в силах даже разглядеть чувства женщины, не то что направить их! Ну так убей меня и будь проклят — но ее любви ты все равно не получишь!

Лицо Кейна превратилось в маску нечеловеческой муки, голос стал странным и страшным.

— В таком случае — убирайтесь! — прошипел он. — Убирайтесь отсюда — вы оба! Я отдаю тебе твою свободу, Десайлин. Капитан, я отдаю тебе ее любовь! Забирай свое сокровище и выметайся из города! Не стоит благодарности!

Переступив порог потайного хода, Маурсел сорвал кожаный ошейник с Десайлин и швырнул его Кейну под ноги.

— Забирай свой рабский ошейник! — крикнул он. — Довольно того, что на ее шее остались следы от твоих поганных лап!

— Ты дурак, — повторил Кейн тихо.

— Как далеко мы теперь от Керсальтиаля? — прошептала Десайлин.

— В нескольких лигах, если по прямой, — ответил Маурсел сжавшемуся у него под боком дрожащему комочку.

— Я боюсь.

— Не дури. Мы разделались с Кейном. Скоро рассвет, мы уплываем все дальше и от Керсальтиаля, и от всего, что в нем осталось.

— Тогда прижми меня к себе крепче, любимый. Мне так холодно.

— Морской ветер холоден, зато чист, — улыбнулся капитан. — Он уносит нас на всех парусах к новому берегу.

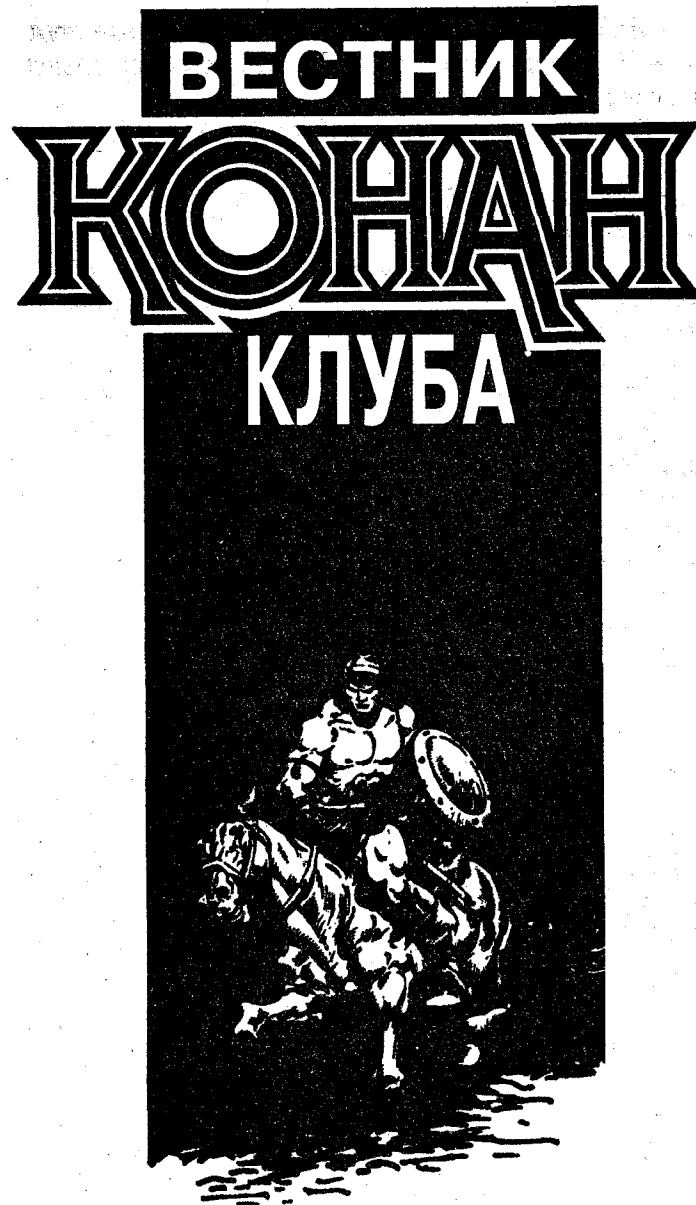
— Я боюсь.

— Тогда прижмись ко мне крепче.

— Кажется, теперь я вспоминаю...

Но морской волк уже спал. Крепким, безмятежным сном — последним безмятежным сном в своей жизни.

На рассвете он проснулся в объятиях трупа — безобразного, полуразложившегося трупа девушки, которая двадцать или двести лет назад повесилась в городском парке от несчастной любви.

Лин Картер НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ

Глава первая МОРЯ, НЕ НАНЕСЕННЫЕ НА КАРТЫ

Красное солнце тонуло в огненной равнине темных вод Яхензеба-Чуна — Южного моря. Солнце ярко сверкало, подпалив западный край неба, и на фоне светила неясно вырисовывался вдали остров Зоск — густо заросший, черный, таинственный.

С полудня пиратская галера «Черный Ястреб» дрейфовала против ветра в обширной лагуне, где большие волны взбивали снежную пену о вытянувшийся дугой рыжевато-коричневый берег. Сейчас, с приближением ночи, поднялся холодный ветер. Он грохотал ветвями деревьев-папортников, стоявших зеленой стеной за полосой изогнутого влажного песка. Ветер налетал и бился в алых парусах стройной, быстроходной черной галеры, швырял волны на острый нос судна — голову дракона.

Гости этих мест промокли и замерзли. На передней палубе галеры под укусами ветра, кутаясь в морской плащ, дрожал первый помощник. Он был высоким, массивным зингабалийцем с тяжелым небритым лицом и выбритой головой. Золотые серьги сверкали в его ушах, когда он вздрагивал от порывов ветра. Стоял конец шамата — первого месяца осени, но приближение зимы уже чувствовалось в порывах ветра.

Челим кивнул капитану.

— Однако сигнала нет. Парень пропал, — печально проговорил он.

Капитан «Черного Ястреба» ничего не ответил. Влажный ветер поймал и развернул его черный плащ, словно крылья. Под плащом он был голым. Его бронзовое тело вздувалось мускулами, словно у молодого гладиатора. Черные и густые, как грива вандара, не знавшие гребня волосы разметались по широким плечам, обрамляя суровое, бесстрастное лицо, широкоскулое, чисто выбритое.

Сейчас капитан казался угрюмым. Под сдвинутыми черными бровями сверкали, похожие на львиные, странные золотистые глаза. Лишь немногие из рожденных в городах могли выдержать взгляд этих угрюмых, сверкающих глаз, и лишь немногие могли выстоять против него в битве. Вопреки холодному ночному ветру прекрасное тело капитана покрывали лишь ремни — одеяние лемурийского воина, тяжелый изукрашенный кушак на бедрах и алая набедренная повязка. Он был варваром из холодных северных земель, лежавших по другую сторону гор Моммара, и для него этот вечер казался знойным.

Для пиратов Таракуса, для своих приятелей, капитанов Красного Братства, он был Конгримом с «Черного Ястреба». Но на самом деле звали его Тонгор.

— Заблудился или убит, — низким голосом проворчал капитан. — Лишь один Горм знает, что за звери скрываются в этих джунглях. И может быть, там есть дикари... Я слышал, капитаны рассказывали странные истории о таких островах.

— Я тоже, — пробормотал первый помощник, и если он и немного вздрогнул при этих словах то, наверное, от укуса холодного ветра.

Эти моря не были нанесены на карты, и ни на одной карте не найти было и этого острова. Многие осмеливались заплывать так далеко в неизведанные западные воды. Жирные купцы Турдиса и Тсаргола цеплялись за побережья Ковии и Птарты, а пираты рыскали только там, где было кого грабить, — неподалеку от больших городов.

Но Тонгор с «Черного Ястреба» отправился бы за такими сокровищами и в пасть ада, а не то что на остров Зоск, где они были спрятаны, если, конечно, старые легенды — правда.

Где-то в темном сердце непроходимых джунглей лежало богатство — редкие огненные жемчужины Кадорны, на которые на базаре Таракуса можно было купить целое королевство. И капитан «Черного Ястреба» хотел добыть эти сокровища пусть даже, если понадобится, острием меча. В полдень судно корсаров подошло к заросшему джунглями острову, отыскало лагуну, и на берег высадился доброволец, чтобы выяснить, нет ли здесь враждебно настроенных дикарей. Безрассудный молодой Кантор Кан выиграл жребий, брошенный на костях, и высадился на берег. Уже несколько часов пираты высматривали его сигнал. С какой неожиданной угрозой столкнулся смешливый молодой воин? Пираты не могли дольше ждать.

Тонгор равнодушно тряхнул гривой волос.

— Челим, собери десант, и пусть бросят якорь. Спустить все паруса... Фульвио!

— Да, капитан? — худой, сморщенный маленький воришка отделился от штурвала, держась настороже.

— Подготовь отряд для высадки и посмотри, чтобы все были хорошо вооружены. Когда будете готовы, спустите баркас. Мы высаживаемся.

Глава вторая СМЕРТЬ В ПОРЫВАХ ВЕТРА

Через четверть часа под визг лебедек баркас уже раскачивался над бортом галеры. Десантный отряд Фульвио спустился по линиям, чтобы занять места на скамьях, — пестрая толпа головорезов, которые выглядели компанией, собранной со дна полудюжины городов запада. Здесь был толстый, круглолицый уроженец Ковиана с холодными глазами и кроткой улыбкой. За пояс он заткнул зубренную саблю. И смуглый черноволосый тюранец — подлый и грязный, с пестрым платком, надвинутым на самые брови. Драгоценности сверкали на его грязных пальцах. В баркас село несколько человек с рыжевато-коричневой кожей и миндалевидными глазами — уроженцы Кордовы, которые нежными голосами нараспев проклинали своих супруг, поигрывая пальцами на рукоятях кинжалов. Некоторые из пиратов носили рабские клейма, а некоторые — клейма преступников. Все были покрыты шрамами многих битв, как на земле, так и на море. Большая часть их была мерзавцами, но до смерти преданными Тонгору и к тому же храбрыми воинами, готовыми последовать за своим капитаном, куда бы он их ни повел, и служить ему до последней капли крови.

С галеры спустили баркас, и пираты, оттолкнувшись от черного корпуса корабля, взялись за весла. Лодка полетела по волнам и вскоре ткнулась носом во влажный берег. Сапоги закрипели по гладкому песку. Моряки вытащили баркас еще дальше, туда, где его не могли достать волны. Почти стемнело, когда пираты подошли к плотной стене зелени. Луна не поднялась, и теперь свет заходящих углей заката засверкал на обнаженных

саблях и в широко раскрытых глазах встревоженно оглядывающихся моряков.

Джунгли были густыми, черными и неподвижными. Слишком безмолвными! Джунгли на таких островах обычно наполнены ревом вандаров, криками речных поа. Но тут все молчало, словно умерло.

Тонгор первым почувствовал опасность, витавшую в воздухе. Пираты были уроженцами городов. Их чувства притупились от вони и шума убогих улочек, где они выросли. Но Тонгор сохранил острое чутье рожденного в диких землях — суровых пустынях морозного севера, где прошла его юность. Выживший в суровых северных землях, он научился нюхать ветер, как кот джунглей, прислушиваясь к любому тихому шепоту, читая ночь, словно следы зверя.

Пока пираты пробивались через густую стену джунглей на опушке, холодный ветер стих. Вокруг стало темно. Воняло гниющей листвой, скисшей грязью, удушливой парфюмерией цветов джунглей. И что-то еще было в воздухе.

Запах смерти...

Взгляд странных золотистых глаз Тонгора метался из стороны в сторону. Капитан пиратов высматривал притаившуюся во мраке опасность. Его широкий валькарский меч был уже обнажен. Тонгор шел впереди, пробираясь по джунглям бесшумно, как кошка.

Через четверть часа пираты нашли тело.

Его нашел Фульвио. В непроницаемом мраке джунглей худой одноглазый маленький разбойник едва не проскочил мимо. Его пронзительный крик поднял тревогу. Тонгор протиснулся к Фульвио сквозь густые кусты. Тело лежало вытянувшись под возвышающимся над ним деревом джаннибара. Пираты вытащили труп на открытое место, и боц-

ман — седой старый тарданец по имени Тад Новис, — стянув накидку со своего фонаря, осветил лицо мертвеца тусклым лучом пламени свечи.

Это был Кантор Кан!

— Боги! Капитан, я почти наступил на него в темноте. Я был слеп, как ксат! — дрожа, жалобно завизжал Фульвио. Остальные пираты сгрудились вокруг, перешептываясь. Один из них приглушенно вскрикнул от удивления, когда свет фонаря осветил лицо молодого воина.

Тонгор ничего не сказал, но челюсти его плотно сжались. На теле воина не было никаких отметин, никаких ран. Но он оказался мертв, как камень, и выражение его застывшего лица было ужасным... он казался страшно испуганным.

Его глаза наполовину вылезли из глазниц и остекленели, вытаращившись, словно он не мог поверить в существование чего-то столь ужасного. Его чуть разомкнутые губы в ужасном оскале обнажили зубы. Черты лица исказились в гримасе страха, вызывая ужас у тех, кто теперь смотрел на него.

Тад Новис осторожно ощупал холодный труп, но ничего не обнаружил. Он угрюмо взглянул на капитана, словно отвечая на его вопросительный взгляд.

— Выглядит необычно, — сказал он низким голосом. — Похоже, парень умер, сильно перепугавшись. На нем нигде нет ран.

Пираты зашептались, испуганно озираясь. Вокруг возвышались черные джунгли. Некоторые моряки сжали в кулаках защитные амулеты и маленькие образа, вырезанные из камня, висевшие на их шеях на цепочках или кожаных ремешках.

Тонгор взял фонарь и стал исследовать место, где обнаружили Кантора Кана. Луч света открыл еще кое-что, более таинственное, чем человек, умерший от страха. Кантор Кан, прежде чем

смерть забрала его, пальцем нацарапал четыре слова на голой земле... Но эта надпись казалась еще более загадочной.

— Остерегайтесь... света черной луны, — мрачным голосом прочитал капитан.

— Капитан, давайте вернемся на корабль и пождем, пока станет светло, — заскулил Фульвио. — Одни боги знают, что это означает, но мне не нравится, как звучит это предупреждение.

— Ерунда, — возразил Тонгор. — Пошли дальше.

Пираты стали пробираться дальше по черным джунглям, оставив труп у дерева джаннибар. На обратном пути они похоронят своего товарища, если сами останутся в живых. Но вежливый, веселый Кантор Кан никогда больше не рассмеется. Таинственная смерть, настигшая его в черных джунглях острова Зоск, поджидала и пиратов, притаившись в безмолвной ночи.

Глава третья

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НА МОНОЛИТЕ

Над краем мира встала луна. Огромная золотистая луна Лемурии залила джунгли шелковистым светом. Теперь стало легче прорубаться через стену зелени с помощью сабель, ятаганов и каваров Чашана с закругленными концами. Но пираты быстро устали. Они задыхались от зловоний гниющей растительности. Их искушали насекомые. Витиеватые лианы хватали их за ноги, заставляли спотыкаться. Пираты скользили по грязи, сыпали проклятиями, ворчали на листья, усеянные иголками, впивавшимися в голые руки и царапающими в кровь лица.

Моряки уже далеко забрались в джунгли. Но вот деревья отступили, и перед пиратами откры-

лись вонючие болота черной грязи и гниющих стволов. Змеи толщиной с бедро взрослого человека скользили, словно ручейки ртути, по стволам поваленных деревьев, и на берегах болота виднелись следы чудовищного поа.

Тонгор дал сигнал сделать привал. Люди тяжело опустились на землю, вытирая вспотевшие лбы грязными тряпками, глотая теплое вино из кожаных бутылей, радуясь возможности дать отдых разболевшимся ногам. Но валькару передышка была не нужна. Его железные мускулы казались неутомимыми. Один он мог идти вперед намного быстрее. Оставив костлявого маленького Фульвио старшим, Тонгор отправился дальше на восток, двигаясь по краю болот и не теряя бдительности.

Эту штуковину он не заметил бы, если бы не лунный свет. Огромный столб серого, покрытого лишайником камня торчал под небольшим углом из влажной земли. Корни гигантского лотифера оплели каменную колонну, наклонив ее вбок. Чистый золотистый лунный свет освещал покрытый плесенью монолит.

Тонгор остановился. Значит, люди обитают на этом острове смерти и безымянного, скрытого тенями ужаса... или когда-то обитали, потому что надписи на камне были древним вариантом иероглифического письма. Острием кинжала Тонгор сцарапал корку лишайника, открыв глубоко вырезанные иероглифы. Язык, на котором была сделана эта надпись, Тонгор выучил во время одного из своих путешествий несколько лет назад. Тогда он побывал в разрушенном, заброшенном городе в северной пустыне. Там он видел такие же письмена. Молодой валькар не заканчивал никаких школ, но жизнь искателя приключений заносила его в самые таинственные уголки континента

Лемурия, и он за время своих скитаний приобрел всевозможные любопытные знания...

От надписи на монолите холодная дрожь пробежала по спине Тонгора. В лунном свете он прочел:

«Каменный бог отправляется на прогулку, когда в небесах светит Черная Луна».

Волосы на затылке его зашевелились, очень сильно зачесалась шея, словно Тонгор почувствовал прикосновение взгляда кого-то невидимого. Он наполовину обернулся. Стальной клинок Саркозана (так звался меч Тонгора) блестел в руке варвара. Потом сухая усмешка скривила его губы. Тонгор взял себя в руки. Не трусливый же он ребенок, чтобы побледнеть от нескольких слов, написанных на каменной колонне! Хотя все это выглядело серьезнее, чем просто древнее предупреждение. Страх закрался в сердце Тонгора с «Черного Ястреба» — Конгрима из Красного Братства, ужаса Южного моря!

Тонгор отправился дальше, но теперь двигался еще осторожнее, чем раньше, стараясь держаться в тени. Человек, умерший давным-давно, предупреждал о Свете Черной Луны, запечатлев свои слова на ныне покрытом плесенью монолите. Но какая-то до сих пор живая тварь убила парня — безрассудного Кантора Кана. И он, умирая, коченеющими пальцами начертал для своих друзей по команде, которые, как он знал, пойдут по его следам, предупреждение о таинственном свете...

Тонгор скользил среди подлеска, словно крадущийся вандал.

Что за проклятие, что за безымянный ужас застилался на этом острове?

Ответ на этот вопрос Тонгор получил раньше, чем хотелось бы.

Глава четвертая ГОРОД СМЕРТИ

Родиной Тонгора были холодные северные пустоши, но с тех пор как он перебрался через горы Моммура, прошло уже пять лет. Все эти годы окруженные джунглями города Ковия, Куш и Птарта служили ему домом. Так что валькару не в новинку были тропические дебри. Только спустившись с гор, он присоединился к банде в диком Чаше и вскоре стал ее главарем. Тонгор и его воинство головорезов убивали жирных купцов Шембиса, чьи караваны, путешествовали через джунгли. Мстительный принц этого города — Арзанг Паума — охотился на них.

Потом Тонгор и выжившие из его банды были пойманы, точно звери. Арзанг Поум приковал валькара и его разбойников к веслам на галерах Шембиса. Довольно долго под свист кнутов трудились они на сверкающем солнце. Все это продолжалось до тех пор, пока надушенный купец-капитан, который был их хозяином, не напился и не стал ласкать девушку на глазах у рабов, в то время как те гнули спины на веслах. В ту же ночь рабы восстали. Голыми руками и обломками весел они убили надсмотрщиков... Восставшие украли галеру, на которой были рабами, и отправились в дальние моря, чтобы присоединиться к пиратам Таракуса — столицы пиратов. Там они в совершенстве изучили новое ремесло. Оно оказалось сродни разбою, и Тонгор в последние два года стал считаться чуть ли не лучшим капитаном пиратского флота. Однажды один умирающий старый пират, которого они спасли от казни в Кордове, шепотом поведал морякам об удивительных сокровищах острова Зоск, лежащего далеко в неисследованных

водах южных морей. Где-то в его черных джунглях были спрятаны огненные жемчужины — «в месте больших камней» — как сказал старый моряк.

И вот Тонгор неожиданно наткнулся на это место — ооченевшее, холодное и мертвое в лунном свете.

Молодой варвар остановился на краю джунглей. Он внимательно смотрел вперед. Его сердце учащенно билось от предвкушения открытия. Было ли это то самое место больших камней, о котором говорил умирающий моряк?

В нескольких ярдах от того места, где он скорчился за густым кустом, начиналась каменистая равнина. Громадная, круглая долина была ровной — словно огромный каменный котел, вырезанный прямо в скале. Вокруг в беспорядке лежали каменные плиты. Впереди неясно вырисовывались нагромождения камней. Долина казалась миром разбитых колонн. Тут лежали руины ныне мертвого, разрушенного города, существовавшего еще на заре времен. Казалось, что каменные плиты разбросала рука неведомого играющего гиганта.

Тонгор задумчиво осмотрел лабиринт разбитых, раскрошенных камней. Скорее всего, это и есть то самое место, о котором шептал моряк. Но творение ли это природы, или создание рук человеческих? Монолит, который он видел на опушке джунглей, был вырезан человеческими руками... и симметричное расположение обломков наводило на неосторожное предположение о целенаправленности и мастерстве человека.

Капитан пиратов вышел в долину и стал пробираться по безмолвным улицам, лежащим в мрачном опустошении. Вокруг не было никаких признаков жизни. Если даже когда-то люди и обитали здесь, они давно покинули эти места. Ни одного

дымка костра не поднималось в небо, залитое лунным светом. Ничьи шаги не отдавали эхом по пустым проспектам, заваленным камнями. Ни отбросов, ни осколков глиняных горшков, ни тряпья не попадалось на глаза Тонгору. Даже старых кострищ тут не было. Город напоминал обитель смерти, пустыню разбитых камней, похожих на кости гигантского метрополиса, сверхъестественные и безмолвные, пустые и омытые лунным светом. Если здесь кто и блуждал, то лишь духи давно забытого прошлого.

Перебравшись через руины, Тонгор оказался возле бассейна, именно такого, как рассказывал старый моряк. Неподвижный диск темной воды, непроницаемый для глаза и окруженный каменным бордюром. Бассейн был сделан людьми, поскольку представлял из себя идеальный круг, и каменный край его был вырезан и отполирован не природными силами.

Посреди бассейна к тропическому небу, полному звезд, тянулась каменная колонна. Она напоминала монолит, который Тонгор обнаружил в джунглях, но выглядела несколько иной. Тридцати футов в высоту каменная колонна неясно вырисовывалась в лунном свете — высокая и стройная, как обелиск, но грубо вырубленная и заостренная. Насколько мог разглядеть Тонгор, на ней не было никаких надписей. Вокруг этого бассейна с неподвижной водой и расстелилась площадь, мощенная каменными плитами. Тонгор бесшумными шагами пересек эту площадь, встал на колено у края бассейна и окунул в него одну руку.

Вода оказалась холодной и вонючей, застоявшейся, но рука Тонгора зачерпнула полную горсть жемчужин. Круглые и гладкие, они тускло сверкали в лунном свете. Казалось, внутри каждой жем-

чужины горит огонек. Огненные жемчужины Кадорны (Тонгор узнал их с первого взгляда) великолепной, чистой воды и невероятного размера!

Сейчас в руке Тонгор держал выкуп сатрапа. А сокровища дюжины императоров спали в глубине черных вод.

Улыбка появилась на мрачном лице пирата. Он стал пригоршнями вычерпывать огненные жемчужины из черной воды, восхищаясь их мерцающим огнем. Ошеломленный взирал он на влажные драгоценности. Они мерцали, словно множество маленьких лун.

Потом Тонгор услышал низкое рычание. Босые ноги зашлепали по камням. Тонгор вскочил, засыпав жемчужины за отвороты своих высоких морских сапог, и обернулся.

И тут дикари набросились на него — орда рычащих, оскаливших сломанные клыки полузверей-полулюдей с налитыми кровью глазами. Они вылезали на площадь из темных нор между каменными плитами. Троглодиты, обитатели пещер! Только тогда Тонгор понял, почему не обнаружил следов человека в этой долине руин.

А твари были уже рядом. Тяжелые тела обрушились ему на спину. Могучие лапы сжали его руки. Когти потянулись к его горлу.

Глава пятая

ОКРОВАВЛЕННАЯ СТАЛЬ

Тонгор стряхнул с себя дикарей точно таким же королевским жестом, каким вандар расшвыривает стаю собак. Он изо всех сил пнул в живот одного из рычащих врагов. Полузверь зарычал, согнулся пополам и упал.

Потом широкий меч Саркозан вырвался на свободу из ножен и пропел свою звонкую, ледяную песню смерти, напоминавшую песню ветра. Древние руны были вытравлены кислотой по всему длинному широкому клинку. Огромный драгоценный камень сверкал в рукояти, словно злой глаз. Широкий меч засверкал в лунном свете. Тонгор занес клинок высоко над головой, а потом обрушил вниз, разрубая кости и мясо. Кровь омыла полированную сталь.

Какое-то время Тонгор сдерживал троглодитов, без устали рассекая воздух мечом. Дикари боялись блеска заостренной стали, как ведьмы боятся серебра. Пират не подпускал их, но они подбирались к нему по двое, по трое, наскакивая словно шакалы, пытаясь дотянуться до валькара клыками. Тонгор сначала принял их за дикарей, потом за зверей и наконец понял, что противники его — люди. Островитяне ходили голыми, словно животные, но держались вертикально. Неуклюжие антропоидные существа со скошенными обезьяньими плечами и длинными, свисающими ниже колен руками, узловатыми от выпирающих мускулов. Головы тварей по форме напоминали капли и были глубоко утоплены в массивных плечах, покрыты колтунами грязных, спутанных волос, под которыми сквозь узкие щелочки плоти красным безумным огнем сверкали глаза.

Тела тварей покрывала скорее не кожа, а шкура. Такая шкура оставляла островки голой кожи между кустами волокнистого меха оттенка грязного янтаря и сверкающими раскосыми, насколько он мог судить, глазами. Молодой пират знал, что только один народ во всей Лемурии имеет коричнево-янтарную кожу и раскосые глаза — жители древней Кадорны, самого западного из всех горо-

дов-государств Лемурии. Могли ли быть эти рычащие, неуклюже двигающиеся, подпрыгивающие звери дегенерировавшими останками колонии Кадорны, забытой века назад?

Возможно. Но сейчас у Тонгора не было времени раздумывать об этом. Он оказался слишком занят, сражаясь за свою жизнь. Троглодиты нападали на него, словно безумные псы, и он убивал их, пока на краю бассейна не появилась груда залитых ихором тел. Восемь, десять, дюжину убил он, но рано или поздно они все равно должны были смять пирата, повалить его, прижать к земле.

Теперь Тонгор понял, сколь опрометчиво поступил он, в одиночестве спустившись в эту похожую на чашу долину, а не вернувшись назад, в лагерь, как должен был бы сделать. О, как он хотел бы иметь за спиной дюжину отважных пиратов, вооруженных кинжалами, саблями и ятаганами! Но сожалеть о содеянном было слишком поздно. Тонгор сражался, но его стальные мускулы начинали болеть от напряжения, и воздух при дыхании ножом резал сухое горло. Варвар моргал, отгоняя туман, застилающий его глаза.

Потом одна из тварей, возможно, не столь глубоко, как остальные, погруженная в красный туман дикости, находившаяся ближе к свету познания и к роду человеческому, поняла, что никто из полужверей не пробьется сквозь стену красной и поющей стали. Чудовище присело на разбитую мостовую, волосатой лапой выковыряло большой камень и запустило его в Тонгора со всей своей обезьяньей силой.

Камень попал Тонгору в лоб. Оглушающий удар... Пират наклонился, зашатался, стараясь не потерять сознание. Окровавленный меч выскользнул из его неожиданно онемевших пальцев и упал,

зазвенев о каменную мостовую площади — словно кто-то ударил в гонг.

А потом троглодиты одолели Тонгора. Толстое тело налетело на пирата и сбило с ног. Клыки огромного полузверя потянулись к горлу Тонгора. Северянин подsunул одну из рук под подбородок существа и оттолкнул шелкающие челюсти от своего горла. Зловонное, тошнотворное дыхание зверя ударило ему в лицо. Голое волосатое тело прижалось к его лицу. Когтистые толстые пальцы сомкнулись на горле валькара. Тонгор захрипел, когда еще одно тяжелое тело навалилось на него, а потом — еще одно. Так продолжалось, пока он не оказался погребен под грудой рычащих, клацающих зубами полузверей.

Перед глазами Тонгора все плыло. Он боролся за каждый вдох. Туман перед глазами валькара становился все гуще. Его легкие горели. Сердце билось с трудом. Он пытался дышать, стараясь изо всех сил разорвать тиски, сдавившие его горло.

Потом откуда-то из-за груды полулюдей донесся резкий, властный голос. Тонгор не разобрал слов, потому что они были сказаны на языке, которого он не знал. Но страшный вес, прижавший его к разбитым каменным плитам, стал меньше. Стальные лапы, сдавившие ему шею, разжались. Тонгор ноющими легкими глотнул воздуха. Чьи-то могучие руки поставили пирата на ноги, выкрутили ему руки за спину и связали их крепкими кожаными ремнями, впившимися в онемевшую плоть. Многие бы отчаялись, попав в лапы орды неуклюжих существ. Твари поволокли Тонгора к руинам.

Но Тонгор не знал пути отчаянья. Он прикидывал, что случится с ним дальше, зная, что ему осталось жить несколько часов, а может, и минут.

Глава шестая НОЧНЫЕ СТРАХИ

Седому воину из Тардана, Таду Новису — одному из первых стало не по себе из-за долгого отсутствия Тонгора.

Старик был самым могучим из грабителей Джорна, когда юноша Тонгор присоединился к отряду бандитов, которыми позже стал командовать. С самого начала старый воин почувствовал, как нечто отеческое шевельнулось в его груди, когда он увидел угрюмую храбрость, железную силу и полное бесстрашие мальчика-варвара. Тад Новис вместе со своим молодым предводителем попал в рабство и потом вместе с ним стал вести жизнь пирата-авантюриста, стоявшего вне законов. Его собачья преданность Тонгору никогда не ослабевала. Сейчас он бродил по периметру лагеря, расстроенный и переполненный мрачным беспокойством, внимательно вглядываясь в залитые лунным светом джунгли.

Наконец это заметил тощий, маленький Фульвио, который лениво развалился на поваленном стволе, потягивая вино из полного меха.

— Черт поberi, да что с тобой? — спросил Фульвио. — Тонгор позаботится о себе лучше, чем любой из нас. «Ждите здесь», — приказал он, вот мы и ждем. Он вернется, когда придет время. Садись... отдохни... выпей немного вина!

Старик решительно тряхнул головой.

— Мне не нравится, что его нет так долго, — прорычал старик. — Капитан сказал, что разведает дорогу вокруг болота, но он не собирался в одиночку исследовать этот проклятый остров. Кто-то схватил его, я знаю... может быть, та же самая Тварь, что погубила Кантора Кана...

Слова повисли в воздухе. Фульвио облизал свои тонкие губы кончиком языка и вздрогнул, словно от внезапного порыва холодного ветра. Глубоко в сердце сморщенный, маленький одноглазый грабитель знал, что флегматичный преданный старик говорит правду. Но скулящий Фульвио сопротивлялся, не желая покидать безопасное место и окунаться в неведомые и безмолвные глубины ожидающих их джунглей.

Страх и преданность боролись в худой груди Фульвио. Любовь к самому себе и жажда золота были единственными страстями, которые испытывала эта маленькая крыса, выросшая в сточной канаве. Но Фульвио уважал Тонгора и испытывал страх перед могучим варваром. Тонгор был таким, каким хотел бы стать маленький Фульвио. Он тоже вырос среди зимних морозов и сильных, рослых мужчин, чьи женщины были смелыми и благородными. Но судьба превратила его в нищего из-за отца, неряшливой сварливой матери и вонючих улочек грязного Пелорма — его родного города.

Фульвио был трусливым и злым, насколько злым могут быть трусы. Но в сердце своем, где страх боролся с преданностью, он идеализировал сильного, молодого пиратского капитана. И изредка верность одерживала победы над эгоизмом разбойника.

Выплывая отвратительные проклятия, маленький Фульвио поднялся на ноги и набросился на отдыхающих пиратов:

— На ноги, щенки! Мы отправляемся дальше, и да поможет нам бог. Капитан слишком долго не возвращается. Может, с ним что-то случилось. — Тут Фульвио бросил злобный взгляд на старого тарданца. — Горм да поможет тебе, седой старый пес, если капитану на самом деле не нужна наша помощь!

Тад Новис ничего не сказал. Сам он никогда не чувствовал холодные, тошнотворные укусы страха и не знал, что искра истинного героизма, которую он обронил, зажгла огонь в груди Фульвио.

Пираты отправились дальше, полные энтузиазма, перекликаясь друг с другом. Темнота холодной рукой сжалась вокруг Фульвио. Страшные проклятия то и дело вырывались у него из глотки. Маленький грабитель шагал вперед, раздвигая саблей лианы и шипастые кусты. Одно дело следовать в черную разинутую пасть неизвестной опасности за таким человеком, как Тонгор, и совсем другое — идти туда самому.

Джунгли становились все гуще, спутанные ветви заслоняли яркий лунный свет. Пробираясь через густой, влажный подлесок, Фульвио думал о тварях, которые, быть может, поджидали его где-то в ночи. Вор воображал себе притаившихся по обе стороны дороги деодатов — жутких драконов джунглей. Капли холодного пота катились по его темной шее... Или это были парализующие поцелуи фатлы — призрачного, сосущего кровь дерева-пиявки из Куша и Кордовы? Тяжелые лианы нависали у него над головой... Или это кольца ужасной офы — рогатой змеи, обитающей в тропиках?

Ночные страхи терзали его, подтачивая его храбрость, рассеивая его решимость. Но пока маленький одноглазый грабитель шел вперед не останавливаясь, проклиная себя на каждом шагу за свою глупую безрассудность.

Пираты вышли к каменному монолиту, который чуть раньше обнаружил Тонгор, и сделали остановку, с дрожью рассматривая таинственные узоры и письмена. Ночные тени и старые разрушенные города навевали на разбойников страх... В руинах часто обитали призраки и моргуласы — так в Ле-

мурийских легендах называли вампиров, а также души мертвых, которые не могли обрести покой и обречены были бродить по земле.

Тад Новис постоянно держал наготове огромный ятаган.

— Куда дальше? — спросил он.

Фульвио прикусил нижнюю губу и с сомнением огляделся. Здесь дорога разделялась. Одна тропинка уходила в сердце черных джунглей, другая поворачивала на восток. Именно в этом направлении Тонгор отправился час назад, но Фульвио-то этого не знал.

— Так куда пойдем, Фульвио? — пропыхтел толстый лунолицый ковианец по имени Кьюалб. Остальные собрались вокруг него.

Фульвио ничего не говорил, жуя губу в муках нерешительности. Какой же путь выбрать? Одна дорожка приведет к Тонгору, который, быть может, сейчас оказался лицом к лицу со смертью, другая уведет их далеко от цели. Если они ошибутся, то могут надолго затеряться в черных джунглях Зоска.

Так куда же идти?

Глава седьмая

ЧЕРНАЯ ЛУНА

Полузвери привели Тонгора в чувство пинками. Они вбили четыре колышка между разбитыми плитами на площади и крепкими ремнями прикрутили к ним запястья и лодыжки северянина. Распятый на земле, с вывернутыми до предела руками, Тонгор со всей своей силой валькара не мог высвободиться из этих оков.

Крепко стиснув зубы, Тонгор ожидал смерти.

Предводитель орды неуклюжих дегенератов не обращал внимания на пленника. С восхищенным, слепым взглядом фанатика или безумца, он не мигая смотрел прямо на холодный диск золотистой луны.

Это существо не было похоже на других — жалких, ворчащих дикарей, которыми он правил. Его тощее тело покрывали грязные рваные тряпки, некогда бывшие пышными церемониальными одеждами древнего жреца.

Вожак залез на вершину нагромождения каменных плит, лицом повернулся к каменному бассейну и грубо вырубленной из камня колонне, над которой в вышине парила луна. Волосы спутанной гривой обрамляли его высохшее лицо. Глаза предводителя полулюдей сверкали, словно зеленые языки пламени. Он был королем-жрецом этих неуклюжих, голых животных — последних из этого забытого народа, но выглядел ненамного более разумным, чем его подданные. Под оборванными, грязными одеждами его худое тело было тощим и нематым. Ноги его были голыми и черными от грязи. Руки существа оканчивались ужасными когтями, сжимавшими жезл из гладкого черного нибума, на конце которого, словно затухающий уголек, пульсировал дымчатый кристалл.

Тонгор видел раньше такие черные палочки и знал, что это — жезл Силы. Он также знал, что черное, проклятое колдовство заложено в них мудростью древних. Крепко сжатые губы Тонгора побледнели.

Хорошенько привязав пирата, люди-звери, похрюкивая, выстроились в полукруг перед жрецом и жертвой. И церемония началась...

Ключья темных облаков кружились в небе, рассеивая лунный свет, превращая его в отдельные

лучи холодного пламени, которое теперь сверхъестественно засверкало над сценой из каменных руин. Колдун заговорил, обращаясь к полускрытой луне на гортанном зверином языке, очень похожим на человеческую речь. Кровь застыла в венах. Услышав странные, кашляющие звуки, северянин узнал язык древних. Повелитель полузверей распевал литанию Хаосу. Цари-Драконы давно забытой и утонувшей, как говорят легенды, Гипербореи пели ее черным богам безумия, которые правили по ту сторону звезд. Человеческие губы без соответствующей подготовки никогда бы не смогли произнести слова, звучащие словно скверна всему роду человеческому.

Чужая речь стихла, и неожиданно волна сверхъестественного страха прокатилась по телу Тонгора. Сверкающие лучи луны неуловимо изменили оттенок. Валькар посмотрел вверх, и мурашки поползли по его телу. Луна стала цвета крови.

Лучи сверхъестественно алого света блуждали по разрушенному городу. Луна превратилась в красный, горящий глаз какого-то безумного бога, взирающий на Тонгора.

Где-то за спиной пирата стонали и бормотали полузвери, пресмыкаясь перед ужасным проявлением сверхъестественных сил. На вершине груды каменных обломков, словно вырезанный из камня, в нечестивом экстазе замер колдун, в то время как ужасная литания срывалась с его кривящихся губ.

Потом Тонгор почувствовал напряжение в воздухе. Казалось, весь мир затаил дыхание, ожидая какого-то чуда. От Силы, пропитавшей воздух, вибрировал каждый нерв в теле молодого пирата.

И небо, которое раньше было бархатисто-черным, залило холодное, мертвенное белое свечение!

Когда небесный свет изменился, каждая звезда по-прежнему была отлично видна. Теперь через рваные облака звезды казались черными драгоценностями. Это вызывало смешанное чувство невероятного ужаса и удивления. Крик сорвался со сжатых губ Тонгора.

— Горм! — прохрипел пират, взывая к богу своей дикой родины. Этот крик прозвучал одновременно и как молитва, и как проклятие.

А потом луна стала черной, и даже боги не смогли бы теперь помочь Тонгору...

Глава восьмая

ЧУДОВИЩЕ, ГУЛЯЮЩЕЕ ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ

Ярко горевшая в небе луна — диск злого алого пламени — потемнела, стала почти черной, словно лужа чернил. Сверхъестественное зрелище — черная луна, льющая с неба лучи смертоносно-белого пламени! Варвару никогда и присниться не могло что-то столь пугающее и эффектное.

Но главный ужас еще был впереди.

До сих пор по небу скользили рваные, разорванные облака. Теперь же они оказались подсвеченными шаром темного огня и рассеивали лучи страшного светила.

Лучи заскользили по площади, и черные тени легли на разбитые плиты, омытые странным свечением, идущим с неба, но не имеющим определенного источника.

Один за другим лучи черной луны скользнули по массивной колонне из темного неровного камня, которая неясно маячила посреди оута. Все больше лучей касалось неровного монолита. И вдруг он начал изменяться!

Камень размяк, потек, словно воск. Казалось, поцелуй черных лучей пробудил дух, дремлющий внутри колонны, который боролся, чтобы вновь обрести прежнюю форму. Пока Тонгор в удивлении, не веря своим глазам, глазел на монолит, камень потек, словно воск, беспрестанно меняя форму под воздействием черного света. От основания колонны вверх пробежала трещина. Два куска по бокам ее откололись. Грубая форма монолита под прикосновениями сверхъестественных лунных лучей стала принимать отвратительную, но знакомую форму. Неумелая, непристойная пародия на человека — огромное, искривленное, искаженное подражание.

Тающий камень снова затвердел. Посреди темного бассейна гротескным идиолом, вырезанным безумцем, возвышалось каменное существо. И оно было живым!

И... оно двигалось!

Одна каменная нога метнулась вперед, отчего все создание накренилось. На колене — там, где должно быть колено, у чудовища имелось грубое подобие сустава — камни терлись друг о друга с непередаваемо жутким звуком. Потом чудовище неожиданно шагнуло вперед. С нее стекала темная вода. Уродливая лапа или копыто идола опустилось на каменную мостовую, пронзительно затрепавшую под многотонным весом.

За спиной распятого на земле пирата полулюди завопили и загоготали в экстазе страха и в злорадном предвкушении. Капли холодного пота покатались по лбу Тонгора. Он знал, что обречен умереть. Он будет раздавлен. Превратится в кровавую грязь под ногами каменного бога!

Но Тонгор не стал лежать, безразлично дожидаясь смерти. Волна дикой ярости поднялась внутри него, порожденная холодным страхом. Черная

злость забурилась в его венах. Его брови задергались в спазмах как у берсерка, сражающегося в гневе. Неожиданно он взревел. Вопль припертого в угол вандара сорвался с его губ. Могучие мускулы на его широко разведенных руках напряглись в попытке разорвать путы, освободив руки. Огромные связки резко очерченных мускулов проступили на его великолепной груди. Лицо северянина потемнело от напряжения. Всю силу своего тела вложил он в один титанический рывок...

И сил не хватило!

Тонгор разорвал себе запястья, но кожаные ремни по-прежнему крепко держали его, а глубоко вбитые колышки так и не шелохнулись. Снова и снова изо всех сил напрягал он свою могучую спину, свои плечи и руки, пытаясь разорвать свои оковы. Рев, вырывающийся из его груди, изменился. А чудовище приближалось. По долине эхом разносились гулкие шаги — камень с огромной силой врезался в камень. Но Тонгору не хватало сил, чтобы освободиться из смертоносной ловушки. Шаг за шагом тяжеловесная, шаркающая тварь из сверхъестественным образом ожившего камня подбиралась к валькару. Слепое, отвратительно карикатурное лицо чудовища было повернуто так, словно оно неподвижно смотрело вниз на пирата. С земли чудовище казалось ужасно высоким. Снова заскрипел камень о камень. Еще один шаг, и тварь наступит на Тонгора.

Потом... Что-то произошло за спиной капитана пиратов, но он не мог видеть, что... Там возник какой-то беспорядок.

Полузвери заверещали от боли. Засверкали клинки... Послышался топот множества ног. Копье просвистело над распятым Тонгором и ударило в изрытую оспинами грудь каменной твари. Медлен-

но слепое, лишенное человеческих черт лицо из камня скривилось, словно существо высматривало источник звуков, мешавших ритуалу. Свет и тень смешались причудливым образом, придав каменному лицу насмешливое выражение.

Потом чья-то рука схватила Тонгора. В воздухе сверкнул кинжал!

Глава девятая АДСКАЯ НОЧЬ

Сверкающий клинок метнулся к ремням, связывающим запястья Тонгора. Кожа лопнула, и рука пирата освободилась. Взглянув вверх, валькар вздохнул от облегчения, увидев полное озабоченное лицо ковианца, Кьюалба, который наклонился и пыхтя освободил другую руку Тонгора.

— Черт возьми, где вы были? — прорычал Тонгор. — Я думал, вы, ленивые собаки, никогда не придете!

— Помолитесь своему богу, капитан. Мы могли и не оказаться здесь, потерявшись в этих джунглях, если бы вы не закричали. Ваш вопль, наверное, пробудил бы и мертвых! — Кьюалб засопел, перерезая ремни, стягивающие ноги Тонгора. — Тад Новис услышал крик и сразу сказал, что это — вы. Так что мы пришли вовремя!

Тонгор, качаясь, поднялся на ноги, ворча от боли в конечностях, по которым снова начала циркулировать кровь. Его запястья потемнели и распухли, так что руки капитана висели, почти бесполезные, словно грубые лапы. Но тяжелые морские сапоги защитили его ноги, поэтому стоять он мог.

Валькар повернулся, оценив ситуацию одним быстрым, внимательным взглядом. Его верная бан-

да разбойников устроила дикарям настоящую бойню. Еще несколько секунд, и полулюди будут сломлены и убегут в свои подземные берлоги...

Тут раздался зловеющий крик, полный ярости.

Тоший колдун, выйдя из своего богохульственного транса, застыл на вершине горы каменных плит, глядя вниз на происходящее обезумевшим и гневным взглядом. В истощенной руке, похожей на руку скелета, он сжимал жезл Силы. С искривленных губ колуна срывалась адская литания черного колдовства.

Каменная тварь снова задвигалась!

Плиты затрещали под ее весом, когда она шагнула вперед. Ее руки угрожающе вытянулись. И прямо на ее пути храбрый отряд Тонгора отбивался от орды рычащих дикарей. Несколько шагов, и гигантский идол оказался среди них! Вот-вот ноги, похожие на камни, обрушатся на пиратов, убивая, топча людей, которые, словно насекомые, станут гибнуть под ногами чудовища!

Не было времени даже крикнуть, чтобы предупредить моряков... Даже подумать времени не было! Тонгор метнулся вперед, зная, что инстинкт вернее и точнее всего подскажет ему, что делать. В его движениях была смертоносная ярость обезумевшего зверя. Капитан пиратов рычал, и белые зубы его скалились в угрожающей усмешке...

Одним фантастическим, сверхчеловеческим прыжком взлетел он на груды каменных плит, где стоял колдун, в отчаянии вытянувший руки. Тонгор налетел на обезумевшего старца раньше, чем кто-нибудь из полулюдей успел ему помешать. Руки пирата оставались еще безжизненными и бесполезными, но они были могучими, тяжелыми и крепкими. Тыльной частью одной из ладоней Тонгор изо всех сил хлестнул колдуна по лицу. Чаро-

дей повалился на колени, сплевывая кровь и осколки выбитых зубов. Другой онемевшей рукой Тонгор вырвал жезл, увенчанный кристаллом, из рук колдуна... потом пнул колдуна, сбросив его с возвышения. Старик с глухим стуком растянулся на мостовой внизу. На лице его было написано сильное удивление.

Он оказался, прямо на пути каменного чудовища!

Исходя кровью и пеной в безумной ярости, колдун, шатаясь, поднялся на ноги. Из-под спутанных волос глаза его сверкали, словно адские луны. Потом его ярость иссякла. Лицо превратилось в молочно-белую маску ужаса. Глаза его выпучились. Он словно не мог поверить, что его же собственный бог мог его раздавить!

Тонгор крутанулся, сохраняя равновесие, и бросил палочку нибиума, словно дротик. Прямо и точно вошла палочка в изъеденную оспинами грудь шагающей твари. Сверкающий камень на конце палочки ударил в грудь каменного великана... и взорвался облаком драгоценной пыли.

И черная луна потухла...

Быстро, словно пробуждаясь от сна, растаяли в ночи призрачные чары злой магии.

Святотатственные, раскаленные неземным светом небеса померкли... потемнели!

Злая луна замерцала красным... а потом снова стала ярко-золотой. Черные звезды больше не сверкали на заколдованном небе. Теперь привычные звезды по-старому поблескивали из темноты на вновь дружелюбных небесах.

Раздался треск камня, трущегося о камень. Тварь, двигавшаяся нетвердой, шаркающей походкой, замерла неподвижно, так как злые чары, которые все это время поддерживали в ней призрачное

подобие жизни, растаяли вместе с расколовшимся кристаллом. И каменный бог стал... всего лишь тварью из камня.

Когда чары, приводившие его в движение, разрушились, существо закачалось, наклонившись над сражающимися пиратами Тонгора. А потом, качнувшись назад, гигант обрушился на каменную мостовую и разлетелся на куски. Сквозь грохот многих тонн камня, рухнувших на землю, прорвался одинокий крик невыразимого ужаса.

Кричал тощий чародей. Король-жрец троглодитов стоял прямо перед каменным гигантом. Тонны падающего камня скрыли его, оборвав его последний крик.

Тогда люди-звери дрогнули и побежали, неуклюже торопясь укрыться в своих норах, в то время как усталые пираты Тонгора опустили окровавленные клинки, дав противникам уйти. Дух полузверей был сломлен. Мало кто может остаться негнбимым, увидев смерть своего бога.

Наступила звенящая тишина. Тонгор сел, ослабился и начал растирать руки, пытаясь вернуть им былую чувствительность. От каменной пыли он стал серым с головы до ног. И еще он дьявольски хотел пить, но он был жив и свободен.

Адская ночь была на исходе.

Глава десятая ДАЛЬНИЕ МОРЯ

Заря зажглась над краем мира и разогнала ночные тени.

С зарей поднялся свежий ветерок. Он наполнил алые паруса стройной черной галеры. На этом ветру крепкое снаряжение пиратского парусника зве-

нело, словно струны арфы. Палуба закачалась, и нос судна резко приподнялся.

Закутавшись в теплый плащ, Тонгор облокотился о перила, потягивая из кубка холодное красное вино. Когда он вышел на палубу, к нему с мрачным видом подошел бритый Челим.

— Все, кто был на острове, уже поднялись на борт, — невесело усмехнулся зингабалиец. — Кантор Кан упокоился, как завещали его предки... и пьет свою утреннюю чашу в Зале Героев, если священники не лгут.

— Конечно, — кивнул Тонгор. — А почему у тебя такой угрюмый вид? Он умер, как мужчина, перед смертью из последних сил написав предостережение для своих товарищей по команде. Он принял смерть, как отважный человек. Слава Горму, если всем нам достанется столь же достойная смерть!

Первый помощник потер небритый подбородок с кислым выражением лица.

— Я печалюсь не о том, капитан... Во всем виновато это проклятое путешествие!.. Долго плыть, потерять хорошего товарища — и ради чего? Никаких сокровищ... Только мрачные джунгли, вонючие дикири и черное колдовство. Может быть, нам больше повезет с каким-нибудь толстым купцом по пути домой в Таракус? Мы бы с удовольствием облегчили его груз, но я не могу побороть желания...

Он смолк. Его глаза округлились, придав нелепое выражение его лицу. Слова замерли у него на губах. Потому что Тонгор наклонился, запустил одну руку за отворот своего высокого морского сапога и извлек полную пригоршню сверкающих рубиновых жемчужин. И еще, и еще!

— Животные схватили меня у бассейна, когда я собирал вот это, — объяснил молодой пират. — У меня хватило времени только на то, чтобы засы-

пать несколько пригоршней жемчужин к себе в сапоги... Дьявольски неудобно гулять с таким грузом. Но они согреют сердце самого холодного торговца на воровском базаре Таракуса... мы разделим их среди команды, чтобы любой, кто хочет, мог после этого путешествия отойти от дел и безбедно прожить свою жизнь.

Выражение удивления исчезло с лица Челима. Его заменила чудесная, сияющая усмешка.

— Гей, Фульвио! Парни, идите сюда! — заорал он. — Посмотрите-ка, что капитан притащил из этого проклятого города... Капитан, — радостно продолжал он, — я всем сердцем с вами. Когда дикири завывали, готовые прыгнуть вам на спину, у вас хватило времени затолкать сокровища, какие можно получить в выкупе разве что за принца, в отвороты своих сапог, прежде чем, обернувшись, вы стали сражаться за свою жизнь. Теперь я точно знаю: вы — прирожденный пират!

Усталые как собаки после ночных приключений, пираты высыпали на палубу и увидели, что капитан и его первый помощник хохочут самым странным образом. Излишне говорить, что, когда причина веселья стала им понятна, удивительные огненные жемчужины Кадорны наполнили радость и их сердца.

Вскоре после того как величественное солнце засияло на чистом голубом небе, пиратская галера «Черный Ястреб» подняла якорь, развернулась по ветру, нацелив свой нос в форме головы дракона в сторону открытого моря, и отправилась на поиски новых приключений...

Но это другая история.

Лин Картер

ПРИЕМЫ РЕМЕСЛА

(Некоторые прогрессивные средства создания миров)

Каждый писатель, создавая свой мир... желает быть настоящим создателем, надеется, что он рисует копию реальности, или что особые качества его мира (если не все детали) взяты из реальности или являются непосредственным продолжением ее. Если он достигает уровня, который, не покрывив душой, можно определить как: «внутренняя сущность реальности», то трудно понять, как такое может быть, если произведение каким-то образом не связано с реальностью.

Дж. Р. Р. Толкин. «О сказках»

Глава первая

ПРОБЛЕМЫ МАГИИ

Когда писатель начинает развивать в воображении и накапливать в записных книжках сырой материал, который намерен преобразить в вымышленный мир, то ему следует подумать и о логических аспектах такой задачи. Вымышленный мир, если ему явно не предназначено представлять наше отдаленное прошлое либо столь же отдаленное будущее, будет, вероятно, совсем иным, чем наш. Хотя бы потому, что включение фантастического элемента магии и сверхъестественных сил заранее предполагает мир, управляемый иной системой оккультных и религиозных сил природы. То есть, несмотря на убеждения служителей различных религий в нашем мире, в реальном мире магия просто не действует, духи не существуют, проклятия неэффективны и наука пока не доказала существование каких-либо богов, демонов или призраков. Следовательно, вымышленный мир, включающий в себя сверхъестественный элемент, должен — обязан — очень отличаться от нашего. Любому писателю, работающему в данном

жанре, следует это понять и обдумать все, что отсюда вытекает.

Например: как действует магия? В наших библиотеках покрупнее можно найти литературу по теории, практике и философии церемониальной и талисманной магии, применявшейся в средние века. Но для литературных целей этого вовсе не достаточно: магу в вашем произведении не следует быть всемогущим, ибо обладание абсолютным могуществом делает его непобедимым противником или, если маг главное действующее лицо, героем, совершенно неспособным попасть в тяжелое положение, из которого он не мог бы с легкостью выпутаться, щелкнув пальцами и сказав: «Абракадабра» (или: «Сим-сим»). Это явно лишит повествование такого важного качества, как напряженность, и может оказаться роковым для поддержания читательского интереса. Кого волнует, что происходит с героем, которого нельзя победить?*

Авторы фэнтези обычно справляются с этой проблемой, выдумывая чисто свою, новую систему магии, со встроенными ограничениями или изъянами. Эта трудность ничем не отличается от той, с которой столкнулись авторы комикса «Супермен». Неуязвимому и сверхсильному герою нужна какая-то ахиллесова пята, и поэтому им пришлось выдумать «криптонит» — воображаемый минерал, лишаящий облаченного в плащ борца с преступностью всех его способностей.

Джек Вэнс в своих блестящих и изобретательных рассказах серии «Умирающая Земля» придумал оригинальную науку магии, состоящую из уст-

* Здесь Лин Картер своими словами излагает известный Закон Рошала, который формулируется так: «Введение абсолютных категорий осложняет жизнь автору» или: «У каждого Ахиллеса должна быть своя пятка». (Прим. переводчиков.)

ных заклятий страшной силы. В рассказе «Туржан Миирский»* Вэнс так объясняет эту систему, указывая на встроенные ограничения: «Здесь были тома, собранные многими колдунами прошлого, неряшливые фолианты, оставленные Сейджем, переплетенные в кожу книги, содержащие сотню мощных заклинаний, большей частью настолько сложных, что Туржан мог держать одновременно в памяти не более четырех». Теперь вы получили представление, о чем я говорю. Известно сто таких заклинаний, объясняет Вэнс, но средний человеческий мозг, в котором надо запечатлеть заклинание страшным усилием воли, может содержать одновременно лишь несколько из них.

Чуть позже в том же рассказе Туржан готовится к путешествию. Любой маг, рискующий высунуть нос за безопасные пределы своей башни или дворца, подвергает себя мириадам опасностей странного мира будущего. Туржан пытается выбрать только те заклинания, которые, как он предвидит, могут понадобиться. «Он надел короткий синий плащ, повесил к поясу меч и прикрепил к запястью амулет с рунами Лаккоделя. Потом выбрал заклинания, которые хотел захватить с собой. Он не знал, какие опасности могут его поджидать, поэтому остановил свое внимание на трех заговорах наиболее общего применения: Великолепном Призматическом Разбрызгивателе, Воровской Магии Фандаала и на Заговоре Медленного Часа».

Ограничения такой магической системы очевидны. Маг либо столкнется с непредвиденными опасностями, либо истощит свой магический арсенал (поскольку каждым заклинанием можно пользоваться только один раз), что сделает его беспомощным перед лицом дальнейших угроз.

* Названия и цитаты приводятся по изданию: Джек Вэнс. Уми-
рающая Земля. Пермь: «Янус», 1992. (Прим. переводчиков.)

мощным перед лицом дальнейших угроз. Заметьте, Вэнс восхитительно продумал осложнения, вытекающие из проблемы неуязвимаго мага.

Нечто в том же роде можно найти в моем романе «Гигант в Конце Света» (1969). Мой маг Зелобион из Карчая — мастер магической Школы Фоманической Тавматургии — щеголеватый способ сказать, что он пользуется только устными заклинаниями и чарами. Хотя особенности у него выдающиеся и я не ввел никаких ограничений на число удерживаемых им тавматургий, можно легко догадаться, что он сделается магически бессильным, если враги попросту заткнут ему рот кляпом, что они и делают в девятой главе, привязав волшебника и оставив на съедение ненасытному Мириаподу, от которого Зелобиона спасает воин-сверхчеловек — Ганелон Серебряная Грива. А также (хоть я и не использовал эту идею в своем романе) его сделает столь же беспомощным простой приступ ларингита.

Схожим образом во «Властелине Колец» профессор Толкин столкнулся с проблемой Саурана — черного мага такой громадной силы, что он давным-давно миновал смертность и стал практически неуничтожимым. Толкин сделал из него чуть ли не божество зла. Так вот, любой герой, каким бы ни был он доблестным, явно будет беспомощен перед столь сильным противником. Толкин предвидел это возражение и перенес большую часть могущества Саурана в талисман громадной силы — «Первое Кольцо». Весь сюжет романа Толкина крутится вокруг двойной задачи: не дать Саурану приобрести Кольцо и, если возможно, уничтожить его, прежде чем злой волшебник им завладеет.

Еще один способ справиться с той же технической проблемой скоро будет продемонстрирован в

моем пока еще незаконченном романе «Химериум». Хотя решение в нем по существу родственно вэнсовскому, у него есть некоторые уникальные особенности. В мире «Химериума» — известном, кстати, как «Истрадорф» — применяется новый вид талисманной магии, при которой волшебник наделяет любой артефакт Силой с помощью метода, именуемого Озвездением. Магическая мощь происходит от жизненной силы самого мага, вытянутой из его тела громадным усилием воли. Жизненная энергия напоминает чистое, как звездный свет, пламя, через которое и пропускают талисман. «Заряд» можно истощить неоднократным применением талисмана. Его можно также разрядить, применив контрталисман. И конечно же, сама природа ограничивает число талисманных артефактов, какие может Озвездить Силой любой чародей Истрадорфа, так как каждое Озвездение высасывает часть его жизненной силы.

Но давайте проследуем дальше и кратко рассмотрим другие технические проблемы создания миров.

Глава вторая

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА

Автор, пишущий фэнтези, должен, как я уже говорил, очень хорошо представлять себе придуманный мир, хотя бы потому, что тот должен обладать «внутренней реальностью», о которой говорит Толкин в своем увлекательном эссе, процитированном в эпиграфе к этой статье. В мире, где есть магия, настоящая магия, не должно быть пороха. Если вы используете систему, которую можно назвать «практической магией» — магией, дей-

ствующей в реальном мире, — то физические науки, вроде химии, не только излишни, но и несколько неуместны.

Для создания у читателей того настроения, которое Кольридж окрестил «готовностью забыть о недоверии», требуется литературное умение высокого порядка. В произведении, где этого удалось добиться, автор каким-то образом заставил элементы фэнтези выглядеть реальными, настоящими, достоверными. Один из факторов, помогающих этого достичь, прием, названный, за неимением более подходящего термина, «фантастическим реализмом». Клайв Льюис обсуждает этот фактор в своей очаровательной книжечке «Опыт критика»:

«Это то, что я называю Реализмом Изображения — искусство приблизить к нам что-либо, сделать его живым и осязаемым, благодаря остро подмеченным или тонкоизображенным деталям... Мы все назовем реалистическими точные указания размеров, которые даны в “Гулливере”, а читая “Божественную Комедию”, найдем сравнения с известными нам предметами».*

Тщательное применение точных, живо схваченных, непосредственных описательных подробностей может сотворить чудеса по части оживления воображаемых существ на страницах вашего произведения, придаст реализм фантастическим сценам и сверхъестественным событиям. Льюис же дополняет список несколькими примерами того,

* Я настоятельно рекомендую прочесть «Опыт критика» всякому, кто серьезно заинтересован стать профессиональным автором фэнтези. Проницательные и остроумные замечания Льюиса относительно стилистики рассказа, сценической реальности, сюжета и характеристики персонажей просто неоценимы. Книга Льюиса была опубликована издательством Кембриджского университета в 1961 году, и процитированный мною абзац можно найти на 57-й странице. (Прим. автора.)

что ему кажется выдающимися реалистическими вымышленными подробностями:

1. Дракон «нюхает камень». («Беовульф».)

2. Артур в «Бруте» Лайамона, услышав, что он стал королем, сидел совершенно безмолвно и «то краснел, то бледнел».

3. Башенки замка в «Сэре Гавейне и Зеленом рыцаре» выглядели словно «вырезанные из бумаги».

4. Эльфы пекари в «Гуоне Бордоском» «стирали с пальцев тесто».

Явная аномалия всех этих образчиков описания подробностей состоит в том, что все они почерпнуты из литературы, которую мы называем «реалистической». Льюис сам это признавал. «Нетрудно заметить, что большинство моих примеров изобразительного реализма, хоть я и не делал это специально, попадают в произведения, которые сами по себе совсем не реалистические».

Льюис далее обрисовывает разницу между реализмом содержания и реализмом изображения, вещами совершенно различными, и демонстрирует потом их признаки: реализм изображения без реализма содержания, как в средневековом романе; реализм содержания без реализма изображения, как в драмах Россини и Софокла (то, что мы, полагая, назвали бы «психологическим реализмом»). Применение обоих видов реализма в одном произведении, как в «Войне и мире» Толстого. И, наконец, отсутствие того и другого, как в «Расселасе» Джонсона или в «Кандиде» Вольтера.

К списку примеров Льюиса я хотел бы добавить еще несколько своих:

5. Дракон в рассказе Дансени «Каркассон» поймал медведя и «играл с ним, давая ему убежать и всякий раз нагоняя его».

6. Новые цвета «ульогненный» и «нефрэлевый», видимые днем на Тормансе в «Путешествии к Арктуру».

7. Марсианки Ли Бреккетт, грациозные как кошки, по пояс голые и не носящие никаких украшений, кроме «вплетенных в волосы крошечных золотых колокольчиков», наполняющих воздух «тонким, шаловливым» позвякиванием, когда марсианки двигаются.

Многозначительные реалистические подробности можно то и дело увидеть в произведениях мастеров жанра. Дансени, например, кажется, отлично осознал суть доводов Льюиса. Совершенно наобум откройте его любую книжку и сразу же столкнетесь с живым мазком реалистических наблюдений.

Город среди пустыни в «Бетмуре», где «окно за окном изливает во мрак пульсирующий лиловый свет». Или описание Внутренних Земель в «Полтарнессе, глядящем на океан». За этим океаном — пустыня, не единожды не потревоженная человеком. Она сплошь желтая, с пятнами теней от камней, и «смерть таится в ней, подобная нежащемуся под лучами солнца леопарду». К этому автор добавляет «убойную» деталь — мелкую, ненужную, но так много говорящую подробность — «с юга они ограничены стеной магии». Или путешественники в «Праздных днях на Янусе», которые, добравшись до Астахана — «города древнего происхождения», видят, что на его стенах высечены «звери, давно исчезнувшие с лица Земли, — дракон, грифон, гипокриф и одиннадцать видов горгулий». Или хижина ведьмы Зирундерел в «Дочери эльфийского короля», описанная так: «...высоко в горах, рядом с громом, повадившимся летом бесноваться на вершинах». И то, как эта ведьма куёт

для принца Альверика заколдованный меч из семнадцати молний, «собранных у нее под капустой», выглядит очень реалистично. Да и Ворота из Слоновой кости в тех же «Праздниках на Янусе» вырезаны из «единого, цельного куска» слоновой кости. Сколь много доносит автор до читателя такими замечаниями и сравнениями. Сразу представляешь себе столь невероятного Левиафана, что из одного его бивня можно вырезать ворота целого города. А лучники Тора в «Вероятных приключениях трех литераторов» пускают стрелы из слоновой кости «во всех чужеземцев, дабы какой-нибудь иностранец не изменил их законов». А законы-то у них плохие, но «не каким-то иноземцам менять их».

Именно из-за таких мастерских мазков кисти мы и считаем Лорда Дансени одним из величайших авторов фэнтези.

На первый взгляд вставка реалистических или даже обыденных подробностей в великолепные сцены высокой героической фэнтези кажется чуть ли не абсурдным сочетанием. «Всякое волшебство гибнет от прикосновения банального», — заметил Льюис в цитированном мною ранее письме к Джейн Гаскелл. Но чем больше думаешь, тем очевиднее становится то, что нам особенно нравится читать фантастическую сцену, когда она изображена реально, когда автор визуально четко сфокусировался на ней. Читать о драконах, замках и магах само по себе доставляет определенное удовольствие, но удовольствие это многократно усиливается, когда сцену оживляют тщательно подобранные, хрустящие на зубах подробности.

«Всякое волшебство гибнет от прикосновения банального». Но то же самое волшебство вовсе не

чахнет перед обыденной подробностью, а может и усиливаться ею. Во всяком случае в фэнтези определенного типа. Именно этот фактор оживляет очаровательные повести Пратта и Спрэга де Кампа о Гарольде Ши и вообще всю фэнтези так называемого Анноунского периода развития* — периода внедрения в стихию фэнтези разума и логики.

Другими словами: не всегда достаточно просто вставить в боевик традиционного огнедышащего дракона. В определенных видах фэнтези часто всего эффективней разумно объяснить своих драконов, нарисовать, как именно они функционируют, изобразить их в контексте повествования так, словно они реальные существа, которые можно встретить, отправившись за город на пикник. (Я не говорю, что это можно или следует делать во всех видах фэнтези, только в некоторых). Роберт Хайнлайн выполнил это очень остроумно в своей единственной вылазке на поля героической фэнтези, в романе под названием «Дорога славы» (1968).

Его герой, Оскар, с недоверием относится к утверждению, что ему вскоре предстоит встретиться с настоящим живым огнедышащим драконом прямо из сказок. Героиня — Звезда, так объясняет природу этого зверя**:

«Сказать, что они дышат огнем, было бы неточно. Это убило бы их. Они задерживают дыхание, когда выпускают пламя. Горит болотный газ — метан — из пищеварительного тракта. Что-то вроде контролируемой отрыжки с гиперголическим эф-

* От названия журнала «Анноун». (Прим. переводчиков.)

** Цитируется по изданию: Роберт Хайнлайн. Дорога Славы. Нижний Новгород: «Флокс», 1992. (Прим. переводчиков.)

фектом от гормона, вырабатываемого между первым и вторым рядами зубов. Газ воспламеняется при выходе наружу».

Роман, кстати, современный, сленговый вариант героической фэнтези, насыщенный разговорными оборотами и большинством уже рассмотренных нами компонентов фантастического реализма. Если пищеварительный процесс драконов кажется совершенно невероятным, то Хайнлайн предупреждает вашу критику, заметив: «Нельзя считать странным любой вывих эволюции, если взять для сравнения то, как занимаются любовью спруты». Эта острота, могу добавить, заставила меня броситься к учебнику морской биологии...

Хайнлайн, конечно, «собаку съел» на современной научной фантастике — совсем не плохом полигоне для начинающих писателей фэнтези. Еще один выпускник Школы Реалистического Созидания Миров Джона Кэмпбэла — Пол Андерсон. Достаточно странно, что по ходу действия своего романа «Три сердца, три льва», вышедшего за два года до «Дороги славы», он высказал схожие с Хайнлайном воззрения на биологию дракона. В той книге на Хольгера Карлсена напал огнедышащий представитель данного вида, когда герой переправлялся вброд через реку. Хольгер-датчанин сорвал с себя шлем, зачерпнул воды и плеснул зверю в глотку. Раздался приглушенный взрыв, и дракон пошатываясь пошел прочь...

«Видишь ли, раз дракон дышит огнем — значит, внутри у него температура выше. Я влил ему в глотку несколько литров воды, и получилась небольшая взрыв, как в паровом котле».*

* Цитируется по книге: Пол Андерсон. Три сердца, три льва. Операция хаос. Харьков: «Основа», 1991. Перевод А. Бушкова. (Прим. переводчиков.)

Глава третья ПРОБЛЕМА «ЗАНЯТИЯ»

С вышеописанными приемами насыщения произведения «фантастическим реализмом» тесно связан и еще один прием, который я за неимением лучшего назову «занятием». Так в театре называют некоторые второстепенные штрихи, которые актеры прибавляют к своей роли.* То есть пока один актер что-то говорит другому, тот старается «реалистически реагировать» на данную ситуацию. Он стремится насытить свое присутствие на сцене иллюзией нормальности. Он может нервно двигать по столу украшения, закурить сигарету, почесать колено. Помню, как Ингрид Бергман сыграла в долгой сцене в бродвейской постановке «Обращения капитана Брасбаунда» Бернарда Шоу. Один персонаж произносил довольно длинную речь. По сценарию мисс Бергман было нечего делать, кроме как находиться на сцене во время всего этого монолога. Там, где актриса меньшего калибра просто деревянно сидела бы, дожидаясь следующей своей реплики, мисс Бергман, как бы невзначай, разыграла целый спектакль, снимая шляпку, поправляя прическу, стряхивая с юбок дорожную пыль и разглаживая на платье складки и рюшки. В то же время она слушала монолог другой актрисы и реагировала на него переменной выражения лица.

Вот это и было «занятие».

Так вот, под «занятием» в фэнтези я подразумеваю дополнительные штрихи ярких мелочей, ко-

* В русскоязычных театрах существует некий похожий по смыслу термин — «играть», но мы сознательно сохранили терминологию, использованную Лином Картером, чтобы не вносить путаницы. (Прим. переводчиков.)

торые опускают некоторые писатели, но художники помудрее вписывают в скучные, но необходимые куски прозы. Например: предположим, вам по сюжету нужно переправить ваших персонажей «отсюда» «туда». Некоторые писатели просто «монтируют» дальше следующую сцену, как в кино наплывом. Другие, очевидно более чуткие к стилю и настроению, предложат путешествие по ландшафту с эффектной вспышкой мелких подробностей, высвечивающих столь важное для фэнтези настроение и атмосферу.

Художники получше часто применяют «занятие», чтобы сделать запоминающимся, «характерным» какой-то географический пункт. Среди мастеров такой техники числится Лавкрафт. В «Целефаисе» Куранес шагает по улице — и не просто по какой-то улице, а по «Улице Столпов». В «Серебряном ключе» упомянутый мимоходом Нарат обогащен замечанием о «его семи разных воротах и халцедоновых куполах». В «Поисках неведомого Кадата», говоря об Ульфаре, Лавкрафт замечает, что в том городе «в силу древнего и важного закона никому не дозволено убить кошку»; в том же романе, упоминая город «саркоманд», Лавкрафт выделяет его «огромных крылатых львов из диорита».

Как видите, граница между «фантастическим реализмом» и тем, что я называю «занятием», расплывчатая и сомнительная. Однако, суть в ярких описательных подробностях, делающих образ или сцену запоминающимися, в противовес просто реальному. По крайней мере ради этого начинающему автору фэнтези стоит не спеша, вдумчиво прочесть те же «Поиски неведомого Кадата». Лавкрафт вновь и вновь тонко подчеркивает атмосферу своего воображаемого места действия эффек-

тивными штрихами подкрепляющих его слова подробностей. Его герой, Рудольф Картер, не просто заходит в зеленую страну грез (дзины!) — просто взял и вошел. Он спускается «по лестнице из оникса в семьсот ступеней» и проходит через «Врата Глубокого Сна». Мимоходом мелькает каменный истукан. О нем сообщается, что он «высечен из цельной скалы горы Нгранек, что на острове Ориаб в южном море». Нам не просто суют голый город Целефакс, а преподносят его с наброском окружающего ландшафта: Целефакс «в стране Ут-Наргай за Танарийскими горами».

Не менее блестяще применил «занятие» и Эрик Эддисон во «Владычице Владычиц». Представив нам верховного адмирала Джероними, Эддисон замечательно подметил, что тот носил на шее «королевский орден гиппогрифа». В «Черве Оуробороса» он сообщает нам небезынтересный факт, что у его меркурианцев есть рога, обронив при общем описании внешности князя Зигга из страны демонов, что «рога его были выкрашены в шафрановый цвет и покрыты золотой филигранью». В том же романе, в седьмой главе, драматически появляется на сцене главный герой — король Карсе Горис. Автор описывает его костюм, но специфически характеризует эффектный образчик необязательного «занятия» Эддисона — описание плаща Карса Гориса, сделанного «из шкур кобр, сшитых друг с другом проволокой». Вот как много можно сообщить читателю, изредка добавив необходимую подробность.

Еще одно превосходное применение «занятия» можно найти в той же книге раньше, в третьей главе, после знаменитой сцены борьбы. Эддисон подпускает совершенно необязательного «лишку» сценического колорита, описывая танец Кагу (в

котором и без того достаточно «колорита», чтобы сцена удалась для любого писателя с менее щедрым воображением, чем Эддисон). Я говорю о торжественном, степенном танце прелестных кошкотомедведей, «рыжих, словно лисы, сверху, но с черным брюхом, округлыми мохнатыми мордами, невинными янтарными глазами, громадными мягкими лапами и хвостами в румяно-кремовую поперечную полоску». Рыжий Фолиот велит этим толстым мохнатым существам «станцевать Гиг». Закончив танец и «стоя бок о бок, лапа в мохнатой лапе, они одновременно поклонились обществу, и Рыжий Фолиот подозвал их к себе и расцеловал в уста».

Такой сцене не нужны добавления для создания колорита... для этого хватило и одного танца Кагу. Следовательно, это — чистой воды приправа.

«Занятие» почти всегда чистой воды приправа. Учтите.

Глава четвертая

ПРОБЛЕМЫ ФЛОРЫ И ФАУНЫ

Дальнейшие подробности для усиления колорита и последний пример «продуманности» мира можно отыскать в области флоры и фауны. Когда мир фэнтези четко определен как не Земля, а какая-то другая планета, вроде Барсума или Хеиккарфа, или моих Зарканду и Иридара, он не должен включать в себя знакомых нам зверей и птиц. Это кажется мне столь очевидным, что я не стану растолковывать подробно. Однако же, учитывая, сколь это очевидно, довольно удивительно, сколь немногие авторы данного жанра продумывают флору и фауну своих миров.

Примером этому может послужить Эддисон. Я уже писал, как на Меркурии у него пользуются «ирландским тисом» — вопиющая ошибка. И тут он не одинок. Схожие ошибки допущены Лейбером на Невоне, Джейксом на Пара-земле, Эндрю Нортон в Мире ведьм и де Кампом в мире «Башни гоблинов» и «Часов Ираза». Почему они это делают?

У Фрица Лейбера герои ездят на лошадях. Ну, допускаю, обитатели вымышленного мира, вероятно, должны использовать каких-то местных, легко одомашниваемых зверей для поездок, но почему это должны быть *Equus caballus*?

Даже столь неуклюжая писательница Джейн Гаскелл, которая неоднократно подвергалась в моих статьях уничтожающей критике за самые вопиющие ошибки, даже она заставила своих атлантов разезжать верхом на огромных птицах, вроде страусов.

Фриц Лейбер оспаривает этот вопрос в недавней статье, опубликованной в фэнзине «Андурил» — бюллетене Толкиновского общества Великобритании.*

«Нет смысла спрашивать, откуда взялись на Меркурии (я имею в виду роман Эддисона) люди, лошади и тис.

Хол Клемент, Джемс Блиш, Л. Спрэг де Камп и другие подробно разъяснили надлежащие способы построения воображаемой планеты иной звездной системы. На ней же, естественно, будет иная биология. Но научная фантастика это не фэнтези, которая должна не противоречить только самой себе, а не науке».

* После «Амры», «Андурил» самый интересный и стимулирующий мысль фэнзин в области ныне называемой героической фэнтези. (Прим. автора.)

Фриц здесь приводит безусловно ложный довод. Он продолжает, рассматривая свой Невон, рассуждать так:

«Обитают в нем по большей части люди, и поэтому вполне естественно, что там должны быть и лошади, кошки, собаки, сосны».

Можно многое сказать в пользу позиции Фрица Лейбера по этому вопросу. И если говорить честно, то следует сказать в его защиту (так же как в защиту Джейн Гаскелл и мисс Нортон), что есть немало внутренних свидетельств тому, что Мир Веды, Невон и Пара-земля (так же как де Камповская планета в «Башне гоблинов») соприкасались с нашей землей в разных точках истории и географии, так же как мир Кэтрин Курц в серии «Дерини». Такие миры предположительно очень близки к нашему пространству-времени, отделены, возможно, как иное измерение, но в любом случае, это определенно «параллельные миры», говоря языком научной фантастики.

С другой стороны, а что собственно плохого в конструировании миров фэнтези по методу Хола Клемента и Джеймса Блиша? То, что это редко делалось в стиле фэнтези, если вообще делалось, никак не аргумент против теоретической обоснованности такого конструирования. В своем незаконченном «Химериуме» я пытаюсь именно так и поступить: построить мир фэнтези с помощью техники, разработанной современной научной фантастикой.

В другом мире не должно быть земных зверей и птиц. У автора нет никаких причин, не позволяющих просто-напросто выдумывать экстравагантные аналоги заурядным существам. Давайте проверим эту теорию на практике, обратившись к реальным примерам, и посмотрим, действует ли она.

Раньше в большей части фэнтези авторы заставляли героев ехать на лошадях по дубовым и сосновым лесам, охотиться с гончими на единорогов и так далее.

Вспомните великолепную сцену охоты на единорога в «Дочери эльфийского короля». Конечно, весь смысл романа Дансени в том, что он делает единорогов, магию и эльфов частью мира людей. Но строго говоря, так поступать ошибочно, и этого можно избежать, если писатель желает взять на себя такой труд.

Некоторые писатели согласны с этим и избегают подобных ошибок любыми способами. Берроуз, например, создал уникальную, оригинальную биосферу для своей версии Марса. Вместо лошадей его персонажи ездят на восьминогих млекопитающих, названных им «тотами»; вместо тяжелых выючных животных он изобретает мастодонтов — «зитидаров». Его надо похвалить за то, что он довел свое решение до логического конца. На Барсуме нет даже кошек и собак, вместо этих домашних животных Берроуз вводит «калота» и «сорака».

В ходе написания марсианской серии, Берроуз пополнил свой барсумский бестиарий. В нем есть «апт» — арктический зверь с белым мехом и шестью лапами, безволосый, похожий на льва «бенс» и иные твари — «дарсин», «орлук» и так далее. Они по большей своей части хорошо выписаны и оригинальны. В основном той же практики Берроуз придерживался в книгах о Венере и Пеллюсидаре.

Тем, как Берроуз использует эту технику, можно только восхищаться. Он проектирует и выдумывает новых зверей, а не сует на Марс обыкновенных лошадей и называет их тотами. Взять, к

примеру, его «калота». Этот марсианский пес так впервые представлен в «Принцессе Марса»*.

«В ответ на ее зов я впервые увидел новое чудо Марса. Оно вошло, покачиваясь на десяти тоненьких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением того, что челюсти его были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков».

Марсианка поручает зверюге стеречь берроузовского героя-землянина Джона Картера. Тот играючи убегает от свирепого на вид зверя, и на него нападают чудища, похожие на обезьян. Марсианский сторожевой пес, Вула, следует за своим подопечным и сражается с гориллойдом, который чуть-чуть не убивает его. Картер наблюдает за схваткой и обнаруживает, что проникся странным сочувствием к этому верному, хоть и страшному сторожевому псу.

«Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей течет кровь. Было совершенно очевидно, что он слабеет... и огромные глаза его не отрываясь глядели на меня с выражением мольбы и защиты. Я не мог противостоять этому взгляду...»

Картер берется за оружие и сам вступает в бой с гориллойдом. Позже подбегают на помощь его зеленокожие марсиане. Они готовы без всякого сожаления прикончить раненого сторожевого пса, но Картер не дает им пристрелить верного калота.

«В конце концов, на Марсе у меня оказалось двое друзей — молодая женщина и безгласный

зверь, в бедной, уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям Марса».

Хотя этот абзац и может показаться некоторым излишне сентиментальным, всякий, у кого была собака, знает, на какую глубокую привязанность и любовь способен этот зверь. Берроуз здесь делает не что иное, как очень умно демонстрирует сущность «пса» и рисует Вулу, «верного марсианского пса», перенеся в него качества земного зверя.

Более того, Берроуз нашел для него надлежащее имя. Турид, бенс, тот, зитидар — в таких названиях есть внутренняя правильность, ее легко почувствовать и узнать, но никак нельзя объяснить. По контрасту с берроузовской пригодностью названий и имен даже самый лучший его современник-подражатель Отис Адельберт Клайн выглядит намного хуже, по крайней мере в этом отношении. Просмотрим один из романов Клайна, выбранный наугад. «Принц опасности» демонстрирует, как Клайн, ничуть не стараясь, лепит имена и названия. Вслушайтесь. Зверь «ордзук»!.. И вообще венерианский словарь Клайна показывает, как мало времени он отводит на создание имен и названий: Зовил, Зинло, скарбо, кова, Ург, Укспо, Азпок, Ропок, Рогвиз — эти имена и названия просто ужасны. У них тоскливое, двусложное строение, одинаковое звучание и какая-то неотесанная уродливость.*

В своих книгах о Лемурии я следовал примеру Берроуза, создавая биосферу и пытаюсь привести вид и звучание названий в соответствие с природой зверя. «Фондл» кажется мне превосходным

* Цитата и все названия Берроуза приведены по изданию: Э. Берроуз. Дочь тысячи джедаков (Принцесса Марса). Москва: «Центр эксцентрики», 1990. (Прим. переводчиков.)

* Обычно читатель сразу же запутывается в таких названиях, и ему то и дело приходится возвращаться обратно, чтобы вспомнить, кто есть кто. (Прим. переводчиков.)

названием для толстенького газелеобразного создания; «кротер» — мое название лемурийского аналога лошади, а «зампф» — неуклюжего, похожего на трицератонса вьючного животного. Доволен я также такими названиями, как «деодас» — свирепый кошкодракон джунглей Ковии, «поа» — плотоядный речной змей, и «вандар» — разновидность величественного черногривого лемурийского льва. Однако иногда лемурийские названия меня не удовлетворяют. «Гракк» — мое название для птеродактиля, «дварк» — огромный динозавр джунглей и «ларс» — какой-то плезиозавр. Эти названия кажутся мне столь же неуклюжими и плохо выдуманскими, как и наихудшие творения Клайна.

В создании и поддержании «внутренней сущности реальности», о которой говорит Толкин, писателю обязательно поможет его система вымышленных названий, протянувшаяся через весь роман. В мире, где вместо лошадей бегают «кротеры» и «замфы», должны быть также вымышленные цветы, деревья, металлы и драгоценные камни. Мне кажется, вы выполните только половину работы, если после изобретения аналогов львов, лошадей, собак и коров станете упоминать дубы, розы и изумруды.

Берроуз, кстати, выдумал для своего Барсума новые деревья: «сорапус», «скилл». Неужели в этом есть что-то особенно трудное?

Некоторые писатели признавали это и заселили свои вымышленные ландшафты интересными новыми названиями. Примером служит Лавкрафт с его «шантак-птицами», «ночными гонтами» и «дхолами». Дансени богат почти столь же изощренно вымышленными названиями в рассказе «В Заккарате», где упоминаются «факелы, пропитанные редкими биринийскими маслами», которые го-

рели, «испуская аромат блетани». В другом его рассказе «Бетмура» упоминается вино, сделанное из «сирабубы». В рассказах о крае света появляются новые музыкальные инструменты — «люди били в тамбанги и титтибуки, мелодично дудели на зутиборах». В «Праздниках на Янусе» появляются новые монеты под названием «пиффеки», так же как «тумарундские ковры» и не то еда, не то питье под названием «толлуб».*

Стало быть, это можно сделать, и я не вижу никаких причин избегать этого.

Новому миру пристало быть новым во всех отношениях, так сказать вымышленным и выдуманным с магмы до неба. «Сделай его новым», — советует Эзра Паунд, говоря о стихотворении. Это пожелание имеет смысл и когда говорят о прозе, по крайней мере в контексте того жанра, который мы тут обсуждаем.

Фриц Лейбер привлекает очевидными ошибками в этой теории. Рецензируя мою антологию «Новые миры для старого» в журнале Тэда Уайта «Фантастик», он заметил:

«У метода Лина Картера есть по крайней мере один непредсказуемый недостаток: сколько б ни обитало в таком мире странных животных и негуманоидных разумных племен, главными его обитателями должны быть, особенно в фэнтези, люди или же существа, похожие на людей».

* Интересный и вдумчивый взгляд на создание «Надлежащего имени» в литературе воображения можно найти в статье Джорджа Брэндона Сола «Странные боги и далекие края: рассказы Лорда Дансени», появившейся в «Аризона квартели» осенью 1963 года. Сол указывает, что для многих читателей эти имена и названия «сами по себе навевают мысли о магии». Сол дает своеобразный термин для обозначения этого качества — «идеальная ономастия». Иллюстрирует он ее, замечая, что «Хили», например, кажется совершенно точным именем Бога Молчания, так же как «Слит» — лукавого, хитрого вора. (Прим. автора.)

Верное наблюдение, но не из тех, с какими я обязательно должен согласиться. Яйцекладущие прекрасные марсианки Берроуза и его же здоровенные четырехрукие зеленые тарки достаточно непохожи на гомо сапиенс, чтобы предположить, что их создатель намекал на куда большую чуждость, нежели нарисованная им.

У Эддисона житери меркурийской страны демонов с их полированными рожками (а их противники обладают рудоментарными хвостиками) могут быть менее человекоподобны, чем мы думаем. Этот символический отход от земной нормы предполагает большую чужеродность, оставленную за скобками.

Можно написать роман меча-и-магии, где действие происходит на другой планете, разумные обитатели которой происходят, скажем, не от млекопитающих, а от рептилий. Чтобы проверить такой фокус, потребуется долго изучать половую жизнь, диету и другие схожие детали, относящиеся к меньшим плотоядным эпохи миоцена. Но это можно сделать...

Что-то в таком роде будет в моем «Химериуме». У обитателей Истарорфа, как я теперь думаю, будут рудиментарные рожки, как у меркурианцев Эддисона. Возможно, это неразумно с моей стороны, но я, кажется, пленен этой идеей, ибо к своему удовольствию я разглядел, что рога есть почти у всех млекопитающих Истарорфа. Следовательно, они должны быть и у «людей» того мира. Хотя такая идея может привести и к катастрофе. Хотя бы потому, что обязательно заставит некоторых читателей критиковать меня за подражание Эддисону. Но меня и так не раз уже обвиняли в том, что я — рядовой подражатель, так что в этом не будет ничего нового. Суть в том, что мои герои

будут не просто так рогатыми, а оттого, что рога есть у всех млекопитающих биосферы «Химериума».

У моих героев в «Химериуме» также будет еще одно чувство, неведомое людям, а также добавочный орган чувств, которому я пока не нашел названия. Этот орган предоставит им уникальную способность воспринимать ауру магической силы вокруг заговоренного предмета или ореол Силы у сверхъестественного существа. Это тоже придумано по определенной причине, в данном случае из-за сюжета, и скажу лишь (боюсь, это прозвучит довольно таинственно), что такая способность позволит моим героям воспринимать «шаар», то есть нимб. Но об этом отдельный разговор.

Рога и новый орган чувств следует понимать как знак того, что, как бы сильно ни казались похожими на людей обитатели Истарорфа, не следует считать, что они подобны нам. Они совсем иные. Но об этом в другой раз...

Получается, что Фриц Лейбер, вполне возможно, не прав в своем мнении, что герои всех романов фэнтези должны быть в конечном итоге «все-го-навсего людьми». Не все герои Толкина попадают под это описание, равно как и обитатели Торманса, или темные жители Ночной Страны, Древние, правившие Миром Ведьм до прихода людей, или Зард из Атлана, деоданды с Умирающей Земли, или эльфы и тролли, о которых пишет Пол Андерсон, а также царь-дракон моей доисторической Лемурии.

Невозможно рассчитать дальнейшие пути развития фэнтези. Нельзя обсуждать ненаписанные книги, нерассказанные повести, неспетые песни. Однако можно смело предположить, что некото-

рые из авторов фэнтези, которые придут нам на смену завтра, прочтут эти заметки. Надеюсь, я ясно нарисовал вам некоторые правила, по которым можно писать произведения этого жанра.

Ваше дело нарушать, обходить или соблюдать их. А может, и изобрести новые. Ваше дело экспериментировать, применять, отбрасывать или развивать еще дальше описанную здесь технику написания произведений в стиле фэнтези. И ваше дело добавить новые шедевры к классике этого жанра.

Фриц Лейбер

КРУПИНКА ТЕМНОГО ЦАРСТВА

В голове у него была трещина — вот и залетела туда крупинка Темного Царства, да и задавила его до смерти.

Редьярд Киплинг. «Рикша-призрак»

Старомодный, с приплюснутым носом черный «фольксваген» с водителем и еще двумя пассажирами помимо меня с натужным гудением влезал на перевал хребта Санта-Моника, вплотную огибая приземистые, густо поросшие кустарником вершины с причудливо обветренными каменными выступами, похожие на какие-то первобытные изваяния или на мифических чудищ в плащах с капюшонами.

Мы ехали с опущенным верхом и достаточно медленно, чтобы ухватить взглядом то стремительно ударающую ящерицу, то здоровенного кузнечика, размашистым скачком перепрыгивающего изпод колес на серый раскрошенный камень. Раз какой-то косматый серый кот — которого Вики, в дурашливом испуге стиснув мою руку, упорно именovala барсом — мелкой рысью пересек узкую дорогу прямо перед нами и скрылся в сухом душистом подлеске. Местность вокруг представляла собой огромный потенциальный костер, и напоминать о запрете на курение никому из нас не приходилось.

День был кристально ясный, с плотными облаками, которые четко вырисовывались в головокружительной перевернутой глубине синего неба. Солнце между облаками было ослепительно яр-

ким. Уже не раз, когда мы, взлетая на крутую горюшку, нацеливались прямо на этот низко повисший над далеким горизонтом раскаленный шар, я чувствовал жалиющие уколы его лучей, после чего страдал от черных пятен, которые потом еще с минуту плавали у меня перед глазами. Солнечных очков, конечно, никто не захватил.

Свернув с автомагистрали, ведущей вдоль тихоокеанского побережья, мы разминулись лишь с двумя автомобилями и заметили только с полдюжины домиков и жилых вагончиков — поразительное безлюдье, особенно если учесть, что Лос-Анжелес остался от силы в часе езды позади. Это безлюдье уже отделило нас с Вики друг от друга своими молчаливыми намеками на тайны и откровения, но еще не успело сблизить опять — по той причине, что было в чем-то и жутковатым.

Франц Кинцман, сидящий на переднем сиденье справа, и его сосед, который вызвался порулить на этом довольно непростом отрезке дороги (мистер то ли Мортон, то ли Морган, то ли Мортенсон, я как следует не запомнил), находились, похоже, под несколько меньшим впечатлением от окружающего пейзажа, чего и следовало ожидать, поскольку обоим он был куда более знаком, чем нам с Вики. Хотя, честно говоря, трудновато было определить их реакцию исключительно по виду коротко стриженного седого затылка Франца или выцветшей парусиновой шляпы мистера М., которую он нахлобучил пониже, чтобы прикрыть глаза от солнца.

Мы как раз миновали ту точку дороги Малого Платанового каньона, откуда все острова Санта-Барбары — Анакапа, Санта-Крус, Санта-Роза, даже далекий Сан-Мигуэль — виднеются на горизонте, будто старинный парусник из серо-синеватых,

слегка зернистых облаков, застывший на поверхности бледно-голубого океана, когда я, безо всякой особо глубокой причины, вдруг вслух высказал то, что в тот момент пришло мне в голову:

— Сомневаюсь, что в наши дни можно написать истинно берущий за душу рассказ про сверхъестественные ужасы — или же, в том же смысле, испытать настоящий, глубокий, переворачивающий всю твою сущность сверхъестественный страх.

Вообще-то говоря, для замечания на подобную тему незначительные основания все-таки были. Мы с Вики работали вместе на съемках пары дешевых кино-ужастиков, Франц Кинцман в дополнение к своей славе писателя-фантаста пользовался известностью в среде ученых-психологов, и втроем мы частенько болтали о судьбах в жизни и искусстве. Вдобавок некий неуловимый налет тайны ощущался и в самом приглашении Франца провести с ним выходные в горах, в Домике-На-Обрыве, куда он возвращался после месяца в Анжелесе. И, наконец, при столь резком переходе от городской суеты к запретным просторам дикой природы всегда становится как-то не по себе... тут Франц будто прочитал мои мысли.

— Могу назвать первое условие для того, чтобы пережить нечто подобное, — заметил он, не поворачивая головы, когда «фольксваген» въехал в прохладную полосу тени. — Для начала нужно вырваться из Муравейника.

— Из Муравейника? — переспросила Вики, прекрасно понимая, что он имеет в виду, но желая услышать его речь и заставить повернуть голову.

Франц сделал такое одолжение. У него исключительно красивое, задумчивое, благородное лицо, словно откуда-то из прежних времен, хотя выглядит он на все свои пятьдесят, а с глаз не сходят

темные круги с той самой поры, как его жена с двумя сыновьями год назад погибли в авиакатастрофе.

— Это я про Город, — сказал он, когда мы вновь выкатились на солнце. — Ареал обитания людей, где у нас есть полицейские, чтоб нас охранять, психиатры, чтоб заглядывать нам в головы, и соседи, чтоб болтать с нами, и где наши уши настолько забиты треском средств массовой информации, что практически невозможно что-либо как следует осознать, или прочувствовать, или осмыслить, что-либо, что за пределами человеческого рода. Сегодня Город, фигурально выражаясь, покрывает собой весь мир вместе с морями и ждет не дождется прорыва в космос. По-моему, что ты имеешь в виду, Гленн, так это что трудно оторваться от Города даже на природе.

Мистер М. дважды посигналил перед слепым поворотом-серпантином и, в свою очередь, тоже подал голос.

— Я в таких вещах не особо смыслю, — сказал он, сосредоточенно сторбившись за рулем, — но по-моему, мистер Сибьюри, вы можете найти любые страхи и ужасы, даже не выходя из собственного дома, хотя я бы сказал, что там скорее больше грязи. Это я про нацистские лагеря смерти, промывание мозгов, убийства на сексуальной почве, расовые волнения, все в таком духе, не говоря уже о Хиросиме.

— Правильно, — парировал я, — но я говорю про ужас сверхъестественный, который по сути почти полный антитезис даже самым отвратительным проявлениям насилия и жестокости со стороны человека. Призраки, внезапное прекращение действия незыблемых законов природы, вторжение чего-то совершенно чуждого ей, ощущение, будто

нечто подслушивает у края космоса и царапается с обратной стороны небосвода.

Пока я произносил эти слова, Франц вдруг поднял на меня взгляд, в котором, как мне показалось, внезапно промелькнули волнение и тревога, но в этот момент меня вновь ослепило солнце, а Вики заметила:

— Разве мало тебе научной фантастики, Гленн? В смысле, ужасов иных планет, внеземных чудищ?

— Мало, — твердо ответил я, моргая на лохматый черный шар, скачками ползущий по горам, — потому что у чудища с Марса или откуда там еще (по крайней мере, как представляется автору), столько дополнительных ног, столько всяких щупальцев и кроваво-красных глаз, что оно реальней полицейского на перекрестке. А если оно, случись, газообразное, так состав этого газа распишут тебе в мельчайших подробностях. Герой не успел еще влезть в корабль и вырваться на просторы космоса, а ты уже знаешь, какую пакость он там встретит. Я думаю о чем-то более, ну... призрачном, что ли, о чем-то совсем уж потустороннем.

— И что же, Гленн, — эти самые призрачные, совсем уж потусторонние вещи, по-твоему, нельзя теперь ни описать, чтоб за душу брало, ни испытать самому? — спросил Франц с совершенно неожиданной ноткой затаенного нетерпения, вперившись в меня пристальным взглядом, хотя «фольксваген» вовсю подскакивал на ухабах. — Почему это?

— Ты только что сам начал набрасывать основные причины, — отозвался я. Пульсирующий черный шар уже помаленьку уплывал куда-то вбок и тускнел. — Мы стали слишком уж умными, ловкими и искушенными, чтобы пугаться каких-то там фантазий. Тем более что к нашим услугам целая армия всевозможных специалистов, чтобы объяс-

нить любое сверхъестественное явление, едва оно успеет возникнуть. Вещество и энергия давно уже просеяны физиками сквозь мельчайшие сита, и там не осталось никаких таинственных лучей и сил, кроме тех, что они описали и скрупулезно занесли в свои каталоги. Обратная сторона небосвода тщательно обшарена при помощи гигантских телескопов и представлена астрономами в виде таблиц и графиков. Земля исследована вдоль и поперек — по крайней мере, исследована достаточно, чтобы доказать: никаких затерянных миров в глубинах Африки или Хребта Безумия возле Южного полюса нет и быть не может.

— А как же религия? — поинтересовалась Вики.

— Большинство религий, — отвечал я, — в наши дни все дальше отходят от сверхъестественного — по крайней мере, те, которые заинтересованы в привлечении на свою сторону интеллигентных и здравомыслящих людей. Они сейчас больше напирают на всеобщее братство, социальное обеспечение, наставничество — если не на полную тиранию! — в области морали и тщательное увязывание теологии с достижениями науки. Им уже не особо-то нужны всякие чудеса и дьяволы.

— Ну ладно, тогда оккультизм, — не отставала Вики. — Парапсихология там.

— Тут тоже не о чем говорить, — отрезал я — Если ты и впрямь задумаешь поглубже залезть в телепатию, телекинез, экстрасенсорику — во всю эту потустороннюю белиберду, — то с первых же шагов выяснишь, что эту территорию уже давным-давно застолбил доктор Райн, вооруженный нетленными картами Зеннера, а с ним еще целая банда парапсихологов, которые в один голос начнут тебя уверять, что весь мир духов и привидений у них надежно под колпаком, и которые не

меньше физиков помешаны на классификации и картотеках.

— Но что самое худшее, — продолжил я, когда мистер М. слегка притормозил перед изрытым ухабами подъемом, — у нас уже тридцать три поколения дипломированных психиатров и психологов (ты уж прости, Франц!) только тем и занимаются, что объясняют любое твое странное чувство или настроение либо работой твоего подсознания, либо особенностями взаимоотношений с другими людьми, либо прошлыми эмоциональными переживаниями.

Вики хмыкнула и вставила:

— Все эти сверхъестественные ужасы у них почти всегда оборачиваются детскими переживаниями и страхами, связанными с сексом. Мама, мол, это ведьма, с полными тайны выпуклостями за кофточкой и потайным заводом по деланью детей в животе, а страшный щетинистый демон с громовым голосом — всего-навсего старый добрый папочка.

В этот момент «фольксваген», уворачиваясь от очередной россыпи камней, опять нацелился почти прямо на солнце. Я успел зажмуриться, но Вики оно застало врасплох, насколько я мог судить по тому, как она через мгновение заморгала и отвела прищуренные глаза на громоздящиеся сбоку от машины скалы.

— Вот именно, — сказал я ей. — Дело в том, Франц, что все эти специалисты действительно специалисты, шутки в сторону, все они давно поделили между собой любые внешние и внутренние миры, и едва мы замечаем что-либо странное, как тут же обращаемся к ним (неважно, на самом ли деле, или же просто в воображении), и сразу готовы вполне рациональные и приземленные объясне-

ния. И поскольку любой такой специалист понимает в своей специальной области гораздо лучше нас, нам остается только без лишних слов принять такие объяснения на веру — или же спорить, в глубине души сознавая, что ведем себя точно упрямые романтические подростки или совершеннейшие чудики.

— В результате, — закончил я, когда «фольксваген» благополучно миновал несколько глубоких рытвин, — для потустороннего в мире попросту не остается свободного места — хотя его навалом для грубых, топорных, дурацких, смехотворных подделок, что убедительно доказывает засилье всяких заскорузлых «ужастиков» в кинематографе и прорва псевдофантастических и психоделических журнальчиков с их малограмотным черным юмором и битниковскими шуточками.

— Смейтесь во тьме, — с улыбкой провозгласил Франц, оглядываясь назад, где поднятое «фольксвагеном» облако пыли стекало по склону утеса вниз, в поросшее кустарником глубокое ущелье.

— В смысле? — удивилась Вики.

— Люди по-прежнему боятся, — просто ответил Франц, — и все одних и тех же вещей. Они просто изобрели большее число уловок, чтобы защититься от своих страхов. Научились говорить громче, быстрее, хитрей, веселей — и с большей претензией на всезнайство — чтоб заглушить эти страхи. Да что там, я могу привести...

Тут он резко примолк. Его, похоже, действительно всерьез взволновала эта тема, сколь старательно ни прикрывался он маской холодного философа.

— Я могу пояснить свою мысль, — объявил он, — при помощи простой аналогии.

— Давайте, — согласилась Вики.

Полуобернувшись на сиденье, Франц пристально оглядел нас обоих. Где-то через четверть мили дорога впереди опять слегка шла на подъем и пряталась в густой тени от облака, что я отметил не без явного облегчения — к тому времени у меня перед глазами плавало уже не меньше трех темных бесформенных шаров, дергано ползущих вдоль горизонта, и я давно мечтал хоть как-то спрятаться от солнца. По тому, как Вики скашивала глаза, я мог судить, что черные пятна досаждают и ей. Мистер М. в глубоко нахлобученной шляпе и Франц, обернувшийся назад, похоже, испытывали меньшие трудности.

Франц сказал:

— Представьте себе все человечество в виде одного-единственного человека, который вместе со своей семьей живет в доме, стоящем на крошечной полянке посреди темного и страшного леса, практически неизведанного, практически нехоженого. Пока он работает и пока он отдыхает, пока занимается любовью с женой или играет с детьми, он всегда с опаской поглядывает на этот лес.

Через некоторое время ему удастся разбогатеть настолько, чтобы нанять стражу, которая начинает присматривать за лесом вместо него, людей, хорошо разбирающихся во всех лесных премудростях и следах, — твоих специалистов, Гленн. Со временем он все больше полагается на них, все больше прислушивается к их мнению и вскоре готов признать, что каждый из этих людей намного лучше знает какой-либо близлежащий участок леса, чем он сам.

Но что, если все эти стражники однажды вдруг скопом заявятся к нему и скажут: «Послушайте, хозяин, на самом-то деле никакой вокруг не лес — это сад, который мы давно возделываем и который

простирается до самых границ вселенной. Нету вокруг никакого леса, хозяин, — вы только вообразили себе все эти черные деревья и непроходимые заросли, потому что вас напугал какой-то шарлатан!»

Поверит ли им этот человек? Будет ли у него хоть малейшее основание им поверить? Или он попросту решит, что его наемная стража, возгордившись своими небольшими достижениями, иллюзорно уверилась в собственном всезнании?

Тень от облака была уже совсем близко, в самом конце небольшого подъема, на который мы уже практически поднялись. Франц Кинцман перегнулся к нам через спинку переднего сиденья и тихо проговорил:

— Темный и страшный лес по-прежнему существует, друзья мои. За границами космоса, принадлежащего астронавтам и астрономам, за границами смутных, запутанных областей психиатрии Фрейда и Юнга, за границами сомнительных пси-полей доктора Райна, за границами земель, которыми правят политики, священники и врачи, далеко-далеко за границами всего этого мира, что ищет спасения в безумном, бестолковом, полуистерическом смехе — по-прежнему существует абсолютная неизвестность, затаившаяся до поры до времени, будто жуткий призрачный зверь, и столь же укутанная покровом тайны, что и всегда.

Наконец-то, ко всеобщей радости, «фольксваген» пересек четкую границу тени от облака. Сразу повеяло холодком и потемнело. Отвернувшись от нас, Франц принялся напряженно и настойчиво рыскать глазами по ландшафту впереди, который, казалось, с исчезновением прикрытого облаком солнца внезапно расширился, обрел поразительную глубину и резкость.

Почти сразу его взгляд остановился на сером каменном утесе со скругленной верхушкой, который только что показался на противоположном краю каньона сбоку от нас. Франц похлопал мистера М. по плечу, а другой рукой показал на маленькую автостоянку у обочины, на косогоре, который пересекала дорога.

Потом, когда мистер М. резко свернул и машина со скрипом тормозов замерла почти на самом краю обрыва, Франц встал и, глядя поверх ветрового стекла, по-командирски ткнул рукой в сторону серого утеса, а другую руку с растопыренной пятерней вскинул вверх, призывая к молчанию.

Я поглядел на утес. Поначалу я не увидел ничего, кроме полудюжины слившихся воедино башенок из серого камня, которые выдавались над зарослями кустарника на вершине. Потом мне показалось, что на нем пристроилось последнее из досаждавших мне пятен от солнца — темное, пульсирующее, с расплывчатыми косматыми краями. Я моргнул и перевел взгляд в сторону, стараясь сбросить его или, по крайней мере, сдвинуть вбок — в конце концов, это было всего лишь остаточное раздражение глазной сетчатки, зрительный фантом, который совершенно случайно на миг совпал с утесом.

Пятно не сдвинулось. Оно прилипло к скале — темный, просвечивающий, пульсирующий силуэт, — словно его магнитом притягивала туда какая-то неведомая сила.

Я поежился, ощутив, как по напрягшемуся телу пробежал неприятный холодок от столь неестественного соединения пространства у меня в голове с пространством за ее пределами, столь жутковатой связи между тем, что видишь в реальном мире, и тем, что плавает перед глазами, когда закрываешь их в темноте.

Я моргнул посильнее и помотал головой.

Без толку. Лохматый темный силуэт с расходящимися из него странными тонкими линиями прилип к утесу, словно некий неведомый зверь, вцепившийся в великана. И вместо того чтобы тускнеть, он, наоборот, становился все темней, точнее сказать, даже черней, тонкие линии блеснули черным гляncем, и вся эта штуковина в целом принялась с пугающей быстротой обретать ясность и выразительность, совсем как те бесформенные фантомы, что плавают перед глазами в темноте и иногда вдруг оборачиваются лицами, или масками, или звериными рылами, послушные разыгравшемуся воображению, хотя в тот момент я был бессилен изменить ход превращения того, что проявлялось на утесе.

Пальцы Вики до боли впились мне в руку. Сами того не сознавая, мы привстали и наклонились вперед, поближе к Францу. Мои собственные руки крепко вцепились в спинку переднего сиденья. Остался сидеть только мистер М., хотя он тоже напряженно всматривался в сторону утеса.

— Ой, это так похоже на... — начала было Вики хриловатым сдавленным голосом, но резким взмахом руки с растопыренными пальцами Франц приказал ей замолчать. Потом, не отрывая взгляда от утеса, быстро опустил руку в карман пиджака и не глядя сунул нам что-то.

Краем глаза я увидел, что это были чистые белые карточки и огрызки карандашей. Мы с Вики их взяли — мистер М. тоже.

Франц хрипло прошептал:

— Не говорите, что видите. Напишите. Только основные впечатления. Прямо сейчас, скорей. Это долго не продлится, по-моему.

В течение нескольких последующих секунд мы вчетвером смотрели, торопливо царапали на кар-

точках и поеживались — по крайней мере, могу сказать, что уж я-то точно чувствовал себя весьма неудобно, хотя и не настолько, чтоб сразу взять и отвести глаза.

Потом застывшее на утесе нечто внезапно пропало. Я понял, что и для остальных это произошло почти в то же самое мгновение — по тому, как у них опали плечи, и по сдавленному вздоху, который испустила Вики.

Никто не произнес ни слова. Мгновение мы переводили дух, потом пустили карточки по кругу и зачитали.

Буквы на карточках прыгали и разъезжались в разные стороны — что бывает, когда торопливо царапаешь, не глядя на бумагу, — да еще вдобавок были начертаны явно дрожащей рукой, что особенно бросалось в глаза в наших с Вики записях. Записи были такие:

Вики Квинн:

Черный тигр, горящий ярко. Ослепительный мех — или тина. Оцепенение.

Франца Кинцмана:

Черная царица. Сверкающая мантия из множества нитей. Не оторвать глаз.

Моя (Гленна Сибьюри):

Гигантский паук. Черный маяк. Паутина. Притягивает взгляд.

Мистера М., почерк которого отличался наибольшей разборчивостью:

Ничего я не видел. Не считая трех людей, которые утаивались на голую серую скалу, будто в ней распахнулись врата ада.

Мистер М. и взгляд поднял первым. Мы встретились с ним глазами. Губы у него скривились в

неуверенной усмешке, в которой одновременно промелькнули и язвительность, и тревога.

Мгновение спустя он произнес:

— М-да, неплохо вы загипнотизировали своих юных друзей, мистер Кинцман.

Франц спокойно отозвался:

— Значит, Эд, это ты так — гипнозом — объясняешь то, что произошло, или то, что произошло только на наш взгляд?

Тот пожал плечами.

— А чем же еще? — весело поинтересовался он. — У тебя есть какое-то другое объяснение, Франц? Особенно если учесть, что на меня это не подействовало?

Франц помедлил. Я с нетерпением ждал его ответа, страстно желая выяснить, не знал ли он об этом заранее, что очень походило на истину, и откуда знал, и сталкивался ли с чем-то подобным раньше. Ссылка на гипноз, хоть и вполне разумная, казалась полнейшей бессмыслицей.

Наконец Франц покачал головой и твердо ответил:

— Нет.

Мистер М. пожал плечами и завел мотор.

Говорить никому из нас не хотелось. Пережитое было все еще с нами, покалывало нас изнутри, и, когда свидетельство карточек оказалось столь неопровержимым, параллели столь точными, а убеждение в одинаковости восприятия столь твердым, можно было не вдаваться в более детальную расшифровку записей.

Вики только сказала мне, с небрежностью человека, лишнего раз проверяющего какой-то момент, в котором он практически уверен:

— Черный маяк — это значит свет, но черный? Лучи тьмы?

— Конечно, — ответил я и в той же самой небрежной манере спросил: — Твоя «тина», Вики, твои «нити», Франц, — все это случайно не похоже на такие хрупкие проволочные модели трехмерных фигур, которыми пользуются на уроках геометрии — ажурные каркасы, заполненные пустотой? Демонстрирующие привязку точек к бесконечности?

Оба кивнули.

— Как и моя паутина, — сказал я, и на этом разговор и закончился.

Я вытащил сигарету, вспомнил про запрет и сунул ее обратно в нагрудный карман.

Вики опять подала голос:

— Наши описания... чем-то похожи на описания всяких фигур при гадании... каждый видит что-то свое...

Не получив ответа, она примолкла на полуслове.

Мистер М. остановил машину в начале узкой подъездной дорожки, круто сбегавшей вниз к дому, единственной видимой частью которого была плоская крыша, неровно засыпанная серым гравием, и выпрыгнул из-за руля.

— Спасибо, что подбросил, Франц, — сказал он. — Не забудь позвонить — телефон опять работает, — если вас, ребята, надо будет куда-нибудь свозить на моей машине... или еще чего.

Он торопливо бросил взгляд на нас с Вики и нервозно улыбнулся:

— До свиданья, мисс Квинн, до свиданья, мистер Сибьюри. Постарайтесь больше не... — Тут он примолк, попросту бросил «Пока!» и быстро зашагал вниз по дорожке.

Но мы, конечно, догадались, что он хотел сказать: «Постарайтесь больше не видеть черных тигров с восемью ногами и женскими лицами» — или чего-нибудь в этом духе.

Франц перелез на водительское место. Как только «фольксваген» тронулся с места, я понял, по какой причине обстоятельный мистер М. вызвался лично сесть за руль на горном участке. Не то чтобы Франц пытался заставить престарелый «фольксваген» изображать из себя спортивный автомобиль, но манера езды была у него довольно своеобразная — с лихими поворотами руля и дергаными разгонами под завывание мотора.

Он пробормотал вслух:

— Одного только никак не пойму: почему этого не видел Эд Мортенсон? Если «видел», конечно, подходящее слово.

Так что в конце концов я точно выяснил фамилию мистера М. Вовремя, ничего не скажешь. Вики проговорила:

— Мне видится лишь одна возможная причина, мистер Кинцман. Он ехал не туда, куда едем мы.

II

Вообразите себе чудовищного южноамериканского паука-птицеда, принявшего вдруг человеческий облик и наделенного разумом едва ли в меньшей мере, чем человек, и получите лишь самое приблизительное представление об ужасе, который способен вызвать этот жуткий портрет.

М. Р. Джеймс, «Альбом Кэнона Элбрика»

Домик-На-Обрыве располагался где-то милях в двух за обиталищем мистера Мортенсона и тоже значительно ниже дороги, извивавшейся вдоль крутого («крутого» — это еще слабо сказано!) косягора. Вела к нему узенькая дорожка — только-только проехать на машине — явно одна-единственная. С одной стороны этой дорожки, сразу за цепочкой выкрашенных белой краской валунов на

обочине, начинался практически отвесный обрыв глубиной футов в сто. С другой — поросший густым кустарником каменистый склон, который поднимался к основной дороге под углом сорок пять градусов.

Где-то через сотню ярдов подъездная дорожка расширялась, превращаясь в короткую и узкую площадочку или террасу, где и стоял Домик-На-Обрыве, который занимал чуть ли не половину всего свободного пространства. Франц, который преодолел начало дорожки с уверенной лихостью местного жителя, резко замедлил ход, как только показался дом, и «фольксваген» пополз еле-еле, чтобы дать нам возможность в подробностях рассмотреть владения Франца, пока те еще находились под нами.

Дом действительно был выстроен на самом краю обрыва, который проваливался вниз даже еще глубже и отвесней, чем в начале подъездной дорожки. Со стороны въезда, не доходя до стены на каких-то два фута, спускался головокружительно крутой земляной склон практически без единого признака какой-либо растительности, такой геометрически ровный и гладкий, словно был частью колоссального коричневого конуса. Где-то на самом его верху цепочка коротких белых столбов, таких далеких, что не были видны подвешенные между ними провода, обозначала дорогу, с которой мы свернули. Мне показалось, что крутизна склона никак не меньше сорока пяти градусов — непривычному глазу горы всегда представляются невероятно крутыми, но Франц сказал, что там от силы тридцать, — вроде еще немного, и весь склон поползет вниз. Год назад он полностью выгорел в результате лесного пожара, который едва не добрался и до самого дома, а совсем недавно случи-

лось еще и несколько небольших оползней из-за ремонтных работ наверху, на дороге, которые засыпали последнюю уцелевшую от огня растительность.

Дом был длинный, одноэтажный, с выложенными асбестовой плиткой стенами. Почти плоская крыша, крытая серым шифером, имела едва заметный уклон в сторону горы. Дом состоял из двух одинаковых секций — или крыльев, назовем их так, — поставленных под небольшим углом друг к другу, чтобы максимально использовать пространство у изогнутого края обрыва. Ближнее крыло дома, с северной стороны, огибал открытый плоский выступ с легкими поручнями (Франц прозвал его «палубой»), который причудливым балкончиком нависал прямо над обрывом, имевшим в этом месте глубину в триста футов.

Со стороны въезда располагался мощный дворик достаточных размеров, чтобы развернуть машину, и летний гараж без дверей, пристроенный к дому с противоположной стороны от обрыва. Когда «фольксваген» въезжал в этот дворик, под колесами лязгнул толстый металлический лист, перекинутый через канаву, которая огибала его по периметру и служила для отвода воды со склона — а также с крыши — во время нечастых, но сильных ливней, что случаются в Южной Калифорнии зимой.

Прежде чем мы вышли, Франц развернулся. Сделал он это в четыре приема — свернул к углу дома, где начиналась «палуба», сдал назад, до упора вывернув руль, пока задние колеса не оказались почти над канавой, вывернул руль в обратную сторону, проехал вперед, чуть не упершись передними колесами в металлический отбойник на краю обрыва, и, наконец, откатился задним ходом к гаражу, практически перегородив задней частью авто-

мобиля дверь, которая, по словам Франца, вела на кухню.

Мы втроем вылезли, и Франц позвал нас на середину дворика, чтобы еще разок оглядеть окрестности до того, как войдем внутрь. Я заметил, что между булыжниками кое-где проглядывает настоящий монолитный гранит, присыпанный тонким слоем земли, что говорило о том, что терраса была не земляная, искусственного происхождения, а представляла собой верхушку скалы, торчащей сбоку от склона. Это придало мне чувство уверенности, которое я особенно приветствовал по той причине, что имелись и некоторые другие впечатления — а скорей, неосознанные ощущения, — которые заметно меня беспокоили.

Это были едва заметные, практически неуловимые ощущения — все до одного шатко балансирующие на самом пороге осознания. В другой ситуации я вряд ли обратил на них внимание — я не считаю себя слишком уж чувствительной личностью, — но что тут говорить, невероятное видение на утесе несколько выбило меня из колеи. Для начала, едва заметно пованивало горелой тряпкой, из-за чего во рту ощущался горьковатый медный привкус; не думаю, что я все это просто себе вообразил, поскольку заметил, как Франц недовольно принюхивается и проводит языком по зубам. Потом, не оставляло чувство, будто лица и рук легонько касаются какие-то тончайшие нити — вроде паутины или водорослей в воде, хоть мы стояли на совершенно открытом месте, прямо посреди двора, а ближайшим предметом над нами было облако, от которого нас отделяло не меньше полумили. И едва я это ощутил — чувство было едва уловимым, не забывайте, — то тут же заметил, что Вики неуверенно провела рукой по волосам и за-

тылку, как обычно поступает женщина, когда опасается, что ей на голову упал паук.

Все это время мы особо много не разговаривали — разве что Франц рассказал, как пять лет назад на весьма выгодных условиях купил Домик-На-Обрыве у наследников одного любителя серфинга и спортивных машин, разбившегося на повороте в Корабельном каньоне.

Так что мне, ко всему прочему, начали чудиться еще и какие-то неясные, почти за границами слышимости звуки в той практически полной тишине, которая нахлынула на нас, когда умолк мотор «фольксвагена». Я знаю, когда попадаешь из города на природу, слух непривычно обостряется и начинаешь слышать даже собственное дыхание, что поначалу немного раздражает, но в том, о чем я говорю, было действительно что-то необычное. Что-то тихонько посвистывало — слишком высоко и пронзительно для нормального слуха — и мягко погромыхивало, на слишком низких для него нотах. Но вместе с тем, что вполне могло объясняться просто шумом в ушах, три раза мне показалось, будто я слышу шипящее потрескивание осыпающихся камешков или гравия. Каждый раз я поспешно поднимал голову и оглядывал склон, но так и не заметил даже мельчайших признаков осыпи или обвала, хотя видел гору почти целиком.

Когда я третий раз поднял туда взгляд, облака уже немного разошлись, и на меня в ответ глянула верхушка прячущегося за вершину солнца. В голове у меня тут же промелькнуло сравнение со стрелком, залегшим за горой и берущим меня на мушку. Я торопливо отвернулся. Не хватало еще, чтоб опять перед глазами поплыли темные пятна. В этот самый момент Франц повел нас через «палубу» ко входной двери.

Я опасался, что неприятные ощущения усилятся, когда мы зайдем внутрь — особенно почему-то запах горелого и невидимая паутина, — так что очень приободрился, когда все они моментально исчезли, будто не выдержав прямого столкновения с присущими Францу сердечностью, душевным уютом, цивилизованной основательностью и интеллигентностью, которые прямо-таки источала гостиная.

Это была длинная комната, вначале узкая, где она уступала место кухне с кладовкой и небольшой ванной, а затем расходящаяся на всю ширину дома. У стен не оставалось ни дюйма свободного пространства, настолько они были заставлены шкафами — большей частью с книгами. Между книг виднелись статуэтки, какие-то археологические редкости, научные приборы, магнитофон, стереосистема и все такое прочее. У внутренней стены, что отделяла гостиную от кухни, стоял большой письменный стол, несколько картотечных шкафчиков и подставка с телефоном.

Стол был приставлен к глухой стене, но чуть дальше, за углом, где начиналось второе «крыло» дома, располагалось широкое, как витрина, окно, выглядывающее через каньон на нагромождения скал и утесов, которые полностью закрывали собой не такой уж далекий океан. Прямо перед этим большим окном стояли длинный диван и такой же длинный стол.

В конце гостиной узкий коридорчик вел до самой середины второго крыла к двери, которая, в свою очередь, выходила на небольшую, закрытую со всех сторон лужайку, вполне пригодную для использования в качестве солярия и достаточную по размерам для игры в бадминтон, если б нашелся такой хладнокровный человек, чтобы скакать с ра-

кеткой на высоте птичьего полета у самого края глубочайшего обрыва.

С той стороны от коридора, что ближе к склону, располагались просторная спальня — Франца — и большая ванная комната, дверь которой выходила в коридор в самом его конце. На противоположную сторону выходили двери двух спален чуть поменьше, каждая с огромным окном, которые можно было полностью закрыть плотными темными шторами. Это были комнаты сыновей, заметил он походя, но я не без облегчения отметил, что в них практически не осталось никаких предметов, могущих напомнить об их юных обитателях: в глубине моего шкафа, честно говоря, висели какие-то женские вещи. Обе эти спальни, которые он отвел нам с Вики, соединяла общая дверь, которая с обеих сторон запиралась на задвижки, сейчас отпертые, хотя сама дверь была прикрыта — типичное проявление, хотя и совсем незначительное, интеллигентной тактичности Франца: он не знал, или, по крайней мере, делал вид, что не знает, какие у нас с Вики отношения, и вопрос с дверью оставил решать нам самим, как сочтем нужным — без лишних слов и многозначительных намеков.

К тому же прочными задвижками были снабжены и обе двери в коридор — Франц всегда искренне считал, что гость имеет право на уединение, — и в каждой из комнат обнаружилась небольшая вазочка с серебряными монетками, не какими-то там коллекционными, а самой обыкновенной американской мелочью. Вики это заинтересовало, и Франц смущенно пояснил, посмеиваясь над собственной романтичностью, что исповедует старинный обычай испанской Калифорнии, требующий, чтобы помимо всего прочего под рукой у гостей имелись и необходимые им деньги.

Познакомившись с домом, мы разгрузили «фольксваген» от нашего скудного багажа и провизии, которой Франц запасся в Анжелесе. При виде тонкого слоя пыли, собравшейся повсюду за его месячное отсутствие, он тихонько вздохнул, и Вики настояла, чтобы мы пришли к нему на выручку и на скорую руку навели порядок. Франц особо не протестовал. По-моему, всем нам — по крайней мере, мне-то уж точно — очень хотелось поскорей заняться чем-нибудь обыденным, чтобы стереть из памяти недавнее невероятное событие и вернуть ощущение реальности, хотя вслух этого никто не высказал.

За компанию с Францем с этим делом мы управились легко и непринужденно. За домом он, конечно, следил, но никогда не возводил чистоту полов в культ. Сноровисто орудуя веником и шваброй, Вики просто-таки великолепно смотрелась в своем свитере, тореадорских штанах и сандалиях с длинными ремешками — она носит современную униформу молодых интеллектуалок, старающихся не забывать и о своей принадлежности к женскому полу, правда, не подчеркивая это положение, а исключительно следуя моде.

Покончив с этим делом, мы засели на кухне с кружками черного кофе — выпить почему-то никому из нас не захотелось, — слушая, как побулькивает в котелке мясо, которое Франц поставил тушиться на плиту.

— Насколько я понимаю, — начал он безо всяких предисловий, — вам хочется узнать, не знали ли я о том, что нечто подобное должно было случиться, еще когда приглашал вас сюда, и нет ли какой-либо связи между данным феноменом — довольно претенциозный термин, не правда ли? — и прошлым этой местности или моим собственным

прошлым — или некой деятельностью, осуществляемой в этих краях, включая военные испытания, — и, наконец, нет ли у меня какой-либо теории, могущей все это объяснить — вроде предположения Эда насчет гипноза.

Вики кивнула. Он абсолютно точно выразил то, что было у нас в головах.

— Кстати насчет гипноза, — вклинился я. — Когда мистер Мортенсон высказал это предположение, оно показалось мне совершенно невероятным, но теперь я далеко не так в этом уверен. Я вовсе не хочу сказать, что ты нас умышленно загипнотизировал, но разве не существует таких форм самогипноза, которые могут передаваться другим? Как бы там ни было, условия для этого были самыми благоприятными — мы только что говорили о сверхъестественном, было солнце и оставшиеся от него черные пятна, которые способствовали привлечению внимания, потом внезапный переход к полутьме, и, наконец, ты так решительно указал на тот утес, словно там и следовало чего-то увидеть.

— Ни на минуту не могу в это поверить, Гленн, — убежденно возразила Вики.

— Честно говоря, я тоже, — повернулся я к ней. — В конце концов, записи на карточках весьма наглядно продемонстрировали, что привиделось нам практически одно и то же — небольшие различия в описаниях способны лишь подкрепить это убеждение, — и я не вижу, где по дороге или при каких-то наших прежних встречах мы могли получить материал для подобного внушения. И все же мысль о некоем скрытом подсознательном внушении меня упорно не оставляет. Может, это так называемый дорожный гипноз или солнечный? Франц, с тобой такое и раньше случалось? Насколько я понимаю, это именно так.

Он кивнул, но потом обвел нас обоих задумчивым взглядом и проговорил:

— Хотя не думаю, что мне следует рассказывать вам об этом в мельчайших подробностях. Не то чтобы я опасаюсь, что вы заподозрите меня во вранье или чем-нибудь в этом роде, но просто по той причине, что если я расскажу, а потом нечто подобное случится и с вами, вы еще больше уверитесь — и вовсе не без оснований, — что дело только во внушении.

— И все же придется мне дать ответ на эти вопросы, — продолжал он. — Только коротко, в общем и целом. Да, я уже не раз испытывал нечто подобное, когда приезжал сюда один в позапрошлом месяце, — и то же самое, что сегодня, и с некоторыми отличиями. Тогда у меня на этот счет не возникло никаких фольклорных или оккультных теорий, ни чего-то в этом духе, и все же я настолько перепугался, что в конце концов поехал в Анжелес и проверил глаза у очень хорошего окулиста, посетил психиатра и двух психоаналитиков, которым полностью доверяю. Все в один голос меня заверили, что психика у меня в порядке — зрение тоже. Через месяц я пришел к окончательному убеждению, что все виденное или прочувствованное мною было просто галлюцинациями, связанными с одиночеством. Вас я пригласил частично и с той целью, чтобы в случае повторения чего-то подобного кто-то мог развеять мои сомнения.

— Однако вы не были окончательно убеждены, что все это только померещилось, — заметила Вики. — Карточки и карандаши вы держали наготове, в кармане.

Франц ухмыльнулся в ответ — замечание угодило точно в цель.

— Верно, — сказал он. — В глубине души я не исключал ничтожной вероятности того, что мне действительно не померещилось, и заранее приготовился. И как только мы въехали в горы, стал смотреть на все это совсем по-иному. То, что казалось совершенно невероятным в Анжелесе, стало чуть ли не само собой разумеющимся. Странно. Ну ладно, пошли пройдемся по палубе — там уже должно быть попрохладней.

Кружки мы взяли с собой. Снаружи и впрямь заметно похолодало, большая часть каньона уже часа два как скрывалась в тени, и снизу по ногам поддувал легкий ветерок. Чуть попривыкнув к тому, что нахожусь на краю ужасающего обрыва, я нашел это восхитительным. Вики, должно быть, тоже, судя по тому, как она смело перегнулась через жиденькие поручни, заглядывая вниз.

Каньон внизу густо порос темными деревьями и кустарником. Ближе к противоположной стороне растительность становилась все реже, и прямо перед нами из стены каньона выдавался колоссальный уступчатый срез бледно-рыжего гранита, слой на котором располагались, точно на картинке в учебнике по геологии. Выше этого среза опять начинался подлесок, а потом нагромождения отдельных рыжих и серых скал с темными провалами и пещерами между ними, ведущих уступами к высокому серому утесу, который заметно возвышался над остальными.

Склон за домом, конечно, уже полностью заграживал от нас солнце, но желтые лучи все еще касались верха противоположной от нас стены, медленно продвигаясь вместе с заходящим солнцем. Облака сдуло к востоку, где они еще виднелись на горизонте, но с запада ни одного не пришло к ним на смену.

Вместо того чтобы обрести более приподнятое «нормальное настроение», перед выходом на «палубу» я заранее приготовился к уже испытанным жутковатым ощущениям, но их не было. Я заставил себя восхититься пестрой каменной стеной напротив.

— Господи, просыпаешься — и такой вид! — с энтузиазмом воскликнула Вики. — Словно окунаешься в разлитый вокруг прозрачный воздух под невероятной вышины небом!

— Да, видок ничего, — согласился Франц.

И тут они вернулись, легчайшие, едва заметные, как и раньше, перышками щекочущие на самом пороге восприятия, — запашок горелого, горьковатый медный привкус, касания невидимых паутин, полувибрации-полузвук, шипение и пощелкивание призрачного гравия... те самые незначительные ощущения, как назвал я их про себя.

Я понял, что Вики с Францем тоже это ощутили, только потому, что больше они не сказали ни слова, и я почувствовал, как они оба напряженно застыли... И тут один из последних солнечных лучей коснулся какой-то зеркальной плоскости на скалистой вершине напротив, очевидно, кварцевого вкрапления, поскольку отраженный луч вонзился в меня, словно золотая рапира, отчего я моргнул, — и тут на мгновение он стал глянцево-черным, и мне показалось, что я увидел (хотя далеко не так четко, как того уже упомянутого паука-многоножку на утесе) черный силуэт — черный диковатой вспененной чернотой, которую можно увидеть, только закрыв глаза ночью. Силуэт стремительным зигзагом метнулся куда-то вниз, к изрытым пещерами скальным выступам, провалился окончательно и бесповоротно в подлесок над гранитным уступом и исчез.

В этот момент Вики судорожно стиснула мой локоть, а Франц резко развернулся к нам, после чего отвернулся опять.

Все это было очень странно. Я чувствовал испуг и в то же время нетерпение, словно вот-вот должно было случиться какое-то чудо, вот-вот должна была открыться какая-то тайна. И все это время наше поведение было на удивление сдержанным и уравновешенным. Одна фантастически тривиальная подробность — никто из нас не расплескал ни капли кофе.

Минуты две мы разглядывали стену каньона выше уступа.

Потом Франц сказал каким-то чуть ли не радостным тоном:

— Пора обедать. После поговорим.

Я с глубоким облегчением опять ощутил на себе удивительное действие дома, как только мы снова в него зашли, — тот словно излучал покой, основательность, умиротворение и уют, казался пусть маленькой, но надежной крепостью, способной защитить от любой опасности, угрожающей извне. Я понял, что это союзник.

III

Когда этот глубоко убежденный рационалист впервые пришел проконсультироваться со мной, он был в таком паническом состоянии, что уже не только он сам, но и я вместе с ним почувствовал, откуда ветер дует — со стороны сумасшедшего дома!

Карл Густав Юнг. «Психология и символ»

Мы с аппетитом завернули приготовленное Францем мясо с толстыми ломтями черного ржаного хлеба и розоватым сыром, запили соком и кофе, а потом, взяв с собой еще кофе, перемести-

лись на длинный диван перед большим смотровым окном в гостиной.

В небе еще теплился желтоватый радужный полусвет, но пока мы устраивались, он окончательно угас. Вскоре на севере слабо замерцала первая звездочка.

— А почему черный — страшный цвет? — неожиданно подала голос Вики.

— Ночь, — отозвался Франц. — Хотя тут можно поспорить, цвет ли это, или же отсутствие цвета, или просто некая пустая основа для восприятия. Но такой ли уж он изначально страшный?

Вики кивнула, поджав губы.

Я заметил:

— Почему-то самый сильный неосознанный страх лично у меня всегда вызывает фраза «черные пространства между звездами». На сами звезды могу смотреть, даже не задумываясь, а вот фраза меня достает.

Вики проговорила:

— А у меня такой страх вызывает мысль о чернильно-черных трещинах, взламывающих вдруг весь окружающий мир, сначала тротуары и стены домов, потом мебель, полы, машины и прочие предметы, и, наконец, страницы книг, и лица людей, и голубое небо. Трещинах чернильно-черных — где ничего, кроме беспросветной черноты.

— Как если бы вселенная представляла собой гигантский кроссворд с черной заливкой между квадратиками для букв? — полуутвердительно вставил я.

— Почти. Или византийскую мозаику. Глянцевое золото и глянцевую черноту.

Франц заметил:

— Нарисованная тобой картина, Вики, хорошо иллюстрирует то ощущение всеобщего развала, ко-

торое не оставляет нас в современном мире. Семьи, нации, классы, любые другие группы, в которые по тем или иным признакам объединялись люди, распадаются на глазах. Вещи меняются, прежде чем успеваешь как следует их узнать. Смерть, при которой жизнь уходит по частям, словно взносы при плате в рассрочку — или гниение, столь скорое, что уже неотличимо от смерти. Нежданное-негаданное рождение. Возникновение чего-то из ничего. Реальность, вытесненная фантастикой с такой быстротой, что уже не понять, где фантастика, а где реальность. Не отпускающее ощущение дежа-вю — «я тут уже был — но когда, каким образом?». Даже вероятность того, что попросту не существует такого понятия, как ход событий, плавно перетекающих из одного в другое, что между ними только какие-то загадочные провалы. И конечно же, в каждом таком новом провале — или трещине — сразу гнездится страх.

— Иллюстрирует также и фрагментарность знания, как это кто-то обозвал, — подхватил я. — Мир слишком велик и сложен, чтобы охватить его целиком, а не отдельными пятнами. Одному это не под силу. Нужны целые армии специалистов — армии из армий. У каждого специалиста своя область, свое пятно, своя строчка кроссворда, но между любыми двумя областями всегда найдется обширный нехоженный край.

— Правильно, Гленн, — вклинился Франц, — и сегодня, по-моему, в один из таких обширных краев мы вдвоем и сунулись.

Он помедлил и как-то неуверенно, чуть ли не смущенно проговорил:

— По-моему, каждому из нас хочется сейчас поговорить о том, что мы видели, — и вряд ли стоит держать рот на замке только лишь из опасения,

что рассказ об увиденном может как-то повлиять на представления, сложившиеся у других, и исказить их свидетельства. Так вот, насчет черноты предмета, или тени, или видения, что наблюдал я (я назвал его «черной царницей», но, пожалуй, более точным было бы слово «сфинкс», — посреди черного лохматого пятна проглядывало длинное звериное или змеиное тело), — так насчет черноты: чернота эта была явно гуще той клубящейся тьмы, что плавает перед глазами при отсутствии света, хотя что-то общее с ней имела.

— Верно, — подтвердил я.

— О да, — вторила мне Вики.

— Было ощущение, — продолжал Франц, — будто это штуковина, возникшая где-то у меня в глазах, в голове, располагалась при этом и далеко на горизонте — я имею в виду, на утесе. Каким-то образом она являлась одновременно субъективной — существуя в моем сознании, и объективной — наличествуя в материальном мире, или же... — тут он помешкал и понизил голос, — или же имела отношение к некой более основной, более изначальной и менее органической области, нежели материальный мир и сознание.

— Почему не может существовать каких-то иных типов пространства помимо тех, что мы знаем? — продолжал он, будто бы оправдываясь. — Неких иных закоулков в пещере вселенной? Одних пространственных измерений люди уже ухитрились выдумать и четыре, и пять, и более! На что похоже чувство пространства внутри атома, или пространства между галактиками, или за пределами любых галактик? О, я прекрасно понимаю, что вопросы, которые я задаю, для большинства ученых просто нонсенс — это вопросы из тех, сказали бы они, к которым не применимы ни экспе-

римент, ни логика, — но ведь те же ученые не способны дать даже намек на ответ, где и в каком виде существует пространство сознания, каким образом студень из нервных клеток способен поддерживать необъятный пламенеющий мир внутренней реальности, — они отговорятся под предлогом (вполне по-своему законным), что наука имеет дело с вещами, которые могут быть измерены и на которые, что называется, можно указать пальцем, а кто способен измерить мысль или указать на нее пальцем? Но сознание-то как таковое есть — это основа, на которой все мы существуем и зародились, это основа, на которой зародилась сама наука, вне зависимости от того, способна она объяснить ее или нет, — так что лично для меня вполне допустимо предположение о существовании некоего основного, первородного пространства, служащего мостом между сознанием и материей... и о принадлежности того, что мы видели, именно к такому пространству.

— А может, все-таки есть специалисты в подобной области, да только мы их выпускаем из виду, — совершенно серьезно сказала Вики. — Не ученые, а мистики и оккультисты, по крайней мере, некоторые из них — честное меньшинство среди толпы мошенников. У вас в библиотеке есть их книги. Я узнала заглавия.

Франц пожал плечами.

— Лично я никогда не находил в оккультной литературе ничего, что можно было бы взять за основу. Понимаете, оккультизм — почти как литературные и киношные «ужастики» — это нечто вроде игры. Да и как большинство религий. Поверь в игру и прими ее правила — или условности рассказа или фильма — и испытываешь страх или чего там тебе еще нужно. Прими мир спиритов —

увидишь духов и побеседуешь с безвременно усопшим родственником. Прими рай — и обретишь надежду на вечную жизнь и помощь всемогущего бога, работающего на твоей стороне. Прими ад — и столкнешься с дьяволами и демонами, если это то, что тебе надо. Прими — пусть даже с чисто литературными целями — колдовство, друидизм, шаманизм, волшебство в каком-то ином современном варианте — и получай оборотней, вампиров, стихию неведомого. Или поверь в таинственное влияние и сверхъестественное могущество могилы, старинного дома или изваяния, мертвой религии или старого камня с полустертыми надписями на нем — и получай нечистую силу все того же общего сорта. Но я думаю про тот страх — который, пожалуй, больше опасливое изумление, — что лежит за пределами любой игры, что свободен от любых правил, не подчиняется никакой созданной людьми теологии, не поддается никаким чарам или защитным ритуалам, что бродит по миру невидимым и бьет без предупреждения куда только пожелает, во многом подобно (хотя и устроен совсем по-иному) молнии, или чуме, или вражеской атомной бомбе. Про тот страх, ради защиты от которого и ради того, чтобы забыть о нем, и было возведено все здание цивилизации. Страх, о котором ничего не поведают никакие человеческие знания.

Я встал и подошел ближе к окну. Звезд на небе почти не прибавилось. Я попытался разглядеть гранитный уступ напротив, но он скрывался за отражениями в оконном стекле.

— Может, и так, — отозвалась Вики, — но парочку этих книг мне все равно хотелось бы пролистать заново. По-моему, они как раз над письменным столом.

— Как называются? — спросил Франц. — Я помогу найти.

— А я пока прогуляюсь по «палубе», — бросил я как можно небрежней, двигаясь в противоположную сторону. Ответа не последовало, но у меня было чувство, что внимательные взгляды проводили меня до самых дверей.

Как только я толкнул от себя дверь — что потребовало определенного волевого усилия — и прикрыл ее за собой, до конца не захлопывая — что тоже далось не без труда, — я начал сознавать две вещи: во-первых, что на улице гораздо темней, чем я ожидал, — широкое окно гостиной скрывалось за углом стены и бросало лишь слабый отсвет на узенькую площадку перед обрывом, а, не считая звезд, других источников света здесь не было; и, во-вторых, что темнота, как я обнаружил, вселяет чувство уверенности.

Причина этого была вполне очевидной — испытанный ранее страх ассоциировался с солнцем, с ослепительным солнечным светом. Теперь я был от него в безопасности — хотя, если бы кто-то невидимый вдруг зажег у меня перед лицом спичку, результат мог оказаться совершенно непредсказуемым.

Короткими шажками я двинулся вперед, напавшая вытяннутыми руками поручень.

Я прекрасно понимал, зачем вышел из дома. Я хотел испытать свою храбрость, бросив вызов этой штуковине, какой бы она ни была — иллюзорной, реальной или какой-то еще, гнездящейся внутри нашего разума или вне его, или же способной каким-то образом, как предположил Франц, существовать в обеих этих областях одновременно. Но помимо этого, как я сознаю теперь, уже присутствовало и начало очарования.

Наконец мои руки коснулись поручня. Я вперился взглядом в черную стену напротив, то отводя глаза, то всматриваясь снова, как делаешь, когда пытаешься получше рассмотреть звезду или какой-то неясный предмет в темноте. Через некоторое время мне удалось разглядеть огромный белесый уступ и несколько скал над ним, но минуты через две я убедился, что если и дальше буду шарить взглядом по окутанным тьмой камням, то прыгающих по ним черных теней насмотрюсь хоть отбавляй.

Я поднял взгляд к небу.

Млечного Пути еще не было, но он должен был показаться совсем скоро, звезды разгорались так ярко и густо, как никогда не увидишь в затянутах смогом Анжелесе.

Прямо над обведенным россыпью звезд темным силуэтом скалистой вершины напротив я нашел Полярную звезду и расходящиеся от нее ломаные цепочки Большой Медведицы и Кассиопеи. Внезапно я словно всем телом ощутил объем атмосферы, безбрежность расстояния между мной и звездами, а потом — будто обрел вдруг способность проникать взглядом во все стороны одновременно — ощутил вокруг себя вселенную, с каждым миготом все больше отдаваясь этому невероятно притягательному чувству, которое поглотило меня подобно какому-то вязкому веществу.

Пролегла позади меня безупречно скругленная выпуклость земли около сотни миль вышиной закрывала собой солнце. За толщей земной коры под моей правой ступней раскинулась Африка, под левой — Австралия, и дикой казалась мысль о страшно сжатой раскаленной материи, что пролегла между нами под холодной земной мантией, — ослепительно сверкающем расплавленном металле

или камне, где не было глаз, чтобы видеть их сияние, и не имелось даже миллионной доли дюйма свободного пространства, в котором мог перемещаться этот нестерпимо яркий, наглухо запертый свет. Я ощутил безмолвные мучения исковерканного льда у безжизненных полюсов, страшное давление воды в глубинах морей, слепое шевеление пальцев расползающейся во все стороны лавы, почувствовал, как тяжело ворочаются и осыпаются комочки сырой земли под упорно лезущими вглубь пытливыми отростками бесчисленного множества корней с копошащимися меж них червями.

Потом несколько мгновений я словно мимолетно заглядывал в два миллиарда пар человеческих глаз — сознание мое перелетало из разума в разум, подобно огню бикфордового шнура. Еще несколько мгновений я смутно разделял бесчисленное множество чувств и переживаний, вздрагивая при слепых толчках миллиарда триллионов пылинок микроскопической жизни в воздухе, в земле, в человеческих жилах.

Потом мое сознание стремительно метнулось прочь от земли во все стороны сразу, будто мгновенно выросшее облако вырвавшегося на свободу чувствительного газа.

Я миновал пыльную сухую крупинку Марса, ухватил мимолетным взглядом молочные полосы Сатурна с его огромными тонкими кольцами из беспотолково кувыркающихся в пустоте зазубренных льдин. Оставил позади безжизненный и холодный Плутон с его горькими азотными снегами. Я подумал, насколько все-таки люди похожи на планеты — одинокие крошечные крепости разума, отделенные друг от друга безмерными черными расстояниями.

Потом быстрота, с которой мое сознание распространялось в пространстве, стала безграничной, и мой разум тонко рассеялся среди звезд Млечного Пути и других звездных туманностей за его пределами — выше, ниже, по всем сторонам, среди звезд надира и среди звезд зенита, — и на миллиарде миллиардов планет этих звезд я ощутил бесконечное разнообразие сознающей себя жизни — голой, одетой, укутанной в мех или упрятанной в панцири, и даже такой, где живые клетки витали отдельно друг от друга, — с лапами, руками, щупальцами, клешнями, присосками, неведомой силой магнетизма, — которая любила, ненавидела, боролась, отчаивалась, мыслила.

Некоторое время мне казалось, что все эти существа сплелись в едином танце, неистово веселом, остро чувственном, нежно манящем.

Потом настроение этой картины померкло, и весь искрометный хоровод развалился на триллионы триллионов одиноких пылинок, навек и бесповоротно отделенных друг от друга, сознающих лишь унылую бессмысленность космоса вокруг них и застывших в предчувствии грядущей гибели вселенной.

Одновременно каждая из миллиона абстрактных звезд словно стала для меня тем огромным солнцем, каким и была, заливая жалящими лучами площадку, на которой стояло мое тело, и дом за ней, и существ в доме, старя их мерцанием миллиарда пустынных лун, растирая в пыль в одно ослепительно сверкнувшее мгновение.

Меня мягко взяли за плечи, и послышался голос Франца:

— Осторожно, Гленн!

Я замер, хотя на мгновение каждая нервная клетка во мне была словно на самом пороге взры-

ва. Потом я испустил нервный смешок, больше похожий на сдавленный вздох, обернулся и голосом, который самому мне показался глухим и запинаящимся, как у пьяного, отозвался:

— Я просто замечтался. На минуту мне показалось, будто я могу охватить взглядом весь мир. А где Вики?

— В доме, листает «Символику гадания» и еще пару таких же книжек с толкованиями гадальных фигур и ворчит, что нет указателей. Но что значит «весь мир», Гленн?

Запинаясь, я попытался описать ему свое «видение», хоть сразу понял, что не в состоянии передать и сотой доли увиденного. К тому времени, как я закончил, светлое пятно, которым казалось его лицо на фоне черной стены дома, проявилось в темноте уже достаточно отчетливо, чтобы я увидел, как он кивнул.

— Вселенная и друг, и враг своих детей, — слышался из темноты его задумчивый голос. — Насколько мне представляется, при своем бессистемном чтении, Гленн, ты случайно натолкнулся на одну внешне бесплодную теорию, суть которой в том, что вся вселенная в некотором смысле жива или, по меньшей мере, обладает сознанием. Для нее на жаргоне метафизиков существует великое множество определений: космотеизм, теопантнизм, панпсихизм, панфеоматизм, — но чаще всего ее называют обобщающим термином «пантеизм». основополагающая идея заключается в том, что вселенная это бог, хотя лично мне «бог» представляется не совсем подходящим словом, с ним привыкли связывать слишком уж много совершенно разных понятий. Если ты настаиваешь на религиозном подходе, пожалуй, это ближе всего к древнегреческим представлениям о великом

Пане, таинственном природном божестве, полуживотном, что до паники пугало мужчин и женщин в уединенных местах. В данном случае для меня гораздо более интересен панфеоматизм с его более туманными концепциями: утверждением старика Карла ван Хартмана, что основной реальностью является подсознание, — это очень близко тому, о чем мы говорили в доме насчет вероятности существования более основного пространства, связывающего внутренний и внешний миры, а может, и наводящего мосты с некими более обширными сферами.

Когда он примолк, я услышал слабое шуршание осыпающихся камешков, потом оно почти сразу повторилось, хотя ничего остального из той же серии я не ощутил.

— Но как все это ни назови, — продолжал Франц, — я чувствую: нечто подобное все-таки есть — что-то поменьше, чем бог, но побольше, чем коллективный человеческий разум, — сила, влияние, настроение вещей — нечто большее, чем просто набор элементарных частиц, что обладает сознанием, что выросло вместе со вселенной и что помогает ей оформиться.

Он сделал шаг вперед, так что теперь я различал силуэт его головы на фоне густых звезд, и на мгновение возникла причудливая иллюзия, будто говорят скорее звезды, чем он сам.

— По-моему, такие силы существуют, Гленн. Одним элементарным частицам не под силу создать живые и яркие миры внутри человеческого сознания — что-то должно постоянно тянуть из будущего, равно как и подталкивать из прошлого, чтобы не останавливалось наше продвижение сквозь время, должен иметься потолок разума над жизнью, равно как и пол материи под ней.

И снова, когда примолк его голос, я услышал едва уловимое шипение осыпи — два раза совсем друг за другом, потом еще два. Я с тревогой подумал про склон за домом.

— И если существуют подобные силы, — продолжал Франц, — я уверен, что сегодняшний человек уже достаточно вырос в своем сознании, чтобы суметь войти с ними в контакт безо всяких ритуалов и формулы веры, если они волею случая окажутся у него на пути. Для меня это словно какие-то невидимые спящие звери, Гленн, которые большую часть времени проводят в умиротворенной дремоте, сонно поглядывая на нас прищуренными глазами, но иногда — наверное, когда человек вдруг ощутит их присутствие — полностью открывают глаза и начинают красться следом. И когда человек окончательно созреет, и когда вздумает вдруг отрешиться от суеты и шума человечества, не сознавая, что в них его единственная защита, — тогда они и позволят ему узнать о себе.

Потрескивания струящихся камешков, по-прежнему слабые, чуть ли не иллюзорные, теперь ритмично следовали друг за другом; словно — это пришло мне в голову в то же мгновение — сторожкие шажки, при каждом из которых осыпалось немного земли. Мне показалось, что у нас над головами на миг вспыхнуло призрачно-тусклое сияние.

— Поскольку они, Гленн, — это тот самый страх изумления, про который я говорил в доме, тот самый страх изумления, что существует за пределами любой игры, что шатается по миру невидимым и бьет без предупреждения где только пожелает.

В это самое мгновение тишину разорвал леденящий визг ужаса, донесшийся со стороны мощного двора между домом и подъездной дорож-

кой. В ту же самую секунду все мои мускулы словно пронзило холодом и скрутило судорогой, а грудь сдавило настолько, что на мгновение я почувствовал удушье. Потом я метнулся на крик.

Франц влетел в дом.

Я спрыгнул с края «палубы», чуть не упал, крутнулся на каблучках — и остановился, вдруг разом потеряв представление, что же делать дальше.

В темноте не было видно ни зги. Споткнувшись, я окончательно сбился с направления — в тот момент я не сумел бы сказать, с какой стороны от меня склон, с какой дом, а с какой край обрыва.

Я слышал, как Вики — я считал, что это могла быть только Вики, — тяжело дышит и напряженно всхлипывает, но где — определить не мог, за исключением того, что звуки доносились скорей откуда-то спереди, а не из-за спины.

И тут прямо перед собой я увидел с полдюжины тонких, тесно поставленных стеблей, уходящих куда-то далеко ввысь, оттенок которых я могу описать только как более пронзительную черноту — они так же отличались от общего фона, как густо-черный бархат отличается от густо-черного войлока.

Они были едва различимы и все же чрезвычайно реальны.

Я поднял взгляд вдоль пучка этих почти невидимых, словно черная проволока, тонких стеблей туда, где они заканчивались — очень высоко наверху — плотным сгустком тьмы, казавшимся только пятном на звездной пыли, которую он заслонял, крошечным, как луна.

Черный сгусток качнулся, и последовала быстрая ответная встряска тесно поставленных черных стеблей — хотя, если бы они могли свободно пере-

мещаться у основания, я назвал бы их скорее ногами.

В двадцати футах от меня распахнулась дверь, и через дворик ударил луч ослепительно белого света, выхватив из темноты мозаику булыжника и начало подъездной дорожки.

Франц выскочил из кухонной двери с мощным фонариком.

Все окружающее нас тут же единым прыжком оказалось на своих местах.

Луч метнулся вдоль склона, осветив только голую земляную поверхность, потом назад к краю обрыва. Уткнувшись в то место, где я видел черные стебли, он замер.

Никаких стеблей, ног или нитей видно не было, но Вики, шатаясь, билась там с залепленным темными волосами лицом, которое до неузнаваемости исказила судорога, подняв стиснутые кулаки на уровень плеч — в точности будто она изо всех сил пыталась выломать вертикальные прутья тесной клетки.

В следующий миг натиск ее ослаб, будто то, с чем она боролась, исчезло неведомо куда. Она пошатнулась и слепыми спотыкающимися шагами двинулась к краю обрыва.

Очнувшись от оцепенения, я бросился к ней, схватил ее за руку, когда она уже подступила к самому краю, и наполовину оттащил, наполовину отвернул ее оттуда. Она не сопротивлялась. Ее движение к обрыву было совершенно случайным и к желанию покончить с собой отношения не имело.

Она подняла на меня взгляд, скривив одну мертвенно-бледную щеку, и выдохнула:

— Гленн.

— Быстро в дом! — завопил нам Франц из кухонной двери.

IV

Но третья сестрица, коя еще и младшая!.. Тихо! Шепчите, куда мы говорим о ней! Королевство ее невелико, не то горе было бы всему живому; но в границах сего королевства могущество ее безраздельно. Голова ее, равно как у Сибелли, вздымается башнею почти за пределами человеческого взора. К земле она не склоняется; и от глаз ее, что воздеты столь высоко, можно было бы укрыться благодаря расстоянию. Но глаза сии таковы, что не укроешься от них... Движения сестрицы сей младшей не предугадаешь, словно прыжка тигриного. Ключи ей не потребны; ибо, хоть и редко появляясь промежду людей, бурю врывается она в любую дверь, в кою только пожелает войти. И имя ей Mater Tenebrarum — наша Госпожа Тьмы.

Томас де Каунси. «Suspira de Profundis»

Как только мы проводили Вики в дом, она быстро оправилась от шока и сразу же настояла на том, чтоб рассказать нам обо всем в подробностях. Вела она себя при этом с потрясающей самоуверенностью, живостью и чуть ли не весельем, будто в голове у нее уже захлопнулась некая защитная дверь, наглухо отгородившая ее от абсолютной реальности того, что случилось.

В одном месте она даже сказала:

— Знаете, я по-прежнему не исключаю, что все это вполне могло быть просто сочетанием совершенно незначительных звуковых и зрительных ощущений, слившихся в единый образ под воздействием самовнушения — как в ту ночь, когда я увидела стоящего у стены, едва ли не в футе от моей кровати, самого настоящего грабителя, увидела, несмотря на темноту, так четко и ясно, что смогла бы описать его в мельчайших подробностях — вплоть до фасона усов и прищура левого века... пока в первых проблесках рассвета он не обернулся черным пальто моей соседки по комнате, висящим на плечиках вместе с наброшенным поверх коричневым шарфом.

Читая, сказала она, она начала слышать тихое шуршание осыпающихся камешков, некоторые из которых слабо пощелкивали даже по задней стене дома, и сразу вышла через кухню все это расследовать.

Ощупью продвинувшись на несколько шагов за «фольксваген» к центру двора, она посмотрела в сторону склона и сразу же увидела движущийся по нему какой-то невероятно высокий ажурный силуэт, похожий на «гигантского паука коси-сено», высоченного, как десять деревьев. Вы знаете, о чем я: коси-сено — по большому счету даже не паук, такое совершенно безобидное существо, крошечный, на вид совсем неодушевленный шарик серо-коричневого цвета с восемью длинными суставчатыми ногами-ходулями, тоненькими, как нитки».

Она видела его довольно четко, несмотря на темноту, потому что он был «черный с черным отблеском». Раз он совершенно пропал, когда проезжающий поверху автомобиль повернул на серпантине и свет его фар слабо мазнул где-то по самой вершине склона (это могло быть то самое мимолетное свечение, которое заметил и я), — но как только фары метнулись вбок, огромный черно мерцающий паук на тонких ходулях сразу возник вновь.

Она не испугалась (скорей, испытала изумление и жуткое любопытство), пока эта штукавина не принялась быстро подступать к ней. Мерцающие черные ноги замелькали все ближе и ближе, и вдруг она осознала, что они уже образуют вокруг нее тесную клетку.

Потом, как только она выяснила, что они далеко не так тонки и эфемерны, как ей представлялось, и спиной, лицом и боками ощутила их щеко-чущие, чуть ли не колющие прикосновения, она

резко дернулась, издала тот самый испуганный визг и принялась истерически вырываться.

— Жутко боюсь пауков, — закончила она запросто, — и было чувство, будто меня вот-вот готов втянуть в себя некий черный мозг среди звезд... про черный мозг я подумала уже потом, сама не знаю почему.

Франц некоторое время не произносил ни слова. Потом начал как-то очень тяжеловесно, запинаясь на каждом слове:

— М-да, не думаю, что проявил особый дар предвидения или рассудительность, когда пригласил вас обоих сюда. Скорей наоборот на самом-то деле — даже если тогда и не принимал все это всерьез... Во всяком случае, я чувствую, что сделал большую ошибку. Слушайте, можете прямо сейчас взять «фольксваген»... или я сам вас отвезу... и...

— По-моему, я знаю, на что вы намекаете, мистер Кинцман, и зачем, — проговорила Вики со смешком, вставая, — но лично мне сильных ощущений для одной ночи более чем хватило. У меня нет ровно никакого желания получить добавку, еще пару часов высматривая в свете фар привидений.

Она зевнула.

— Я просто мечтаю свалиться в ту роскошную постель, которую вы мне предоставили, причем ни минуты не откладывая. Франц, Гленн — спокойной вам ночи!

Не проронив больше ни слова, она скрылась в коридоре, вошла в спальню, в дальнюю, и закрыла дверь.

Франц тихим голосом проговорил:

— По-моему, ты понимаешь, Гленн, что я говорил совершенно серьезно. Все-таки это было бы наилучшим выходом.

Я отозвался:

— В голове у Вики уже сработали какие-то защитные механизмы. Если вытащить ее из дома, они опять отключатся. Это может оказаться слишком серьезным ударом.

Франц сказал:

— Наверное, уж лучше такой удар, чем тут действительно чего-то случится.

Я заметил:

— До настоящего момента дом был для нас надежной защитой. За его стены вся эта чертовщина не проникает.

Он напомнил:

— Шорох шагов, который слышала Вики, все-таки проник.

Я сказал, припомнив свое видение космоса:

— Но, Франц, если наши предположения верны и мы действительно столкнулись с нечистой силой, просто глупо рассчитывать на то, что, проехав несколько миль и оказавшись среди ярких огней, мы окажемся в большей безопасности, чем в доме.

Он пожал плечами.

— Как знать, — проговорил он. — А ты сам это видел, Гленн? С фонариком в руках я ничего не заметил.

— В точности, как описывала Вики, — заверил я его и коротко поведал о том, что случилось со мной. — Если все это было только внушение, — добавил я, — то внушение совершенно невероятное.

Я зажмурил глаза и зевнул; внезапно я ощутил полнейшую тупость и пустоту в голове — надо полагать, вполне естественная реакция на случившееся. Я закончил:

— Пока все это происходило и когда мы потом слушали Вики, были моменты, когда мне единственно, чего хотелось — это оказаться опять в старом добром, до боли знакомом мире, где над голо-

вой висит старая добрая водородная бомба и всякая прочая понятная дрянь в этом духе.

— Но при этом разве ты не испытал очарования? — требовательно поинтересовался Франц. — Разве это не поразило тебя страстным желанием узнать больше? — мысль, что ты видишь нечто совершенно невероятное и что тебе дается редкостный шанс действительно понять вселенную — или по крайней мере близко познакомиться с ее неведомыми властителями?

— Не знаю, — отозвался я устало. — Пожалуй, да, в некотором смысле.

— На что эта штукавина действительно похожа, Гленн? — спросил Франц. — Что это за существо? — если вообще можно употребить это слово.

— Не думаю, что можно, — отозвался я. У меня уже почти не оставалось сил для ответа на его вопросы. — Не животное. Даже не разум, в общепринятом смысле. Очень похоже на то, что мы видели на утесе и стене обрыва.

Я сделал отчаянную попытку привести в порядок разбредшиеся от усталости мысли.

— Нечто среднее между действительностью и символом, — сказал я. — Если это что-то может значить.

— Но разве ты не испытал очарования тайны? — повторил Франц.

— Не знаю, — ответил я, с усилием поднимаясь на ноги. — Послушай, Франц, я слишком вымотался, чтобы чего-то соображать и вести подобные разговоры. Жутко хочу спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Гленн, — сказал он, когда я уже направлялся в спальню. И больше ничего.

Когда я уже наполовину разделся, мне пришло в голову, что такая поразительная сонливость могла быть просто защитной реакцией сознания про-

тив разрушительного проникновения в него неведомого, но даже этой мысли оказалось недостаточно, чтобы меня встряхнуть.

Я натянул пижаму и выключил свет. Сразу после этого дверь спальни Вики отворилась, и она показалась на пороге, закутанная в легкий халатик.

Я подумывал и сам к ней заглянуть, но решил, что если она уже спит, то это для нее самое лучшее, и что любая попытка потревожить ее способна нарушить то хрупкое душевное равновесие, которое она обрела, оказавшись в доме.

Но теперь по выражению ее лица, по свету из ее комнаты я понял, что ни о каком подобном равновесии и речи быть не может.

И в тот же самый момент и мой защитный барьер — неестественная сонливость — исчез без следа.

Вики прикрыла за собой дверь. Мы двинулись навстречу друг другу, обнялись и замерли на месте. Потом улеглись бок о бок на кровать под широким окном, в котором поблескивали звезды.

Мы с Вики давно любовники, но тогда в наших объятиях не присутствовало ни грана страсти. Мы были просто двумя пораженными не столько страхом, сколько неким жутковатым благоговением людьми, ищущими душевного уюта и покоя в присутствии друг друга.

Не то чтобы мы могли надеяться действительно защитить или укрыть друг друга от неведомой опасности — то, что довлело над нами, обладало для этого слишком грозным могуществом, — хрупкое чувство покоя дарило лишь чувство, что ты не один, что найдется тот, кто разделит с тобой все, что бы ни случилось.

Мы и не пытались искать временного забвения в любовных утехах, как наверняка поступили бы пе-

ред лицом более физической угрозы — грозящее было для этого слишком сверхъестественным. Впервые тело Вики было красиво для меня в совершенно холодном абстрактном смысле, что имеет не большее отношение к страсти, чем радужные переливы мушиного крыла на просвет, или изгиб древесного ствола, или сверкание заснеженного поля. И все же я продолжал чувствовать, что внутри этой абстрактной оболочки скрывается близкая мне душа.

Мы не сказали друг другу ни слова. Не было простых слов, чтобы выразить большинство овладевших нами мыслей, а порой казалось, что таких слов нет вообще. К тому же мы старались не производить ни малейшего звука, словно укрывшиеся в траве мышки, когда поблизости пофыркивает кот.

Поскольку чувство чего-то нависшего над домом и окрестностями было чрезвычайно сильным. А теперь просочившегося и внутрь самого дома, поскольку все те же знакомые ощущения опять налетали на нас тут же тающими снежинками — запашок и привкус горелого, щекочущие касания невидимых паутинок, низкий гул и пронзительный писк, а потом и шорохи осыпающихся камешков.

И поверх них, переплетенное с ними — гнетущее чувство присутствия затаившейся черноты, связанной со всем космосом тончайшими черными нитями, податливо тянущимися и не способными сдержать неумолимого ее приближения...

Я не думал про Франца, я едва ли думал о том, что случилось в тот день, хотя овладевшей мною тревоге не требовалась помощь памяти...

Мы просто лежали, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на звезды. Минуту за минутой. Час за часом.

Временами мы, должно быть, проваливались в сон — я точно знаю, что засыпал, — хотя лучшим определением этому сну было бы забытие, поскольку он не приносил отдыха измученному телу и душе, а пробуждение было связано с кошмаром медленного осознания причины ползущего по телу ломотного холодка.

Довольно нескоро я заметил, что видны часы в дальнем углу комнаты — наверное, потому, подумал я, что у них светящийся циферблат. Стрелки показывали ровно три. Я осторожно повернул к ним голову Вики, и она кивнула в подтверждение, что тоже их видит.

Только звезды и были тем, что поддерживало в нас рассудок, говорил я себе, в мире, который в любую минуту был готов рассыпаться в прах.

Почти сразу после того, как я заметил часы, звезды начали менять цвет — все до единой. Сначала они приобрели фиолетовый оттенок, который постепенно перешел в синий, потом в зеленый.

В каком-то далеком закоулке моего сознания сверкнуло предположение о некой дымке или пыли, повисших в воздухе, которые и могли вызвать подобную перемену.

Звезды тем временем становились тускло-желтыми, оранжевыми, густо-красными, а потом — словно последние искры, карабкающиеся по закопченной стене дымохода над потухшим очагом, — мигнули и пропали.

У меня промелькнула совершенно сумасшедшая мысль о звездах, разлетевшихся прочь от земли с такой невероятной быстротой, что свечение их вышло за границы видимой красной части спектра.

После этого нам следовало бы оказаться в полной темноте, но вместо этого мы начали видеть друг друга и окружающие предметы, словно обведенные

едва различимым мерцанием. Я решил, что это первый проблеск утра, и полагаю, что Вики тоже так подумала. Мы одновременно посмотрели на часы. Было едва половина пятого. Потом мы опять посмотрели в окно. Оно не было призрачно-бледным, как должно было быть с рассветом, а представляло собой черный как смоль квадрат, обрамленный белым свечением. Вики увидела то же самое, что я мог судить по тому, как она вдруг стиснула мне руку.

Я не смог выдумать ни единого объяснения этому странному свечению. Оно немного походило на свечение циферблата часов, только более бледное и белесое. Но еще больше все это походило на те картины, которые возникают перед глазами в абсолютной темноте, когда беспорядочно мечущиеся белые искорки на поле сетчатки начинают сами собой складываться в знакомые призрачные силуэты — будто эта тьма сетчатки вылилась из наших глаз в реальную комнату и мы видели друг друга и все, что нас окружало, не благодаря свету, а благодаря силе воображения — которая с каждой секундой усиливала ощущение чуда, поскольку тускло мерцающая сцена не собиралась рассеиваться в бестолково бурлящий хаос.

Мы устали на стрелку, которая медленно подползала к пяти. Мысль о том, что снаружи может быть светло и что нечто непонятное отгораживает нас от этого света, в конце концов побудила меня двинуться и заговорить, хотя прежнее чувство близкого присутствия чего-то нечеловеческого и неодушевленного оставалось все столь же сильным.

— Надо попробовать выбраться отсюда, — прошептал я.

Пройдя через спальню, словно мерцающий призрак, Вики открыла дверь. Я помнил, что в ее комнате оставался свет.

За дверью не было даже этого слабого мерцания. Дверной проем был чернильно-черным.

Сейчас мы это исправим, подумал я, и включил лампу возле кровати.

Моя комната тут же погрузилась в кромешную тьму. Я не мог даже разглядеть циферблата. Свет теперь тьма, подумал я. Черное теперь белое.

Я выключил лампу, и свечение вернулось.

Подойдя к замершей в дверях Вики, я шепотом приказал ей выключить свет в ее комнате. Потом я оделся, большей частью нащупывая раскиданную вокруг одежду и не особо доверяясь призрачному свету, в котором окружающее слишком напоминало воображаемую сцену, готовую в любой момент превратиться в вихрь разноцветных точек.

Вики вернулась. Она даже прихватила свою маленькую сумочку. Мысленно я порадовался присутствию духа, о котором говорил этот поступок, но сам не сделал ни малейшей попытки собрать хотя бы самые необходимые вещи.

— У меня в комнате жутко холодно, — прошептала Вики.

Мы выбрались в коридор. Я услышал знакомый звук — жужжание телефонного диска. В гостиной я увидел высокий серебристый силуэт. Мгновением позже я понял, что это фигура Франца, обвещенная призрачным свечением. Я услышал, как он повторяет:

— Алло, девушка. Девушка!

Мы подошли к нему.

Он поглядел на нас, прижав трубку к уху. Потом положил ее обратно на рычаг и обратился к нам:

— Гленн. Вики. Я пытаюсь дозвониться до Эда Мортенсона, чтоб он посмотрел, случилось тут чего со звездами или нет. Но у меня не выходит. Попробуй дозвониться до телефонистки, Гленн.

Он крутнул диск и протянул мне трубку. Я не услышал ни гудка, ни даже потрескивания — только будто тихонько завывал ветер.

— Алло, девушка, — проговорил я. Не последовало ни ответа, ни каких-то перемен, только все то же завывание ветра.

— Подожди, — тихо сказал Франц.

Должно быть, прошло не меньше пяти секунд, когда обратно из трубки мне ответил мой собственный голос, совсем тихий, почти заглушенный одиноким ветром, словно эхо с другого конца вселенной: «Алло, девушка».

Дрожащей рукой я повесил трубку.

— Радио? — спросил я.

— Такие же завывания, — ответил он мне, — по всем диапазонам.

— А мы решили уходить отсюда, — сказал я.

— Наверное, придется, — отозвался он с каким-то неуверенным вздохом. — Я готов. Пошли.

Едва ступив на «палубу» вслед за Францем и Вики, я сразу почувствовал, что ощущение постороннего присутствия заметно окрепло. То, что ему сопутствовало, опять навалилось на нас, только во сто крат сильнее: от привкуса горелого мне чуть не перехватило горло, невидимые паутины хотелось срывать с тела руками, неосязаемый ветер стонал и свистел во всю мощь, призрачные осыпи безостановочно шипели и трещали, будто несущаяся в горном ущелье порожистая река. И все это почти в абсолютной темноте.

Я хотел бегом броситься к гаражу, но Франц подступил к слабо мерцающему поручню. Я присоединился к нему.

Очертания скалистой стены напротив все еще прорисовывались в темноте призрачными белесыми линиями. Но с неба над ней потоком лилась

совершенно чернильная, мертвая тьма — черней самой черноты, подумалось мне, — которая поглощала призрачное свечение повсюду. С каждым мигом белесые очертания все больше тускнели, растворяясь в падающем сверху черном потоке. И вместе с этой чернильной тьмой возник холод, который впился в меня миллионами колющих иголок.

— Смотри, — проговорил Франц, — светает.

— Франц, надо отсюда двигать, — поторопил я.

— Сейчас, — ответил он мягко, протягивая руку назад. — Идите вперед. Заводите машину. Выезжайте на середину двора. Я сейчас подойду.

Вики взяла у него ключи. За руль села она. Свечения еще было достаточно, чтобы разглядеть окружающие предметы, но я доверялся ему еще меньше, чем когда-либо. Вики завела мотор и машинально включила фары. Двор с подъездной дорожкой тут же накрыл веер лучащейся черноты. Она выключила их и продвинула машину на середину двора.

Я оглянулся. Хотя вокруг было черно от ледяных солнечных лучей, в призрачном свете я еще достаточно четко видел Франца. Он стоял там, где мы его оставили, и нагибался вперед, словно во что-то напряженно всматриваясь.

— Франц! — громко позвал я, перекрывая жуткие завывания и усиливающийся рев сыплющихся камней. — Франц!

Там, вырастая откуда-то из глубины каньона, прямо перед Францем, башней громоздясь над ним и чуть наклонившись к нему, маячила огромная фигура, будто сотканная из тончайших нитей мерцающей бархатно-черной черноты — мерцал не призрачный свет, мерцала сама тьма, — которая походила на гигантскую раздувшую капюшон кобру, или прикрывшуюся капюшоном мадонну, или огромную многоножку, или колоссальное первобыт-

ное извятие, или на все это вместе, или ни на что вообще.

Я увидел, как серебристые очертания тела Франца начинают крошиться, превращаясь в беспорядочный вихрь белых крупинок. В тот же самый момент темная фигура качнулась вперед, и вокруг него словно сомкнулись колоссальные пальцы, затянутые в черную шелковую перчатку, или закрывающиеся лепестки огромного черного цветка.

С чувством человека, бросающего первую горсть земли на гроб друга, я хрипло каркнул Вики:

— Поехали!

Свечение уже почти полностью растворилось во тьме — дороги почти не было видно, когда «фольксваген» рванулся с места.

Вики выжимала из машины все возможное.

Треск осыпающихся камней становился все громче и громче, заглушая неосязаемый ветер, заглушая шум мотора. Вскоре он превратился в настоящий гром. Я чувствовал, как под движущимися колесами содрогается земля — эти толчки были ощутимы, даже несмотря на то, что машина подсакивала на ухабах.

Сбоку от каньона перед нами вдруг открылся яркий провал. Мгновение мы неслись словно сквозь напластования густого дыма, потом Вики резко притормозила, мы вывернули на дорогу, и нас чуть не ослепил утренний свет.

Но Вики не остановилась. После поворота она тут же прибавила ходу, и мы помчались дальше по дороге Малого Платанового каньона.

Нигде не было ни единого признака темноты. Гром, который сотрясал землю, затих вдаль.

Там, где дорога резко уходила от вершины склона в сторону, Вики свернула к обочине и остановила машину.

Вокруг нас громоздились горы. Солнце еще не поднялось над ними, но небо было уже ярко-синим.

Мы поглядели вниз вдоль склона. На месте сползшей вниз земли осталась обширная впадина. Ее уже не закрывали облака пыли, хотя пыль еще поднималась откуда-то со дна каньона.

Осевший склон тянулся теперь от нас до самого края обрыва сплошной единой плоскостью, без единого разрыва или бугорка, без единого выдающегося над ровной земляной поверхностью предмета. Абсолютно все унес и похоронил под собой оползень.

Таков был конец Домика-На-Обрыве и Франца Кинцмана.

Леон Спрэг де Камп ВАРВАР — ГЕРОЙ

Поклонение героям — древний обычай. Еще с доисторических времен люди искали героев, реальных или вымышленных, с которыми они могли бы отождествить себя и которым они могли бы поклоняться. В число реальных людей, пользовавшихся таким преклонением, входят такие личности, как Александр Македонский, Наполеон, Гитлер и Джон Ф. Кеннеди. Вымышленные же, например полубоги, вроде Геракла и Сигурда, или смертные со сверхчеловеческими способностями, такие, как Синдбад, Тарзан и Джеймс Бонд. Поклонник, читая о своем идоле, какой-то миг наслаждается, отождествляя себя со своим героем, упиваясь его мощью.

Такое идеализированное создание может быть названо Сверхчеловеком. Этот термин подразумевает скорее представление поклонника о своем идоле. В реальной жизни герои обычно оказываются, при беспристрастном изучении, обладающими своей законной долей изъянов и недостатков.

Хотя представление о Сверхчеловеке восходит к древним временам. Популяризировал этот термин немецкий философ девятнадцатого века Фридрих Ницше (1844—1900). Человек весьма противоречивый, Ницше надеялся, что Сверхчеловек скоро явится, разобьет цепи иудео-христианской «морали

рабов», дисциплинирует народные массы и объединит Европу. Как его создать, он высказывался туманно, за исключением интересного предположения, что скрещивание немецких армейских офицеров с еврейками породит Сверхчеловека.

Иногда вымышленный Сверхчеловек выражает реакцию на ограничения и сложности цивилизации. Возмущение этими ограничениями приводит к идеализации могучего, не испорченного цивилизацией дикаря, героя-варвара с железными мышцами и простой душой (и, добавим от себя, с лицом, не обезображенным интеллектом). В древнем Вавилоне он принимает обличие Энкиду, друга Гильгамеша, в северной Европе — Сигурда, убийцы Фафнира, а в России — богатыря Ильи Муромца.

Данная концепция была усилена работами Жан-Жака Руссо (1712–1778). Критики Руссо называли рисуемый идеал «благородным дикарем», выражение было взято из драмы Джона Драйдена «Завоевание Гранады» (1672). Известно, что сам Руссо не употреблял этого выражения, равно как никогда не знал дикарей.

Тем не менее Руссо писал, что: «Природа создала человека счастливым и добрым, но что общество развращает его и делает несчастным». «Человек», провозглашал он, «по своей природе добр», но цивилизация и ее институты, особенно частная собственность, сделали его злым.

Руссо писал до возникновения научной антропологии, опрокинувшей многие его исходные посыпки. В его время философы строили предположения о «естественном состоянии», предшествующем цивилизации, на аналогиях с книгой «Бытие» и существующими в то время первобытными народами. Европейские мореплаватели открывали острова южных морей и присылали домой приукра-

шенные фантазией описания жизни полинезийцев. Эти описания были восприняты как изображения реальных «благородных дикарей». А литераторы, типа Франсуа Рене де Шатобриана, делали Сверхчеловека из индейцев.

В девятнадцатом веке Льюис Г. Морган, пионер американской антропологии, провел черту между дикарями и варварами. Хотя в его классификацию впоследствии внесли много исключений и оговорок, она по-прежнему остается в силе. Согласно схеме Моргана, дикари — это охотники, рыболовы и собиратели, которые еще не научились выращивать съедобные растения или пасти стада животных. Варвары овладели этой техникой, но еще не создали городов и письменности. Общества с городами, письменностью и арифметикой классифицируются как цивилизации. Однако современные разработчики темы героя-варвара редко утруждают себя такими тонкими различиями.

Поиск несуществующего «естественного состояния», когда все были счастливыми и добрыми, продолжался всю эпоху романтизма и преобладал весь период с 1790 по 1840 годы. Одним из результатов этого поиска стало множество утопических колоний, основанных в девятнадцатом веке в Соединенных Штатах. Этот идеал не умер до сих пор, о чем свидетельствует движение коммун, так называемой контркультуры 60-х годов.

Однако единственные такие колонии, показавшие свою жизнестойкость, принадлежат общинам типа эмишей и хаттеритов. Они, набирая себе членов из среды немецкого крестьянства, сочетали религиозные убеждения, пуританский аскетизм и тягу к труду.

В 1890-х годах это стремление назад — к природе, эта романтическая иллюзия о первобытном

золотом веке проявились в популярных произведениях Джека Лондона и Редьярда Киплинга. Герой Киплинга Маугли — идеальный благородный дикарь. В 17 лет он «казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку, он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его на бок, ухватив за рога».

Персонажи Киплинга — животные, отпускающие замечания о «цивилизованных» людях: «Люди — кровные братья бандарлогов (обезьян)», «кто такой человек, чтобы мы заботились о нем, — голый коричневый землерой, безволосый и беззубый, пожиратель грибов?».

В 1912 году появился самый популярный герой-варвар Тарзан. Его создатель, Эдгар Райс Берроуз, был бухгалтером, ковбоем, учителем, солдатом. Берроуз стал популярен, когда вышли его романы «Принцесса Марса» и «Тарзан — приемный обезьян». Тарзан принес Берроузу состояние, став героем более чем двух десятков книг, бесконечной серии фильмов и комиксов. В то время как Маугли вырастили в Индии волки, Тарзана воспитали в Африке обезьяны неизвестного науке вида. Берроуз рассказывал противоречивые истории о том, где он нашел свою основную идею, то признавая, то отрицая, что он читал «Книгу джунглей» Киплинга. Роман Берроуза демонстрирует романтическую иллюзию простой первобытной добродетели в самом чистом ее виде. Тарзан постоянно сопоставляет пороки цивилизации, ее «жадность, эгоистичность и жестокость», и «слабости, пороки, лицемерие и мелкое тщеславие» цивилизованных лю-

дей «с открытыми первобытными повадками своих свирепых товарищей из джунглей».

Первобытная жизнь в действительности не проста. Неграмотный крестьянин должен держать в голове огромное количество сведений о себе, культивации, сборе и обработке урожая просто для того, чтобы ему хватало еды. И равным образом, истинный дикарь должен быть, на свой лад, весьма образованным человеком. Он должен знать повадки зверей и уметь находить съедобные растения и воду.

Более того, если первобытный человек совершает хоть одну серьезную ошибку, он погибает. Антрополог-исследователь Тур Хейердал с женой пробовали провести год на одном из Маркизских островов. Они были на грани гибели и с радостью вернулись к цивилизации.

После Берроуза ведущей знаменитостью по созданию героя-варвара был американский писатель Роберт Говард, создатель Конана-киммерийца. Конан — герой двух десятков новелл, включая полный роман, не считая добавлений к этой саге, написанной другими авторами. В последнее десятилетие эти произведения были с большим успехом воскрешены, спустя много лет после самоубийства Говарда, и породили множество подражаний.

Конан жил, любил и воевал в вымышленной Говардом Хайборийской эре, 1200 лет назад, между погружением в океан Атлантиды и началом известной нам истории. Гигантский варвар-авантюрист из отсталой Киммерии, Конан пересекает реки крови и одолевает любых врагов, чтобы стать наконец правителем цивилизованной Аквилонии.

Подобно Лондону, Киплингу и Берроузу, Говард идеализировал первобытную жизнь. Когда Конана свергли с трона с помощью колдовства, Говард го-

ворит: «Теперь варварское начало в короле стало более явным, словно при приближении опасности с него спали внешние признаки цивилизации, обнажив первозданное ядро». Конан снова превратился в дикаря. Он вел себя не так, как повел бы себя при тех же условиях цивилизованный человек.

Многие выделяют у варваров такие качества, как их непредсказуемость и свобода от цивилизации. Однако похоже, что большинство варваров привержены условностям своего мира.

В варварских обществах сила обычая должна быть большей, чем в цивилизации, чтобы эти общества могли выживать, поскольку у них нет ни зафиксированных законов, ни полиции, ни судов.

Иногда варвары ведут себя более похоже на литературных героев-авантюристов. Это происходит, когда варварское общество находится в текущем состоянии и варвары либо завоевывают цивилизованную страну, либо их самих завоевывают. В более ранние времена, когда варвары научились секретам цивилизации, а перенаселение или плохая погода заставляли их попотеть, чтобы выжить, из их среды выдвигался способный вождь, и они иногда завоевывали соседнее государство, утверждались в нем как правящий класс. Таких случаев было много, например завоевание Вавилонии касситами, падение Римской Империи в пятом веке; завоевания гуннами, тюрками и монголами разных частей Европы, Ближнего Востока, Индии и Китая. Иногда цивилизованное общество отбивает атаки варваров, как отразила Византия арабов, аваров и славян. Разгром Западной Римской Империи и последующие Темные века породили множество легенд о героях наподобие Артура, Мерлина, Кухулина и Сигурда. Эти легенды находят свое отражение в современной героической фэнте-

зи, которая иногда и прямо основывается на них. Вот когда варвары побеждают, тогда-то они и отбрасывают свои запреты. Опрокинув великую державу, они считают, что теперь им все сойдет с рук. Но они уже вырвались из круговорота варварской жизни и тем самым отказались от своего первобытного общества и не приняли кодекса завоеванных, которых они презирают, потому что победили их.

Поэтому новые варварские властители, возвысившиеся из голодающих пастухов в хозяев великого множества людей, более цивилизованных, чем они, не видят никаких причин, почему бы им не дать выхода своим прихотям и страстям. Уровень жизни в завоеванной стране падает. Правитель-варвар губит все ресурсы, накопленные целыми поколениями цивилизованных народов.

В качестве картины жизни при такой власти, епископ Григорий Турский, между 575 и 594 годами н. э., написал «Историю франков». Это произведение рассказывает историю Галлии за предшествующий век. Так как коренные жители Галлии были католическими христианами, а не арианами или язычниками, его описание показывает меровингскую династию как одну из самых худших династий правителей, какие когда-либо видел мир.

В чем же тогда заключается постоянная привлекательность героя-варвара? Почему читатели любят следить за его приключениями, даже когда знают, что большинство реальных варваров несут смерть и разрушения?

Отличительной чертой завоевателя, принадлежащего к народу иной культуры, является потеря им сдерживающего начала. Поскольку завоеванные отличаются от него, он не может признать в них людей, подобных себе. Он ведет себя как самоуве-

ренный подросток, освободившийся от контроля родителей, но еще не вписавшийся в рамки взрослой жизни.

Вот потому-то многие герои древнего эпоса и современной героической фантазии напоминают несовершеннолетних правонарушителей. В реальном мире такое поведение не дает искомого результата. Варвару-завоевателю всегда грозит смерть от руки какого-нибудь соперника-авантюриста. Так, Теодорих Великий вероломно убил Одоакра, генерала-наемника из германцев, покончившего с Западной Римской Империей.

Мы носим в себе воспоминания о наших эмоциональных реакциях во всех стадиях роста, начиная с самого раннего детства. И среди этих глубоко погребенных воспоминаний есть и память о чувстве раскрепощенности при нашем подростковом освобождении, когда нам сказали: «Ты теперь мужчина; тебе придется решать самостоятельно». Вскоре мы узнали, что это чувство раскрепощенности было, в основном, иллюзией. Мир, наряду с нашими собственными ограничениями и недостатками, скоро втиснул нас в рамки ничуть не менее жесткие, чем те правила, какие вводили наши родители. Но память об этом чувстве по-прежнему жива. Вот потому-то многие и наслаждаются, пусть даже только косвенно, волнением отождествления себя с литературным героем-варваром. И поэтому эта тема будет привлекать читателей еще много лет.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТСРОЧКА. Пер. А. Иванова	5
МУЗА ТЬМЫ. Пер. А. Иванова	61
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. Пер. А. Иванова	125
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ. Пер. Ю. Воробьева	207
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА. Пер. А. Коломейцева	235
СИРЕНА. Пер. А. Коломейцева	275

КОНАН-КЛУБ

Лин Картер	
НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ. Пер. Б. Петрова	327
Лин Картер	
ПРИЕМЫ РЕМЕСЛА. Пер. В. Федорова	358
Фриц Лейбер	
КРУПИНКА ТЕМНОГО ЦАРСТВА. Пер. А. Лисочкина	383
Леон Спрэг де Камп	
ВАРВАР — ГЕРОЙ. Пер. В. Федорова	439

*Литературно-художественное
издание*

Карл Эдвар Вагнер
ВЕТЕР НОЧИ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Александр Тишинин

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Бородулина
Елена Омеляненко

Верстка
Александр Балабанов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 19.08.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 23,5.

Изд. № 115. Заказ № 1994.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Автор знаменитого романа о Конане
«Дорога королей»,
ученик и последователь Роберта Говарда

Карл Эдвард Вагнер

создал удивительную сагу о приключениях
бессмертного воина-колдуна, имя которому —
Кейн.

Только Кейн может завершить победой
кровавую битву, спасти от демона
собственную дочь, добыть корону
Владыки Великанов и помочь поэту
перебраться в мир Музы Тьмы,
где дует леденящий душу

ВЕТЕР НОЧИ